

Е.Б. Баринава

Этнокультурные контакты Китая
с народами Центральной Азии
в древности и средневековье

МОСКВА
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Е.Б. Барина

**Этнокультурные контакты Китая с народами
Центральной Азии
в древности и средневековье**

МОСКВА
2013

Рецензент:
доктор исторических наук С.Н. Абашин

Баринова Е.Б.

Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 419 с.

ISBN 978-5-4211-0083-6

В книге рассмотрены формы, пути и результаты взаимодействия древних и средневековых культур центральноазиатских и китайских народов, которые легли в основу формирования особенностей цивилизаций этих регионов.

Многокомпонентность формирования любой цивилизационной общности, в том числе китайской и центральноазиатской, позволяет показать прозрачность рамок древних культур и дает возможность выделить основные и второстепенные каналы этнокультурных взаимодействий. Для современной науки актуальным становится изучение не только культурных форм, но и причин их исторической устойчивости, а также основных векторов их трансформации.

Книга предназначена для этнологов, историков, антропологов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4211-0083-6

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2013

© Е.Б. Баринова, 2013

© Е.В. Орлова – художественное оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть I. Источники и историография по вопросу этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье	8
Глава 1. Источники	8
Глава 2. Историография	19
2.1. Изучение письменных источников для реконструкции этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии	19
2.2. Изучение антропологических и лингвистических данных для реконструкции этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии	29
2.3. Публикация, интерпретация и исследование археологических материалов этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии до открытия Шелкового пути	36
2.4. Публикация, интерпретация и исследование археологических материалов этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии после открытия Шелкового пути	64
Часть II. Древнейшие контакты на территории Восточной и Центральной Азии (предыстория проблемы)	77
Глава 1. Антропологические свидетельства контактов на территории Восточной и Центральной Азии	77
Глава 2. Этнокультурные контакты в период палеолита и неолита	99
Часть III. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности	109

Часть IV. Формирование и развитие отношений Китая с населением Центральной Азии после начала функционирования Шелкового пути.....	156
Глава 1. Формирование и развитие политических и торгово-экономических отношений Китая с населением Центральной Азии	159
Глава 2. Контакты Китая с Центральной Азией в сфере духовной культуры	199
Глава 3. Особенности отношений Китая с кочевыми народами на северной периферии Империи	210
Часть V. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в средние века	237
Глава 1. Этнокультурные контакты Китая с населением земледельческих оазисов	237
Глава 2. Этнокультурные контакты Китая с кочевыми народами	245
Глава 3. Этнокультурные контакты Китая с населением Южной Сибири	258
Заключение	286
Список сокращений	289
Библиография на западноевропейских языках	295
Библиография на русском языке	348

ВВЕДЕНИЕ

Разработка основных положений теории этноса привлекала за последние годы пристальное внимание исследователей. К 70-м годам XX века сложилось представление, что в основе формирования этноса¹ лежат не только такие признаки, как общность территории, языка и культуры, но и непосредственно условия возникновения и развития этнических общностей. Собственно этнические признаки возникают в процессе развития этнических отношений. Возникновение, развитие и трансформация этнических общностей – это единый общеисторический процесс, составляющий один из важнейших аспектов истории человеческого общества. Для процесса формирования отдельных этнических общностей наиболее важен период, когда совокупность уже сложившихся этносов в результате взаимных контактов начинает претерпевать качественные изменения своей этнической специфики. Для древних культур² этот процесс наиболее ярко проявляется в материальной культуре.

Одна из главных функций материальной культуры – удовлетворение потребностей человека в одежде, пище, жилище и т.д., способствует непрерывному обогащению культуры как за счет совершенствования уже существующих ее элементов, так и путем заимствования извне. Напротив, этноразделительная функция материальной культуры обнаруживает тенденцию к консервативности, так как сама ее сущность требует преемственности некогда сложившейся традиции. Это противоречие обнаруживается всякий раз, когда возникает потребность в заимствовании того или иного элемента материальной культуры, относящегося к этнически чуждому комплексу. Любой сформировавшийся этнос постоянно усваивает те элементы культуры, которые представляются ему нейтральными, и активно сопротивляется заимст-

---

¹ Этнос – исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства. См.: *Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / послесл. Н.Я. Бромлей. Изд. 2-е доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.*

² Культура – исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

вованию черт, рассматриваемых им как этнически значимые. Это означает, что этническое самосознание оказывает воздействие на сам механизм заимствования культурных достижений соседей.

В исследовании собраны материалы по периодам древности и средневековья, которые освещены разными средствами. Периоды древности реконструируются, прежде всего, на основе археологических материалов. В значительной степени археологические данные важны и для характеристики более поздних периодов, которые в той или иной степени отражены в письменных источниках. В этом случае археологические материалы позволяют подтвердить сведения этих источников и акцентировать внимание на наиболее важных процессах этнокультурных контактов населения Центральной Азии и Китая. Однако сам по себе археологический материал, не увязанный с надежными и достоверными проявлениями этнической культуры, не может служить этническим индикатором. Археологические данные могут характеризовать этнос только через своеобразие материальных памятников, оставленных населением определенной эпохи на конкретной территории. При интерпретации археологических объектов возможно выявление параллелей, которые могут быть увязаны со специфическими проявлениями культуры исторически известных этносов.

Современное определение территории Центральной Азии базируется на его климатических особенностях³, а сам регион включает Монголию, Западный Китай, Тибет, Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан⁴.

Современное расширенное понимание границ региона Центральной Азии неизбежно требует выделения в его составе нескольких субрегионов по культурно-историческим (цивилизационным⁵) признакам. В

---

³ UNESCO History of Civilizations of Central Asia / Eds. A.H. Dani and V.M. Masson. Paris: UNESCO, 1992. URL: http://www.unesco.org/culture/asia/html_eng/ouvrages.htm.

⁴ В тех случаях, когда приводятся цитаты советских исследователей бывшие республики будут обозначается как Средняя Азия.

⁵ Цивилизация – локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающихся по законам витальных циклов. См.: *Пономарев М.В.*,

качестве одного из таких субрегионов можно считать район Среднеазиатского междуречья, Монголии и Южной Сибири, который вобрал в себя две составляющие – цивилизацию оседлых земледельцев и цивилизации кочевников евразийских степей и пустынь. А со времени функционирования Великого Шелкового пути, он являлся своеобразным мостом между Востоком и Западом⁶. Такое местоположение предполагает возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

В ходе данного исследования под народами центральноазиатского региона мы будем понимать древнее и средневековое население территорий Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Монголии и Южной Сибири.

Хронологические рамки исследования охватывают период от конца 3 тыс. до н.э. до начала XIII в. Согласно древнекитайской историко-литературной традиции, первой наследственной династией правителей Китая была династия Ся (Xià cháo, XXI–XVI вв. до н.э.). Предание о династии Ся, отражает, возможно, создание какого-то раннего объединения протокитайских племен одним из них – «ся» – и начало передачи власти его вождям по наследству. Официально считается, что при династии Ся начался бронзовый век Китая. С этого времени, можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования цивилизаций Китая и Центральной Азии или явно выявить черты взаимовлияний.

Мы ограничиваем временные рамки исследования началом XIII в., когда большая часть Китая и Центральной Азии была завоевана монгольскими народами и вопрос этнокультурных контактов перешел в другую плоскость.

Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений: В 3 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. Т. 1.

⁶ Под терминами «Запад», «Западный мир» и «Западные цивилизации» в данной работе рассматриваются территории и государства, расположенные к западу от Китая.

Часть I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ВОПРОСУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ КИТАЯ С НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 1. Источники

Основными источниками для изучения формирования этнокультурных особенностей древних народов являются нарративные документы и материалы археологических исследований⁷.

Сведения, касающиеся отношений западных цивилизаций со Среднекитайской равниной, содержатся в памятниках письменности почти всех периодов китайской истории. Древние письменные памятники Китая могут быть разделены на несколько групп, отличающихся характером содержащихся в них исторических свидетельств.

Первая группа китайских источников – это синхронные исторические источники. Она включает древнейшие летописи и записи речей правителей «Чуньюн», «Шаншу», «Цзочжуань» и др.⁸ Из официальных источников наиболее известны китайские династийные истории. Во-первых, они наиболее близки к описываемым в них событиям и ситуациям по времени создания. Во-вторых, в большинстве династийных историй выявлены особые разделы, посвященные соседним с Китаем государствам и народам. Внутри этих разделов имеются подразделы, уже конкретно описывающие положение в той или иной стране, у того или иного народа⁹.

---

⁷ В пределах XVIII–XIX вв. исторические источники были связаны исключительно с нарративной традицией тех народов, которые использовали и сохранили письменную культуру. В XX в. и, тем более, в XXI в., в состав исторических источников активно включаются материалы, обнаруживаемые в процессе полевых археологических работ. Более того, археологический факт может стать самостоятельным историческим источником при последовательной процедуре интерпретации.

⁸ Перечисление письменных источников см.: *Баринаева Е.Б.* Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. Табл. 1, 2.

⁹ Во всех указанных исторических сочинениях, начиная с «Шицзи», содержатся сведения о Центральной Азии. Более того, во всех династийных историях традиционно выделялась отдельная глава для «сообщений о Западном

Также в эту группу источников можно включить сообщения путешественников. Например, Чжан Цянь (ум. в 114 г. до н.э.) – китайский путешественник и дипломат, которому мы обязаны большей частью сведений о народах, населявших Центральную Азию во II в. до н.э., после возвращения из путешествий должен был обобщить и систематизировать свои впечатления, чтобы предоставить их в виде доклада императору. Его сведения легли в основу многих исторических произведений древности¹⁰. Отдельные важные сведения содержатся в путевых записках других китайских путешественников. Пэй Цзюй, который был послан в начале VII в. на северо-запад с поручением расширить дипломатические и торговые связи с Западным краем¹¹ и разузнать

крае», в которой рассказывалось о центральноазиатских странах и народах. В частности в них упоминаются Большие Юэчжи (тохары, а впоследствии и основанное ими Кушанское царство), Дася (Бактрия), Тухоло (Тохаристан), Давань (Фергана), Кангюй, Иеда и Идань (эфталиты), тюрки и т.д. См.: Гусакоев В.В. Центрально-азиатская политика Китая в эпоху династии Хань // Вопросы истории Кыргызстана, 2008. № 2. С. 44–50.

¹⁰ Например, Сыма Цянь, составляя главу о Давани в «Шицзи» (II–I вв. до н.э.), по-видимому, полностью следует изложению Чжан Цяня. Наряду с описанием конкретных особенностей посещенных Чжан Цянем стран и быта их населения Сыма Цянь вводит типологическую категорию «тун» (тождество), позволяющую ему группировать выделенные объекты. При этом в качестве главного критерия установления сходства между странами Западного края историк принимает «су» (обычай). «Усунь, – пишет, например, Сыма Цянь, – находится к северо-востоку от Давани на расстоянии примерно двух тысяч ли. Это кочевое государство, там занимаются скотоводством, обычаи – такие же, что и у сюнну... Канцзюй находится на северо-западе от Давани на расстоянии примерно двух тысяч ли. Это кочевое государство, и обычаи там в основном такие же, как и у юэчжи» и т.д. Цит. по: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. С. 251. Большую ценность «Исторические записки» представляют для изучения политического строя сюнну. Эта работа содержит главные сведения по организации сюннуского общества. Другие авторы либо повторяют, либо дополняют картину отдельными деталями. См.: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 2. М.: Наука, 1973. С. 4.

¹¹ В большинстве исторических сочинений, начиная с «Шицзи», содержались сведения о Центральной Азии. Более того, во всех династийных историях традиционно выделялась отдельная глава для «сообщений о Западном

побольше о его странах, составил подробное описание этих стран и ведущих к ним путей в «Записках и картах Западных земель», которые впоследствии были утеряны, но сохранились в выдержках из его жизнеописания в династийной «Истории Суй»¹².

Вторая группа китайских источников создана авторами, которые не были непосредственными участниками событий, но использовали первоначальные источники при написании своих сочинений. Древнекитайская историографическая традиция сформировалась на базе «Шуцзина», «Цзочжуань», «Чуньцю», «Чжушу цзинянь», «Гоюя» и др. Хотя в этих произведениях дается обобщенная картина жизни страны, однако объективная историческая традиция смыкается с мифологической¹³.

крае». В одних случаях подразумевалась территория Восточного Туркестана, в других – не только этот регион, но также Центральная Азия и государства, расположенные к западу от нее.

¹² *Jäger F. Leben und Werk des P'ei Kü // OZ. 1922–1923. P. 81–115, 216–231; Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М.: Наука – Вост. лит., 1994. С. 253.*

¹³ Бань Гу, автор «Ханьшу» (нач. II в.), при написании своей книги широко пользовался данными Сыма Цяня, хотя они зачастую получали у него иное освещение. См.: *Синицын Е.П. Бань Гу – историк древнего Китая. М.: Наука, 1975. С. 39.* Так дело обстояло с изложением сведений об иноземных государствах и народах. В главе, посвященной Западному краю, Бань Гу формулирует свой подход к изложению материала. Всю совокупность объектов он выделил по принципу «непохожести», но сами по себе эти объекты он анализирует затем посредством установления черт общности хозяйственных и бытовых особенностей народов Запада.

У автора V в. Фань Е в «Хоуханьшу» характеристика стран и народов, граничивших со Срединной империей, во многом отличается от того, что мы видим у Бань Гу. Во-первых, он более детально подходит к описанию особенностей Запада, во-вторых, он вводит термины, обозначающие частичное сходство или отличие. Важнейшими критериями сравнительной характеристики иных стран и народов Фань Е считал обычаи, язык, пищу и одежду.

Отметив необычность внешности жителей Западного края, ни Сыма Цянь, ни Бань Гу еще не подозревали, по-видимому, что эта особенность может служить критерием для дифференциации групп населения соседних с Китаем территорий. Лишь у Чэнь Шоу, а затем у Фань Е физический тип населения впервые начинает фигурировать в числе типологических признаков, позво-

Отдельные элементы истории могли восходить к поздненеолитической эпохе, но объективно выявить их в первоначальной нарративной историографии пока не представляется возможным¹⁴. Для ранних письменных памятников Китая на данный момент наиболее надежные свидетельства могут быть установлены не ранее хронологии периода Шань-Инь. Однако, как и в большинстве древних письменных источников, в этих описаниях много повторений данных, содержащихся в более ранних сочинениях того же рода, и не всегда ясна датировка.

Третья группа источников китайских авторов – сочинения философов и религиозных деятелей. Их авторы не ставили перед собой задачу систематического изложения исторических событий. Однако, рассматривая философские и религиозные вопросы, авторы произведений обращались за примерами к реальным историческим событиям¹⁵. Например, для изучения комплекса проблем, связанных с распространением буддизма в Китае, большое значение имеют сочинения ранних буддийских проповедников. Они были собраны и переведены на французский язык Хуэй Цзяо в работе 1968 г. «Жизнеописания выдающихся монахов»¹⁶.

ляющих установить черты сходства и различий между отдельными чужеземными странами.

Автор «Цзиньшу» сер. VII в. Фан Сюанлин также уделяет внимание внешнему облику соседних народов. Он впервые фиксирует существование еще одного типа, резко отличающегося как от древних китайцев, так и от населения Западного края.

¹⁴ *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. С. 53.

¹⁵ *Behr W.* Three Sound-Related Text Structuring Devices in Pre-Qin Philosophical Prose // *BJOAF*. 2005. Vol. 29. P. 15–33; *Bloom I.* Mencius. Translations from the Asian Classics / ed. P.J. Ivanhoe. New York: Columbia University Press, 2009.

¹⁶ *Houei-kiao.* Biographies des Moines eminents. Louvian: Institut orientaliste, Bibliotheque de l'Universite, 1968.

Античные¹⁷, византийские¹⁸, арабские¹⁹ и персидские²⁰ источники по вопросу древних контактов Китая с населением окружающих территорий сопоставимы по важности с китайскими текстами²¹. Возникновение в VII в. ислама и последовавшие затем завоевательные походы привели к тому, что в VIII в. арабский мир достиг границ Китая. В частности, в 713 г. в Чанъани, столице Тан, появилось первое посольство Халифата, а в 751 г. произошло непосредственное столкновение двух империй – известное сражение у реки Талас (крайний запад Киргизии), проигранное китайцами. Таким образом, начиная с VIII в. были уста-

---

¹⁷ *Plinii Secundi C. Naturalis Historiae Libri XXXVII* / ed. Carolus Wayhoff. Lipsiae, 1897–1902; *Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря* / пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 2. С. 264–281; *Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия* (текст, перевод, примечания), Душанбе: Дониш, 1975.

¹⁸ Византийские историки Дексип, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. Г. Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860.

¹⁹ *Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.)* // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М.: Наука, 1966. С. 194–201; *Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье*. Баку: Элм, 1993.

²⁰ *Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX–X веках* // Тр. Отдела Востока [Государственного Эрмитажа]. Т. IV. Л.: ГЭ, 1947. С. 423–443; *Кадьырбаев А.Ш. «Мусульманские» языки и мусульмане в культуре и науке Китая XIII–XIV вв. (по материалам китайских династийных историй)* // Восточный архив. № 8–9. М., 2002. С. 30–41.

²¹ Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы / пер. И.Т. Зограф. М.: Восточная литература, 1962; Чжао Хун Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») // Памятники письменности Востока / пер. с кит., пред., введ., коммент., прил. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975; *Малаякин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования*. Новосибирск: Наука, 1989; Простонародные рассказы, изданные в столице (изин бэнь тунсу сяшо). Сер. Памятники культуры Востока. Вып. VI / пер. с кит., предисл., прим. И.Т. Зограф. Стихи в пер. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995; *Leslie D.D., Gardiner K.H.J. The Roman Empire in Chinese Sources. Studi Orientali 15*. Rome: Bardi, 1996; Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников II в. до н.э. – XVIII в.). Т. 2 / отв. ред. К. Джусаев; сост.: К. Джусаев, А. Мокеев, Д. Сапаралиев. Бишкек: Илим, 2003.

новлены довольно тесные связи между западом и востоком Азии. В этом процессе, помимо дипломатов, военных и купцов, участвовали и ученые. В разное время в Китае побывали (или ознакомились с ним косвенно): Ибн-Вахб (2 пол. IX в.), Ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 912), Абу Зайд Ас-Сирафи (? – 979), Абу Са'ид Гардизи (XI в.), ал-Идриси (1099–1166) и др.²² Среди арабских сочинений, посвященных различного рода торговым путям и поездкам для установления дипломатических отношений, существует большое число работ IX–X вв., содержащих непосредственные сведения о самом ходе путешествия и некоторые подробности о посещаемых путешественником странах. Наиболее содержательны в этом отношении записки Абу-Дулафа²³, Салламы ибн-Тарджумана²⁴, Тамима ибн-Бахра²⁵, Ибн-Фадлана²⁶. В 1310 году появляется письмо перса – Рашид ад-Дина, закончившее его «Мировую историю». В этой книге можно было найти большое количество информации о Китае²⁷.

---

²² *Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай* / под ред. проф. В.И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 197.

²³ *Кожин П.М.* Арабский путешественник Абу Дулаф об этнокультурных контактах в Центральной Азии в середине X в. // 6-й конгресс этнографов и антропологов в России: тезисы. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 214; *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия ... С. 313;

²⁴ *Goeje M. J.de.* De Muur van Gog en Magog. Amsterdam, 1888.

²⁵ *Minorsky V.F.* Tamim ibn Bahr's Journey to the uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.* 1948. Vol. 12. P. 2. P. 275–305.

²⁶ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / ред. ак. И.Ю. Крачковского. Пер. и коммент. А.П. Ковалевского. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1939; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы, комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета им. А.М.Горького, 1956; *Измайлов И.Л.* Проповедник на краю ойкумены. Ахмед Ибн-Фадлан и его путешествие на Волгу // *Мусульмане*, 1999. №1(2). Январь-февраль. С. 28–32; *Большаков О.Г.* Уточнения к переводу «Записки» Ибн-Фадлана // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 г. Памяти А.П. Новосельцева / отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 54–63.

²⁷ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I–III. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1952–1960; *Рашид ад-Дин.* Переписка / пер. с перс., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М.: Наука. 1971.

Одними из первых, кто принес сведения о Китае в Европу, были Плато Карпини²⁸ и Гильом де Рубрук²⁹. Сочинение Плато Карпини явилось первым оригинальным европейским произведением о тех областях Азии, о которых до него вообще не было достоверных сведений³⁰.

Заметное место среди источников по этнической истории китайцев VII–XIII вв. занимают записки путешественников-иностранцев, побывавших в Китае (наибольшей известностью пользуются путевые заметки венецианца Марко Поло, жившего в Китае уже после падения династии Сун³¹. В отличие от Карпини и Рубрука, цель миссии которых заключалась в том, чтобы установить дипломатические отношения с Китаем, у Марко Поло была иная цель – коммерческая. В своей книге Марко Поло кратко обрисовывает историческую ситуацию, которая сложилась в Китае к концу XIII в. В Среднем государстве к этому времени правила монгольская династия Юань. Марко Поло проводит четкую грань между китайцами и монголами.

Важными источниками по контактам являются памятники тюркской орхон-енисейской письменности³², согдийские³³, тохарские³⁴, тангутские³⁵ и прочие тексты в культурных центрах Центральной Азии.

---

²⁸ *Джиованни дель Плато Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. С. 23–83.*

²⁹ Там же. С. 88–192.

³⁰ *Свентославский В.* Сведения о Центральной Азии в отчетах посланников папы римского Иннокентия IV к хану монголов в 1245–1247 гг. // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 298–303.*

³¹ *Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И.П. Минаева. Ред., вступит. ст. И.П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955; Марко Поло. Книга о разнообразии мира / предисл. Х.Л. Борхеса. Пер. со старофранц. И. Минаева. СПб.: Амфора, 1999.*

³² *Васильев В.П.* Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошоджайде и Карабалгасуне // *Сборник Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Вып. III. С. 1–36; Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951; *Он же.* Памятники

Наряду с нарративными письменными источниками большое значение для изучения истории контактов Китая с народами Центральной Азии имеет эпиграфика. Иньские гадательные надписи (XIV–XI вв. до н.э.)³⁶ и чжоуские тексты на бронзовых ритуальных сосудах (XI–VI вв. до н.э.) содержат материал, на основе которого оказывается возможным проследить возникновение древнейших форм контактов. Среди эпиграфических памятников III в. до н.э. – III в. н.э. наибольшую ценность представляют тексты на бамбуковых пластинках, найденные в 1927–1934 г. близ Цзюйяня (Внутренняя Монголия). Этот архив казенных и частных документов, насчитывающий более 10 000 фрагментов, датируется 102 г. до н.э. – 98 г. н.э.³⁷. В конце 1960-х – начале 1970-х

древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1959; *Васильев Д.Д.* Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы конф. к 70-летию А.Д. Грача.* СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 225–231; *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003; *Он же.* Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // *Тр. Ин-та истории мировой культуры.* Вып. 3. Бишкек; Лейпциг: Илим, 2003. С. 18–21; *Он же.* Древнетюркские рунические памятники как исторический источник ... С. 109–111; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии (Серия «Восток: Общество, культура, религия»). СПб.: Наука, 2006.

³³ *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья (Серия: «Азиатика»). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008.

³⁴ *Иванов В.В.* Функции «тохарских» языков и «тохарской» литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-«тохарских» контактов // *Центральная Азия и Тибет: Материалы к конф.* Новосибирск: Наука, 1973. С. 168–171.

³⁵ *Невский Н.А.* Тангутская письменность и ее фонды // *Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 64–65; *Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин)* // *Памятники письменности Востока IV / пред., слов., указ.* В.С. Колоколов, Е.И. Кычанов, М.: Наука, 1966.

³⁶ *Chou Hung-hsiang.* Chinese Oracle Bones // *Scientific American.* 1979. Vol. 240. P. 134–349; *Cook C.A.* From Bone to Bamboo: Number Sets and Mortuary Ritual // *JOS.* 2006. Vol. 41. № 1. P. 1–40; *Park H.* Linguistic Approaches to Reading Excavated Manuscripts // *AS.* 2009. Vol. 63. № 4. P. 857–887.

³⁷ *Loewe M.* Records of Han Administration. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1967; *Ikeda Tomohisa.* Bibliography of Books and Articles on the

годов были сделаны новые важные находки эпиграфических памятников – не только ханьских, но и циньских. На шелке и пластинках из Чанша представлены не только древние рукописи и карты начала II в. до н.э.³⁸. Для более позднего времени важными эпиграфическими источниками являются документы, обнаруженные в Дуньхуане в начале XX в.³⁹, фрески и рельефы, характерные для погребений некоторых соседних с китайцами народов – киданей, чжурчжэней, тангутов и т.д.⁴⁰

Важным источником для понимания единства культур Центральной Азии и Северного Китая в древности стали наскальные изображения. Последовательное научное исследование петроглифов в регионе началось в 1970-х годах. Это, прежде всего, касалось петроглифов Горного Алтая, расположенного на территории России, Казахстана и Монголии. Только на территории Республики Горный Алтай (на территории России) к 1990-м годам удалось собрать и проанализировать информацию с более чем 200 памятников наскального искусства⁴¹. За последние годы новые наскальные изображения открыты в ранее не известных местах Алтая у с. Озерное, на Укоке и др.⁴². Появилось несколько монографий, тематических сборников, публикаций материалов

Ch'u Bamboo Strips from Kuo-tien // *AcA*. 2001. Vol. 80. P. 72–88; Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М.: Восточная литература, 2005.

³⁸ *Giele E.* Using Early Chinese Manuscripts as Historical Source Materials // *MS*. 2003. Vol. 51. P. 409–438; *Chen Mengjia.* An Introduction to Chinese Palaeography // *Zhongguo wenzi xue Chen Mengjia zhuzuo ji*. Beijing: Zhonghua, 2006. P. 259–395.

³⁹ Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1 // изд. текстов, пер. с кит., исслед. и прилож. Л.И. Чугуевского. М.: Наука. 1983.

⁴⁰ *Giele E.* Using Early Chinese Manuscripts as Historical Source Materials ...

⁴¹ *Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.* Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1980; *Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1992.

⁴² *Черемисин Д.В.* Наскальные изображения Джурамала (Горный Алтай) // Древнее искусство Азии. Вып. 1. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 75–81; *Кубарев В.Д.* О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 88–97; *Молодин В.И., Черемисин Д.В.* Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999.

и статей по наскальному искусству Горного Алтая. Также много наскальных изображений было открыто и исследовано в Монгольском Алтае⁴³, на территории Казахстана в Западном Алтае⁴⁴.

Что же касается части Алтая, расположенной на территории Китая, то исследования этого района начались гораздо позже. Работы 80-х гг. XX в. носили, в основном, информативный характер или касались частных вопросов⁴⁵. Сейчас такие исследования ведет Лю Чиньянь⁴⁶. В результате исследований комплексов петроглифов на всей территории Горного Алтая, стало очевидным, что в периоды палеометаллической эпохи и раннего железного века изобразительные сюжеты и манера исполнения не отличаются. Более того, искусство алтайской наскальной живописи имеет сходство по стилю и сюжетам с наскальным искусством на территории других районов КНР, таких как горы Иньшань во Внутренней Монголии и Хэланьшань в Нинься-Хуэйском автономной районе⁴⁷. В то время как поздние рисунки, выполненные в

---

⁴³ *Окладников А.П.* Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981; *Новгородова А.Э.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984; *Кубарев В.Д., Цзвэндорж Д., Якобсон Е.* Новые петроглифы монгольского Алтая // Наскальное искусство Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 20–23; *Jacobson E., Kubarev V., Tsevendorj P.* Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. T. V. Paris: De Boccard, 2001.

⁴⁴ *Кадьирбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977; *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Изд-во Өнер, 1985; *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992.

⁴⁵ *Ларичев В.Е.* Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии, в Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения – 1984. Материалы конф. Новосибирск: изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 149–167; *Худяков Ю.С.* Изображения воинов на петроглифах Синьцзяна // Древнее искусство Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 109–114.

⁴⁶ *Лю Чиньянь.* Наскальное искусство Китайского Алтая как материализованный элемент древней духовной культуры. Дис. ... канд. искусствоведения. Кемерово, 2002.

⁴⁷ Общность прослеживается в технике нанесения изображений путем выбивки, стиле и манере художественной передачи образов, сочетающей реализм, с подчеркиванием особенностей животных и условность изображения и в сюжетах.

согдийской манере характерны для районов Горного Алтая, но уже не прослеживаются на других территориях.

Конечно, сходство на ранних этапах может являться проявлением традиционного уклада жизни в сходных условиях, но также может быть отражением этнополитической ситуации в регионе.

Историю этнокультурных контактов народов Центральной и Восточной Азии до появления письменных свидетельств возможно реконструировать только на основе археологических данных и интерпретации находок с древних памятников. Изучая материальные остатки жизнедеятельности людей, археология предоставляет исследователю этногенеза данные, характеризующие культуру тех или иных древних человеческих коллективов. Однако проблема критериев для выделения этнических общностей на археологическом материале еще не может считаться решенной в полном объеме⁴⁸.

Что касается археологических источников, то они многочисленны. Это, прежде всего, полные научные публикации археологических исследований наиболее важных памятников, которые могут служить основой для исследовательской работы, соответствующие альбомы находок и т.п. Помимо этого в качестве источников важны отчеты и сообщения об осмотре и раскопках археологических памятников в интересующем нас регионе или публикации отдельных находок. Однако многие памятники не являются по-настоящему исследованными, а публикации не редко содержат лишь краткий перечень основных находок, с минимальными описаниями, а часто и без них. Этим объясняется неравномерность в изложении археологического материала в нашем исследовании. Не имея возможности дать собственную характеристику отдельным предметам (нет данных о месте их регистрации и хранения), но, не считая себя в праве пренебречь ими, мы сочли необходимым привести то упоминание или описание артефакта, которое дается в публикации.

---

⁴⁸ *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // *СА.* 1964. № 4. С. 3–10; *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // *СА.* 1970. № 2. С. 18–36; *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры // *СА.* 1970. № 2. С. 37–51.

Глава 2. Историография

С темой нашего исследования связан широкий круг вопросов, рассмотрению которых посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов. Ввиду их многочисленности ниже мы остановимся на краткой характеристике тех направлений исследований, которые послужили основанием данной работы, а также отметим те освещенные в них вопросы, которые представляются наиболее важными.

Весь комплекс историографической литературы можно сгруппировать по основным направлениям исследований. Прежде всего, это перевод, изучение и комментирование письменных источников как китайских, так и западных. Во-вторых, это антропологические исследования, касающиеся физиологических доказательств этнических контактов населения Восточной и Центральной Азии в древности. В-третьих, это лингвистические исследования древних этнокультурных контактов. В-четвертых, это публикации и интерпретации археологических свидетельств этнокультурных контактов до начала функционирования Шелкового пути. И, наконец, это литература, посвященная обобщению и анализу всего комплекса данных по вопросу этнокультурных контактов населения Центральной Азии с Китаем после открытия Шелковой дороги.

2.1. Изучение письменных источников для реконструкции этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии

Что касается изучения китайских письменных источников, то в силу их важности для востоковедов и историков почти все они переводились на русский и западноевропейские языки⁴⁹.

---

⁴⁹ Сводку переводов китайских источников на западноевропейские и русский языки см.: *Баринаева Е.Б.* Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 211–217. Табл. 1.

Одним из первых⁵⁰ в мировой науке в середине XIX в. Н.Я. Бичурин (Иакинф) дал сводку переводов данных из китайских источников, где помимо прочей информации содержатся известия о внешних связях Китая и по описанию народов Запада и Севера⁵¹. Его переводы основных китайских источников «Цяньханьшу» («История ранней династии Хань»), «Хоуханьшу» («История поздней династии Хань»), «Вэйшу» («История династии Вэй»), «Суйшу» («История суйской династии»), «Таншу» («История династии Тан») и др., по мнению Л.И. Думана, выполнены значительно лучше, чем авторами XVIII в., например, Ж. Дегинем⁵² или К. Висделу⁵³, которые давали лишь их пересказ. К XIX в. относятся переводы китайских источников С. Жюльеном и Э. Шаванном. Первый, собрал и прокомментировал содержащиеся в китайских хрониках сведения о тюрках с середины VI до X в.⁵⁴. Э. Шаванн издал переводы сообщений о Западном крае, составил полный каталог сведений китайских источниках о западных тюрках, перевел китайские документы, найденные А. Стейном и др.⁵⁵

Указывая на точность свидетельств китайских историографов и их большие возможности в сборе и систематизации фактов по сравнению

---

⁵⁰ Основателем китаеведческой школы считается архимандрит Палладий (Пётр Иванович Кафаров), который был начальником 13-й Русской православной миссии в Пекине.

⁵¹ *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 ч. СПб, 1851.*

⁵² *Guignes J. de Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, etc. avant et depuis Jesus Christ jusqu'a present. 4 t. en 5 vol. P.: Chez Desaint et Saillant, 1756–1758.*

⁵³ *Visdelou C. Histoire abrégée de la Tartarie // Bibliothèque Orientale. MDCCLXXIX. P.: A La Haye aux dépens de J. Neaulme & N. van Daalen, 1779. P. 296–366.*

⁵⁴ *Julien S. Documents historiques des Tou-kioués (Turcs). Trauits du Chinois // JA. 1864. 6-ème série: I. P. 200–242; Ibid. Documents historiques des Tou-kioués (Turcs). Trauits du Chinois // JA. 1864. 6-ème série: IV. P. 391–430; Ibid. Documents historiques des Tou-kioués (Turcs). Trauits du Chinois // JA. 1864. 6-ème série: V. P. 453–477.*

⁵⁵ *Chavannes E. Documents sur les Tou-kieu (turks) occidentaux // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903; Ibid. Notes additionnelles sur les Toukioues occidentaux // TP. Sér. 2. Vol 3. 1904. №1; Ibid. Mission archéologique dans la Chine septentrionale. 2 vols. P.: Ernest Leroux, 1913–1915; Ibid. Les pays d'Occident d'après le Wei-lïo // TP. Sér. 2. Vol. VII. 1905. P. 522–526.*

с их предшественниками и современниками-историками античного мира, а также предлагая непосредственный материал для систематического сравнения античных и китайских свидетельств, Н.Я. Бичурин на основе выявленных материалов, сопоставимых в географическом и в историческом аспектах, создал фон, на котором исследователи уточняют отдельные детали общей исторической картины. Попытки обработать исторический материал целиком, в тех же хронологических и этнографических пределах, какие избрал Н.Я. Бичурин, пока не привели к значительной переоценке общей картины исторического развития. В «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданном в 1851 г. И переизданном через сто лет⁵⁶, основной задачей Н.Я. Бичурина было создание достоверного исторического, историко-этнографического и историко-географического обзора части территории азиатского материка на период со II в. до н.э. по IX в. н.э. Повторные переводы некоторых произведений, переведенных Н.Я. Бичуриным, были предприняты в середине XX в. отечественными востоковедами⁵⁷. Сложным моментом при переводе и комментировании этих текстов была правильная унификация географических и этнографических названий. Особенно эта сложность проявилась при сопоставлении текстов источников не китайских авторов (монгольских, персидских, арабских и турецких). Поэтому большое значение для интерпретации сведений древних авторов имеют археологические исследования.

Определению значения взаимодействия Востока и Запада для духовного и материального прогресса в древности посвятил свои исследования В.П. Васильев. В 1859 г. был опубликован его труд «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII веков»⁵⁸. В этой работе В.П. Васильев, продолжая труд Н.Я. Бичурина, демонстрирует свой подход к изучению средневекового прошлого народов сопредель-

---

⁵⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1950–1953.

⁵⁷ Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 1. М.: Наука, 1968; Вып. 2. М.: Наука, 1973.

⁵⁸ Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб.: Императ. Академия наук, 1857.

ных с Китаем стран. Во-первых, он расширяет и пытается критически осмыслить круг источников, пригодных для характеристики некитайских народов в период Древней истории. Во-вторых, он обращает внимание на важность периода с X по XIII в., который не был исследован Н.Я. Бичуриным из-за отсутствия сведений о нем в китайской официальной историографии⁵⁹. В.П. Васильев разрабатывает вопросы, ставшие впоследствии основными для работ Б.Я. Владимирцова и С.А. Козина, исследовавших историю монгольского могущества в этот период⁶⁰. В-третьих, В.П. Васильев пытается разрешить вопрос о причинах необычайного многообразия наименований кочевых народов, крайне затрудняющего возможность проследить реальные пути этногенеза и этнического развития большинства из них. Эту ситуацию он объяснял тем, «что огромные пространства Средней Азии издревле говорили языками, близкими к нынешним, т.е. на востоке маньчжурским, в центре – монгольским и на западе – турецком»⁶¹. Подобной же теории придерживаются некоторые отечественные исследователи XX в.⁶² В.П. Васильев приходит к выводу, что в кочевом мире военные столкновения в одной его части неизбежно вызывали резонанс на всем остальном пространстве расселения кочевых племен⁶³. В.П. Васильев вместе с другими востоковедами – К.Г. Залеманом, В.Р. Розеном и В.В. Радловым – содействовал организации Орхонской экспедиции с целью исследования открытых в Монголии образцов рукописной письменности. После расшифровки и перевода тюркских текстов памятников Кюль-Тегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) В.П. Ва-

---

⁵⁹ *Васильев В.П.* Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. VIII.

⁶⁰ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934; *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / пер. и коммент. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

⁶¹ *Васильев В.П.* Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева ... С. 129.

⁶² *Бертагаев Т.А.* Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 6. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1976. С. 24–39.

⁶³ *Васильев В.П.* Магометанство в Китае // Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. С. 131–132.

ильев публикует свои переводы китайских текстов, выгравированных на этих памятниках⁶⁴.

Н.В. Кюнер, крупный отечественный востоковед, 50 лет тому назад в своем труде «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» счел необходимым внести в исследования отечественных и зарубежных авторов частичные исправления и уточнения⁶⁵. По его замыслу, книга должна была служить дополнением и продолжением труда Н.Я. Бичурина, но переросла в самостоятельное исследование, включив переводы разделов из хроник «Вэйчжи» (из летописи «Саньгочжи» – («Описание трех царств») и «Цзиньшу» («История династии Цзинь») и отрывки из других сочинений по той же тематике, не переведенных ранее.

Существуют библиографии переводов из китайских династийных историй и самих историй и сочинений, содержащих материал по вопросу этнокультурных отношений Китая с народами центральноазиатского региона. На русском языке – это введение Н.В. Кюнера к переизданию переводов Н.Я. Бичурина («Работы Н.Я. Бичурина (Иакинфа) над переводами китайских источников для “Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”»), содержащее перечень 35 китайских работ. Оно включает их краткую характеристику и подробное изложение содержания глав, посвященных соседям Китая. Существует и более полная работа такого рода «Библиография китайской литературы о народах Севера, Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии», подготовленная Н.В. Кюнером к 1947 г.⁶⁶

В.С. Таскин указал на некоторые существенные погрешности в переводах Н.Я. Бичурина, что, по его мнению, послужило причиной некоторых неверных выводов, сделанных отечественными учеными, кото-

---

⁶⁴ Васильев В.П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Вып. III. С. 1–36.

⁶⁵ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах ...

⁶⁶ Она осталась неопубликованной и хранится в Архиве Музея Института антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (в Санкт-Петербурге). См.: Воробьев М.В. Манчжурия и Восточная внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1994. С. 6.

рые основывали свои исследования прежде всего на его работах⁶⁷. В.С. Таскину принадлежит важная заслуга перевода и интерпретации китайских источников, непосредственно касающихся вопросов этнокультурных контактов некоторых народов Центральной Азии с Китаем⁶⁸. В 1980–1990-е годы были опубликованы три тома из четырехтомника «Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.», в которых имеются переводы китайских источников, касающихся истории кочевых народов в Китае. Все тексты сопровождаются подробными комментариями⁶⁹. Кроме того, Р.В. Вяткин и В.С. Таскин издали девять томов «Исторических записок» Сыма Цяня⁷⁰. Также переводу китайских источников, содержащих важную информацию об этнокультурных контактах с народами Центральной Азии, посвятила свои работы Л.А. Боровкова⁷¹.

Расшифровка тюркской орхоно-енисейской письменности, находки согдийских, тохарских, тангутских и прочих текстов в культурных центрах Центральной Азии и их тщательная обработка резко изменили устоявшиеся представления об уровне культурного развития и специфике политической истории центральноазиатского региона. Большое значение в вопросах этнической идентификации археологических материалов сыграли переводы древнетюркских рунических текстов С.Е. Малова⁷² и С.Г. Кляшторного⁷³.

---

⁶⁷ Материалы по истории сюнну ... Вып. 2. М.: Наука, 1973. С. 3–4.

⁶⁸ Материалы по истории сюнну ... Вып. 1–2.

⁶⁹ Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1: Сюнну / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1989; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1990; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3: Мужуны / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1992.

⁷⁰ *Сыма Цянь*. Исторические записки: В 9 т. / пер. с кит. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, 1972–2010.

⁷¹ *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989; *Она же.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.: 2005.

⁷² *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1959.

Благодаря целому ряду разработок арабские и персидские источники стали вполне сопоставимы по своему значению с китайскими. Среди арабских сочинений, посвященных различного рода торговым путям и поездкам для установления дипломатических отношений, существует относительно большое число работ IX–X вв., содержащих непосредственные сведения о самом ходе путешествия и некоторые подробности о посещаемых путешественником странах. Эти сведения очень часто не укладываются в канонические формы, использовавшиеся арабо-персидскими авторами при описании населенных местностей Земли, ее географических поясов и различного рода дорог, по которым происходили постоянные сообщения между халифатом и странами, находившимися от него в разной степени отдаленности. Последнее уточнение очень важно потому, что в разные периоды истории возможности контактов с отдаленными странами резко затруднялись из-за различного рода длительных миграций больших групп населения, прекращения дипломатических отношений с теми или иными соседними государствами, ухудшения состояния дорог и многими других факторов.

В одном из медресе г. Мешхеда был обнаружен сборник географических сочинений, содержащий, в частности, две записки арабского литератора Абу-Дулафа Мисара ибн-аль-Мухалхила аль-Йанбуи аль-Хазраджи⁷⁴. Эти записки важны своими сведениями по истории и географии средневековой Азии, поскольку он сообщает о тех территориях и народах, которые стали ему известны на пути из Бухары в Китай⁷⁵.

---

⁷³ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

⁷⁴ Григорьев В.В. Об арабском путешественнике Абу Долефе // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Т. 163. № 9. С. 1–45; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische undhistorisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840–940). Leipzig, 1903. S. 5–72; Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. в 6 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 186–189; Абу Дулаф. Вторая записка Абу Дулафа / изд. текста, пер. и коммент. П.Г. Булгакова и А.Б. Хадидова. М.: Из-во вост. лит., 1960. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. V); Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.: Наука, Изд-во вост. лит., 1963.

⁷⁵ Маршрут от Бухары и через Мавераннахр по исламским городам не описан в записке Абу-Дулафа и его длительность не указана. Через два месяца пу-

В 1310 г. появляется письмо перса – Рашид ад-Дина, закончившее его «Мировую историю». В этой книге можно было найти большое количество информации о Китае⁷⁶.

Из европейцев, которые принесли в Европу достоверные сведения о Китае и сопредельных территориях, следует упомянуть Плано Карпини⁷⁷. Полных рукописных копий латинского оригинала труда Карпини известно не менее пяти, и все они хранятся в Западной Европе. Общепризнанно лучшим переводом до сих пор считается перевод сочи-

---

тешествия они попадают к племени маджа, которое платит дань племени тахта. Его правитель из китайского рода, потому путешествие, которое занимает месяц, по их землям безопасно. Информация, что племя маджа платит дань народу, во главе которого стоит китайский предводитель, особенно ценно, так как, видимо, в составе посольства были представлены члены китайской миссии, побывавшей у Насра-ибн-Ахмеда (правил в 914–943 г.), осведомленные об установлении условных вассальных отношений данного «племени» с Китаем (установление вассальных отношений с Китаем давало правителям право на заявление о родственных связях с китайскими властями, что обычно входило в пункты установления вассальных отношений и подкреплялось женитьбой на какой-нибудь придворной женщине – «китайской принцессе»). См.: *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия ... С. 313. Далее посольство следует около двух месяцев через земли других племен и подходит к границе кочевников сибирской лесостепи (это становится очевидным, так как описываемое Абу-Дулафом посольство сталкивается с лосем). Путь посольства, описанный в записке Абу-Дулафа, реконструирует П.М. Кожин: «через территории племен: *гузз* (месяц безопасного пути); *тогузгуз* (20 дней страха); *хиргиз* (месяц безопасной поездки); *харлух* (25 дней езды); воинственное племя *хутлух* (10 дней); *китан* (20 дней). Наконец, области (*балад*) *Б-хи* и *Кулиб*... (соответственно: 20 дней и месяц пути). Так пришли к Стоянке Ворот (Макама аль-Баб), где начинается земля Китая и где тюрки должны испрашивать разрешение на въезд в нее... ». См.: *Кожин П.М.* Арабский путешественник Абу Дулаф об этнокультурных контактах в Центральной Азии в середине X в. // 6-й конгресс этнографов и антропологов в России: тезисы. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 214.

⁷⁶ *Рашид ад-Дин.* Переписка ... ; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей ...

⁷⁷ *Джиованни дель Плано Карпини.* История монгалов // *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географиз, 1957. С. 23–83.

нения Карпини, сделанный с латинского текста А.И. Малеиным, который был издан вместе с его же переводом сочинения другого путешественника – Рубрука⁷⁸. Из всех европейских путешественников только Рубрук оставил достоверное описание Каракорума периода расцвета. Он собирал сведения о местах по его маршруту, которые сам не мог посетить. Считается, что именно Рубрук первым в Западной Европе в своем сочинении отождествил жителей Китая с «Серами», известными из трудов древних географов.

Изучению письменных источников на европейских языках посвящено много литературы. В.В. Малявин в «Книге путешествий» предоставляет информацию о наиболее знаменитых путешественниках, побывавших на Востоке и оставивших после себя письменные свидетельства о странах, где они побывали⁷⁹. В книгу были собраны и интерпретированы многие источники, посвященные оценке китайского мира европейскими путешественниками. Например, он анализирует «Книгу о разнообразии мира» Марко Поло⁸⁰. Помимо анализа свидетельств источников, автор повествует об исторических процессах, в ходе которых происходило знакомство Востока и Запада.

Фундаментальной работой, в которой поднимаются некоторые вопросы, касающиеся исследуемой проблемы, является монография Д.В. Дубровской «Миссия иезуитов в Китае»⁸¹. Также руководствуясь китайскими и западными источниками, автор и другие исследователи выделяют периоды контактов между Европой и Китаем: первый – развитие связей Европы с Китаем воплотили францисканцы и Марко Поло, второй, начиная в XVI в., – период активных взаимодействий евро-

---

⁷⁸ *Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. С. 88–192.*

⁷⁹ *Малявин В.В. Книга путешествий / пер. В.В. Малявин. М.: Наталис, 2000.*

⁸⁰ *Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И.П. Минаева. Ред., вступ. ст. И.П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955; Марко Поло. Книга о разнообразии мира / предисл. Х.Л. Борхеса. Пер. со старофранц. И. Минаева. СПб.: Амфора, 1999.*

⁸¹ *Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Крафт+, ИВ РАН, 2001.*

пейцев с Китаем. Он связывается с открытием морского пути в Индию и Китай вокруг Африки⁸².

Некоторые вопросы по этнокультурным контактам Китая в эпоху средневековья рассматриваются в работах А.М. Позднеева⁸³, А.А. Бокщанина⁸⁴, М.Ф. Чигринского⁸⁵, О.Л. Фишман⁸⁶ и др.

В зарубежной историографии одной из важнейших работ по истории распространения христианства в Китае является монументальный труд Боба Уайла «Unfinished Encounter: cristianity of China», где просматривается эволюция связей между Европой и Китаем начиная с прихода в Китай несториан в период династии Тан и заканчивая деятельностью иезуитов⁸⁷.

---

⁸² Дубровская Д.Б. Архивы иезуитской миссии в Китае как исторический источник // *Анналы: Бюллетень*. № 3. М., 1996; *Она же*. Миссия иезуитов в Китае ...; Васильев Д.Д., Столяров А.А. Электронные библиотеки и базы данных по истории средневековой Евразии (к 15-летию востоковедческого научного проекта) // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. Уфа, 2006. Т. 11. № 3. С. 56–63; Фридман М.А. Путешествие Марко Поло: между вымыслом и реальностью // *Диалог цивилизаций: Восток – Запад*. М., 2006. С. 168–173; *Les mondes de Marco Polo*. URL:

http://www.pum.umontreal.ca/livres/fishes/pdf_site_web/chine_chap1.pdf

⁸³ Позднеев А.М. Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского университета 8-го февраля 1887 года // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / Главный штаб; Военно-ученый комитет*. СПб., 1887. С. 228–263.

⁸⁴ Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV в. М.: Наука, 1976; *Он же*. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // *Китай: традиции и современность*. М.: Наука, 1976. С. 129–142.

⁸⁵ Чигринский М.Ф. Китайские источники о первых контактах Китая с европейцами в XVI–XVII вв. // XI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1980. С. 68.

⁸⁶ Фишман О.Л. Китай и Европа XVII–XVIII вв. // *История, культура, языки народов Востока*. М.: Наука, 1970; *Она же*. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петерб. востоковедение, 2003.

⁸⁷ Whyte B. *Unfinished Encounte: China and Christianity*. L.: Collins Fount Paperbacks, 1988.

2.2. Изучение антропологических и лингвистических данных для реконструкции этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии

Вторую группу исследователей, которые в своих работах касаются проблемы контактов центрально- и восточноазиатского населения, составляют антропологи. Они рассматривают проблему формирования современного населения на основе краниологических, одонтологических, серологических и других данных. Традиционная китайская историография основывалась на тезисе, что китайцы всегда существовали на той территории, которая является основой их государства. Одним из первых китайских исследователей, который критично отнесся к традиционной трактовке этногенеза китайцев был Лян Ци-чао⁸⁸. Рассматривая этническую специфику китайцев, он ставит три основных вопроса: во-первых, являются ли китайцы аборигенами или же они пришли на занимаемые территории извне; во-вторых, возник ли китайский этнос из одного источника или он представляет смешение разнородных элементов; и, в-третьих, где сложилось ядро этнической общности китайцев. В результате своих исследований Лян Ци-чао пришел к выводу, что основа китайского этноса возникла в результате смешения различных племенных групп на территории Среднекитайской равнины от Хэнани на западе до Шаньдуна на востоке.

Китайский ученый Вэй Цзюй-сянь в своем исследовании, опубликованном в 1937 г., полагает, что в процессе формирования этнической общности китайцев существовали два компонента. Одно из них иньцы – южное, сформировавшееся в Сычуани. Второй компонент этногенеза китайцев – ся, сформировавшиеся в северо-западных районах Китая, по своему физическому типу относились к кавказской расе.

В последующие десятилетия этногенез китайцев рассматривался как совокупность ряда исторических и антропологических проблем.

В расовых классификациях начала XX в. китайцы обычно включались в монголоидную группу и описывались вместе с народами Се-

---

⁸⁸ Лянцичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет / предисл.: Чжанчинтун. Пер. с кит.: А.Н Вознесенский, Чжанчинтун. СПб., 1905.

верной и Центральной Азии⁸⁹. Схему антропологических вариантов Северного Китая дал С.М. Широкогоров⁹⁰.

Большой вклад в разработку теории расоведения, методологии и принципов использования антропологического материала как исторического источника внес Г.Ф. Дебец – основатель нового направления в науке о человеке – палеоантропологии. Именно он высказал мысль о широком распространении среди карасукцев дальневосточных узколицых монголоидов, близких к антропологическим типам древних северных китайцев. Результатом многолетней работы был его труд «Палеоантропология СССР»⁹¹.

Развитие взглядов по этому вопросу отечественных и зарубежных антропологов подробно проанализировано Н.Н. Чебоксаровым⁹². Н.Н. Чебоксаров провел анализ антропологического состава современных китайцев (ханьцев) и других народов Китая, а также соседних стран Азии, позволивший выделить монголоидные, австралоидные и европеоидные компоненты. Ему удалось проследить этапы расовой трансформации китайского населения во все периоды его истории. Известно, что большинство населения Восточной и северной части Центральной Азии относится к монголоидной расе. Однако монголоидные расы так неоднородны и разнообразны, что на данный момент в антропологической науке предпочитают отказаться от старого термина «монголоидная большая раса» и пользоваться термином «монголоидные расы». В работе «Основные принципы антропологических

---

⁸⁹ *Giuffrida-Ruggeri V.* Schema di Classificazione degli hominidae attuali // AAE. 1912. XLII; *Ibid.* L'uomo attuale, una specie collettiva. Milano; Roma; Napoli: Albrighi, Segati e C., 1913; *Haddon A.C.* The Races of Man and Their Distribution. Cambridge: Harvard University Press, 1924. P. 35; *Deniker J.* Les races et les peuples de la terre. 2-me éd. P.: Masson, 1926. P. 367; *Buxton L.H.D.* China. The Land and the People. Oxf., 1929. P. 44–45.

⁹⁰ *Shirokogoroff S.M.* Anthropology of Northern China // RAS (NChB). Extra. Vol. 2. Shanghai, 1923. P. 99; *Ibid.* Anthropology of Eastern China and Kwangtung province // RAS (NChB). Extra. Vol. 4. Shanghai: The Commercial Press. 1925. P. 115.

⁹¹ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. Сер. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

⁹² *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982. С. 100–104.

классификаций» Н.Н. Чебоксаров⁹³ предложил северных монголоидов назвать континентальными (они представлены, например, сибирскими народами), а южных и восточных – тихоокеанскими (они представлены, например, малайцами)⁹⁴. Он считал, что формировании континентальных монголоидов участвовали европеоиды, а в формировании тихоокеанских монголоидов – негроавстралоиды⁹⁵.

Отдельный вопрос для исследователей составляют лингвистические связи китайского языка с языками запада Евразийского континента. Сходство отдельных слов древнекитайского языка с индоевропейскими корнями было отмечено еще в XIX в., но планомерный академический поиск индоевропейских и древнекитайских языковых соответствий начался в 60-х годах XX в. В 1967 г. Я. Уленброк опубликовал статью, в которой утверждал, что количество китайско-индоевропейских соответствий настолько велико, что наступила пора говорить об их языковом родстве⁹⁶, а народы культуры крашеной керамики говорили на индоевропейских языках и пришли на территорию современной провинции Ганьсу с запада между 3000 и 2500 годами до н.э.⁹⁷ В 1969 г. теорию Я. Уленброка поддержали Т. Улвинг⁹⁸ и Л.С. Васильев⁹⁹. Однако в целом взгляды Я. Уленброка не встретили одобрения лингвистов, работающих в области истории китайского языка. В научном обосновании китайско-индоевропейского родства далее всех продвинулся Э. Пулиблэнк. Он отметил, что современные исследователи

---

⁹³ Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. Нов. сер. М., 1951. Т. XVI. С. 312–319.

⁹⁴ Чебоксаров Н.Н. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии // VII МКАЭН (Москва, август 1964 г.). М., 1964 (отд. отт.). С. 1–3.

⁹⁵ Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая ... С. 52–53.

⁹⁶ Ulenbrook J. Einige Übereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und dem Indogermanischen (Vorläufiger Bericht) // *Anthropos*. 1967. Vol. 62. № 3–4.

⁹⁷ *Ibid.* P. 535–551; *Ibid.* Zum Chinesischen Wort hüe für «Blut» // *Anthropos*. 1968–1969. Vol. 65. № 1–2; *Ibid.* Zum Chinesischen Wort ti // *Anthropos*. 1970. Vol. 65. № 3–4.

⁹⁸ *Ulving T.* Indo-European Elements in Chinese? // *Anthropos*. 1968–1969. Vol. 63–64. № 5–6. P. 945–961.

⁹⁹ *Vasiliev L.S.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976. С. 301–302.

древнейшего состояния индоевропейских языков реконструируют такой этап их развития, когда основные морфемы в этих языках были чисто слоговыми. В этой древнейшей односложной форме они уже могут быть сравнены с древнекитайскими словами¹⁰⁰.

Южная часть Восточной Азии населена народами, языки которых впервые были использованы в типологической классификации языков Терьеном де Лакуперье¹⁰¹. Классификация языков В. Шмидта также основывается на многих типологических критериях¹⁰². В. Шмидт выделял в ареале Восточной Азии китайско-тибетские языки, к которым он причислял также и енисейские, считая их крайними северными языками этой группы.

Лексические параллели сами по себе, еще не могут быть доказательством древнего родства, но они приобретают доказательную силу, если отражают единую культурно-историческую эпоху идентичную или очень сходную природную нишу, в которой складывалась культура и протекала историческая миграция соответствующих этносов. Например, исследования последних лет в области лингвистики, в частности работы Э. Вайды, доказывают наличие древних родственных связей между дене-индейцами и енисейцами. Впервые убедительно доказана действительно имевшая место миграция древнего населения из районов Центральной Азии в Северную Америку¹⁰³.

Происхождение общей лексики в протоевропейском и древнекитайском языках, с точки зрения лингвистов, может быть объяснено через заимствование. По степени распространения заимствованных слов можно судить об относительной древности этих заимствований. По этому критерию установлено, что енисейская лексика входила в сино-тибетскую еще в период сино-тибетского единства. В этот же пе-

---

¹⁰⁰ Pulleyblank E. Prehistoric East-West Contacts Across Eurasia // Pacific Affairs. 1975. Vol. 47. № 4. P. 503–504.

¹⁰¹ Lacouperie T. de. The Languages of China before the Chinese. L.: David Nutt, 1887. (Reprint, 1970).

¹⁰² Schmidt W. Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1926.

¹⁰³ Vajda Ed. J. A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection // Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 5. New Series, 1–2, 2010. P. 33–99; *Ibid.* Yeniseian, Na-Dene and Historical Linguistics. The Dene-Yeniseian Connection // Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 5 New Series, 1–2, 2010. P. 100–118.

риод происходило и проникновение протоевропейской лексики в сино-тибетскую. Когда ностратические заимствования встречаются только в китайском, и не встречаются в других сино-тибетских языках, это означает, что они были заимствованы в более позднее время – после разрушения сино-тибетского языкового единства.

С.А. Старостин, один из отечественных ученых, развивавших положения, выдвинутые создателем ностратического сравнительного языкознания В.М. Илличем-Свитычем, вдвоем с С.Л. Николаевым создал реконструкцию северокавказской семьи (продолжая работу, начатую в свое время Н.С. Трубецким). Он открыл и обосновал северокавказскую генетическую общность, включающую в себя северокавказские, енисейские и сино-тибетские языки – вторую макросемью языков Евразии¹⁰⁴. Эта теория была поддержана и развита рядом ученых¹⁰⁵. Исследователи, предложившие и наиболее активно разрабатывавшие саму идею сино-кавказской языковой общности, предлагали локализовать ее в западных областях Передней Азии, возможно даже, в Анатолии¹⁰⁶. После распада этой макросемьи, по их мнению, сино-тибетцы и кеты двинулись на восток. Ряд исследователей, основываясь на анализе культурной лексики сино-кавказского языка и данных

---

¹⁰⁴ *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982. С. 144–237; *Он же.* Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4: Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М.: Наука, 1984. С. 19–38.

¹⁰⁵ *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н.э. М.: Наука, 1984. С. 34–43. *Николаев С.Л., Старостин С.А.* Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н.э. М.: Наука, 1984. С. 26–34.

¹⁰⁶ *Пейрос И.И.* О языковых сближениях между сино-тибетскими и дравидийскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М.: Наука, 1984. С. 80–82; *Он же.* Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., Наука, 1988. С. 321.

палеоботаники и археологии, считает напротив местом формирования сино-кавказской языковой общности Восточную Азию¹⁰⁷.

В вопросе об этнокультурном взаимодействии Китая с народами Центральной Азии в древности важной составляющей является тохарская проблема. Хотя мы непосредственно не касаемся вопросов, связанных с контактами народов на территории Синьцзяна, однако тохарский вопрос затрагивает большую часть населения территорий Центральной Азии¹⁰⁸. Исследования письменного тохарского наследия продолжаются в течение всего XX века и до сих пор. Во-первых, важно определить место тохарских языков в индоевропейской семье¹⁰⁹. Во-вторых, исследуется вопрос о пути прихода этого индоевропейского народа в оазисы Синьцзяна¹¹⁰. В-третьих, особого внимания заслужи-

---

¹⁰⁷ Романчук А.А. Юев народ и его прародина // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7–10 февраля 2007 г. / сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. Спб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 465–472.

¹⁰⁸ Китайские летописи знакомы с тохарским населением с первых веков новой эры. С этого времени упоминается «царство» Тухоло. Однако наиболее подробные сведения о Тухоло восходят к «Запискам о западном крае» буддийского паломника Сюань Цзана, совершившего путешествие через Центральную Азию в Индию для обретения оригиналов священных буддийских книг в 629–641 гг. К его времени государство Духоло в Западном крае не существовало. Население этого района подверглось тюркизации, и Сюань Цзян фактически наблюдал только следы заброшенных тохарских городов в Средней Азии и Синьцзяне. См.: Фрагменты уйгурской версии биографии Сюаньцзана / транскр., пер., примеч. и указ. Л.Ю. Тугушевой. М.: Наука, 1980; Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М.: Наука, 1991. С. 201–204; Восточный Туркестан в древности и средневековье: очерки истории / отв. ред. С.Л. Тихвинский, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1988; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье ... Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии / отв. ред. В.В. Вертоградова. М.: Вост. лит. 2008.

¹⁰⁹ Тохарские языки оказались более близки к западным индоевропейским, чем к языкам восточных индоевропейцев, в окружении которых они находились в исторический период.

¹¹⁰ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984; Adams D.Q. Position of

вает вопрос об определении археологической культуры, которая могла бы являться демографической средой для развития и распространения тохарских языков. Так, в 1963 г. Б.В. Горнунг связал носителей тохарских языков с абашевской культурой Среднего Поволжья. В западноевропейской литературе к рубежу веков сложилось представление, что носителями тохарских языков было население афанасьевской и, возможно, андроновской культуры¹¹¹. В 2000 г. Л.С. Клейн обосновал точку зрения о происхождении тохарских языков из движущихся на восток групп фатьяновско-балановской культуры, соединившейся с карасукской культурой¹¹². Принимая во внимание материалы с середины 1 тыс. до н.э., происходящие из Синьцзяна и Центральной Азии, исследователи говорят о наличии раннего движения населения с востока на запад¹¹³. Однако в самом археологическом материале признаков, указывающих на использование индоевропейской речи в тех или иных культурах, выявить невозможно при современном состоянии разработки этнокультурной проблематики¹¹⁴. Но исследования, проведенные в последние десятилетия в самом Синьцзяне, показывают, что скифо-сакский компонент в местных культурах в конце бронзового и начале железного веков проявляется с наибольшей интенсивностью¹¹⁵.

Tocharian among the other Indo-European Languages // JAOS. 1984. Vol. 104. P. 395–402; Tocharian Languages // Encyclopedia of Indo-European Culture / eds. J.P. Mallory and D.Q. Adams. L. Chicago. 1997. Vol. 3. P. 591–594.

¹¹¹ Qawrighul culture. Indo-European languages // Encyclopedia of Indo-European Culture / eds. J.P. Mallory and D.Q. Adams. L.; Chicago, 1997. Vol. 2. P. 300–303.

¹¹² Клейн Л.С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum. Кишинев, 2000. № 2. С. 78–87.

¹¹³ Боталов С.Г. Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. С 61–83; Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: НГУ, 2002. Идею о движении с востока групп карасукского населения, которое одно время ассоциировалось с северокитайскими динлинами рассматривали на антропологических и археологических данных Г.Ф. Дебеч и С.В. Киселев. Однако археологический материал не подтвердил эту гипотезу.

¹¹⁴ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 269.

¹¹⁵ Müller S. Routes et lieux habitée à l'âge de la Pierre et à l'âge du bronze // Mémoires de la Société Royal des Antiquités du Nord. Copenhagen. 1903; Dmitriev S., Holotová-Szinec J. La vallée de Ganshigou: note sur enquête archéologique et ethnographique // Arts asiatiques. 2007. Vol. 62. P. 146–151.

На данный момент является очевидным, что синьцзянский комплекс в 1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э. не был гомогенным. Но для того, чтобы сказать с уверенностью, какие именно компоненты культуры доисторических археологических комплексов должны соответствовать этнокультурной специфике популяции, говорящей на тохарских языках, в настоящий момент не хватает данных.

2.3. Публикация, интерпретация и исследование археологических материалов этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии до открытия Шелкового пути

Исследование археологических источников сложения древней культуры Китая было начато в конце XIX в. На то время основная часть археологических артефактов была результатом случайных находок или раскопок незначительного количества памятников в основном в Северной Хэнани (в окрестностях современного г. Аньян и Иньсюя – иньского городища). Уже в этот первоначальный период ученым стало очевидно, что существовали тесные контакты между Центральноазиатским регионом и Китаем. С.М. Георгиевский и Терьен де Лякуперье, например, связывали истоки древней культуры Китая с какими-то древними сакскими элементами¹¹⁶.

Научные археологические исследования в Китае фактически начинаются в 20-х годах XX в.¹¹⁷ С этого времени вопрос о тесных этнокультурных контактах Китая с культурами народов Запада стал активно обсуждаться в научном сообществе. К 60-м годам результаты исследований, относящиеся к древнейшим периодам истории Китая и Маньчжурии до эпохи Хань, были собраны Чжень Де-кунем¹¹⁸. Иссле-

---

¹¹⁶ Георгиевский С.М. Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 1888; Lacouperie T. de. The Oldest Book of the Chinese. The Yi-king and its Autors. Vol. 1. History and Method. L.: D. Nutt, 1892.

¹¹⁷ Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. № 51. P. 35–45.

¹¹⁸ Cheng Te-k'un. Yin Yang Wu-Hsing and Han Art // HJAS. 1957. № 20. P. 162–186; *Ibid.* Archaeological Studies in Szechwan. Cambridge: Cambridge

дования по археологии Китая от древности до эпохи Инь наиболее планомерно велись в Аньяне, Чжэнчжоу, Фэнси. На данный момент наиболее разработана археология Синьцзяна, Сычуани, Цинхая и Ганьсу.

Изучение кочевнических культур Восточного Туркестана учеными России и других европейских стран началось в XIX в. Одним из первых путешествие в Кашгар в 1858 г. удалось совершить известному казахскому ученому Ч.Ч. Валиханову. В 1870–1890-х годах в Восточном Туркестане побывали экспедиции Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло и др.

Наиболее существенные результаты в собственно археологическом исследовании региона были достигнуты российскими и европейскими учеными в конце XIX – первой трети XX в. В 1890–1891 гг. путешествие по Памиру, Тянь-Шаню и сопредельным областям совершил выдающийся шведский исследователь Свен Гедин. В дальнейшем, в 1893–1897, 1899–1902, 1906–1907 и 1927–1935 гг. он выступил организатором еще четырех экспедиций в Центральную Азию, включая Синьцзян и Тибет, в которых и сам принимал активное участие, внося тем самым значительный вклад в развитие китайской археологии. Коллекции, собранные С. Гедином, были выставлены в крупнейших музеях Европы и привлекли к себе всеобщее внимание. Он опубликовал несколько книг, переведенных на многие европейские языки, в том числе на русский. Все это способствовало активизации исследований синьцзянских древностей.

В 1898 г. в Восточном Туркестане работала экспедиция Д.А. Клеменца – первая специально снаряженная и направленная Императорской Академией наук археологическая экспедиция в этом районе. Д.А. Клеменц обследовал в Турфанском оазисе памятники Яр-Хото, Безеклик, Туяк-Мазар и некоторые другие, собрал ценные материалы, зафиксировал рунические надписи в пещерах.

Большую коллекцию археологических находок собрал консул России в Кашгаре Н.Ф. Петровский. Изучением древних памятников Синьцзяна занимался и другой русский дипломат, консул в Урумчи

University Press, 1957; *Ibid.* Archaeology in China I: Prehistoric China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1959.; *Ibid.* Archaeology in China II: Shang China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1960.; *Ibid.* Archaeology in China III: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963.

Н.Н. Коротков. Собранные ими материалы обрабатывались ведущими учеными того времени (например, академиком С.Ф. Ольденбургом).

С 1900 г. начал свои многолетние исследования в Восточном Туркестане А. Стейн¹¹⁹. В 1900–1901, 1906–1908, 1913–1915 гг. он совершил три большие экспедиции в пределы Синьцзяна и собрал археологический материал.

Еще в 1902 г. в Восточном Туркестане начала работать Германская археологическая экспедиция под руководством А. Грюнведеля, а затем А. фон Ле Кока. В результате ее деятельности собраны материалы по настенной живописи и средневековым рукописям. А. Грюнведель опубликовал древности из памятников Турфанского оазиса. А. фон Ле Кок издал серию монографий по фрескам Восточного Туркестана, опубликовал собранные манускрипты и археологические находки.

Также в начале XX в. в Восточном Туркестане работали японская экспедиция К. Отани и французская – П. Пельо.

Результаты академических экспедиций конца XIX – первой трети XX в. позволили поставить вопрос о взаимосвязях кочевых и оазисных культур Восточного Туркестана, о влиянии на них Китая, о существовавших между ними торговых и культурных контактах, о религиозных воззрениях кочевников; даже реконструировать (благодаря настенной живописи) внешний облик представителей отдельных племен.

К сожалению, большая часть находок происходила из сборов на поверхности или приобреталась у местных жителей, а проводившиеся раскопки не всегда строго документировались. Поэтому для характеристики культур древних и средневековых кочевников Восточного Туркестана было необходимо проведение новых археологических исследований и сопоставление полученных находок с письменными источниками. Среди археологических памятников были выделены отдельные кочевнические элементы, связанные, прежде всего, с ранними – скифским и хуннским – этапами. Для более поздних периодов созданы обобщающие работы, основанные большей частью на письменных и эпиграфических источниках.

В 1902 г. на XIII конгрессе ориенталистов было окончательно оформлено создание Международного союза для изучения Централь-

---

¹¹⁹ А. Стейн, уроженец Будапешта, член-корреспондент Венгерской Академии наук, в 1904 г. перешел из австро-венгерского в британское подданство.

ной и Восточной Азии, во главе которого встали члены российского национального комитета академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург¹²⁰. В 1906–1908 гг. путешествие в Восточный Туркестан совершил полковник Генерального штаба российской армии, впоследствии ставший фельдмаршалом, регентом и президентом Финляндии, К.Г.Э. Маннергейм.

Самые крупномасштабные археологические исследования древностей Восточного Туркестана проведены экспедициями Императорской Академии наук в 1909–1910 и 1914–1915 гг., которые возглавлял С.Ф. Ольденбург. Им были проведены обследования в районе Кашгара и Шикшина. Завершением этого периода в истории изучения древностей Восточного Туркестана можно считать Центральноазиатскую экспедицию Н.К. Рериха.

В результате работ, проводившихся учеными разных стран в течение нескольких десятилетий с конца XIX до первой трети XX в., собран обширный археологический материал, который был частично обработан, осмыслен и введен в научный оборот.

Исследование археологического материала с территории Центральной Азии, сопоставление скифских, центральноазиатских и китайских «художественных форм» также привело ученых к выводу, что памятники на всей этой огромной территории тесно связаны между собой и имеют общее происхождение¹²¹.

Накопленный обширный материал позволил исследователям сделать обобщения межцивилизационного уровня. Для древнейших периодов истории наиболее показательными являются предметы материальной культуры, связанные с бытом, поскольку они отражают процесс заимствования и адаптации новых технических элементов в местной традиции.

Контакты между населением Восточной и Центральной Азии наблюдаются уже с эпохи палеолита. Нижнепалеолитические культуры

---

¹²⁰ Сам Русский комитет был учрежден при МИД, что давало возможность использовать дипломатические документы, а также сотрудничать с консульскими представителями в Китае.

¹²¹ *Ядринцев Н.М.* О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях // Труды археологического съезда. VIII. Т. IV. М.: Товарищество: типография А.И. Мамонтова, 1897. С. 176.

Китай стали активно исследоваться начиная с 40-х годов XX в. В фундаментальной работе «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода», опубликованной в 1951 г.¹²², С.Н. Замятнин выделил три области развития позднепалеолитической культуры – европейскую приледниковую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую, положив начало сравнительному анализу древнейших культур этих регионов.

В 1960–1980-е годы в археологии палеолита преобладал локально-культурный подход в объяснении вариаций инвентаря отдельных памятников каменного века. Были выделены многочисленные культуры (локальные группировки), основанные главным образом на типологии и статистике наборов артефактов и реже на стилистике их оформления. Однако археологические исследования на территории Евразии показывают единство палеолитических культур этого региона. Не исключая локальности и специфики отдельных элементов, их следует рассматривать, тем не менее, в плоскости взаимосвязей и взаимовлияний.

В 20-х годах XX в. начинается последовательное и систематическое изучение неолитических культур Восточной и Центральной Азии. Раскопки неолитических памятников были предприняты Ю.Г. Андерсоном в провинции Ганьсу. Находки Ю.Г. Андерсона, обнаружившего в начале XX в. в бассейне Хуанхэ крашеную керамику, напоминающую аналогичные неолитические памятники запада Евразии, возбудили интерес к поискам прародины китайцев далеко за пределами современного Китая. Ю.Г. Андерсон, обобщая результаты своих исследований, выдвинул теорию о том, что «протокитайцы» – создатели культуры крашеной керамики – были мигрантами с Запада. Первоначально они, продвигаясь в восточном направлении, достигли Ганьсу, а затем проникли на территорию Хэнани¹²³. Б. Карлгрен предложил несколько иную интерпретацию фактов, полученных Ю.Г. Андерсоном: «протоки-

---

¹²² Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. / Тр. Института этнографии. Нов. Сер. М.: Изд-во. АН СССР, 1951. Т. 16. С. 89–152.

¹²³ Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. № 51. P. 35–45.

тайцы» обитали в бассейне Хуайхэ еще в донеолитическое время, а впоследствии туда переселились и смешались с «протокитайцами» другие племена, принесшие с собой культуру крашеной керамики. В оценке и интерпретации Ю.Г. Андерсоном неолитической крашеной керамики Китая важным является то, что он первым обратил внимание на сходство яншаоской росписи с орнаментацией керамики из Анау, Суз и Триполья¹²⁴. В этой связи он выдвинул гипотезу о том, что культура крашеной керамики была привнесена в Китай извне, с запада. Следует, однако, сказать, что с течением времени (на протяжении двух десятилетий) взгляды Ю.Г. Андерсона на данную проблему эволюционировали вплоть до полного отхода от прежней точки зрения. Так, в работе 1923 г. «Ранняя китайская культура» он выдвигал предположения о заимствованном характере ганьсуской и хэнаньской крашеной керамики и о том, что тысячи километров, отделяющие Ганьсу и Хэнань от Анау, Суз и Триполья, не могли служить непреодолимой преградой¹²⁵, а в 1934 г. утверждал, что крашеная керамика проникла в Китай уже «в законченном виде», и ученые стоят «в начале большого периода исследований, когда все свидетельствует о том, что Центральная Азия была "землей обетованной", откуда в Китай проникла крашеная керамика»¹²⁶. Позже Ю.Г. Андерсон пересмотрел свои прежние взгляды¹²⁷. Причиной этого, по его собственным словам, было то, что, когда он писал первые работы по этой проблеме, ему было известно лишь хэнаньское яншао. Новые данные давали совершенно иную картину: во-первых, крашеная керамика, не имеющая, по мнению Ю.Г. Андерсона, ничего общего с яншаоской, была обнаружена в Синьцзяне; во-вторых, он пришел к выводу, что «наиболее близкие соответствия с западом встречаются не в яншао, а в мачане», а «поразительные совпадения между росписью Триполья и мачана не нуждаются в комментариях»; в-третьих, мачанская роспись, по Ю.Г. Ан-

---

¹²⁴ Andersson J.G. An Early Chinese Culture // Bulletin of the Geological Survey of China. 1923. Vol. 5. № 1. P. 1–68; *Ibid.* Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu ... P. 35–45.

¹²⁵ Andersson J.G. An Early Chinese Culture ... P. 1–68.

¹²⁶ Andersson J.G. Children of the Yellow Earth // Studies in prehistoric China / Transl. from the Swedish by E. Classen. N.Y.: Macmillan, 1934. P. 334–335.

¹²⁷ Andersson J.G. Researches into the Prehistory of the Chinese // BMFEA. 1943. № 15. P. 286–287.

дерсону, обнаруживает сходство не только с трипольской, но и с синьцзянской¹²⁸.

Все это позволило Ю.Г. Андерсону предложить иную концепцию: крашенная керамика в Китае автохтонна. Вместо предполагавшегося ранее импорта с Запада имело место взаимовлияние ближне- и дальневосточных региональных комплексов крашеной керамики. Причем Ю.Г. Андерсон вполне допускал, что в ряде случаев не Восток, а, напротив, Запад был подвержен влиянию, что отразилось в «орнаменте смерти», автохтонном для Китая, но известном также как в Анау, Триполье, так и в Скандинавии (эта мысль была подсказана ему Б.Л. Богаевским, работавшим в Стокгольме с китайскими коллекциями)¹²⁹.

В итоге Ю.Г. Андерсон пришел к выводу, что «нет никаких следов, указывающих на то, что какая-либо другая раса принимала участие в изготовлении хэнаньской и ганьсуньской керамики в период яншао»; «все говорит о том, что китайцы были гончарами с самого начала появления культуры яншао»; «никоим образом не будет преувеличением допустить, что дальневосточные провинции расписной керамики образуют культурный комплекс столь же многообразный и обширный, как и ближневосточный»¹³⁰. Высказанные им идеи и собранная им богатая коллекция яншаоской керамики послужили отправной точкой для многих исследователей.

Л.С. Васильев реконструирует предысторию формирования в бассейне Хуанхэ культуры яншао, считая, что на рубеже 4–3 тыс. до н.э. из Ирана в Центральную Азию шла интенсивная инфильтрация земледельцев, в результате чего на этих территориях возникли перемещения масс земледельческого населения. Вследствие перемещений носителей культуры расписной керамики Центральной Азии одна из племенных групп, где-то в районе современного Синьцзяна, вступила в контакт с местными доземледельческими монголоидными племенами, населявшими тогда Северный Китай, Монголию и ряд смежных рай-

---

¹²⁸ Andersson J.G. Children of the Yellow Earth ... P. 287–288.

¹²⁹ Andersson J.G. Children of the Yellow Earth ... P. 287. *Ibid.* On Symbolism in the Prehistoric Painted Ceramics of China // BMFEA. 1929. № 1. P. 66.

¹³⁰ Andersson J.G. Researches into the Prehistory of the Chinese // BMFEA. 1943. № 15. P. 286–287.

онов Азии¹³¹. Позднее Л.С. Васильев отказался от поисков черт прямого сходства между яншао и анау¹³². Однако он придерживался тезиса о том, что центром первоначального формирования культуры яншао была территория Ганьсу¹³³.

Таким образом, одна из наиболее важных проблем, которая могла бы помочь ответить на вопрос о возможных влияниях и определить приоритетную роль Запада или Востока в древних контактах – это вопрос о поиске прототипов изображенных на яншаоской керамике орнаментов и дешифровке семантики росписи. В китайской научной литературе нет ни одного исследования, посвященного этому вопросу. Но если в последнее время все большее число китайских археологов, так или иначе, затрагивают эту проблему, то раньше внимание к ней было незначительно¹³⁴. Большинство китайских археологов¹³⁵ подчеркивает непрерывную преемственность ганьсуньского орнамента, решительно отвергают теорию западных влияний¹³⁶.

---

¹³¹ Васильев Л.С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь / Доклад VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. С. 2–4.

¹³² Васильев Л.С. Происхождение древней китайской цивилизации // ВИ. 1974. № 12. С. 86–102.

¹³³ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976. С. 149.

¹³⁴ Анализ историографии работ китайских археологов см.: Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука, 1988. С. 18–20.

¹³⁵ Китайский археолог Лян Сыюн выпустил в 1930 г. на английском языке исследование, в котором он пришел к выводу о близости расписной керамики китайского неолита с Анау I–II, а также Анау III, Монголии и Маньчжурии. См.: *Liang Ssu Yung. New Stone Age Pottery from the Prehistoric Site at Hsi-yin tsun, Shansi, China // Memoirs of the American Anthropological Association. Wisconsin, 1930. № 37. P. 61–72.*

¹³⁶ Не только ученые КНР, но и зарубежные авторы китайского происхождения резко выступают против этой концепции. Например, Хэ Бинди говорит лишь о небольшом «поверхностном сходстве» между орнаментами баньпо, с одной стороны, и Месопотамии и Ирана – с другой. См.: *Ho Ping-ti. The Cradle of the East. An Inquiry into the Indigenous Origins of Techniques and Ideas of Neolithic and Early Historic China, 5.000–1.000 B.C. Hong Kong, 1975. P. 155.* На его взгляд, яншаоская спираль развилась из реалистических изображений птиц. См.: *Op.cit. P. 362.*

Однако это мнение не совпадает с выводами европейских и отечественных исследователей. Уже к концу 1920-х гг. высказанная впервые Ю.Г. Андерсоном идея о возможном западном происхождении яншао (или мощном западном влиянии на него) стала очень популярной у историков. На этих позициях стояли О. Менгин, Г. Шмидт, О. Франке¹³⁷. В 1930-е гг. и в последующие десятилетия этой концепции придерживались Л. Бахофер, Ч. Бишоп, Ч. Фитцджеральд, Э. Вернер, Ф. Бергман, Р. Груссэ, М. Лер, А. Салмони и др.¹³⁸ Из археологов точку зрения о сходстве яншаоской росписи с трипольской и анауской первым поддержал шведский археолог Т. Арне. В 1925 г., через два года после того, как Ю.Г. Андерсон высказал эту идею, вышло в свет его исследование, где он попытался рассмотреть китайскую неолитическую керамику в еще более широком контексте, включив в него также Японию и Индию. Сопоставляя китайский и японский неолитические орнаменты, Т. Арне пришел к выводу, что «вероятно, не будет слишком смелым предположение, что первобытная расписная японская керамика была импортирована из Китая или, по крайней мере, скопирована с китайской»¹³⁹. Сравнение росписи яншаоской керамики с ее западными аналогами дает, по мнению Т. Арне, право утверждать, что «связь между Китаем и юго-востоком Европы существовала с самого начала неолитической эпохи, хотя все связующие этапы и неизвестны»¹⁴⁰.

Обосновывая тезис о западных корнях китайского неолита, ни Ю.Г. Андерсон, ни его последователи не подкрепляли свои доводы сравнительным анализом семантики орнамента. Их предположения строились на основе исключительно внешнего, визуального сопоставления росписей, что само по себе не может служить строгим доказательством. Впоследствии одно из направлений исследования древней керамики Китая ориентировалось на содержательную сторону яншаоской росписи. Кроме уже называвшихся Ю.Г. Андерсона и Б. Карлгре-

---

¹³⁷ *Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin; Leipzig, 1930. Bd. 1. S. 43–49.*

¹³⁸ Обстоятельный обзор проблемы см.: *Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации ...*

¹³⁹ *Arne T.J. Painted Stone Age Pottery from the Province of Honan, China // Palaeontologia Sinica. Ser. D. Peking, 1925. Vol. 1. P. 18.*

¹⁴⁰ *Ibid. P. 30.*

на¹⁴¹ в числе наиболее заметных его представителей на первом этапе исследования следует упомянуть Х. Рид. Ей принадлежит большая статья о символике погребальной керамики, где она сравнивает многочисленные западные образцы с китайскими и предлагает свои объяснения их семантики¹⁴². По мнению Х. Рид, «орнамент смерти» можно обнаружить не только на изделиях из Ганьсу, но и на большом числе керамических сосудов эпохи неолита из Северной, Западной, Центральной и Южной Европы. Анализ этнографических источников привел ее к выводу о том, что узор типа *death pattern* использовался в целях апотропеической магии (для отвращения зла, против «дурного глаза» и т.п.) и тесно связан с культом мертвых. Последней проблеме посвящена специальная работа Х. Рид¹⁴³, в которой она прослеживает китайско-европейские параллели в ритуалах, связанных с плодородием и почитанием предков.

К семантике китайского энеолитического орнамента обращалась шведская исследовательница М. Билин-Альтин. В одной из своих работ она посвятила его семантике небольшой раздел¹⁴⁴. Изображения змей, похожие на аналогичные из Суз, по ее мнению, связаны с «первобытным культом плодородия»; «плодородие в широком смысле» символизируют и треугольники; зигзаги обозначают молнию и плодоносящий дождь; волнистые линии – воду; каури – сексуальный символ; более сложные узоры, такие, как меандр, опять-таки изображают потоки низливающегося дождя.

Характерной особенностью, присущей дешифровкам К. Хентце, является стремление к широким обобщениям историко-культурного плана. Он без колебаний говорит не просто о сходстве, но о безусловном, на его взгляд, генетическом родстве яншаоских росписей и изобразительного искусства самых разных народов, культур и континентов – от древних цивилизаций Ближнего Востока до Южной Америки.

---

¹⁴¹ *Karlgren B.* Some Fecundity Symbols in Ancient China // *BMFEA*. 1930. № 2. P. 1–66; *Ibid.* Some Ritual Objects of Prehistoric China // *BMFEA*. 1942. № 14. P. 65–69.

¹⁴² *Rydh H.* On Symbolism in Mortuary Ceramics // *BMFEA*. 1929. № 1. P. 71–120.

¹⁴³ *Rydh H.* Seasonal Fertility Rites and the Death Cult in Scandinavia and China // *BMFEA*. 1931. № 3. P. 69–98.

¹⁴⁴ *Bylin-Althin M.* The Sites of Ch'i Chia P'ing and Lo Han T'ang in Kansu // *BMFEA*. 1946. № 18. P. 423–425.

К. Хентце ставит яншаоские, иньские и чжоуские изображения в один ряд с ближневосточными, юго-восточноазиатскими, центральноамериканскими, приписывая им одинаковую семантику и общее происхождение. По его убеждению, не подлежит сомнению, например, тот факт, что «древнеамериканские культуры оплодотворялись из Азии»¹⁴⁵. Аналогии между древнекитайской и американскими культурами проводились и до К. Хентце, но при этом они подкреплялись более или менее вескими наблюдениями и не носили безапелляционного характера (Э. Эркес, например, не настаивал на генетическом родстве¹⁴⁶).

Применительно к яншаоскому орнаменту К. Хентце высказывал мнение о том, что, судя по его семантике, яншао нельзя отождествлять с тибетскими или тюркскими пограничными народностями. «Орнаментация яншао так же связана с земледелием, календарем и астральным культом, как и роспись керамики из Элама, Суз I и Суз II»¹⁴⁷. Отдельные яншаоские сюжеты прямо выводятся им с Ближнего Востока и объясняются с помощью шумерских мифов¹⁴⁸.

Как одного из идейных последователей К. Хентце можно назвать немецкую исследовательницу Н. Науманн. В своих исходных посылках она фактически копирует взгляды бельгийского синолога. Специально не занимаясь семантикой яншао, Н. Науманн вместе с тем широко привлекает яншаоские образцы в качестве аналогий при интерпретации искусства японской неолитической культуры дзёмон. В своем понимании смысла яншаоских изображений она повторяет К. Хентце. Отметив поразительные, на ее взгляд, совпадения в образцах древнего искусства дзёмона, яншао, Центральной Америки, Ирана, Ближнего Востока, Крита и Греции, Н. Науманн пришла к выводу, что «предполагать их самостоятельное возникновение было бы абсурдно». Истоки она, как и К. Хентце, предлагает искать в Месопотамии, откуда «с за-

---

¹⁴⁵ *Hentze C.* Die Wanderung der Tiere um die heiligen Berge // *Symbolon. Jahrbuch für Symbolforschung.* Basel und Stuttgart: Schwabe & Co. Verlag, 1964. Bd. 4. S. 9.

¹⁴⁶ *Erkes E.* Chinesisch-amerikanische Mythenparallelen // *TP.* 1926. Vol. 24. P. 32–54.

¹⁴⁷ *Hentze C.* Bronzegerat, Kultbauten, Religion im ältesten China der Shang-Zeit. Antwerpen, 1951. S. 249.

¹⁴⁸ См., напр.: *Hentze C.* Gods and Drinking Serpents // *History of Religions. An Intern. Jour. for Comparative Historical Studies.* 1965. Vol. 4. № 2. P. 179–208.

пада на восток и распространялись названные религиозные идеи и связанная с ними символика»¹⁴⁹.

Важным исследованием семантики яншаоской орнаментации стала книга А. Буллинг¹⁵⁰. От предшествующих работ она отличается не только большей полнотой и широким охватом материала, но и стремлением подвести под интерпретацию образов неолитического искусства теоретическую базу, т.е. выработать метод исследования. Рассмотрев семантику яншаоской орнаментации, А. Буллинг присоединилась к тем, кто выводит корни китайского неолита с Запада. По ее убеждению, связи между Дальним Востоком и Западом должны были существовать еще в доисторическую эпоху. Это, как она полагает, подтверждается концептуальной общностью доисторических культур Востока и Запада, проявившейся, в частности, в содержании неолитической росписи. Яншаоские узоры, по мнению А. Буллинга, – «символы универсальной религиозной концепции, медленно распространявшейся из своего центра в Западной Азии на дальние окраины древнего мира»¹⁵¹. Однако в настоящее время отождествления А. Буллинга не имеют доказательной силы, поскольку базируются лишь на внешнем подобии.

Из западных авторов XX в. больше никто к семантике яншаоской росписи специально не обращался. Отдельные замечания или оценки можно встретить в обобщающих работах по китайской археологии¹⁵² или в публикациях, в какой-то степени затрагивающих эту проблему¹⁵³.

---

¹⁴⁹ Naumann N. Zu einigen religiösen Vorstellungen der Jōmon-Zeit. In memorium: Carl Henze // Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1977. Bd. 127. Hf. 2. S. 421.

¹⁵⁰ Bulling A. The Meaning of China's Most Ancient Art: An Interpretation of Pottery Patterns from Kansu (Ma Ch'ang and Pan-shan) and Their Development in the Shang, Chou, and Han Periods. Leiden: E.J. Brill, 1952.

¹⁵¹ Ibid. P. 133.

¹⁵² См., напр.: Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. 1: Prehistoric China. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1959; Watson W. Archaeology in China. L.: Max Parrish, 1960; Treistman J.M. The Prehistory of China. An Archaeological Exploration. N.Y.: Natural History Press, 1972; Rawson J. Ancient China. Art and Archaeology. L.: British Museum Publications, 1980; Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. 4th ed. New Haven; L.: Yale University Press, 1986.

¹⁵³ Например: Haskin J.F. Pan-po, a Chinese Neolithic Village // AA. 1957. Vol. 20. № 1. P. 151–157.

Одним из первых российских исследователей культурных контактов в период неолита был Б.Л. Богаевский¹⁵⁴. Его работа была написана после общения с Ю.Г. Андерсоном на основе изучения его коллекций китайской неолитической керамики. В течение сорока лет после появления публикации Б.Л. Богаевского никто из отечественных историков яншаоским орнаментом не занимался. В качестве исключения можно упомянуть статью Ю.В. Бунакова, где автор попытался сравнить некоторые древнекитайские пиктограммы с изображениями на неолитической керамике, ограничившись при этом лишь сообщением о внешнем сходстве знаков¹⁵⁵. Кроме этого, В.С. Киселев в 1960 г. отметил «поразительные совпадения» между орнаментацией яншао и росписями Анау и Убайда¹⁵⁶. Л.С. Васильев также внес вклад в выяснение смысла изображений древнейшего китайского искусства. В монографии, посвященной генезису древнекитайской цивилизации, он отвел этой проблеме специальный раздел¹⁵⁷. В своих оценках Л.С. Васильев широко опирался на предшественников – Ю.Г. Андерсона, Б.Л. Богаевского, К. Хентце, А. Буллинг, а также использовал выводы Б.А. Рыбакова, сделанные на основе анализа орнаментации трипольской керамики.

Семантике яншаоских изображений посвящены две работы Т.И. Кашиной, представляющие собой суммарное изложение взглядов А. Буллинг, Ю.Г. Андерсона, Х. Рид, Б. Карлгрена, Б.Л. Богаевского и соответственно разделяющие все достоинства и недостатки их концепций¹⁵⁸.

Пробуждение интереса к данной проблематике в России происходит в 1980-х годах, когда была опубликована статья П.М. Кожина¹⁵⁹.

---

¹⁵⁴ *Богаевский Б.Л.* Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Изв. ГАИМК. Л., 1931. Т. 6. Вып. 8–9.

¹⁵⁵ *Бунаков Ю.В.* Китайская письменность // Китай. М.; Л., 1940. С. 351–384.

¹⁵⁶ *Киселев С.В.* Неолит и бронзовый век Китая ... С. 248.

¹⁵⁷ *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства ... С. 192–202.

¹⁵⁸ *Кашина Т.И.* Некоторые проблемы, связанные с керамикой культуры яншао // Изв. СО АН СССР. Сер. Обществ. наук. 1970. № 11. Вып. 3. С. 29–38; *Она же.* Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск: Наука СО, 1978. С. 183–202.

¹⁵⁹ *Кожин П.М.* Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследования этногенеза // Эт-

Работа носла обобщающий характер и ставила целью выработать методологию и методику структурного аспекта анализа неолитического орнамента. П.М. Кожин попытался продемонстрировать новый, основанный на строго объективных критериях подход к проблеме типологической и генетической классификации яншаоских росписей.

В отечественной литературе появился целый ряд оригинальных и содержательных работ, в центре внимания которых – интерпретация древних изображений¹⁶⁰. А в книге Я.А. Шера предпринята попытка обосновать главные принципы семантических истолкований¹⁶¹.

Одновременно с археологическими раскопками памятников неолитических культур на территории Китая начинаются исследования и на территории Центральной Азии. Однако они касаются, прежде всего, культур бронзового века. В 1897 г. Н.М. Ядринцев в статье «О следах азиатской культуры и южнорусских и скифских древностях» и П. Рейнеке в работе «О некоторых связях древних китайцев с народами скифо-сибирского круга» в «Журнале этнологии» независимо друг от друга предприняли первую попытку классификации скифо-сибирских находок¹⁶². Работы этих ученых затронули проблему, которая в дальнейшем обрела большое значение для истории искусства кочевых народов Евразии.

Вопросы, когда и благодаря кому появилось скифо-сибирское искусство, являются одними из наиболее сложных в отечественной и зарубежной историографии. Еще в конце XIX в. некоторые исследователи обратили внимание на стилевые закономерности и даже сходство

ническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 131–161.

¹⁶⁰ Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980; Березкин Ю.Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л.: Наука, 1983; Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен // Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухина, М.Н. Погребовой. М.: Языки славянских культур, 2006.

¹⁶¹ Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии ...

¹⁶² Ядринцев Н.М. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях // Труды археологического съезда. VIII. Т. IV. М.: Товарищество: типография А.И. Мамонтова, 1897. С. 176.

между минусинскими и северокитайскими (ордосскими) бронзами¹⁶³. С.А. Теплоухов и Э.Х. Минз одними из первых связали группу предметов скифо-сибирского звериного стиля с «карасукской культурой» X–VIII вв. до н.э. и Северным Китаем, усматривая в этом сходстве генетическую связь¹⁶⁴. С.В. Киселев считал, что карасукская культура из Аньяна (XV–XIV вв. до н.э.) через Суйюань (XIV–XIII вв. до н.э.) проникла на Енисей, где в VII в. до н.э. на ее основе сложилась тагарская культура и скифо-тагарское искусство¹⁶⁵. Обилие источников послужило основой для создания различных гипотез происхождения культуры. Они были проанализированы Э.Б. Вадецкой¹⁶⁶.

Иньская традиция стиливых изображений в Центральной Азии существенно отличается от карасукской. Эти отличия впервые выделил Б. Карлгрен в середине XX в.¹⁶⁷ М.Н. Погребова и Н.Л. Членова связывают эту традицию с металлургией Среднего и Ближнего Востока¹⁶⁸, М.И. Ростовцев относит эти орнаментальные традиции к вавилоно-ассирийскому искусству¹⁶⁹, ряд отечественных и зарубежных ученых считают, что своим происхождением они обязаны комплексу, локали-

---

¹⁶³ *Reinecke P.* Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythish sibirischen Völkerkreises // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXIX. B., 1897. S. 141–163.

¹⁶⁴ *Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии*. Л.: Рус. музей, 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62; *Minns E.H.* Small bronzes from Northern Asia // *The Antiquaries Journal*. Vol. 10. L., 1930. P. 1–23.

¹⁶⁵ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 116.

¹⁶⁶ *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986.

¹⁶⁷ *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // *BMFEA*. 1945. № 17. P. 101–144; *Ibid.* Notes on the grammar of early bronze decor // *BMFEA*. 1951. № 23. P. 1–53. Fig. 122; 371; *Варенов А.В.* Чжугагоу памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 97–102.

¹⁶⁸ *Погребова М.Н., Членова Н.Л.* Кавказский кинжал, найденный в Китае // *Сибирь и ее соседи в древности*. Вып. 3. Материалы по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1970. С. 294.

¹⁶⁹ *Ростовцев М.И.* Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // *Миф*. № 7. София: Нов български университет, 2001. С. 293.

зованному где-то в Центральной Азии. Подробно этот вопрос был рассмотрен Л.С. Васильевым¹⁷⁰.

В 1929 г. Ю.Г. Андерсон, рассматривая в своей работе древние художественные изделия, происходящие с территории Северного Китая, назвал их «суйюаньскими бронзами» (по названию провинции в Китае)¹⁷¹. В 1930 г. Э.Х. Минз предложил название «ордосские бронзы»¹⁷². Проблемы хронологии и культурной принадлежности ордосских бронз многократно поднимались в работах исследователей¹⁷³.

В 1962 г. С.И. Руденко была опубликована монография «Культура хуннов и Ноинулинские курганы», в которой он проделал сопоставительный анализ художественных изделий хуннских памятников Забайкалья, Ноин-Улы, Сибирской коллекции Петра I, алтайских курганов скифо-сарматского времени и наиболее характерных ордосских предметов из других памятников¹⁷⁴. А.В. Давыдова проводила археологические исследования в Дерестуйском могильнике и пришла к выводу о возможности выделения хуннского пласта среди многих сибирских художественных бронз, выполненных в «зверином стиле»¹⁷⁵. М.И. Артамонов в книге «Сокровища саков», вышедшей в 1973 году, анализируя стилистические особенности забайкальских, монгольских и ордосских находок, определил их как «огрубевшие реплики ранее созданных образцов, хорошо известных в скифо-сибирском искусстве»¹⁷⁶. П.Б. Коновалов исследовал проблемы, касающиеся искусства хунну, в Забайкалье¹⁷⁷.

---

¹⁷⁰ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. С. 274.

¹⁷¹ Andersson J.G. Der Weg über die Steppen // BMFEA. 1929. № 1. P. 145.

¹⁷² Minns E.H. Small bronzes from Northern Asia // The Antiquaries Journal. Vol. 10. L., 1930. P. 35.

¹⁷³ Историографию см.: Богданов Е.С., Кузнецов Д.В. Ордосские художественные бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (6). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 104–111.

¹⁷⁴ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

¹⁷⁵ Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 94.

¹⁷⁶ Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. С. 160, 236.

¹⁷⁷ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. книжное изд-во, 1976. С. 73; Он же. Центральноазиатский очаг скифо-сибирского культурно-исторического единства // Историко-культурные связи

Начиная с 1970-х годов С.С. Миняевым проводились специальные исследования в области изучения бронзолитейного производства у хунну¹⁷⁸. Проблемы хронологии и культурной принадлежности ордосских бронз многократно поднимались в работах исследователей. Подробно этот вопрос был рассмотрен в статье Е.С. Богданова и Д.О. Кузнецова¹⁷⁹. Из зарубежных исследователей второй половины XX в. наиболее интересны для нашей темы работы Э. Банкер¹⁸⁰, предположившей существование ряда региональных культур с самостоятельными художественными и металлургическими традициями, которые могли быть взаимосвязаны между собой и иметь общие черты, но не обязательно должны быть идентифицированы с хунну¹⁸¹.

народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 29–35; *Он же*. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // *Древние культуры Монголии*. Новосибирск, 1985. С. 47.

¹⁷⁸ *Миняев С.С.* Бактрийские латуни в сюннских памятниках // *Бактрийские древности*. Л.: Наука, 1976. С. 109–110; *Он же*. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями: по данным спектрального анализа // *Дэвлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. САИ. Вып. 4–7. М.: Наука, 1980. С. 29–34; *Он же*. Бронзовые изделия сюнну: типология, производство, распространение. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1982; *Он же*. Производство бронзовых изделий у сюнну // *Древние горняки и металлурги Сибири: Межвузовский сборник*. Барнаул, 1983. С. 47–84; *Он же*. О дате появления сюнну в Ордосе // *Проблемы хронологии в археологии и истории*. Барнаул, 1991. С. 108–120; *Он же*. Художественная бронза сюнну проблема формирования сюжетов и образов // *Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Материалы конференции*. Ч. II. СПб., 1993. С. 88–92; *Он же*. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // *АВ*. 1995. № 4. С. 121–135; *Он же*. Бронзовая пластина-пряжка из дерестуского могильника // *АВ*. 1998. № 5. С. 155–158.

¹⁷⁹ *Богданов Е.С., Кузнецов Д.В.* Ордосские художественные бронзы ... С. 104–111.

¹⁸⁰ *Rawson J., Bunker E.* Ancient Chinese and Ordos Bronzes. Catalogue exhibition. Hong Kong: The Royal Asiatic Ceramic Society, 1990; *So J., Bunker E.* Traders and raiders on china's northern frontiers. Seattle; L.: Arthur M. Sackler Gallery, 1995; *Bunker E.* Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. N.Y.: Arthur M. Sackler Fondation, 1997.

¹⁸¹ *Bunker E.* Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes ... P. 77.

Значительный вклад в изучение археологических материалов с территории Древнего Китая, а также по аналогиям древних артефактов в памятниках Центральной Азии внесли китайские, японские¹⁸² и европейские исследователи. Первоначально западные ученые уделяли внимание отдельным разделам культуры кочевых народов Севера, в частности «звериному стилю» в искусстве, предметам вооружения. Проблемой «китайско-сибирских» бронз на первоначальном этапе занимались П. Райнеке, Э. Минз, А. Тальгрэн, М. Ростовцев, А. Сальмони. Ведущая роль в области исследования древнекитайских и ордосских бронзовых изделий долгое время принадлежала шведским востоковедам – Б. Карлгрэну, О. Карлбеку и О. Йенсу. Ю.Г. Андерсон опубликовал несколько специфических бронзовых изделий, которые позволили выделить самостоятельную провинцию «звериного стиля» на территории Китая – суйюаньскую. Сравнивая эти материалы с изделиями других районов, Ю.Г. Андерсон показал значительную культурную роль степных обитателей Евразии¹⁸³. Позже он предложил назвать эту провинцию ордосской¹⁸⁴. Он сравнил находки из зоны Ордоса с коллекциями Минусинского музея и отметил их сходные черты. В конечном счете он пришел к выводу, что часть их принадлежала сюнну¹⁸⁵ ханьского и доханьского времени¹⁸⁶. Как стало известно позднее, в «ордосской коллекции» были представлены изделия не только сюнну, но и дунху и иных культурных традиций. Но в целом публикации Ю.Г. Андерсона сохраняют свою ценность до сих пор при реконструк-

---

¹⁸² Подробный анализ китайской и японской историографии см.: Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 13–27.

¹⁸³ Andersson J.G. Der Weg über die Steppen // BMFEA. 1929. № 1. P. 143–165.

¹⁸⁴ Andersson J.G. Selected Ordos Bronzes // BMFEA. 1933. № 5. P. 142–154.

¹⁸⁵ Сюнну, хунну и гунны (кит. сюнну; монг. хунну-хунну; греч. hunnoi; лат. chunni, hunni) – названия кочевых племен, образовавших племенной союз в Центральной Азии. Разночтения в названиях этого народа объясняются тем, что нет адекватной фонетической формы, чтобы передать это название унифицированно, поэтому мы будем использовать тот вариант названия этого племенного союза, который используется в переводе источника или приводится в соответствующем историографическом исследовании.

¹⁸⁶ Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. 1932. № 4. P. 221–317; *Ibid.* Selected Ordos Bronzes ... 142–154.

ции этнокультурных процессов в степной зоне Центральной и Северной Азии.

Б. Карлгрен основное внимание уделял бронзам Центральной равнины¹⁸⁷. При изучении этих находок он проанализировал надписи и орнаменты и предложил новую периодизацию бронзовых изделий.

Начиная с конца 1930-х годов в различных изданиях стали появляться статьи М. Лера, посвященные бронзовым изделиям древнего Китая. Он отмечал значительную степень общности между сибирскими и сююаньскими находками и проследил их влияние на оружие собственно Китая¹⁸⁸. Выяснилось, что в происхождении и развитии многих китайских форм оружия значительную роль сыграли северные и западные влияния – вплоть до Поволжья, Ирана и Месопотамии. Особенно большое значение, по мнению М. Лёра, имели культуры бронзового века Сибири¹⁸⁹.

Среди работ 1950-х годов интерес представляет большая статья К. Йеттмара¹⁹⁰. В ней подчеркивалась идея этнической неоднородности носителей ордосских бронз. Проследивая на конкретных категориях изделий параллели между Минусинской котловиной и Ордосом, К. Йеттмар отмечал также роль их контактов с китайскими культурами¹⁹¹.

Значительное внимание уделено археологии Китая У. Уотсоном. Его монография «Культурные границы в древней Восточной Азии» посвящена анализу материалов, связанных с проблемой евразийских контактов в древности¹⁹². Привлекая большой объем накопленных данных, автор доказывал существование широкой контактной зоны,

---

¹⁸⁷ *Karlgren B.* Yin and Chou in Chinese bronzes // *BMFEA*. 1936. № 8. P. 9–156.

¹⁸⁸ *Loehr M.* Weapons and Tools from Anyang and Siberian analogies // *AJA*. 1949. Vol. 53. P. 126–144.

¹⁸⁹ *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956. XIII.

¹⁹⁰ *Jettmar K.* The Karasuk culture and its south-eastern affinities // *BMFEA*. 1950. № 22. P. 83–126.

¹⁹¹ В одной из работ К. Йеттмар утверждает, что у племен, принимавших участие в разгроме Шан, прослеживаются культурные черты восточно-европейского происхождения. См.: *Jettmar K.* Cultural and Ethnic Groups West of China // *Asian Perspectives* (Honolulu). 1985 (1981). Vol. 24. № 2. P. 149.

¹⁹² *Watson W.* Cultural Frontiers in Ancient East Asia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971.

которая проходила через степные районы Евразии. Диффузия здесь осуществлялась в обоих направлениях – как с запада на восток, так и с востока на запад, но большинство новшеств возникало под влиянием высокоразвитых цивилизаций соседних регионов.

Говоря о проблеме идентификации древних памятников североки-тайских кочевников, Э. Банкер¹⁹³ предположила существование ряда региональных культур с самостоятельными художественными и металлургическими традициями, которые могли быть взаимосвязаны между собой и иметь общие черты, а репертуар образов может указывать на этническую или политическую близость с Саяно-Алтаем, а также, возможно, на общую систему верований¹⁹⁴.

Следует упомянуть также работы Н. Барнарда, Д. Гудрича, М. фон Деваль, Д. Кейтли, Дж. Тристман, В. Чейза, посвященные различным аспектам изучения бронзового века Китая. Кроме того, за последнее десятилетие на Западе опубликовано множество книг под многозначительными названиями «Древний Китай» или «Древние китайцы», но в основном они, как правило, популярно излагают известные факты и не вносят каких-либо новых идей в изучение китайско-центральноазиатских контактов.

Поскольку предметы быта и военное снаряжение (в отличие от артефактов, связанных с духовно-ритуальной жизнью) довольно четко отражают процессы взаимовлияния культур даже в незначительных временных рамках, то основные обобщающие выводы о контактах ученые делают, рассматривая, прежде всего эти комплексы находок. Именно этот аспект материальной культуры лег в основу исследований советских и российских ученых.

Первые публикации отечественных ученых, в которых прямо или косвенно затрагивались проблемы контактов, касались, прежде всего, находок в Центральной Азии. Впервые вопрос о влиянии азиатской культуры на древности Запада поставил в конце XIX в. Н.М. Ядринцев. В начале XX в. в столь же общем плане о некотором воздействии древнекитайской цивилизации на сибирскую бронзовую культуру упо-

---

¹⁹³ Rawson J., Bunker E. Ancient Chinese and Ordos Bronzes ...; So J., Bunker E. Traders and raiders on china's northern frontiers ...; Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes ...

¹⁹⁴ Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes ...

минал В.А. Городцов¹⁹⁵. О культурных параллелях бронзового века Китая и Минусинской котловины писал и С.А. Теплоухов¹⁹⁶. Однако разработка проблемы контактов Китая с народами северной части Центральной Азии на современном уровне была начата С.В. Киселевым¹⁹⁷. Еще в 1930-е годы он пришел к мысли о том, что характерные для карасукских памятников предметы помимо Минусинского края распространены также на восток до Нерчинска, найдены в Монголии и Ордосе. Они чрезвычайно близки к монетным ножам чжоуского Китая. Он считал, что возможно их южное, сравнительно с Енисеем, первоначальное распространение. Эти идеи получили затем дальнейшее развитие, подкрепляясь большим по объему археологическим материалом многолетних раскопок в Хакасии и на Алтае. Наиболее полно С.В. Киселев изложил свои взгляды в монографии «Древняя история Южной Сибири»¹⁹⁸. Он считал, что многие предметы вооружения и украшения были принесены в Минусинскую котловину племенами, которые населяли север Китая, а они, в свою очередь, начали производить эти изделия под влиянием шан-иньских и чжоуских образцов. Проникновение северокитайских переселенцев с суйюаньскими бронзами на Енисей С.В. Киселев относил к концу династии Шан.

Такой подход к вопросу происхождения сибирских культур вызвал серьезную критику ученых того времени. М.П. Грязнов, например, считал, что хотя некоторые формы изделий заимствовались с юго-востока от племен Монголии или создавались совместно с ними в процессе культурного общения, но роль Китая в этих контактах сильно преувеличена. Особую критику вызвало утверждение С.В. Киселева об участии элементов культуры Древнего Китая в сложении карасукской культуры на Енисее¹⁹⁹. Отвечая на критику, С.В. Киселев не только не

---

¹⁹⁵ Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований. XVIII – первая треть XX в. Новосибирск: Наука, 1986.

¹⁹⁶ Теплоухов С.А. Металлический период // Сибирская Советская Энциклопедия. 1932. Т. 3. С. 400–415.

¹⁹⁷ Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. № 1. С. 228–243.

¹⁹⁸ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 142–159, 177–183.

¹⁹⁹ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка // МИА. № 48. 1956. С. 41 и далее.

согласился с замечаниями М.П. Грязнова, но и заявил, что восточно-азиатская генетическая линия «...вообще гораздо более сильна, чем мы считали»²⁰⁰. Он снова повторил свою мысль о культурах района Ордоса и провинции Жэхэ, что именно они оказали заметное влияние на развитие культур бронзового века Монголии, Забайкалья и Южной Сибири²⁰¹. В последующие годы он продолжал разрабатывать свои взгляды о воздействии культур бронзы Китая на обширные территории Сибири и Восточной Европы (для доказательства использовались результаты анализа распространения бронзовых кельтов). В то же время он отмечал внезапное появление высокоразвитой бронзовой индустрии в Китае и предполагал, что истоки ее следует искать на территории Центральной Азии²⁰². По мнению С.В. Киселева, обоюдные контакты продолжались в западножюуское время и в период Чуньцю. Однако для той эпохи он, прежде всего, отметил оригинальное развитие собственно китайских форм.

Исследования С.В. Киселева, хотя и касаются в основном периода Шан-Инь, полезны также и для изучения культур других исторических периодов. Постановка вопроса о необходимости использования китайских древностей для датирования центральноазиатских и сибирских культур оказалась правомерной и перспективной при дальнейших исследованиях.

Основные идеи С.В. Киселева получили позже развитие в работах его учеников В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой. В.В. Волков считал, что количество и разнообразие форм изделий карасукского типа в Ордосе, Забайкалье, Монголии позволяет предполагать, что движение и

---

²⁰⁰ Киселев С.В. Рец. на кн.: М.П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка (Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956) // СА. 1958. № 1. С. 278.

²⁰¹ Киселев С.В. Археологический очерк (в статье «Китай») // БСЭ. 2-е изд. 1953. Т. 21. С. 197–198; Он же. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 17–60.

²⁰² По мнению С.В. Киселева, примерно в середине II тыс. до н.э. шанская культура подверглась воздействию со стороны сибирских и восточноказахстанских очагов бронзовой индустрии (сейминско-турбунский комплекс). «И лишь во вторую очередь, после создания аняннского стиля бронзолитейного искусства Китая, началось обратное движение, отмеченное распространением в Забайкалье и на Саяно-Алтае культур карасукского типа». См.: Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая ... С. 265.

проникновение новых форм шло с юга на север, из центральноазиатских степей в Сибирь²⁰³. Он широко использовал материалы по центральноазиатскому и отчасти древнекитайскому оружию для датировки оленных камней Монголии²⁰⁴. Э.А. Новгородова, посвятившая карасукской проблеме специальное исследование, считает, что именно среди центральноазиатских народов следует искать предков карасукских племен. Она отметила их большое влияние на металлургию собственно Китая²⁰⁵.

Иной точки зрения придерживалась Н.Л. Членова²⁰⁶. В рамках своей глобальной концепции развития бронзового века Евразии в конце 2 – начале 1 тыс. до н.э. она изучила элементы сходства ордосских и китайских бронз с бронзами западных культур. Н.Л. Членова детально разработала западную хронологическую шкалу для датировки находок на территории Сибири. В итоге возникла парадоксальная ситуация: параллели сибирских культур, установленные в свое время на основе сравнения с китайскими комплексами²⁰⁷, остались прежними, тогда как возраст самих этих комплексов в значительной степени удревнился.

Большое внимание китайской археологии уделял А.П. Окладников. Он, в частности, писал о значительной роли Забайкалья в становлении и развитии культур бронзы степного Востока, которые оказывали значительное влияние и на Китай²⁰⁸. Исследуя некоторые предметы карасукской культуры в совместной с Р.С. Васильевским книге он пришел к выводу, что эта культура распространялась с запада на восток, достигнув пределов Северного Китая²⁰⁹. Рассматривая историю народов

---

²⁰³ Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967.

²⁰⁴ Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.

²⁰⁵ Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.

²⁰⁶ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967; Она же. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972; Она же. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.

²⁰⁷ В настоящее время восточная шкала хронологии существенно пересматривается в сторону удревнения.

²⁰⁸ Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

²⁰⁹ Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск: Наука, 1980.

Дальнего Востока, используя археологические материалы Северного Китая, он пришел к выводу о единстве культуры аборигенов северо-востока Китая в 1 тыс. до н.э., а также к заключению, что носители этой культуры были предками тунгусов²¹⁰.

Помимо вышеназванных работ можно упомянуть также публикации Е.Н. Черных, Е.Е. Кузьминой, М.Д. Хлобыстиной, П.М. Кожина. К материалам Ордоса, Северо-Восточного и Северного Китая обращались и другие отечественные археологи, изучающие бронзовый и ранний железный век Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии в целом²¹¹.

Особо следует отметить работы археологов Новосибирска. Анализ исследования древностей Восточной Азии на основании оригинальных работ китайских и японских археологов проведен в публикациях В.Е. Ларичева²¹². Ему удалось наметить культурные связи Маньчжурии с Китаем эпохи Инь-Чжоу, с Ордосом, Монголией, а через них с Сибирью, Казахстаном и еще дальше на запад.

После 1970-х годов вышло в свет несколько монографических исследований, посвященных анализу древнейшего прошлого народов Китая. Этнической истории древнего Китая посвящена коллективная монография М.В. Крюкова, М.В. Софронова и Н.Н. Чебоксарова²¹³. По

---

²¹⁰ Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1973; Он же. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976.

²¹¹ Обзор этих работ до конца 1960-х годов приводится в книге А.П. Деревянко. См.: Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск: НГУ, 1970. Ч. 1.

²¹² Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Сер. ист. Т. 1. Саранск. 1959. С. 75–95; Он же. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 63–73; Он же. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Автореф. дис. ... к.и.н. Л.: ИА, 1960; Он же. Бронзовый век Северо-Восточного Китая // СА. 1961. № 1. С. 3–25; Он же. Азия далекая и таинственная. Новосибирск: Наука, 1968; Он же. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8–39.

²¹³ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза ...

их мнению, чжоуское завоевание способствовало складыванию древнекитайской этнической общности «хуася». Она была автохтонной для бассейна Хуанхэ, что не исключает активного воздействия на нее в процессе становления со стороны различных племен, говоривших на сино-тибетских, протоалтайских, австроазиатских и австронезийских языках, а также народов, принадлежавших к «скифскому миру». На окраинах эти влияния были значительно сильнее, поэтому многие чжоуские царства вплоть до IV–III вв. до н.э. не входили в сферу хуася либо занимали промежуточное положение.

Важными для оценки взаимодействия народов Восточной и Центральной Азии в древности и раннем средневековье стали современные исследования П.М. Кожина²¹⁴, Ю.С. Худякова²¹⁵, С.А. Комиссарова²¹⁶, С.В. Алкина²¹⁷ и др., которые активно привлекают отечественный, китайский, японский и европейский археологический и историографический материал.

Сибирское отделение Академии наук сначала СССР, а затем России на протяжении нескольких десятилетий публикует серию трудов и сборников по наиболее важным вопросам истории Китая «История и культура востока Азии»²¹⁸. Несколько томов посвящены вопросам ар-

---

²¹⁴ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011.

²¹⁵ Худяков Ю.С. Актуальные проблемы изучения взаимодействия этносов и культур Евразии в древности и средневековье // Восток. 2005. № 3. С. 139–141; Он же. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004; Он же. Оружие и военная техника древних и средневековых народов Евразии // Восток. 2006. № 2. С. 160–166; Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002; Они же. Особенности этнокультурогенеза кочевников Восточного Туркестана в древности и средневековье // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул: Изд-во АзБука, 2003. С. 314–321.

²¹⁶ Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск: Наука СО, 1988.

²¹⁷ Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: СО РАН. 2007.

²¹⁸ Центральная Азия и Тибет. История и культура Востока Азии. Материалы к конференции. Новосибирск: Наука СО, 1972; Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974; Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО,

хеологии Китая²¹⁹. В томах серии «Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы» древности Восточной Азии анализируются на широком фоне ранней истории соседних с нею столь же обширных и значимых по своеобразию и мощности влияния культур Центральной Азии²²⁰. В этой серии представлены статьи и монографии по палеолиту и неолиту, а также археологии эпохи Инь, Чжоу и Западной Хань; публикуются обзоры, охватывающие материалы основных культурно-хронологических этапов ранней истории Восточной Азии; а также статьи, посвященные отдельным наиболее интересным открытиям и находкам последних десятилетий²²¹.

1975; *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука СО, 1983; *Чжан Яцин.* Керамика неолитических культур Восточного Китая. (История и культура востока Азии). Новосибирск: Наука СО, 1984; *Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии / Сер. История и культура востока Азии / отв. ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука СО, 1985; *Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Сб. ст. / Сер. История и культура востока Азии / отв. ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985; *Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988; *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы; Китай в эпоху древности / Сер. История и культура востока Азии / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1990; *Центральная Азия и соседние территории в средние века / ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука, 1990; *Северная Азия и соседние территории в средние века / Сер. История и культура Востока Азии / ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука СО, 1992; *Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Сб. ст. / отв. ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1994; *История и культура востока Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С.В. Алкин. Т. 1–2.* Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002.

²¹⁹ *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла / ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука СО, 1978; *Дальний Восток и соседние территории в средние века / отв. ред. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука, 1980.

²²⁰ *Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / ред., предисл. В.Е. Ларичев.* Новосибирск: Наука, 1984.

²²¹ *Bemann J., Ahrens B., Grutzner C.* Geoarchaeology in the Steppe. First Results of the Multidisciplinary Mongolian-German Survey Project in the Orkhon Valley, Central Mongolia // *Археологийн судлал.* 2011. № 30. P. 69–97.

Начиная с 1970-х гг. для анализа бронзовых предметов в археологических исследованиях стали применяться различные стабильные изотопы²²² и изотопы свинца²²³.

Изотопная систематика по свинцу была проведена по бронзовым артефактам из памятников скифского времени Минусинской и Уюкской (Тува) котловин. Проанализированы бронзовые изделия из элитного кургана Аржан-2 (Тува) – бронзовые котлы, молот, наконечники стрел; из могильников Теплая и Баданка-III–IV (юг Красноярского края) – зеркала, ножи, удила, псалии; из могильников тагарской культуры (Минусинская котловина) Иптыг, В. Аскиз, Казановка-II-III, Б. Ерба-I, Шаман Гора и Колок – боевые топоры, чеканы, кинжалы, ножи, зеркала и украшения одежды²²⁴.

---

²²² Изотопы углерода 13 и азота 15 стали использоваться для реконструкции палеодиеты. См.: *Van der Merwe N.J., Vogel J.C.* 13C content of human collagen as a measure of prehistoric diet in Woodland North America // *Nature*. 1978. № 276. P. 816.

²²³ *Kon'kova L.V., Fefelov N.N., Zarudneva N.V.* The isotope composition of the bronzes from archaeological sites in the south of the Soviet Far East // *Bulletin of the metals museum*. Aoba, 1990. Vol. 15. P. 42. Изотопная систематика по свинцу основана на том, что в природных минералах, в частности в рудах, всегда присутствует некоторое количество долгоживущих изотопов урана и тория. За счет их радиоактивного распада с момента формирования горной породы или минерала образуются радиогенные изотопы свинца. В процессе обработки руд и последующего металлургического процесса получения бронзы изотопные составы свинца не изменяются и сохраняются изотопные метки различных месторождений.

²²⁴ *Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Дергачев В.А., Дирксен В.Г., Лохов К.И., Капитонов И.Н.* Заселение степной зоны северной Евразии в эпохи бронзового – железного веков (2-е тысячелетие до н.э. – 1-е тысячелетие н.э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям* / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2010. С. 73–83; *Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* 14C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian time // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia* / eds. M. Scott, A. Alekseev and G. Zaitseva. Science Series IV. Earth and Environmental Sciences – Vol. 42. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 83–89; *Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N.* New radiocarbon dates from the Siberian Steppe Zone and

С конца 1990-х годов в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН начато создание компьютерной базы данных, которая сейчас включает около 8 тыс. определений, выполненных как в лаборатории ИИМК РАН, так и взятых из литературных источников. В настоящее время более 2 тыс. определений относятся к памятникам бронзового – железного веков Евразии, включая регионы Европейской части России, Западной и Восточной Сибири и Монголии. Исследуемые памятники расположены между 42–54° с.ш. и 28–11° в.д., охватывая практически весь пояс евразийских степей. Эти базы данных используются для хронологических сопоставлений. Кроме того, определены позиции ключевых памятников исследованных регионов на календарной временной шкале. Для исследования памятников были использованы стабильные изотопы углерода и азота. Наибольший интерес представляет использование изотопов стронция в костных остатках, позволяющее определить место рождения индивида и возможную миграцию²²⁵.

Особенно информативные результаты археологических материалов дает применение изотопов стронция²²⁶. Изотопный состав стронция может служить индикатором места рождения и достижения зрело-

---

consequences for the regional Bronze Age chronology // Actes du colloque «C14 Archeologie». 1998. Revue d'Archeometrie (Supplement 1999). P. 305–309; Hajdas I. Radiocarbon dating and its applications in Quaternary studies // Recent progress in Quaternary dating methods / eds. F. Preusser, I. Hajdas, S. Ivy-Ochs. Quaternary Science Journal, Vol. 57, № 1/2. Stuttgart, 2008. P. 2–24; Pechenkina E.A., Ambrose S.H., Ma Xiaolin, Benfer Jr.R.A. Reconstructing Northern Chinese Neolithic Subsistence Practices by Isotopic Analysis // Journal of Archaeological Science. 2005. Vol. 32. P. 1176–1189.

²²⁵ Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Бурова Н.Д. и др. Заселение степной зоны северной Евразии в эпохи бронзового – железного веков ... С. 73–74.

²²⁶ Соотношение изотопов стронция может идентифицировать провинции проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическим возрастом, поэтому почвы и воды в различных регионах должны быть различны по изотопному составу стронция, который фиксируется в костной ткани живых организмов, как и кальций. Отличительной биогеохимической чертой стронция является его фиксация в костной ткани во время роста скелета и в дальнейшем, при смене места обитания, в котором изотопный состав стронция может быть отличен. Не происходит изотопного обмена по стронцию, если костная ткань уже не растет.

сти и индикатором миграции племени, если в различных скелетах соответственно разного возраста наблюдаются отличия в изотопном составе. Базой археологических материалов для исследования по этому признаку являются образцы человеческих костей из захоронений поздней бронзы Южной Сибири²²⁷ и Восточной Азии.

Необходимость максимально детального исследования контактов населения древнего Китая и Центральной Азии определила ряд неотложных задач. В первую очередь, учитывая необходимость и актуальность разработок общеисторической и общекультурной проблематики, в распоряжение специалистов по древнейшей истории Азиатского региона необходимо предоставить по возможности более детальную, а в хронологическом плане широкую, от палеолита до железного века, информацию о результатах раскопок памятников культуры Китая и Центральной Азии. Введение в научный оборот подробного обзора материалов по археологии Восточной и Центральной Азии следует сопровождать детальным ознакомлением с основными выводами археологов по ключевым проблемам ранней истории региона и его древних культур, их теоретическими обобщениями, общеисторическими построениями и концепциями.

2.4. Публикация, интерпретация и исследование археологических материалов этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии после открытия Шелкового пути

Изучение и осмысление характера этнокультурных контактов Китая с окружающими народами было одним из основных сюжетов мировой историографии. Постановка основных теоретических проблем разработки концепций внешней политики Китая с древнейших времен стала актуальной во второй половине XX в., когда было накоплено и исследовано необходимое количество источников. В 1960-е годы вышли в свет две основополагающие работы, которые в наиболее обобщенном и систематизированном виде представили синоцентрическую

---

²²⁷ Зайцева Г.И., Семенов А.А., Бузова Н.Д. и др. Заселение степной зоны северной Евразии в эпохи бронзового – железного веков ... С. 77.

концепцию строения мира, лежавшую в основе внешней политики Китая с конца 1 тыс. до н.э.

Томон Курихара посвятил свое исследование рассмотрению принятой в китайской официальной идеологии имперской доктрины устройства мира, известной как «универсальное государство /монархия/» или «мироустроительная монархия»²²⁸. Именно эта доктрина, получившая окончательное оформление в эпоху Хань, по мнению большинства исследователей, определяла характер взаимоотношений Китая с другими странами в течение большей части его истории. В основе своей эта доктрина опиралась на идею деления мира на две части, разные по своим качествам: Китай, с одной стороны, и все остальные окружающие его территории, населенные варварами, с другой²²⁹.

Вышедшая в 1968 г. под редакцией Дж. Фэрбенка книга «Китайский мировой порядок. Традиционные отношения Китая с другими государствами»²³⁰ посвящена комплексу вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений Китая с другими государствами с древнейших времен и вплоть до начала XX в. Как причину появления синоцентрического восприятия мира Ж. Фэрбэнк выделяет осознание китайцами исторического «первенства» своей культуры. В традиционных китайских терминах Китай был центром мира, а другие народы занимали по отношению к нему периферийное положение. В сфере межгосударственных отношений эти представления воплотились в теорию зависимости правителей других государств от китайского императора.

Трактовка понимания китайцами внешних связей как «даннической системы» была высказана им в статье, написанной совместно с Дэн Сянем «По поводу цинской даннической системы»²³¹. Авторы пришли к мнению, что данная модель была связана в большой мере с пред-

---

²²⁸ *Kurihera Tomonobu. Studies on the History of the Ch'in and Han Dynasties. Tokyo: Printed by Yoshikawa Kobunkan, 1960.*

²²⁹ Противопоставление этих частей стало называться «хуа и» («Китай-варвары»).

²³⁰ *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations // Harvard East Asian. Ser. 32 / ed. J.K. Fairbank. Cambridge: Harvard University Press, 1968.*

²³¹ *Fairbank J.K., Teng S.Y. On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. V. 6. № 2. P. 135–246.*

ставлениями китайцев об их культурном, а не политическом преобладании над окружающими народами.

Это, вероятно, можно объяснить тем, что китайцы воспринимали свою культуру не как китайскую, а как единственно возможную, и китайское государственное устройство также представлялось им имеющим универсальный характер. Это мнение было высказано Ван Гунью²³² в работе, посвященной анализу свидетельств источников, прежде всего историй династий, касающихся взаимоотношений с Китаем народов, которые находились на качественно более низком уровне развития, чем китайцы.

Однако с критикой «синоцентризма» как единственной теории, характеризующей китайское ведение мира, выступил Ян Ляньшэн²³³, который своим исследованием впервые поставил под сомнение широко распространенную в литературе точку зрения о том, что китайцы практически не имели никакого представления о других цивилизациях или не испытывали к ним никакого интереса. Он ссылается на китайские источники, в которых подробно и с большой точностью описывается Восточная Римская империя, Индия и другие государства.

В отечественной синологии большое внимание разработке вопросов китайской теории внешних связей уделяли Л.С. Переломов, А.А. Бокщанин, А.С. Мартынов, Ю.Л. Кроль, С.Н. Гончаров, Л.И. Думан и многие другие.

А.А. Бокщанин считает, что китайскую теорию внешних связей можно охарактеризовать как теорию не «даннической», а «вассальной зависимости» других государств от Китая. Под «вассальной зависимостью» он подразумевает зависимость самого общего характера, как «зависимость низших от высшего»²³⁴.

Л.И. Думан в своей работе по исследованию истоков формирования системы китайских внешних связей подчеркивал ее устойчивость,

---

²³² Wang Gungwu. Early Ming Relations with Southeast Asia: A Background Essay // The Chinese World Order / ed. J.K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 34–62.

²³³ Yang Lien-sheng. Historical notes on the Chinese World Order // The Chinese World Order / ed. J.K. Fairbank. Cambridge: Harvard University Press, 1968. P. 20–34.

²³⁴ Бокщанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 129–142.

обеспечившую функционирование вплоть до XX в. Он объяснял это тем, что эта система является лишь частью комплекса китайских представлений о мире²³⁵.

Не противоречит этому мнению А.С. Мартынова, который считает, что «с эпохи Хань и вплоть до 2-й половины XIX века китайское общество пользовалось одной неизменной в своих главных чертах доктриной внешних сношений», которая была построена на «принципе соответствия законов природы и общества»²³⁶.

Ю.Л. Кроль в китайской модели мира выделяет не два элемента, как было принято раньше – Китай и «варвары», а три, включая императора²³⁷. Влияние мироустроительной деятельности императора ослабевает по мере удаления от центра. Это, по мнению исследователя, свидетельствует об иерархической организации социума.

Основная научная дискуссия 1980-х годов развернулась вокруг возникшего еще в 1960-е годы в мировом Китаеведении вопроса о том, являлась ли теория синоцентризма единственной в восприятии китайцами внешнего мира²³⁸. В России разработка этого вопроса, получила

---

²³⁵ *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье / отв. ред. С.Л. Тихвинский, Л.С. Переломов. М.: Наука, 1970. С. 13–36; *Он же.* Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: наука, 1972. С. 199–213; *Он же.* Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.

²³⁶ *Мартынов А.С.* О двух типах взаимодействия в традиционных китайских представлениях о государстве и государственной деятельности // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. VI. М.: Наука, 1970. С. 90–92.

²³⁷ *Кроль Ю.Л.* Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной (II в. до н.э. – II в. н.э.) // НАА. 1978. № 6. С. 45–58; *Он же.* О концепции «Китай и варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 13–29; *Он же.* Пространственные представления в полемике ханьских мыслителей (по материалам трактата «Янь те лунь») // VI научн. конф. «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 117–129.

²³⁸ Подробно этот вопрос рассмотрен в диссертации М.В. Исаевой «Представление о мире и государстве в Китае в III–VI вв. (по данным «нормативных историописаний»)». М., 1992 и в опубликованной по той же теме монографии. См.: *Исаева М.В.* Представление о мире и государстве в Китае в III–VI вв. (по данным «нормативных историописаний»). Автореф. дис. ... к.и.н. М.: Ин-т Востоковедения, 1992; *Она же.* Представление о мире и государстве в Китае

отражение в материалах ежегодной конференции «Общество и государство в Китае». В ней приняли участие М.В. Крюков, А.С. Мартынов, Ю.Л. Кроль, С.Н. Гончаров. Не останавливаясь подробно на этой проблеме, скажем лишь, что стимулом для обсуждения послужила работа Х. Франке²³⁹, критиковавшего концепцию абсолютного синоцентризма и выявившего в истории Китая периоды (в частности VI–XII вв.), когда он находился в отношениях равенства с сильными соседями. М.В. Крюков, пойдя дальше, стал настаивать на существовании в эти периоды в Китае помимо теории синоцентризма другой равноценной ей теории, которая «признавала законность такого положения, когда Китай был одним из “двух государств”, сопоставимых по своему статусу и связанных между собой узами родства»²⁴⁰.

В целом проблема концепций внешней политики Китая в древности и средневековье на данный момент еще находится в процессе решения.

Практическое осуществление внешнеполитических доктрин и налаживание постоянных связей с государственными образованиями Восточного Туркестана, Центральной Азии и др. стало возможным с открытием и началом активного использования трасс Великого Шелкового пути, начиная со II в. до н.э. Представления о Шелковом пути в той форме, в которой они сложились в современной научной литературе, по мнению П.М. Кожина, в целом являются некоторой исследовательской фикцией, поскольку все проявления тесных прямых контактов и параллелизмов в духовной и материальной культуре между крайним Востоком материка Евразии и Западной Азией, представляются в той или иной мере следствием функционирования «Шелкового пути», трактуемого очень расширительно²⁴¹. Фактически Шелковый путь – это сравнительно устойчивая торговая дорога, трассированная от древней Чанъани (Сиань, пров. Шэньси), через Западный Край, вдоль северных

в III–VI вв. (по данным «нормативных историописаний»). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

²³⁹ Franke H. Treaties between Sung and Chin // *Sung Studies*. 1970, № 1.

²⁴⁰ Крюков М.В. Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. докл. М.: Наука, 1980. Вып. 2. С. 15–38.

²⁴¹ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 230.

предгорий Тибета (либо – Северная ветвь по бассейну Тарима), выходящая в районе Кашгара из Центральной Азии, а затем петляющая по территории западного мира, доступного знаниям и взглядам арабских и европейских средневековых торговцев и географов.

Литература, посвященная истории Шелкового пути и его функционированию, чрезвычайно обширна. В работах А. Хюльзева и М. Лева²⁴², Юй Инши²⁴³, И.М. Рашке²⁴⁴ особое внимание уделяется изучению раннего периода истории Шелкового пути. Более обширную информацию по проблемам взаимоотношений Китая с другими государствами, в том числе и по трассам Шелкового пути содержатся в исследованиях А. Стейна²⁴⁵, Ф. Бергмана²⁴⁶, А. Хермана²⁴⁷, С. Уайтфилда²⁴⁸. Среди работ китайских и японских ученых надо отметить Хуан Вэньби, К. Нагасава, Т. Окадзаки²⁴⁹, Сиратори Куракити²⁵⁰.

---

²⁴² *Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia. The Early Stage 125 BC – AD 23 / Transl. by A.F.P. Hulsewe. Introd. by M.A.N. Loewe. Leiden: E.J. Brill., 1979.

²⁴³ *Ying-shih Yü.* Trade and Expansion in Han China. A Study of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967.

²⁴⁴ *Raschke M.G.* New Studies on Roman Commerce with East // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt.* II. B.; N.Y.: De Gruyter, 1978. P. 604–1361.

²⁴⁵ *Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II. Oxf.: Clarendon Press, 1907; *Ibid.* Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I–IV. Oxf.: Clarendon Press, 1921; *Ibid.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I–III. Oxf.: Clarendon Press, 1928.

²⁴⁶ *Bergman F.* Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop-Nor region. Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. // *The Sino-Swedish Expedition.* Publication. VII. Archaeology, 1. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1939.

²⁴⁷ *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig: K.F. Koehlers antiquarium, 1938; *Ibid.* Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. B.: Weidmannsche Buchhandlung, 1910.

²⁴⁸ *Whitfield S.* Life along the Silk Road. L.: John Murray Publishers, Ltd., 1999.

²⁴⁹ Эти работы автору данного исследования знакомы преимущественно по аннотациям, ссылкам и резюме на западноевропейских и русском языках.

²⁵⁰ *Shiratori Kurakichi.* On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C. Ptolemaes // MRDTB. 1957. № 16. P. 1–34.; *Ibid.* The Geography of Western Regions // MRDTB. 1956. № 15. P. 73–163.

Особый вклад в изучение проблем, связанных с осуществлением политических и торговых контактов по Шелковой дороге, внесли отечественные ученые. А.М. Мандельштам²⁵¹, А.М. Зелинский²⁵², И.Б. Пьянков²⁵³ рассматривали главным образом центральный участок Шелкового пути, проходящий через Памир. На фоне этих исследований выделяется работа Е.И. Лубо-Лесниченко²⁵⁴, который не только проанализировал весь накопленный источниковый материал по этому вопросу, обобщил и систематизировал результаты исследований других ученых, но, главное, привлек обширный археологический материал (в частности, находки шелковых тканей), который, по его словам, является индикатором движения по Шелковому пути, а часто значительно дополняет противоречивые данные письменных источников.

Интенсивность этнокультурных контактов следует оценивать в нескольких аспектах. Во-первых, по количеству импортных товаров в местных комплексах. Во-вторых, по проявлению инородных элементов в традиционной материальной культуре. В-третьих, по способам адаптации и жизнеспособности инородных элементов (религиозных представлений, обрядов, новых орнаментальных мотивов и т.д.) в духовной сфере.

В связи с этим особого внимания заслуживают работы ученых по исследованию проникновения китайского импорта в регионы Центральной Азии: прежде всего шелка, изделий из металла (монет, зеркал), лаковых изделий, посуды и т.д.

Наибольшее внимание отечественных и зарубежных исследователей было уделено, естественно, шелку: техническим и культурным аспектам его производства, роли шелка как важной статьи китайского импорта, и, наконец, процессу распространения шелководства вначале в Восточном Туркестане, Сибири и Центральной Азии, а затем в Иране и Средиземноморье.

---

²⁵¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. // ТИИМЭ. Т. III. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957.

²⁵² Зелинский А.М. Древние пути Памира // СНВ. Вып. III. 1964. С. 120–141.

²⁵³ Пьянков И.В. «Шелковый путь» от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) // Памироведение. Вып. II. Душанбе: Дониш, 1985. С. 125–140.

²⁵⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. Сер. Культура народов Востока. Материалы и исследования. М., Наука: Вост. лит. 1994.

Интерес к шелководству, производству шелковых тканей и их распространению объясняется также обилием письменных источников, содержащих сведения по этим вопросам, а также огромным количеством накопленного археологического материала.

Среди письменных источников основной материал содержат памятники древней китайской классической литературы, энциклопедии и сборники и, главное, династийные истории, свод которых был приведен Е.И. Лубо-Лесниченко в соответствующем разделе докторской диссертации²⁵⁵.

Именно с анализа сведений, имеющихся в сочинениях, началось изучение древнекитайских шелковых тканей. Еще в XVIII в. китайский ученый Жэнь Дачунь написал работу «Объяснения шелковых тканей» («Ши цзэн»)²⁵⁶, где акцентировал внимание на выявлении типов и наименований шелковых тканей, встречающихся в древних китайских письменных источниках.

В начале XX в. было положено начало изучению проблем, связанных с шелком, на основе археологических источников. Первые материалы были привезены и опубликованы А. Стейном, исследовавшим преимущественно южный участок Шелкового пути²⁵⁷. В 1924–1925 гг. Монголо-Тибетская экспедиция Русского Географического общества под руководством П.К. Козлова исследовала в Северной Монголии памятник рубежа н.э. Ноин-Улу, давший богатейший материал шелков, который был проанализирован в институте исторической технологии ГАИМК²⁵⁸.

Шелк был главным товаром, шедшим на экспорт, и играл значительную роль во внешней политике Китая. Именно на этот его аспект обратил внимание К. Рихтгофен, введший в 70-х годах XIX в. термин «шелковый путь», рассматривая вопросы прохождения и функционирования торговых путей, связывавших Китай с близлежащими и отда-

---

²⁵⁵ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). Дис. ... д.и.н. Л.: ИВ, 1989.

²⁵⁶ Там же. С. 5–6.

²⁵⁷ Stein A. Ancient Khotan ...; *Ibid.* Innermost Asia ...; *Ibid.* Serindia ...

²⁵⁸ Тихонов И.П. Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // Сообщения ГАИМК. Т. 1. 1931. С. 17–19; Воскресенский А.А., Тихонов И.П. Технологическое изучение тканей из курганных погребений Ноин-Улы // Известия ГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. 1932.

ленными регионами²⁵⁹. Результатом активных контактов по Шелковому пути стало распространение шелководства в Восточном Туркестане, Центральной Азии, а затем в Иране и Средиземноморье. Этот процесс рассматривался Р. Хеннингом²⁶⁰, А.А. Иерусалимской²⁶¹, Вадой Хироши²⁶², Е.И. Лубо-Лесниченко²⁶³ и другими учеными.

В уже упомянутой монографии «Китай на Шелковом пути» Е.И. Лубо-Лесниченко дал подробный анализ технологических и орнаментальных особенностей китайских шелковых тканей; выявил центры их производства на территории Китая; на основе археологических и письменных материалов проследил направления распространения шелков за пределы Империи; собрал воедино и систематизировал большую часть находок шелковых тканей и изделий из них на всех участках Шелкового пути²⁶⁴. Существование такого детального и глубокого исследования избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на проблемах проникновения китайских шелковых тканей в Центральную Азию и Южную Сибирь в рамках нашей работы.

Важной статьей китайского импорта были зеркала. Наряду с другими видами вывозимых товаров они дают ценнейший материал по истории внешних связей Китая. Зеркала неоднократно копировались, что способствовало усваиванию и переработке орнаментальных мотивов и сюжетов и обогащало искусство отдаленных от Китая районов. К VII–VI вв. до н.э. относятся наиболее древние упоминания о зеркалах в древнейших письменных памятниках «Шицзине», «Шуцзине» и «Цзоч-

---

²⁵⁹ *Richthofen K.* China. Bd. 1. В.: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien, 1877.

²⁶⁰ *Henning R.* Die Einführung der Seidenraupenzucht im Byzantinerreich // *BZ.* 1933. Bd. 33. P. 295–312.

²⁶¹ *Иерусалимская А.А.* «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972.

²⁶² *Wada Hiroshi.* Prokops Rätselwort Serindia und die verplanzung des Seidenbaus von China nach dem oströmischen Reich. Köln: Inaugural-Dissertation. Philosophische Fakultät, 1970.

²⁶³ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. – III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961; *Он же.* Китай на Шелковом пути ...; *Он же.* Тканые узоры // По следам памятников истории и культуры народов Киргизстана / ред. В.М. Масон, В.М. Плоских. Фрунзе: Илим, 1982.

²⁶⁴ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути ...

жуани»²⁶⁵. Первые упоминания о находках китайских зеркал на территории Южной Сибири и Центральной Азии относятся к XVII–XVIII вв. – в книге голландца Н. Витсена, в сочинении пленного шведского офицера Ф. Страленберга. Несколько привозных зеркал находились в коллекции Д. Мессершмидта, собранной им во время путешествий 1719–1728 гг. Хотя эта коллекция не сохранилась до настоящего времени, она известна по рисункам художников XVIII в., хранящихся в архиве Российской академии наук²⁶⁶.

Наиболее древние китайские зеркала периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) были изучены Н. Барнардом²⁶⁷. Проблемам типологии и датировки китайских зеркал также посвящено несколько работ Б. Карлгрена (доведена до конца Западной Хань – I в. н.э.)²⁶⁸. В одной из своих работ он подчеркивает, что китайские зеркала отличаются чистотой металла. Это было обусловлено их ритуально-магическими свойствами, что часто находило отражения в надписях на зеркалах²⁶⁹. Работы Б. Карлгрена были продолжены А. Буллингом²⁷⁰, Л. Вандермейрсом²⁷¹, С. Камманном²⁷², Н. Томсоном²⁷³, известным японским специалистом С. Умехарой²⁷⁴.

---

²⁶⁵ *Karlgren B.* Early Chinese Mirror Inscriptions // BMFEA. 1934. № 6. P. 12–14.

²⁶⁶ *Шафрановская Т.К.* Сокровища Кунсткамеры (по рисункам художников XVIII в.) // СЭ. 1965. № 2. С. 147–156.

²⁶⁷ *Barnard N.* Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China. Tokyo: Monumenta Serica and National University of Canberra, 1961.

²⁶⁸ *Karlgren B.* Huai and Han // BMFEA. Stockholm. № 13. 1941. P. 1–125; *Ibid.* Some Pre-Han Mirrors // BMFEA. № 35. 1963. P. 1–128.

²⁶⁹ *Karlgren B.* Early Chinese Mirror Inscriptions ... P. 9–79

²⁷⁰ *Bulling A.* The decoration of some Mirrors of the Chou and Han periods // Aas. 18, 1. 1955. P. 20–43; *Bulling A.* The Decoration of Mirrors of the Han Period. Switzerland. Ascona: Artibus Asiae Publishers, 1960. 116 p.

²⁷¹ *Vandermeersch L.* Les miroirs de bronze du Musee de Hanoi. Paris: Ecole française d'Extrême-Orient, 1960. 71 p.

²⁷² *Cammann S.* The Lion and Grape Patterns on Chinese Bronze Mirrors // AA. XVI. 4. 1953. P. 265–291.

²⁷³ *Thomson N.* The evolution of the T'and Lion and Grape Vine mirrors // AA. Vol. XXIX. 1. 1967. P. 25–54.

²⁷⁴ *Umehara S.* The late Mr. Moriva's collection of ancient Chinese mirrors // AA. Vol. XVIII. 3–4. 1955.

Среди отечественных исследователей следует отметить обобщающее исследование Г.Г. Стратановича²⁷⁵. Он считал, что в древнем и раннесредневековом Китае бытовали три различных по форме типа зеркал: с ручкой (женские), плоские с отогнутым наружу бортиком (в древности они были вогнутыми), слегка чечевицеобразные (мужские). Довольно много китайских зеркал различных периодов было найдено при раскопках памятников Центральной Азии и Южной Сибири. Б.А. Литвинский собрал воедино часть материала из археологических отчетов и систематизировал находки китайских зеркал на территории Центральной Азии, уделяя преимущественное внимание образцам из Ферганы²⁷⁶. Китайские зеркала, найденные в Фергане, стали объектом исследования Н.Г. Горбуновой²⁷⁷.

М.П. Лаврова занималась комплексным исследованием китайских зеркал, найденных за пределами Китая, в частности, хранящимися в коллекции Русского музея²⁷⁸. Аналогичную работу проделал Е.И. Лубо-Лесниченко на основе материалов, собранных в Государственном Эрмитаже, музеях на территории России, Центральной Азии, зарубежных коллекциях²⁷⁹.

---

²⁷⁵ *Стратанович Г.Г.* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LXXIII. М., 1961. С. 47–80.

²⁷⁶ *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978; *Он же.* Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3. С. 97–104.

²⁷⁷ *Горбунова Н.Г.* Бронзовые зеркала Кугайско-Карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи Средней Азии и Казахстана (древность и средневековье). М.: Наука, 1990. С. 45–50; *Она же.* Кугайско-Карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3. С. 23–46.

²⁷⁸ *Лаврова М.П.* Китайские зеркала ханьского времени (Из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 1. Л., 1927. С. 1–14.

²⁷⁹ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время // СНВ. Вып. VIII. 1969. С. 70–78; *Он же.* Китайские бронзовые зеркала с изображением животных и винограда в собрании Эрмитажа // СГЭ. Вып. 32. 1971. С. 47–51; *Он же.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975.

Датировкам бронзовых зеркал, найденных в хуннских погребениях, большое внимание уделил Ц. Доржсурен²⁸⁰. Опираясь на исследование М.П. Лавровой, он изучал тип ханьских зеркал TLV, которые были найдены на памятниках Центральной Азии и Южной Сибири.

В этой же работе Ц. Доржсурен привел подробный анализ китайских бронзовых монет, уделив особое внимание специфическим особенностям разновидностей монет «у-шу», выпускавшимся в Китае на протяжении восьми сотен лет (с 118 г. до н.э. до 618 г. н.э.). Проблеме проникновения китайских монет на Запад посвящены работы О.И. Смирновой²⁸¹, Е.В. Зеймаль²⁸², Б.А. Литвинского²⁸³ и др. На основе находок многочисленных китайских монет²⁸⁴ в Минусинской котловине С.В. Киселев проследил периодичность и интенсивность взаимоотношений кыргызов с Китаем и даже выявил определенную зависимость этих связей от политических событий в регионе²⁸⁵.

Одним из аспектов китайского влияния на культуру Запада стало проникновение некоторых технологических особенностей и орнаментальных мотивов в изготовлении серебряных блюд, чаш, кувшинов и т.д., которые были успешно восприняты центральноазиатскими мастерами художественной обработки металла. Большое внимание исследованию орнамента на китайских изделиях из серебра и разработке

---

²⁸⁰ Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-гол (1954–1957) // Монгольский археологический сборник / отв. ред. С.В. Киселев. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1962. С. 36–44.

²⁸¹ Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М.: Изд-во восточной литературы, 1963; Она же. Монеты древнего Пенджикента // МИА. № 66. 1958. С. 216–280.

²⁸² Зеймаль Е.В. Сино-кхароштийские монеты (к датировке Хотанского двуязычного чекана) // СНВ. Вып. X. М., 1971. С. 109–120.

²⁸³ Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии) // Могильники Западной Ферганы. I. М.: Наука, 1972.

²⁸⁴ Например, коллекция танских монет насчитывает более 300 экземпляров. Там также хранятся китайские плуги (VI–X вв.). См.: Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. // ВДИ. 1939. № 4. С. 160.

²⁸⁵ Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргыз // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 94–96.

его хронологии для VIII–IX вв. уделил Б. Гилленсворд²⁸⁶. Принимая во внимание результаты его исследований и опираясь на археологические находки на памятниках Центральной Азии и Южной Сибири Б.И. Маршак собрал довольно значительный материал по аналогиям и заимствованиям из китайского искусства в западной тюретике²⁸⁷.

Степень обеспеченности фактическим материалом (большое количество предметов китайского импорта, найденного в инвентаре памятников на территории Центральной Азии, Южной Сибири, Монголии и Китая) подтверждает сопричастность Китая к событиям политической истории западных и северных государственных объединений (Кыргызского, Уйгурского и др.) и отдельных народов. Достижения отечественной и зарубежной науки дают нам возможность выделить в истории Центральной Азии и Южной Сибири пласт ее взаимодействия с китайской цивилизацией.

---

²⁸⁶ *Gyllensvärd B.* Tang Gold and Silver. Göteborg, 1958.

²⁸⁷ *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971.

ЧАСТЬ II. ДРЕВНЕЙШИЕ КОНТАКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПРЕДЫСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Глава 1. Антропологические свидетельства контактов на территории Восточной и Центральной Азии

Вопросы этногенеза и этнической истории любого региона или любого народа могут решаться только в процессе согласованного труда ученых различных специальностей. Антропологам принадлежит в этом содружестве не решающая, но заметная роль, особенно в освещении таких проблем, как преемственность населения на той или иной территории, направление (отчасти и время) миграций, характер взаимодействия между соседними этносами, соседними народами. Антропология – наука биологическая, но антропологические типы отдельных популяций формируются на основе тех же самых групп людей, что и народы – этносы²⁸⁸. События, связанные с начальной стадией освоения человеком территории Китая и Центральной Азии, а также особенности последующего развития в пределах ранних культур каменного века можно понять лишь при комплексном решении проблемы, т.е. с привлечением данных геологии и палеонтологии, позволяющих воссоздать природное окружение, в котором оказались здесь первые представители гоминид²⁸⁹.

---

²⁸⁸ Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. Вып. 2. М.: Наука, 1981. С. 16; *Dennell R.* Hominid Dispersals and Asian Biogeography during the Lower and Early Middle Pleistocene // *AsP.* 2004. Vol. 43. № 2. P. 206–226.

²⁸⁹ *Barbour G.B.* Pleistocene History of the Huangho [China] // *Society of America Bulletin.* December 1. 1933. V. 44, № 6. P. 1143–1160; *Wen-Chung Pei.* The Recent Progress of a Quaternary Study in China // *Quartur.* 1939. Vol. 2. P. 120–132; *Teilhard de Chardin P.* Early Man in China. Peking: Institut de Geobiologie, 1941; *Terra H. de Pleistocene Formations and Stone Age Man in China* // Institut de Geo-Biologie Publication. Peking: Institut de Geo-Biologie, 1941. № 6. P. 1–54; *Movius H.L.* Early Man and pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology of Harvard University.* 1944. Vol. 19. № 3; *Wen-Chung Pei.* The

Использование антропологических материалов в качестве исторических источников для освещения основных проблем этногенеза народов дает возможность разобраться в таких важных и сложных проблемах, как роль монгольских, китайских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибето-бирманских, иранских и других народов в формировании этнического состава населения Восточной и Центральной Азии, пути проникновения различных расовых компонентов – монголоидных, австралоидных и европеоидных, характер их смешения, дробления и взаимовлияния в разные исторические периоды²⁹⁰.

Хотя расовые признаки опираются на биологическую характеристику, но, поскольку они существуют в человеческом обществе, конкретная история их сочетаний внутри различных человеческих популяций определяется социально-историческими, а не естественно-географическими факторами²⁹¹. Во многих случаях биологически нейтральные и всегда социально безразличные расовые особенности хотя и изменяются с течением времени, но гораздо медленнее, чем хозяйство, культура, быт и язык. Поэтому, изучая антропологический

Zoographical Divisions of Quaternary Mammalian Fauna in China // *Vertebrata palasiatica*. 1957. Vol. 1. № 1. P. 9–24; *Gao Xing*. New Light on the Earliest Hominid Occupation in East Asia // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 45. S. 115–120.

²⁹⁰ *Sagart L.* Chinese and Austronesian: Evidence for a Genetic Relationship // *JCL*. 1993. Vol. 21. № 1. P. 1–63; *Ibid.* Chinese, Austronesian, Indo-European // *IRCL*. 1996. Vol. 1. № 1. P. 41–44; *Ibid.* Proto-Austronesian and Old Chinese Evidence for Sino-Austronesian // *Oceanic Linguistics*. 1994. Vol. 33. № 2. P. 271–308; *Ibid.* Questions of Method in Chinese-Tibeto-Burman Comparison // *CLAO*. 1995. Vol. 24. № 2. P. 245–255; *Ibid.* The Roots of Old Chinese. Amsterdam Studies in Theory and History of Linguistic Science: Series 4, Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1999; *Sagart L.* Reply to Ting's Review of The Roots of Old Chinese // *JCL*. 2002. Vol. 30. № 2. P. 392–403; *Ibid.* The Chinese Names of the Four Directions // *JAOS*. 2004. Vol. 24. № 1. P. 69–76;

²⁹¹ *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. М.: Наука. 1982. С. 3; *Keates S.G.* Home Range Size in Middle Pleistocene China and Human Dispersal Patterns in Eastern and Central Asia // *AsP*. 2004. Vol. 43. № 2. P. 227–247; *Mair V.H.* Prehistoric European and East Asian Flutes // *Studies in Chinese Language and Culture: Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of His 60th Birthday* / eds. C. Anderl, H. Eifring. Oslo: Hermes, 2006. P. 209–216.

облик какой-либо конкретной этнической группы, выделяя внутри нее наиболее часто встречающиеся сочетания признаков (расовые типы), можно сделать заключение о давно закончившихся исторических процессах, в свое время вызвавших образование этих типов. Вопросы о территориях формирования древних этносов, причинах и путях их смешений и переселений часто могут быть решены только при привлечении антропологических материалов²⁹². Этнос выполняет функции популяции лишь благодаря своей эндогамности, которая зависит от многих факторов, обычно в первую очередь социального²⁹³.

Большинство населения восточной и северной части Центральной Азии относится к монголоидной расе. Однако монголоидные расы так неоднородны и разнообразны, что на данный момент в антропологической науке предпочитают отказаться от старого термина «монголоидная большая раса» и пользоваться термином «монголоидные расы».

На основе исследования краниологических материалов из регионов Восточной и Центральной Азии можно выделить два основных

---

²⁹² Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22–35; Гинзбург В.В. Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза // СЭ. 1968. № 4. С. 43–51; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 114–124; Чебоксаров Н.Н. Данные антропологии в разработке проблем происхождения и этнической истории тюркских народов // Тез. докл. Всесоюз. тюркологической конф.). Алма-Ата, 1976. С. 4–39; Он же. Южноазиатская историко-этнографическая провинция // Этнические процессы в Южной Азии. М., 1976. С. 109–111; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971. С. 108–112; Cheboksarov N.N. Human Races and Populations // Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems. М., 1974. Р. 45–62; Аксянова Г.А., Дубова Н.А., Евтеев А.А., Рыкушина Г.В. Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным краниологии, соматологии и одонтологии) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 186–195.

²⁹³ Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6. С. 89; Он же. Этнос и этносоциальный организм // Вестник академии наук. 1970. № 8. С. 48–54; Он же. Этнос и этнография ... С. 114–124; Bromley Yu.V. Soviet Ethnography: Main Trends. М.: Academy of Sciences, 1976. P. 24–39, 247–301.

направления дифференциации монголоидов, две группы азиатских форм, которые хотя и отличаются некоторыми общими особенностями высокой таксономической ценности, но разнятся между собой настолько сильно, что принадлежность к той или иной из них может быть без особого труда определена не только на целых краниологических сериях, но и на отдельных черепаха²⁹⁴. Внутри монголоидов Восточной и Центральной Азии намечается несколько групп серий, ясно локализованных географически и обособленных морфологически. Наиболее резок контраст между сериями Центральной Азии и Сибири, с одной стороны, Индокитая и Индонезии – с другой. В работе «Основные принципы антропологических классификаций» Н.Н. Чебоксаров²⁹⁵ предложил северных монголоидов назвать континентальными (они представлены, например, сибирскими народами), а южных и восточных – тихоокеанскими (они представлены, например, малайцами)²⁹⁶.

Различия между обеими ветвями азиатского ствола по некоторым признакам идут по линии приближения континентальных монголоидов к европеоидам, а тихоокеанских монголоидов – к негро-австралоидам. Можно предположить, что в самом формировании континентальных монголоидов участвовали европеоиды, а в формировании тихоокеанских монголоидов – негроавстралоиды²⁹⁷. Допустимо считать, что эти вариации возникли в поздние исторические периоды в процессе смешения уже сложившихся больших рас. В пользу это гипотезы говорит очень частое в Центральной и Восточной Азии несовпадение межгрупповых вариаций отдельных разграничительных признаков²⁹⁸.

---

²⁹⁴ *Балуева Т.С., Дерябин В.Е.* Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // Вестник антропологии. Вып. 5. М., 1998. С. 59–69.

²⁹⁵ *Чебоксаров Н.Н.* Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. Нов. сер. М., 1951. Т. XVI. С. 312–319.

²⁹⁶ *Чебоксаров Н.Н.* Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии / VII МКАЭН (Москва, август 1964 г.). М., 1964 (отд. отт.). С. 1–3.

²⁹⁷ *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая ... С. 52–53.

²⁹⁸ *Чебоксаров Н.Н.* Основные этапы формирования ... С. 1–3; *Chebokсарov N.N.* The Ethnic Anthropology of the Eastern Asia. М.: Наука, 1966; *Ibid.* The Processes of National Consolidation in the Countries of Southern and South-Eastern Asia // VI WCS (Evian), 1966; *Tchebokсарov N.N.* Problèmes essentiels d'anthropologie ethnique de l'Asie du Sud-Est // XXIX ICO. P., 1973;

В пределах Центральной и Восточной Азии к континентальным монголоидам относятся преимущественно народы Монголии и отчасти Северного Китая, говорящие на алтайских языках, – монголы, тунгусские группы, в значительной степени тюркоязычные тувинцы, киргизы и казахи. Почти все остальные народы этой части ойкумены, говорящие на китайско-тибетских, мон-кхмерских и малайско-полинезийских языках, а также большинство корейцев и японцев принадлежат антропологически к тихоокеанским монголоидам. К тихоокеанским монголоидам относится восточноазиатская (дальневосточная) раса, представленная на севере Восточной и Центральной Азии двумя основными типами: северокитайским и корейско-маньчжурским. К первому из них принадлежат китайцы (хань), близкие к ним по языку и культуре хуэй, расселенные главным образом в Нинся-Хуэйском автономном районе. Кроме того, северокитайский тип распространен, по-видимому, среди некоторых других народов Маньчжурии и Внутренней Монголии, испытавших сильное ханьское влияние (например, у тунгусоязычных солонов, монголоязычных дахуров и чахаров). Очень вероятно присутствие дальневосточных монголоидных компонентов, близких к северокитайскому типу, также среди уйгуров районов Лобнора и Чарклыка²⁹⁹. Второй тип дальневосточной расы – корейско-маньчжурский характе-

---

Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П. Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 182–186.

²⁹⁹ Северокитайский тип, наиболее многочисленный среди населения бассейна Хуанхэ. В Ганьсу этот тип представлен особым северо-западным вариантом, несущим следы смешения с европеоидами. *Joyce T.A.* Notes of the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs // *Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1912. № 62. P. 450–484. Ганьсуйский вариант образовался в результате примеси к северокитайскому типу европеоидных элементов, связанных с расселенными на севере-западе Китая уйгурами, а может быть, и еще более древними популяциями вплоть до скифов и тохаров I тыс. до н.э.

рен для большинства китайцев Маньчжурии, самих маньчжуров и этнически близких к ним сибо, монголов Барги и корейцев Яньбаня³⁰⁰.

Отчетливой границей между ареалами преобладания обеих ветвей азиатского расового ствола служат Хинган и юго-восточный край Монгольского плато. Население, живущее к северу и западу от этой границы в Маньчжурии, во Внутренней Монголии, Синьцзяне и МНР, обнаруживает расовую (так же как языковую и культурно-историческую) близость к соседним народам Центральной Азии, резко отличаясь в то же время от китайцев и других народов более восточных и южных районов Китая. Переходными между континентальными и тихоокеанскими монголоидами являются некоторые группы восточных тибетцев (округ Чамдо), дауров, маньчжуров, нанайцев.

В районах соприкосновения тихоокеанских и континентальных монголоидов издавна происходило их смешение, обусловленное взаимодействием китайцев, продвигавшихся на север и запад, с тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими народами. Среди народов Северо-Западного Китая, особенно в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском районах, тихоокеанские и континентальные монголоиды смешиваются не только между собой, но и с различными европеоидными популяциями, известными в разных районах Центральной Азии начиная с неолита и бронзового века. В настоящее время тихоокеанские монголоидные типы, сильно смешанные с различными европеоидными компонентами, преобладают в составе всех групп хуэй Ганьсу и Синьцзяна, тогда как континентальные монголоиды (кроме казахов и киргизов) присутствуют в виде примесей у уйгуров, которые в массе характеризуются европеоидными чертами³⁰¹.

---

³⁰⁰ Этот вариант сформировался, вероятно, в процессе брахицефализации северокитайского типа и его взаимодействия с континентальными монголоидами соседних территорий.

³⁰¹ Чебоксаров Н.Н. Дунганская экспедиция // КСИЭ. Вып. 3, 1947. С. 24–34; Он же. Антропологический состав населения современного Китая в палеолите, мезолите и неолите // Ранняя история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 86–88; Гинзбург В.В., Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. Вып. 16. 1954. С. 42–68; Сушан-ло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. С. 16–17; Joyce T.A. Notes of the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs ... С. 470–484.

Краниологические материалы о некитайских народах Северного Китая обладают всеми характерными признаками континентальных (северных) монголоидов и очень напоминают группу черепов монголоидных народов МНР и России – монголов-халха из района Улан-Батора, бурят и калмыков.

Палеоантропологические данные свидетельствуют, что в период позднего палеолита на территории Северного Китая обитали преимущественно различные популяции тихоокеанских монголоидов. Но они не могут рассматриваться в качестве предков только древнекитайского этноса, так как древнейшие этнолингвистические общности, находившиеся у истоков современных языковых семей Восточной и Центральной Азии, складывались лишь в эпоху мезолита (10–7 тыс. до н.э.). Что же касается дробления этих общностей и формирования этнических предков древних китайцев, то эти процессы относятся уже к неолитическому времени.

Длительный период от конца палеолита и мезолита до развитого неолита в Китае и на территории Центральной Азии почти не представлен антропологическими материалами. Только к концу неолита картина начинает меняться. В 5–3 тыс. до н.э. на территории Китая сложился ряд неолитических культур. В среднем течении Хуанхэ развилась одна из самых ярких культур «крашеной керамики» – культура Яншао (по названию стоянки в провинции Хэнань), которую большинство специалистов связывают с оседло-земледельческими протокитайскими племенами. Большинство черепов из указанных местонахождений обнаруживает все характерные особенности восточноазиатской расы тихоокеанских монголоидов.

Носители неолитических культур северной части Восточной и Центральной Азии также не были вполне однородными в расовом отношении, и данные говорят о том, что в это время идет активное межэтническое общение. В эпоху неолита на территории современного Китая и соседних с ним стран сложилось несколько ясно выраженных очагов расообразования и этногенеза. В бассейне Хуанхэ жили популяции, принадлежавшие к восточноазиатской расе тихоокеанских монголоидов. Население в пределах современной провинции Ганьсу сохраняло протоморфные «американоидные» черты, обнаруживая связи с континентальными монголоидами Центральной Азии и Юго-Восточной Сибири.

Сравнение серий черепов из бассейна Вэйхэ с локализованными к северо-западу от них (в Ганьсу) несколько более поздними группами позволяет поставить вопрос о проникновении на северо-запад Китая европеоидных расовых компонентов, которые в 3 тыс. до н.э. были широко распространены в Центральной Азии. Не исключена возможность, что речь может идти о каких-то древних индоевропейских (иранских или тохарских) племенах³⁰². Антропологические признаки носителей всех вариантов культуры Яншао (включая Баньшань) указывают, что северные связи с континентальными монголоидами и западные с европеоидами – если и имели место в Северном Китае, то носили в неолите (как и позднее) несущественный характер. В то же время выделяются промежуточные группы центральноазиатских и сибирских краниологических серий, занимающих по многим расовым признакам переходное положение между монголоидами и европеоидами. Некоторые сдвиги в монголоидном направлении заметны уже у узбеков. Еще резче монголоидные черты выражены у казахов и особенно у киргизов. Расовый облик киргизов и казахов сложился в результате метисации континентальных монголоидов и европеоидов. В формировании расового состава киргизов роль монголоидных компонентов была выше, чем в аналогичном процессе у казахов. Однако такое смешение происходило неодинаково в разные исторические эпохи. На севере оно началось значительно раньше, чем на юге, очевидно, еще в процессе первоначального заселения территории человеком. На юге же оно достигло своего максимального напряжения в первые века нашей эры и продолжается до нашего времени.

Одной из наиболее изученных в антропологическом отношении областей Восточной Азии является Северный Китай. Краниологические материалы о некитайских народах Северного Китая обладают всеми характерными признаками континентальных (северных) монголоидов и очень напоминают группу черепов монголоидных народов МНР и России – монголов-халха из района Улан-Батора, бурят и калмыков.

Исследователи обращают внимание, что в антропологическом типе северных китайцев в некоторых районах этого региона (Шаньси) наблюдаются довольно значительные отклонения от среднестатисти-

---

³⁰² Решетов А.М., Чебоксаров Н.Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев // РН. 1973. № 3. С. 92–93.

ческих параметров облика северокитайского типа монголоидов. Для выяснения причин этого явления антропологические характеристики северных китайцев были сопоставлены с данными кемчикских тувинцев – представителей центральноазиатского расового типа. Такое сопоставление вполне оправдано историко-географическими соображениями, так как центральноазиатский (монгольский) тип широко распространен среди тех народностей Монголии, с которыми северные китайцы с древних времен находились в тесном взаимодействии и территориальном соседстве. В итоге сравнения выяснилось, что почти по всем решающим расодиагностическим признакам шаньсийцы занимают промежуточное положение между среднестатистическим типом северных китайцев и кемчикскими тувинцами. Антропологи допускают, что за пределами Шаньси центральноазиатские элементы среди северных китайцев хотя бы в небольшом количестве распространены во всех провинциях, примыкающих к Внутренней Монголии, т.е. в Хэбэе, Шаньси, Шэньси и Ганьсу. Расовые варианты, по многим признакам напоминающие центральноазиатский тип, широко распространены на всех северных рубежах Китая – у монгольских, тюркских и тунгусских народов Сибири³⁰³.

Однако среди населения Северного Китая провинций Ганьсу и Синьцзян встречается и примесь немонгольской расы. По данным краниологии выяснилось, что по некоторым важным расодиагностическим признакам краниологические параметры населения этой территории варьирует в сторону приближения к европеоидным памиро-ферганским типам Центральной Азии³⁰⁴.

Данные антропологии свидетельствуют, что северные китайцы – расово неоднородная популяция, ядро которой составляет своеобразный северокитайский тип, сосредоточенный преимущественно в бассейне Хуанхэ и на западных берегах Желтого моря. Все остальные антропологические компоненты северных китайцев играют меньшую роль в их этнорасовой истории, так как очаги преимущественной кон-

---

³⁰³ Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. Т. XXXVI. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 304; Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г.Ф. Дебеца) // СЭ. 1971. № 1. С. 36–44.

³⁰⁴ Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ. Новая серия. Т. II. 1947. С. 28–29.

центрации этих компонентов расположены вне собственно Китая. Однако наличие их среди современного северокитайского населения указывает на его древние и тесные расо- и этногенетические связи с народами соседних стран. Центральноазиатский расовый тип связывает северных китайцев с монголами и с другими народами Центральной Азии; европеоидные элементы на северо-западе – с иранцами и тюрками Центральной Азии³⁰⁵.

Что касается расово-антропологической характеристики других этносов Восточной и Центральной Азии, являющихся малыми народами, целесообразно начать такую характеристику с тех этнических общностей, которые соседствуют и взаимодействуют с северными китайцами. Из этих народов только один – дунгане (хуэй) – пользуется языком той же семьи и группы, что и китайцы. Все остальные – не китайские этносы Северного Китая, расселенные на обширной территории – от Синьцзяна на западе до Маньчжурии на востоке, – говорят на иранских или алтайских языках – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Дунганская экспедиция Института этнографии Академии наук СССР в 1945 г. провела антропологическое обследование трех групп дунган – потомков хуэйских переселенцев 70–80-х годов XIX в. из Шэньси, Ганьсу и Северного Синьцзяна (Джунгарии) в Семиречье³⁰⁶. Исторические данные заставляют предполагать, что в формировании северных хуэй принимали участие разнообразные этнические общности, говорившие на тибето-китайских, алтайских и индоевропейских языках³⁰⁷. А.М. Решетов считал, что формирование этого народа шло на основе китайского языка и культуры при сильном влиянии мусульманской религии. Процесс этот протекал где-то в пределах VII–XIII вв.³⁰⁸ Хуэй Восточной и Центральной Азии являются особой этнической общностью, которая хотя и пользуется различными диалектами китайского языка, но заметно отличается от китайцев (хань) по особенностям культуры и быта, а также по своему расовому составу. Антропологически дунгане (хуэй) отличаются от северных китайцев более сложным

---

³⁰⁵ Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая .... С. 116–117.

³⁰⁶ Чебоксаров Н.Н. Дунганская экспедиция ...

³⁰⁷ Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк) ... С. 41–79; Решетов А.М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 137–149.

³⁰⁸ Решетов А.М. Об этническом своеобразии хуэй ... С. 140.

расовым составом, в формировании которого наряду с тихоокеанскими монголоидами значительную роль сыграли континентальные монголоиды и южные европеоиды. Внедрение черт континентальных монголоидов в хузайскую этническую среду связано преимущественно с тюркоязычными народами (в первую очередь с уйгурами, в меньшей степени с узбеками, казахами и киргизами. Проникновение черт южных европеоидов связано с народами, говорившими на индоевропейских языках, особенно с ираноязычными таджиками, а в более ранние исторические эпохи с согдийцами и, возможно, тохарами.

Население Синьцзян-Уйгурского автономного района, который на большом протяжении граничит с Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном, представлено антропологически разными народами. Монголоидные признаки в Синьцзяне с максимальной отчетливостью выражены у китайских переселенцев из Ганьсу. Антропологически для них характерен северокаитайский расовый тип (ганьсуйский вариант). Северокаитайские инфильтрации также присутствуют у тюркоязычных (уйгурских) обитателей районов Лобнора и Чарклыка. В состав населения Северного Синьцзяна входят различные европеоидные и монголоидные компоненты. Среди них основную роль играет памиро-ферганский тип, наиболее широко распространенный (в пределах Джунгарии) у кашгарцев, городских уйгуров и турфанских калмыков, но встречающийся и у других популяций на той же территории. У афганцев Кульджинского района выявляется восточномедиземноморский европеоидный компонент. Аналогичный компонент выделяется в Кашгарии (Южном Синьцзяне), а также среди туркмен, сикхов и народностей Северной Индии. Некоторая «европеоидность» ганьсуйских и кульджинских китайцев зависит от присутствия восточномедиземноморских (индо-афганских) включений. Переходные монголоидно-европеоидные формы в Джунгарии представлены, прежде всего, южносибирским (туркоидным) типом. В смешении с памиро-ферганскими элементами он составляет основное ядро казахов и деревенских (кишлачных) уйгуров. Не исключена возможность его присутствия и среди монгольских народностей Синьцзяна, в частности среди торгоутов. Наиболее западное положение торгоутов среди монгольских этнических общностей (кроме калмыков) также хорошо согласуется с гипотезой о наличии здесь южносибирских компонентов, характерных для многих тюркских

народов Юго-Западной Сибири и Центральной Азии³⁰⁹. Среди монголов Синьцзяна встречается и центральноазиатский (собственно монгольский) тип. Из восточноазиатских монголоидов в Джунгарии распространен северокитайский тип, преобладающий среди кульджинских китайцев и хуэй.

В целом Синьцзян представляет собой типичную контактную зону, в которой смешиваются и взаимодействуют между собой разнообразные группы популяций – монголоидные и европеоидные. С востока Синьцзян непосредственно примыкает к ареалу преобладания восточноазиатских монголоидов, связывающих северные и южные монголоидные расы. С юга за пустыней Такла-Макан лежит Тибет с его антропологически разнообразным населением, в состав которого входят южномонголоидные компоненты. С запада сразу же за синьцзянскими рубежами начинается обширная область распространения европеоидных индо-афганских и памиро-ферганских популяций. С севера с Джунгарией граничит Монголия, население которой в антропологическом отношении состоит главным образом из северных монголоидов.

Расовый состав населения автономного района Внутренняя Монголия изучен далеко не достаточно³¹⁰. В расовой классификации В.П. Алексеева большинство монголоязычных этнических общностей включено в центральноазиатскую группу популяций сибирской локальной расы³¹¹. Исследователи антропологи установили, что население преобладающее в западных и центральных районах Внутренней Монголии, соответствует центральноазиатскому и южносибирскому типам, в то время как элементы, распространенные преимущественно на востоке (особенно в Барге), отвечают маньчжуро-корейскому типу. Для нас особый интерес представляет вопрос о возможном присутствии среди монголов северокитайского типа. Сопоставление друг с другом антропологических данных по чахарам Внутренней Монголии показывает, что они занимают промежуточное положение между центральноазиатскими и северокитайскими популяциями. Такой вывод хорошо согласуется с характером этнической истории чахаров, которые давно

---

³⁰⁹ Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного Улуса // АЖ. 1935, № 1. С. 58.

³¹⁰ Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций ... С. 317–320; Левин М.Г. Этническая антропология ... С. 49–58.

³¹¹ Алексеев В.П. Генетические аспекты антропологии // РН. Вып. I. 1971. С. 52–76.

живут в ближайшем соседстве с северными китанцами и хуэй, находясь с ними в активном хозяйственно-культурном и биологическом взаимодействии. В пользу присутствия в составе монголоязычных народов северокитайских расовых компонентов говорят данные о дахурах, живущих у северо-восточных рубежей Внутренней Монголии почти на самой границе с маньчжурской провинцией Хэйлунцзян. Среди всех монголоязычных народов дахуры стоят наиболее близко к северным китайцам и отчасти к маньчжурам, с которыми они издавна были связаны географически, хозяйственно и культурно.

Смещение между континентальными и тихоокеанскими монголоидами происходит не только в китайской, но и в монгольской этнической среде, особенно на ее южной и восточной периферии. В то же время на западных рубежах расселения монголоязычных народов, где издавна происходило их взаимодействие с различными тюркскими этносами (например, у упомянутых выше торгоутов Тарбагатай и у сартакалмыков Киргизии, этнически близких к торгоутам), вероятно присутствие гиперморфного южносибирского типа, который, по мнению многих антропологов, сформировался в зоне древних контактов между европеоидами и континентальными монголоидами³¹². Здесь сложились две группы антропологических типов, которые по самой своей истории переходны и не могут быть строго отнесены ни к монголоидам, ни к европеоидам. Северную группу этих переходных типов можно назвать уральской, южную – южносибирской. Характерные черты центральноазиатской группы южносибирского типа свойственны большинству монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Центральноазиатский компонент принимал участие в сложении расового состава некоторых групп китайцев (хань), особенно уроженцев провинций, непосредственно примыкающих к Внутренней Монголии. Другой южносибирский тип, имеющий метисное монголоидно-европеоидное происхождение, широко распространен, вероятно, среди казахов и киргизов Северо-Западного Китая (как и у близких к ним народов Центральной Азии). Ярко выраженными особенностями контактного южносибирского типа обладают также многие популяции уйгуров Синьцзяна, в формировании которых большую роль играло смешение континентальных монголоидов с южными европеоидами, близкими к памиро-ферганцам

---

³¹² Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций ... С. 317; Алексеев В.П. Генетические аспекты антропологии ... С. 46.

и индо-афганцам. К ним относятся различные европеоидные популяции, принимавшие участие в формировании расового состава населения Северного Китая (преимущественно в северо-западных его районах). В процессе их смешения с тихоокеанскими монголоидами сложился «европеизированный» ганьсуйский вариант. Тот же европеоидный компонент прослеживается и среди дунган Южного Казахстана – потомков хуэйских выходцев из Шаньси. Аналог индо-афганского компонента – памиро-ферганский тип, входящий в ту же индо-памирскую расу южных европеоидов, наиболее характерен для ираноязычных сарыколов и памирцев Юго-Западного Синьцзяна, но широко распространен во многих группах уйгуров и хуэй (а также и у их дунганских потомков в Киргизии). Однако вопрос о контактах неолитических племен Ганьсу с европеоидными популяциями Центральной Азии остается открытым.

Заселение степной зоны Южной Сибири населением современного антропологического вида наиболее активно началось с конца бронзового века и особенно активно продолжалось в железном веке, в скифское время³¹³. В бронзовом и раннежелезном веках 3–1 тыс. до н.э. большинство населения Южной Сибири принадлежало к различным группам европеоидной расы. К европеоидному расовому типу принадлежит население афанасьевской, андроновской и тагарской культур³¹⁴. Расовая принадлежность населения карасукской культуры 2–1 тыс. до н.э. была предметом научных дискуссий в середине

---

³¹³ *Зайцева Г.И., Семенов А.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Дергачев В.А., Дирксен В.Г., Лохов К.И., Капитонов И.Н.* Заселение степной зоны северной Евразии в Эпохи бронзового – железного веков (2-е тысячелетие до н.э. – 1-е тысячелетие н. э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям* / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2010. С. 83.

³¹⁴ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 61–83; *Левин М.Г.* Этническая антропология ... С. 155–177; *Алексеев В.П.* Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края.* Красноярск, 1963. С. 135–164.

XX в.³¹⁵. Г.Ф. Дебецем была высказана мысль о широком распространении среди карасукцев дальневосточных узколиких монголоидов, близких к антропологическим типам древних северных китайцев. Хотя в более поздних работах он уточнял, что носители монголоидных признаков с юго-востока могут составлять лишь небольшое количество переселенцев. Смешиваясь в местной среде, они могли дать разрозненные черты или же комбинации признаков, сближавшие их с афанасьевскими и андроновскими антропологическими признаками. С.В. Киселев поддержал построения Г.Ф. Дебеца. Он дал полную и содержательную аргументацию по проблеме аналогий между памятниками карасука и синхронными памятниками иньского Китая. Однако на основе данных исследований краниологической карасукской серии В.П. Алексеев доказал, что вывод о наличии монголоидных черт у карасукцев несостоятелен, поскольку черепа этой серии имеют выраженные европеоидные черты. В конечном счете он делает вывод, что «наличие демонстративных археологических параллелей археологическим памятникам в одновременных памятниках Северного Китая и Монголии должно рассматриваться в свете палеоантропологических данных как результат культурного взаимодействия, а не миграции населения юго-востока в Минусинскую котловину»³¹⁶.

Нет палеоантропологических материалов, которые позволили бы сделать вывод о широком распространении восточных монголоидов на запад и северо-запад в сторону современного Сынцзяна и земледельческих оазисов Центральной Азии. Население этого региона в эпоху неолита и бронзы принадлежало к различным европеоидным расам. Монголоидные популяции в составе этого населения, по видимому, отсутствовали³¹⁷.

В античный период (VII–VI вв. до н.э. – IV–V вв. н.э.) в земледельческих оазисах Центральной Азии взаимодействовали те же европео-

---

³¹⁵ Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2. С. 26–48; Он же. Палеоантропология СССР ... С. 82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 106–183.

³¹⁶ Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии ... С. 159.

³¹⁷ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. С. 48–89.

идные расы, что в неолите и бронзовом веке. Наряду с ними в некоторых районах (например, в Семиречье и Приаралье) присутствовали монголоидные популяции континентального облика³¹⁸. Для Синьцзяна в нашем распоряжении почти нет никаких антропологических данных по эпохам бронзы и раннего железа. Однако черепа из Лобнора, предположительно датируемые серединой 1 тыс. до н.э. принадлежали европеоидам, которые и во все последующие периоды истории играли главную роль в расовой структуре коренного населения Восточного Туркестана³¹⁹.

На территории, простирающейся от Желтого моря до Тянь-Шаня и от Амура и пустыни Гоби до Циньлина и Тибета, в настоящее время взаимодействуют этнически и антропологически разнородные популяции, которые принадлежат к трем большим группам рас: тихоокеанским монголоидам, континентальным монголоидам и южным европеоидам. Все эти группы связаны друг с другом промежуточными формами, среди которых могут быть как типы, свидетельствующие о генетическом родстве разных рас, так и типы, сложившиеся в процессе их метисации.

Таким образом, все крупные народы Северных районов Восточной и Центральной Азии оказываются в расовом отношении неоднородными. Китайцы (хань) при преобладании восточномонголоидных компонентов обнаруживают на северных рубежах своего ареала смешение с центральноазиатскими популяциями, а на западных границах – с различными формами южных европеоидов. Этнически близкие к китайцам хуэй включают главным образом те же расовые типы; однако удельный вес европеоидов в их составе гораздо выше. Маньчжуры и близкие к ним этносы Северо-Восточного Китая принадлежат к вариантам дальневосточной расы, но на окраинах своего расселения взаимодействуют с континентальными монголоидами. Монголыязычные народы Северного Китая принадлежат большей частью к континентальным монголоидам центральноазиатской группы, но на востоке включают восточномонголоидные элементы, а на западе – метисные формы южносибирского типа. Тюркоязычные этносы рассматриваемой

---

³¹⁸ Там же. С. 99–189.

³¹⁹ Юзефович А.Н. Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. X. Л., 1949; Тенишев Э.Р. Еще раз о происхождении лобнорцев / VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. С. 7–8.

территории в расовом отношении еще более смешаны. Казахи и частично киргизы относятся к южносибирской расе; уйгуры же наряду с южносибирскими компонентами включают и европеоидные (памиро-ферганские) типы, которые во многих уйгурских популяциях даже преобладают. Этнически очень своеобразные уйгуры района Лобнора по многим признакам обнаруживают сходство с формами дальневосточной расы (возможно, в этом отношении сказывается влияние тибетцев)³²⁰.

В современных работах по этнической антропологии все больше внимания уделяется другой группе разграничительных расовых признаков – особенностям с дискретным характером изменчивости. Для объективности научных выводов важно, чтобы любая изучаемая группа популяций, расселенная на определенной территории, была охарактеризована по наибольшему количеству морфологических и физиологических признаков с четко выраженной межгрупповой ареальной изменчивостью. Среди разграничительных признаков должны быть как особенности с непрерывной (трансгрессивной) вариабельностью, так и признаки, изменчивость которых имеет прерывистый (дискретный) характер.

Среди одонтологических дискретных признаков с ясно выраженными групповыми ареальными вариациями лучше всего изучена лопатообразная форма резцов. У народов соседних с Китаем стран Восточной, Центральной и Северной Азии лопатообразная форма резцов встречается почти столь же часто, как и в китайских популяциях. Максимальная концентрация этой особенности (90%) отмечена у монголов и у некоторых групп японцев, а также у корейцев и якутов (60–90%). Очень высока доля лопатообразной формы резцов во всех эскимосских, алеутских и индейских популяциях (80–100%). Таким образом, несомненно, что для всех без исключения популяций восточных, северных, северо-восточных (арктических) и американских монголоидов характерна высокая концентрация лопатообразной формы резцов, не встречающаяся больше нигде на нашей планете за пределами основного ареала расселения различных вариантов монголоидных рас³²¹. Кроме лопатообразной формы резцов А.А. Зубов, опираясь на собст-

---

³²⁰ Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая ... С. 131–133.

³²¹ Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. С. 101–104.

венные материалы и данные специальной литературы, проследил этногеографические групповые вариации других одонтологических признаков³²². Наибольшее одонтологическое сходство народы Китая обнаруживают с монголоидными популяциями Центральной, Северной и Северо-Восточной Азии³²³.

В настоящее время в этнической антропологии все большее значение приобретают данные дерматоглифики. Для сравнения различных популяций по основному типу узоров на подушечках пальцев рук обычно вычисляется так называемый дельтовый индекс, т.е. среднее количество дельт на одного обследованного субъекта в каждой группе. Чем выше этот индекс, тем сложнее дерматоглифический рисунок, более высокие дельтовые указатели отражают большую частоту петлевых и особенно круговых узоров в сопоставляемых популяциях. О наличии в Центральной Азии и Восточной Сибири обширного ареала высокой концентрации круговых узоров на подушечках пальцев и соответственно больших средних величин дельтового индекса говорят дерматоглифические материалы Г.Л. Хить по монголам МНР³²⁴, М.В. Волоцкого³²⁵ и Т.Д. Гладковой³²⁶ по бурятам, Т.Д. Гладковой и Г.Л. Хить по якутам³²⁷, Т.Д. Гладковой и М.Г. Левина по чукчам³²⁸. У континентальных монголоидов Северной Азии концентрация круговых узоров выше, чем у монголоидов тихоокеанских (восточных и южных).

---

³²² *Зубов А.А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968; *Зубов А.А.* Этническая одонтология ...

³²³ *Халдеева Н.И.* Буряты, хакасы, Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 187–211.

³²⁴ *Хить Г.Л.* Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматоглифический аспекты) // РН. Вып. 5. 1975. С. 76.

³²⁵ *Волоцкой М.В.* Географическая изменчивость пальцевых узоров // Краткие сообщения о науч. работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941. С. 18–22.

³²⁶ *Гладкова Т.Д.* Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР // Сов. антропология. 1957. № 1. С. 83–90.

³²⁷ *Гладкова Т.Д., Хить Г.Л.* Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 127–147.

³²⁸ *Гладкова Т.Д., Левин М.Г.* Дерматоглифика чукчей // ВА. Вып. 3. 1960.

Для этнической антропологии Восточной и Центральной Азии важную информацию может предоставить исследование групп популяционных маркеров: групп крови, генов, антигенов, белков, ферментов и т.д. Библиография по этим вопросам для населения Восточной и Центральной Азии приведена в комплексном исследовании Н.Н. Чебоксарова³²⁹. Просмотр некоторых специальных работ показывает, что к северным китайцам по частоте генов системы АВО близки корейцы³³⁰, монголы МНР³³¹, народы Дальнего Востока России – нанайцы, ульчи, нивхи³³², буряты, якуты, долганы, некоторые популяции алтайцев, хакасов и других народов Южной и Западной Сибири³³³. Для всех этих популяций характерен особый внутрисибирский серологический тип с преобладанием формулы g>q>r, высокой частоты гена q (до 0,3) и с большой долей группы генных частот крови О по сравнению с А³³⁴. Тип этот можно назвать также централь-

---

³²⁹ Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая ... С. 215–248.

³³⁰ Lee S.Y. Further Analysis of Korean Blood Types // Yonsei Medical Journal. Vol. 6. 1965. Desember 3. Seul. P. 16–25; *Ibid.* Further Analysis of Korean Blood Types // Hanzaigaku zasshi («Acta criminalistica et medicina legalis Japonica»). 1967. Vol. 33. № 3.

³³¹ Шарав Чимиддуламын. Групповые свойства крови у монголов. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1970. 23 с.; Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии ... С. 36–45.

³³² Рычков Ю.Г. Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии // ВА. Вып. 19. 1965. С. 95–105; Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (материалы Сибирской антропологической экспедиции) // ВА. Вып. 31. 1969. С. 3–32.

³³³ Золотарева И.М. Распределение групп крови у народов Северной Сибири / VII МКАЭН. М., 1964; Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике ...; Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии // СЭ. 1968. № 1. С. 46–55; Бунак В.В., Беневоленская Ю.Д., Давыдова Т.Д., Жомова В.К. Корреляция частот наследственных факторов крови в популяциях Сибири // Тезисы докладов XIII Международного конгресса по переливанию крови. М., 1969; Алексеев В.П., Беневоленская Ю.Д., Гохман И.И. Давыдова Г.М., Жомова В.К. Антропологические исследования на Лене // СЭ. 1968. № 5. С. 40–52.

³³⁴ Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии ... С. 40.

ноазиатским, поскольку Южная Сибирь и Монголия историко-географически относятся к Центральной Азии; он оказывается очень сходным с восточноазиатским типом северных китайцев и корейцев³³⁵. Аналогичные процессы постепенного выклинивания гена *q*, а вслед за ним и *p* (при сохранении «локальных пиков» его концентрации) и вместе с тем возрастание частоты рецессивного гена *r* наблюдаются также в Сибири, к востоку от Енисея, где выделяется арктический серологический тип с частотой *r*, доходящей местами до 0,9³³⁶. Процессы эти стимулировались миграциями с последующей изоляцией и вызванным ею дрейфом генов. Закономерности пространственного распределения групп крови, установленные Я.Я. Рогинским, подтверждаются серологическими материалами по окраинным популяциям всего бассейна Тихого океана³³⁷.

Антропологические исследования позволяют предполагать, что возрастание частоты фактора *q* в популяциях Китая и других стран Восточной, Центральной и Южной Азии, принадлежащих к различным расам, по крайней мере частично может быть объяснено иммунологическим преимуществом в случае заражения и заболевания оспой или чумой людей с группами крови В и О перед людьми с группами А или АВ³³⁸.

Вероятно, что в конце каменного века, когда происходило расселение людей из восточной половины Азиатского материка, «исходные» восточноазиатские популяции имели совсем иное распределение групп крови системы АВО, чем их современные потомки. Это распределение было сравнительно близко к генным концентрациям, наблюдаемым в настоящее время в популяциях Северо-Восточной Сибири, где роль эпидемий оспы и других инфекционных болезней до начала европейской колонизации была,

---

³³⁵ Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая ... С. 179.

³³⁶ Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии ... С. 40.

³³⁷ Рогинский Я.Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (к проблеме антропологии «окраинных народов») // ТИЭ. Новая серия. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 216–234.

³³⁸ Комарович Н.И., Рычков Ю.Г. Система АВО (В) групп крови и иммунитет к оспе (к проблеме факторов пространственного распределения групп крови человека) // ВА. Вып. 23. 1966. С. 39–48.

вероятно, небольшой. Восточноазиатский и центральноазиатский типы распределения групп крови АВО начали складываться гораздо позднее, скорее всего в период неолита, когда в связи с развитием земледелия и скотоводства стала увеличиваться численность и подвижность населения, что в условиях низкого санитарно-гигиенического уровня тех времен должно было вызвать распространение эпидемий. Процессы эти протекали, вероятно, одинаково во всех популяциях Восточной и Центральной Азии (включая Китай и Индию), независимо от их принадлежности к монголоидным, австралоидным или европеоидным расам³³⁹.

Группы крови системы MN изучены у китайцев гораздо хуже, чем системы АВО. По распределению фенотипов и генотипов системы MN с китайцами сходны их северные соседи – народы Центральной Азии и Южной Сибири (монголы МНР, буряты, тофалары, тоджинцы и тувинцы Восточных Саян)³⁴⁰. Таким образом, континентальные (северные) монголоиды Южной Сибири и Центральной Азии по параметрам системы MN должны быть отнесены к тому же серологическому типу, что и популяции Восточной и Юго-Восточной Азии, входящие в состав тихоокеанских (восточных и южных) монголоидов³⁴¹.

Исследования, проведенные антропологами по изучению групп крови «резус»³⁴², имеющие большое значение для этнической антро-

---

³³⁹ Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая ... С. 179–180.

³⁴⁰ Шарав Чимиддуламын. Групповые свойства крови у монголов ... С. 4; Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике ...

³⁴¹ Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая ... С. 181.

³⁴² По гипотезе Фишера, эта система обусловлена тремя сцепленными аллельными парами, состоящими из доминантных генов D, C, E и рецессивов d, c, e; эти гены в различных комбинациях друг с другом, а также с более редкими аллелями той же системы образуют 8 основных сочетаний, называемых иногда «хромосомами». Четыре хромосомы относятся к резус-положительным реакциям (Rh+), а четыре – к резус-отрицательным (Rh-). Таким образом, главными факторами, определяющими резус-положительность или резус-отрицательность, являются аллели Dd. См.: Барриикот Н. Биологическая изменчивость в современных популяциях // Харри-

пологии Центральной и Восточной Азии, выявили, что между народами Китая, принадлежащими к тихоокеанским монголоидам, и их северными континентально-монголоидными соседями проходят не только расово-морфологическая, но и серологическая границы (по системе резус), так как средняя частота многих факторов этой системы (D, c, e) в Сибири (к востоку от Обь-Енисейского водораздела) промежуточна между частотами соответствующих факторов в Восточной Азии³⁴³.

Таким образом, по всем перечисленным особенностям северные китайцы обнаруживают большое сходство с тибетцами, маньчжурами, корейцами, несколько менее – с японцами, а по некоторым маркерам с континентально-монголоидными популяциями Центральной Азии и Южной Сибири.

Таким образом, на северных и отчасти на западных рубежах своего ареала тихоокеанские монголоиды, как мы уже знаем, с глубокой древности соприкасались с монголоидами континентальными. В настоящее время различные типы этой последней группы рас преобладают среди некоторых народов Маньчжурии (хэчжэ, орочонов, звенков), монголов Внутренней Монголии и Синьцзяна, а также среди многих тюркоязычных этносов – киргизов, казахов и др. Среди народов Северо-Западного Китая, особенно в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах, тихоокеанские и континентальные монголоиды смешиваются не только между собой, но и с различными европеоидными популяциями, известными в Центральной Азии начиная с неолита и бронзового века. В настоящее время тихоокеанские монголоидные типы, сильно смешанные с различными европеоидными компонентами, преобладают в составе всех групп хуэй, тогда как континентальные монголоиды (кроме казахов и киргизов) присутствуют в виде примесей у уйгуров, которые в массе, несомненно, характеризуются европеоидными чертами. Неизвестно, где в пределах современной Восточной и Центральной Азии проходила граница между ареалами расселения монголоидных и европеоидных популяций. На севере ареала тихоокеанские монголоидные группы взаимодействуют

сон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н. Биология человека / пер. с англ. М.: Мир, 1968. С. 223–224.

³⁴³ Рычков Ю.Г. Некоторые аспекты серологических исследований ... С. 99.

с континентальными вариантами этой же группы. На западной границе ареала с неолита и бронзового века проходит межрасовая метисация между монголоидами и различными европеоидными популяциями, жившими в то время в Центральной Азии.

Глава 2. Этнокультурные контакты в период палеолита и неолита

В основе современного подхода к проблемам культурной дифференциации палеолита лежат представления о многофакторном характере изменчивости набора каменного инвентаря. На состав и соотношение элементов индустрии влияют принадлежность обитателей стоянки (культурный фактор) и хозяйственная специфика памятника (функциональный фактор). Множество вариантов в сочетаниях артефактов, включая в том числе типологические и статистические, может наблюдаться в пределах единого культурного слоя.

Для палеолитических памятников, где не прослеживаются четко выделенные локальные культуры, характерно понятие культурного ареала. В пределах ареала выделяются зоны локальных вариантов индустрии с нечеткими, расплывчатыми границами. Они обусловлены, вероятно, диффузией – медленным распространением на больших территориях элементов культуры благодаря контактам, обмену, небольшим ненаправленным передвижениям групп людей. Археологическим признаком диффузии может быть проникновение отдельных типов вещей в непохожие по общему облику культуры.

«Интернациональность» исследования свойственна палеолитоведению в гораздо большей степени, чем остальным разделам археологии, поскольку каменные индустрии обнаруживают сходство на широчайших территориях.

Первоначальное заселение территории Центральной и Восточной Азии связано, скорее всего, с северной миграционной волной африканских *Homo erectus*³⁴⁴. Согласно биостратиграфическим данным из

---

³⁴⁴ Barham L., Robson-Brown K. Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene. Bristol, U.K.: Western Academic & Specialist Press, 2001; Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103; Он же. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего па-

отложений раннепалеолитической стоянки Карамы, проникновение человека на северо-запад Алтая происходило 600–800 тыс. лет назад³⁴⁵. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные в Северной и Центральной Азии. Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития палеолитических традиций в Северной и Восточной Азии³⁴⁶.

Считается, что появление в Центральной Азии людей современного вида связано с расселением генетически единой волны кавказоидной популяции, продвигавшейся 50–40 тыс. лет назад первоначально в широтном³⁴⁷, а впоследствии и в меридиональном направлении.

Археологических свидетельств, датируемых этим временем, известно очень немного. В особенности это относится к надежно документированным памятникам каргинского времени (30–22 тыс. лет назад), общее число которых не превышает двух десятков объектов³⁴⁸.

К древнейшим каменным изделиям, датированным самыми ранними из выявленных пока этапов нижнего палеолита Центральной и

леолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 22–36.

³⁴⁵ Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карамы на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3. С. 52–69; Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2004. № 209. P. 259–279.

³⁴⁶ Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 55.

³⁴⁷ Oppenheimer S. Out of Eden. The peopling of the World. L.: Robinson. 2004.

³⁴⁸ Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям ... С. 38

Восточной Азии, относятся большинство местонахождений, открытых в районе Кэхэ³⁴⁹. Наличие одинаковых с Западом чрезвычайно специфических черт в культуре Китая может быть объяснено единством их базовых отделов, сходными тенденциями в развитии на последующих этапах и, очевидно, непрекращающимися контактами с соседними регионами расселения ниже- и среднепалеолитических гоминид³⁵⁰.

Вариабельность среднепалеолитических индустрий на территории Северной, Центральной и Восточной Азии связана с процессами адаптации местного населения к различным палеогеографическим условиям и особенностям сырьевой базы. Горный Алтай является единственным регионом, где прослеживается непосредственная смена мустьерских (в классическом, выработанном на материалах Западной Евразии понимании) комплексов верхнепалеолитическими. Таким образом, материалы палеолитических комплексов Горного Алтая являются очень важным объектом для осмысления эволюционных процессов развития среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии³⁵¹.

В целом на этой территории в период верхнего палеолита сохранились относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые оставили свой отпечаток на истории становления и развития палеолитических культурных традиций. Памятники раннего верхнего палеолита Центральной Азии немногочисленны и разнообразны технико-типологически, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру, однако развивались они на основе культурных традиций, ранее всего фиксирующихся в памятниках Алтая³⁵². Ранние этапы этого процесса отмечены по не-

---

³⁴⁹ Кэхэ – группа палеолитических памятников в Северном Китае, на берегу р. Хуанхэ. (на юго-западе провинции Шаньси). Исследовалась в 1960 г. под руководством Цзя Лань-по.

³⁵⁰ Ларичев В.Е. Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 31.

³⁵¹ Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Дементьев В.Н. Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и горный Алай) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям ... С. 47.

³⁵² Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на горном Алтае // Переход от

многочисленным памятникам Забайкалья, где исследователями по признакам технологии первичного расщепления выделены так называемые пластинчатая и отщеповая линии развития³⁵³. В приенисейской области к ранним памятникам отщеповой традиции могут быть отнесены Куртак-4³⁵⁴ и в какой-то степени нижний комплекс Усть-Ковы³⁵⁵. Материалы из этих стоянок, так же как и из некоторых других, могут являться тем субстратом, на основе которого возникают впоследствии различные культуры заключительного этапа верхнего палеолита.

В инвентаре этих памятников есть различные формы, находящие точные аналогии в хронологически различных материалах стоянок Приангарья и Енисея – например, пикообразные орудия, подобные изделию из пластинчатой Мальты³⁵⁶, где представлены также и диско-видные ядрища, или унифасиальные двуконечные остря, подобные находкам из Игетейского Лога I³⁵⁷. Можно указать и другие черты сходства, например, в категории скребел – обушковые и с вентральной подтеской³⁵⁸, которые широко представлены в различных памятниках палеолита Сибири. Эти разновременные аналогии оказываются закономерным отражением как сходства трудовых процессов и внешних условий (т.е. обусловлены адаптацией материальной культуры человека верхнего палеолита Сибири к природной ситуации этого времени), так и свидетельством определенного культурного единства этих тер-

---

среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 217–231.

³⁵³ *Константинов М.В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, Изд-во ЧГПИ, 1994. С. 158; *Лбова Л.В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 5.

³⁵⁴ *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

³⁵⁵ *Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.* Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988.

³⁵⁶ *Sittlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A.* Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal // Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire, 1997. Fig. 36: 6.

³⁵⁷ *Ibid.* Fig. 59: 10.

³⁵⁸ *Питулько В.В.* Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене ... Рис. 24, 25.

риторий. Эту мысль подкрепляет определенное сходство в весьма консервативной категории инвентаря (украшениях), являющихся средством самоидентификации³⁵⁹.

Древнейший из открытых на севере Китая памятников лёссовой эпохи Шуйдунгоу (Ордос) с его очевидными чертами наследия в индустрии традиций предшествующего этапа каменного века дает возможность не только с достаточной полнотой характеризовать начальную стадию верхнего палеолита бассейна Хуанхэ, но и ретроспективно реконструировать особенности базовой культуры, из которой он вырос³⁶⁰. Находки из Шуйдунгоу обладают специфическими особенностями как в типологии орудий, так и в технике их изготовления³⁶¹. Отдельные элементы в индустрии Шуйдунгоу (ориньякские ножи и другие элементы ориньяка и солютре) свидетельствуют о том, что верхнепалеолитическая культура этого региона, очевидно, поддерживала контакты с Евразией³⁶².

Связь ниже- и среднепалеолитических культур востока Азии с западными территориями продолжала, по-видимому, сохраняться и на позднем этапе этого периода, хотя теперь в большей чем когда-либо степени в культуре бассейна Хуанхэ начали проявляться черты своеобразия.

Классическим памятником микролитической по стилю верхнепалеолитической культуры Северного Китая считается Шароосогол³⁶³.

---

³⁵⁹ Там же. С. 46.

³⁶⁰ *Black D., Teilhard de Chardin P., Yang Z., Pei W.* Fossil man in China // *Memoirs of Geological Survey of China. Ser. A.* 1933. P. 1–158.; *Teilhard de Chardin P., Licent E.* On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China // *Bulletin of Geological Society of China.* 1924. Vol. 3. № 3. P. 45–50.

³⁶¹ *Ларичев В.Е.* Палеолит Китая ... С. 33.

³⁶² На это обратил внимание А. Брейль, изучая коллекции, собранные на территории Ордоса, П. Тейяр де Шарден и Э. Лисан. См.: *Teilhard P., Boule M., Breuil H., Licent E.* Le Paléolithique de la Chine. P.: Masson, 1928; *Teilhard de Chardin P.* Fossil Man in China and Mongolia // *Natural History.* N.Y.: American Museum of Natural History. 1926. Vol. 26. №. 3. P. 238–245; *Teilhard de Chardin P., Licent E.* On the Discovery of Paleolithic Industry in Northern China // *Bulletin of the Geological Society of China.* 1924. Vol. 3. № 1. P. 45–50; *Teilhard de Chardin P., Licent E.* On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China ... Vol. 3. № 3. P. 45–50.

³⁶³ Шароосогол – местонахождение Сяоцяопань, Внутренняя Монголия.

Культура, обнаруженная на этом памятнике, очевидно, формировалась прежде всего в полупустынной и степной зоне Центральной Азии³⁶⁴. В пределы этой культуры входили также окраинные области лёссового плато, а влияние ее распространялось еще далее на восток и юго-восток, что подтверждают открытия в Сяонаньхае³⁶⁵.

В целом верхнепалеолитический комплекс центральных районов Внутренней Монголии находит аналогии в североазиатских материалах соответствующего времени. Двусторонняя техника обработки орудий, отчетливо проявляющаяся на примерах ряда изделий Внутренней Монголии, характерна, как теперь выясняется, и для палеолита Енисея. Близкие аналогии с Сибирью устанавливаются, кроме того, при сравнениях проколковидных изделий подпризматических леваллуаских по типу нуклеусов, концевых скребков и скребков из отщепов, топоровидных орудий, микронуклеусов³⁶⁶. Таким образом, можно достаточно точно установить наличие контактов населения территории Внутренней Монголии и Маньчжурии с севером, прямых миграций населения из тех районов на юг. Несомненно, они имели общую основу в культуре раннего этапа верхнего палеолита, когда население степей севера и центра Азии формировало базу новой, микролитической в основе, технической традиции, что ярко раскрывают коллекции из Шароосогола, Чжияю и Линцзи.

Примерно в VI–V тыс. до н.э. на территории Центральной и Восточной Азии происходил сложный процесс, именуемый иногда «неолитической революцией», суть которого сводится к тому, что на смену экономике присваивающего типа, определявшей содержание культур древнекаменного века, пришло основанное на земледелии и скотоводстве производящее хозяйство. Прогрессивные изменения в экономике дали мощный толчок развитию региона: эпоха неолита и следующего

---

³⁶⁴ Teilhard P., Boule M., Breuil H., Licent E. Le Paléolithique de la Chine ... ; Teilhard de Chardin P. Fossil Man in China and Mongolia ...; Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of Paleolithic Industry in Northern China ... Vol. 3. № 1. P. 45–50; Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China ... Vol. 3. № 3. P. 45–50.

³⁶⁵ Ларичев В.Е. Палеолит Китая ... С. 37.

³⁶⁶ Там же. С. 39–40.

за ним бронзового века – время интенсивного формирования этнических и культурных общностей.

На данный момент в Китае и Центральной Азии открыто и в той или иной мере изучено значительное число неолитических культур и их локальных вариантов³⁶⁷. Анализ археологических свидетельств дает возможность исследовать не только материальный быт носителей этих культур, но и их мировоззрение.

Период неолита начинается со значительных внешних воздействий на китайскую экономику и социальную жизнь популяций, связанных с искусственной земледельческой экологией³⁶⁸. Любая аграрная среда распространяется путем медленного расширения своего ареала за счет освоения новых земель, необходимого по мере оскудения первоначально использовавшихся почвенных ресурсов. Культура, передвигавшаяся из ближневосточных аграрных районов, в частности из выявленного Г. Чайльдом «полумесяца плодородных земель»³⁶⁹ на территорию северокитайской равнины, диагностируется благодаря специфике организации земледельческих поселений, характерных для Ближнего Востока, где их появление обусловлено неоднократным повторным заселением поселков. В результате на местах постоянных поселений, занимавших оптимальное положение в местном рельефе и имевших надежные источники воды и топлива, возникали «жилые холмы» – телли, а во вновь освоенных местностях для новых земледельческих поселков сооружались специальные глинобитные платформы, на которых строились дома³⁷⁰. Также общей особенностью для всей полосы этого расселения было использование в качестве домаш-

---

³⁶⁷ Crawford G.W. Late Neolithic Plant Remains from Northern China: Preliminary Results from Liangchengzhen, Shandong // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. № 2. P. 309–317; Liu Li. Ancestor Worship: An Archaeological Investigation of Ritual Activities in Neolithic North China // *JEA*. 2000. Vol. 2. № 1–2. 129–164.

³⁶⁸ Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 103–107; Кожин П.М. О фазах и специфике формирования этнокультурной общности в бассейне Хуанхэ // XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1986. С. 5; Он же. Становление древнекитайской государственности // XXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1999. С. 32.

³⁶⁹ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 313–367.

³⁷⁰ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 188.

ней бытовой и ритуальной посуды глиняных сосудов в виде глубоких мисок и кувшинов с различного рода геометрическими росписями³⁷¹.

Источники, позволяющие реконструировать духовную культуру той эпохи, можно разделить на две большие группы: вещественные материалы (захоронения, культовые места, планировка и устройство жилищ и поселений), с одной стороны, и предметы искусства – с другой. Наиболее массовым видом последних для ряда неолитических культур Центральной Азии и Китая являются керамические сосуды, украшенные сложной по своей семантике полихромной росписью, смысловое прочтение которой может служить одним из способов проникновения в духовный мир предков древних народов.

Научные археологические исследования в Китае фактически начинаются в 1920-х годах, когда раскопки неолитических памятников были предприняты в провинции Ганьсу. Тогда исследователи обратили внимание на сходство яншаоской росписи с орнаментацией керамики из Анау, Суз и Триполья³⁷². Более того, выдвигалась теория о том, что «протокитайцы» – создатели культуры крашеной керамики – были мигрантами с запада. Первоначально они, продвигаясь в восточном направлении, достигли Ганьсу, а затем проникли на территорию Хэнаня³⁷³. Однако новые археологические данные позволили предполагать, что крашеная керамика в Китае автохтонна. А вместо предполагавшегося ранее импорта с запада имело место взаимовлияние ближне- и

---

³⁷¹ Народы Восточной Азии / Сер. Народы мира: Этнографические очерки / ред. Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Р.Ф. Итс, Г.Г. Стратанович. М.; Л.: Наука, 1965. С. 351. Здесь как допущение указывается, «что кисть была известна иньцам». М.В. Крюков, М.В. Сафронов, Н.Н. Чебоксаров считают, что письменность в Китае произошла от орнамента, который наносился с помощью острого предмета. См.: Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза ... С. 216–217. П.М. Кожин основывает теорию на том, что китайский древнейший орнамент (во всяком случае ныне известный) выполнен кистью на поверхности сосудов «культуры крашеной керамики». – яншао. См.: Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 134–135.

³⁷² Andersson J.G. An Early Chinese Culture // Bulletin of the Geological Survey of China. 1923. Vol. 5. № 1. P. 1–68; Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu ... P. 35–45.

³⁷³ Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. № 51. P. 35–45.

дальневосточного региональных комплексов крашеной керамики. Были обоснованы допущения, что в ряде случаев, напротив, именно запад был подвержен влиянию востока³⁷⁴. Существовала также точка зрения, что «протокитайцы» обитали в бассейне Хуайхэ еще в донеолитическое время, а впоследствии туда переселились и смешались с ними другие племена, принесшие с собой культуру крашеной керамики. Одна из теорий была основана на тезисе, что на рубеже IV–III тыс. до н.э. из Ирана в Центральную Азию шла интенсивная инфильтрация земледельцев, в результате чего на этих территориях возникли перемещение масс земледельческого населения. В итоге перемещений носителей культуры расписной керамики Центральной Азии одна из племенных групп где-то в районе современного Синьцзяна вступила в контакт с местными доземледельческими монголоидными племенами, населявшими тогда Северный Китай, Монголию и ряд смежных районов Азии.

Открытия, сделанные в последние десятилетия в результате археологических исследований древних памятников неолитического и бронзового периодов на территории Китая и Центральной Азии, фактически отвечают на вопросы о существовании этнокультурных взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности и периодичности. На данный момент установлено, что на севере, в пределах древней Маньчжурии, степных и пустынных районов Внутренней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а также частично на территориях провинций, расположенных в зоне лёссового плато бассейна Хуанхэ получили распространение разного рода локальные варианты микролитического неолита. При изучении материальной культуры народов Китая и народов севера Центральной Азии эпохи неолита создается устойчивое впечатление об их контактах, поскольку существует определенная схожесть в сюжетах и оформлении предметов. Отчетливо вырисовываются несколько ареалов, отличающихся по облику распространенных там неолитических культур. В хозяйственно-культурной специфике двух основных зон на территории Китая в неолитическое время прослеживается граница, в целом совпадающая с границей двух лингвистических ареалов. Разумеется, наличие экологической, хозяйственно-культурной и лингвистической границы не оз-

---

³⁷⁴ Andersson J.G. Children of the Yellow Earth ... P. 287. *Ibid.* On Symbolism in the Prehistoric Painted Ceramics of China // BMFEA. 1929. № 1. P. 66.

начало полной изолированности двух зон друг от друга. И в этом отношении данные археологии обнаруживают совпадение с лингвистическими фактами³⁷⁵. Различия приемов выполнения художественных образов, а также смена набора этих образов и связанных с ними систем абстрактно-геометрических орнаментов позволяют говорить о значительных процессах этнокультурных изменений в Центральной Азии и Северном Китае в период, разделяющий неолитическую и бронзовую эпохи.

---

³⁷⁵ *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза ... С. 84.*

ЧАСТЬ III. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КИТАЯ С НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

Открытия, сделанные в результате археологических исследований древних памятников на территории Китая и Центральной Азии, фактически позволяют нам говорить о существовании взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности, периодичности и о том, какая культура в какой период была доминантной при этих контактах.

В отношении таких контактов существуют три основные гипотезы:

1. Заимствований между Китаем и Западом не было³⁷⁶.

2. Заимствования и связи были частичными и не влияли на общий ход развития культуры Китая и народов Центральной Азии. Западные влияния непосредственно воздействовали на группы населения Центральной Азии, а уже через них в ослабленном виде воздействовали на Китай.

3. Основные этапы китайской древности имеют прямые прототипы в общем евразийском развитии³⁷⁷.

Все три гипотезы в момент появления имели под собой определенную доказательную базу.

Что касается первой гипотезы, то ряд радиоуглеродных дат, полученных Пекинской лабораторией для неолитических памятников, свидетельствовал в пользу сложения яншаоского неолита в центральных провинциях Китая³⁷⁸.

Вторую гипотезу сформулировал П. Рейнеке в 1897 г.³⁷⁹ Она основывалась на исследовании материалов раннежелезного века Китая, для которых был характерен ряд специфических черт «скифских» культур, общих для памятников, распространенных от областей южной Германии, Австрии и Венгрии до долины Хуанхэ. Сопоставления, сде-

---

³⁷⁶ *Кашина Т.И.* Керамика культуры Яншао. История культуры востока Азии. Новосибирск: Наука СО, 1977.

³⁷⁷ *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.

³⁷⁸ В данном случае наиболее сложным вопросом является проблема правомерности приложения метода датировки, разработанного в экспериментальной физике, непосредственно к материалам исторической науки.

³⁷⁹ *Reinecke P.* Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythish sibirischen Volkerkreises // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXIX. B., 1897. S. 141–163.

ланные в ходе сравнения украшений, наборов конской сбруи, предметов вооружения и др., позволили выявить период формирования регулярных контактов между Китаем и западным миром в VII–V вв. до н.э. Особенно такие контакты стали очевидными после открытия в Центральной Туве памятника раннескифской культуры – кургана Аржан³⁸⁰. Ряд находок указывал на существование контактов в период, предшествующий ханьским походам на Давань между V и II вв. до н.э.³⁸¹

Третья гипотеза нашла подтверждение в большой серии форм оружия и инструментов, благодаря которым бронзовый век стал обсуждаться как время возможных контактов. Существуют две основные точки зрения по вопросу приоритетного положения в этих контактах. Даты сейминско-турбинских бронз, предложенные Н.Л. Членовой³⁸², решают вопрос в пользу приоритета Китая. Однако есть целый ряд типологических, исторических и военно-технических соображений, которые не позволяют признать Китай местом изобретения и первичного применения таких предметов вооружения как фехтовальное втульчатое копье, боевой топор-кельт и др. Свидетельством этому может служить неоднородность техники металлообработки в Китае. Это говорит о ее длительном и постепенном заимствовании из различных источников. Предметы вооружения, выполненные в технике литья втульчатых орудий, оказываются в Китае представленными незначительным числом находок, тогда как в Сибири, Казахстане и других регионах Центральной Азии именно они составляют основную массу оружия. Эти исследования указывают на приоритетную роль центральноазиатских народов во взаимодействии с Китаем в бронзовом веке.

Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с народами Центральной Азии, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об авто-

---

³⁸⁰ Грязнов М.П., Маннай-оол И.Х. Окончание раскопок кургана Аржан // Археологические открытия, 1974. М., 1975. С. 196–198; Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

³⁸¹ Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 244; Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972; Она же. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.

³⁸² Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи ...

хтонности формирования культур этих регионов или выявить явные черты взаимовлияний. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периода археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими. Но, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Другими словами, на археологическом материале пока невозможно доказать, что развитая бронзовая металлургия эпохи Шан-Инь является целиком местным явлением, т.е. что бронза появилась в Китае в результате только внутреннего развития его неолитических культур³⁸³.

В начале 2 тыс. до н.э. недалеко от границ Китая (в Северной Индии, Центральной Азии, включая Южную Сибирь) уже существовали культуры бронзового века. Подавляющее большинство бронзовых культур Евразии зафиксировано археологией в уже сравнительно развитом виде. Это позволяет предположить, что в их появлении сыграли определенную роль взаимосвязи и взаимовлияния культур древнего мира. Распространение бронзовых культур на территории Евразии находилось в определенной степени зависимости от удаленности от ближневосточного центра – сначала бронза появилась в Месопотамии и Иране, затем в Египте, Северной Индии, в Средиземноморье, Европе и Центральной Азии. К началу 2 тыс. до н.э. культуры бронзового века господствовали уже на большей части Евразии от средней Европы до Минусинской котловины. Данные археологии свидетельствуют о том, что процесс появления и развития металлургии (выплавки меди, а затем бронзы) протекал весьма медленно и долго. На Ближнем Востоке этот процесс занял примерно 3–4 тысячелетия³⁸⁴.

---

³⁸³ Васильев Л.С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь / VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. С. 2–4. Археолог Ли Цзи, раскапывавший иньское городище в Сяотуни, считает, что иньская культура могла возникнуть в результате амальгамации местных неолитических культур и так называемых «протошанцев». См.: *Li Chi. The beginnings of Chinese civilization*. Seattle: University of Washington Press, 1957. P. 21.

³⁸⁴ *Karlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA. 1945. № 17. P. 101–144.*

На территории же самого Китая (в долине р. Хуанхэ) в это время господствовали культуры неолита, еще не знакомые ни с бронзой, ни даже с медью. Бронзовая культура Шан-Инь появляется в Китае в середине 2 тыс. до н.э. Допустимо предположить, что бронзовые изделия, сложившись и технологически и эстетико-стилистически вне территории Китая, являлись инородным включением в древнюю культуру, которая продолжала в целом развиваться в неизменных (с учетом естественной эволюции) формах, обеспечивавших надежную этническую непрерывность³⁸⁵. Все это позволяет говорить о значительных преобразованиях на грани начала бронзового века в Китае, а главное, видеть в художественных бронзах закономерный показатель перемен.

Примером такого преобразования традиций может служить появление в иньское и раннечжоуское время колесниц, лошадей в качестве упряжных животных для колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов³⁸⁶.

Первая повозка на сплошных колесах, сколоченных из трех досок, появилась в Шумере примерно в 5 тыс. до н.э. и вплоть до 3 тыс. до н.э. все известные археологии повозки изготовлялись по такой же модели³⁸⁷. Лишь позже на базе этой повозки, служившей гужевым транспортом и запрягавшейся быками, зародилась боевая колесница с колесами на спицах. Эта колесница стала запрягаться одомашненными лошадьми, а воины-степняки (хетты, каситы, гексосы и т.п.), видимо, были вначале ее основными «владельцами».

Колесницы впервые стали применяться китайцами в эпоху Инь, приблизительно в XIV–XII вв. до н.э. Они появились в иньское время

---

³⁸⁵ *Кожин П.М.* Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследования этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 154.

³⁸⁶ Застежки поясов китайских воинов, так называемые поясные крюки, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь, аналогичны типичным колчанным крюкам, применявшимся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Однако в китайской традиции эти изделия дополняются типичными китайскими орнаментами, инкрустацией, нефритовыми вставками и становятся престижным видом воинского снаряжения.

³⁸⁷ *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 358.

внезапно и им не предшествовали какие-либо местные формы колесного транспорта. Появление колесниц не было подготовлено самостоятельными техническими достижениями. Сбруйные и уздечные наборы, а также способ запряжки и управления лошадьми находят аналогии в ближневосточном и средиземноморском центрах древних цивилизаций³⁸⁸. Поэтому можно предположить, что иньцы узнали о колеснице от своих соседей. В связи с этим большой интерес представляют находки петроглифов с изображениям колесниц в Гоби и Туве³⁸⁹. Чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев; поэтому чжоуские экземпляры, известные нам по раскопкам погребений, практически полностью аналогичны иньским.

Появление колесниц связано непосредственно с проблемой использования запряжных животных, в частности лошадей. Исследования остеологического материала свидетельствуют, что непосредственно Китай не входит в зону интенсивного первоначального освоения лошади как транспортно-упряжного или предназначавшегося для верховой езды животного³⁹⁰.

Сводки синьцзянских наскальных изображений колесниц были опубликованы П.М. Кожиным³⁹¹, Е.В. Избицер³⁹², Д.В. Черемисиним и О.В. Борисовой³⁹³. Общее число евразийских археологических находок

---

³⁸⁸ Кожин П.М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 278.

³⁸⁹ Вайнштейн С.И., Денисова Н.П. Новые материалы по этнографии и археологии Тувы // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М.: Наука, 1975. С. 201.

³⁹⁰ Yuan Jing, Flad R. Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China // BMFEA. 2003. Vol. 75. P. 110–126.

³⁹¹ Кожин П.М. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.: (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. Депонировано ИНИОН АН СССР. № 13481 от 30.06.1983.

³⁹² Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. Автореф. дис. ... к.и.н. СПб.: Ин-т истории материал. культуры, 1993.

³⁹³ Черемисин Л.В., Борисова О.В. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 129–134.

повозок и колесниц приближается к двум тысячам. Однако эти изображения представлены в разной сохранности и скопированы с разной точностью. Поэтому делать окончательные выводы о специфических видах колесного транспорта и его технических особенностях на всех территориях его древнего распространения преждевременно. Вопрос о месте изобретения колесницы и этноязыковой среды, в которой она появилась, пока остается нерешенным. Вооружение редко может оставаться в пределах той среды, где оно изобретено и применено впервые: чем выше его эффективность, тем скорее его заимствуют ближайшие соседи. Можно лишь, руководствуясь наличным материалом, сделать вывод о том, что колесница изобретена в среде воинственных племен, располагавшихся на периферии древнего культурного мира ближневосточных цивилизаций, высокоорганизованная промышленность которых придала их производству массовость и внесла в их производство технологическое и конструктивное совершенство³⁹⁴. В конечном итоге, анализ синьцзянских наскальных изображений позволяет сделать вывод о том, что синьцзянско-внутреннемонгольский регион замыкает протяженность Великого евразийского колесничного пути, который сформировался в XVI–XV вв. до н.э. На территории Китая древние колесничные дороги выходят к западному участку излучины Хуанхэ. Если добавить к этому, что запряженная лошадьми боевая колесница появилась в Китае через несколько веков после того, как она стала известна на Ближнем Востоке, что всеми своими деталями и элементами сбруи она была схожа с ее ближневосточными прототипами, что, как и у других народов, у иньцев она была предметом ритуального почитания³⁹⁵, то едва ли можно оспаривать вывод В.Г. Чайлда о том, что колесница вместе с сопровождавшим ее бронзовым оружием пришла с Запада³⁹⁶.

Таким образом, можно говорить о постоянном активном противоборстве между армиями аграрных государств и кочевым населением

---

³⁹⁴ *Barbieri-Low A. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC) // SPP. 2000. № 99; Кожин П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. С. 215.*

³⁹⁵ *Fairservis W. The origins of oriental civilization. N.Y.: The New American Library, 1959. P. 130.*

³⁹⁶ *Childe V.G. The socketed celt in upper Eurasia // Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London. L., 1954. P. 10, 12–13.*

пояса пустынь, полупустынь и засушливых степей. А поскольку следов примитивных форм колеса или повозок в слоях китайского неолита не обнаружено и изучение остеологического материала свидетельствует о том, что не в яншао, не в Луншань лошадь еще не была одомашнена³⁹⁷, то становится ясно, что именно благодаря этому противоборству в материальную культуру были привнесены существенные нововведения. Появление лошадей в иньских и раннечжоуских колесницах в качестве упряжных животных, да и самих колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов не является еще само по себе указанием на глубинное проникновение лошади в этническую культуру древнекитайского земледельческого населения, а указывает на наличие интенсивных контактов кочевого и оседлого населения.

Заимствование с Запада и развитие на государственном уровне производства и широкомасштабного применения колесниц Китаем, обоснованное в работах В.Г. Чайльда, П.М. Кожина, Т.С. Пигготта и др.³⁹⁸, получило дополнительные подтверждения благодаря урало-казахстанским колесничным находкам бронзового века. Наиболее примечательно в них распространение прямоугольно-пластинчатых псалиев со вставными шипами, имитирующих металлические образцы и являющихся прообразами древнейших иньских пластинчатотрубчатых псалиев с центральным широким отверстием и шипами. В чжоускую эпоху колесницы становятся в китайской армии важным структурообразующим элементом, а количество колесниц определяет место в иерархии чжоуских царств.

---

³⁹⁷ *Chang Kwan-chi*. Chinese prehistory in pacific perspective // Harvard journal of Asiatic studies. 1959. Vol. 22. P. 107–116; *Jing Yuan, Flad R.* Research on Early Horse Domestication in China // *Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann* / Ed. M. Mashkour. Oxf.: Oxbow, 2006. 124–131.

³⁹⁸ *Childe V.G.* The Diffusion of Wheeled Vehicles // *Ethnographisch – archaeologische Forschungen*. B., 1954. Bd. 2. S. 1–17; *Piggott T.S.* The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L.: Thames & Hudson, 1983. 272 p.; *Кожин П.М.* Об иньских колесницах ... С. 278–287; *Он же.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Монголии*. Новосибирск: Наука СО, 1987. С. 109–126; *Raulwing P.* Horses, Chariot and Indo-Europeans // *Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest: Archaeolingua, 2000; *Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: НГУ, 2002.

Война и военное дело всегда играли важную роль в обществе. Материальную основу развития военного дела составляет набор вооружения – значительная и динамичная часть материальной культуры. Форма и украшение оружия, его количественное и качественное соотношение, способы применения определялись, с одной стороны, функциональным предназначением, а с другой – этническими и культурными традициями. Поскольку вооружение самым непосредственным образом связано с практической, специфического вида деятельностью, то различные усовершенствования внедрялись здесь сравнительно быстро и в значительном количестве, во всяком случае, быстрее, чем в ритуальной практике. Более совершенные средства защиты и нападения давали, как правило, ощутимое преимущество в сражениях. От степени соответствия форм конкретных предметов вооружения своим функциям защиты или поражения зависели не только эффективность их употребления, но и само существование социального организма, в рамках которого они были созданы и нашли применение³⁹⁹. Лучшие виды оружия нередко импортировались или брались в качестве образцов для местного производства. Поэтому изучение комплекса вооружения позволяет использовать его в качестве одного из надежных средств, чтобы определить направление и объем контактов. Различные компоненты в оружейном комплексе, да еще в сочетании с другими признаками, позволяют предполагать культурную неоднородность населения изучаемого памятника. Это позволяет не только с большей точностью определить этапы собственно китайской истории, но и дает возможность датировать ряд вещей, распространенных на сопредельных территориях или проникавших в пределы древнекитайских государств в качестве импорта.

Вместе с колесницей в Китае в эпоху Шан-Инь появилось множество развитых типов бронзового оружия – ножи, топоры, втульчатые наконечники копий и т.п. Все большую достоверность обретает и концепция о западном происхождении китайского бронзолитейного искусства (особенно литья в стандартные сложносоставные формы, части которых могли соединяться для разных отливок разными способами, благодаря чему получались на основе стандартных деталей достаточно большие наборы разнообразных изделий). Проделанное М. Лером тщательное изучение иньского бронзового оружия показало, что наи-

---

³⁹⁹ Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1985. С. 7.

более развитые типы его не имеют прототипов среди каменных орудий китайского неолита и морфологически восходят к более примитивным типам некайского бронзового орудия Центральной Азии, Сибири и других районов Евразии⁴⁰⁰. Кроме того, изучение бронзовых ножей карасукского типа, которые прежде считались результатом китайского влияния в Сибири, показало, что влияние было обратным⁴⁰¹. Еще более наглядно это видно на примере втульчатых орудий (кельты, наконечники копий), которые появились одновременно с колесницей и, как это явствует из специальных исследований, могли прийти только с Запада (в Юго-Восточной Азии кельты неизвестны)⁴⁰².

Важный памятник начала Чжоу в районе Пекина – могильник Байфу. Основываясь на географическом расположении памятника и значительном сходстве с могильником в Люлихэ⁴⁰³, его можно датировать временем правления первых чжоуских ванов. Комплекс вооружения и колесничного снаряжения в Байфу отличается заметным своеобразием. Особый интерес в этом плане представляет могила № 2, где захоронена женщина. Могилы женщин-воительниц – исключительно редкое явление для культуры бронзового века Китая⁴⁰⁴. Для многих предметов вооружения и сбруи из Байфу характерны ярко выраженные «северные» черты, что свидетельствует о привлечении на воинскую службу представителей других племен. Возможно, именно с этими народами

---

⁴⁰⁰ *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956.

⁴⁰¹ Наиболее ранние типы карасукских ножей были сильно изогнуты, когда как выпрямленные ножи и ножи с кольцевым навершием и навершием в виде головы животного («звериный стиль») относятся к наиболее поздним. Именно эти поздние карасукские бронзовые ножи были найдены в Аньяне и Чжэньчжоу (эти ножи не имеют китайских прототипов ни в камне, ни в бронзе). Некоторые из них, по словам С.В. Киселева, настолько похожи на карасукские, что он не взялся бы их различить. См.: *Киселев С.В.* Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 259.

⁴⁰² *Childe V.G.* The socketed celt in upper Eurasia ... P. 10, 12–13.

⁴⁰³ Западночжоуский могильник на территории современного района Фаншань на юго-западе Пекина.

⁴⁰⁴ Наиболее известный пример – могила Фу Хао. См.: *Кучера С.Р.* Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао) // X науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М.: Наука, 1979. Ч. 1. С. 207–218.

связаны оригинальные археологические памятники (главным образом могилы и подъемные находки), выявленные в северо-западной части Шаньси, северных районах Шаньси и Хэбэя, на всей территории Ордо-са. Для них характерно наличие кинжалов и ножей карасукского облика с бубенчиковидными или зооморфными навершиями, втульчатых топоров, сравнительно больших ложек, которые могли использоваться в качестве украшений либо псалий. Как свидетельствуют раскопки в Байфу, указанная ситуация сохранялась и в раннечжоуское время. Аналогии многим северным бронзам ведут в Монголию, Сибирь и далее на запад⁴⁰⁵.

Важным примером, характеризующим наличие и устойчивость китайско-центральноазиатских контактов, являются «модели ярма»⁴⁰⁶, которые встречаются в археологических комплексах бронзового века Сибири, а также иньского и чжоуского Китая. В Сибири «модели ярма» встречаются редко, в погребениях Китая таких находок гораздо больше. Как правило, они входят в комплекты вооружения в захоронениях воинов. Если придерживаться наиболее на данный момент аргументированного мнения, что «модели» действительно входили в комплекс снаряжения воина-колесничего и крепились на поясе на манер пряжки, выполняя при этом функции брони, защищавшей живот, то можно сделать достаточно очевидный вывод, что часть населения Сибири и Китая имела определенные контакты и даже, возможно, заимствовала передовые на тот момент технологические достижения.

Таким образом, в свете исследований последних лет становится все более очевидной роль центральноазиатских и сибирских бронзовых культур в процессе генезиса культуры Шан-Инь. В Китае бронза появляется неожиданно и в развитых формах – здесь нет постепенно-

---

⁴⁰⁵ *Jettmar K. Cultural and Ethnic Groups West of China // Asian Perspectives (Honolulu). 1985 (1981). Vol. 24. № 2. P. 149.*

⁴⁰⁶ На данный момент предназначение предмета не выяснено. Условным названием «модель ярма» удобнее всего охарактеризовать его внешний облик. Дискуссия по вопросу предназначения этого предмета приведена в работах М.П. Кожина и М.Д. Хлобыстиной. См.: *Кожин П.М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Сб. МАЭ. Л., 1969. Т. 25. С. 30–32; Хлобыстина М.Д. К изучению минусинских культовых древностей // СА. 1970. № 3. С. 188; Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.*

го медленного развития бронзовой индустрии от последовательных опытов производства украшений к изготовлению металлического инвентария⁴⁰⁷. Фактически сразу массово возникают ритуальные формы бронзовой посуды и вооружения⁴⁰⁸. Характерной особенностью этого периода стало использование в боевых действиях, в охоте и в ритуалах такого вида вооружения, как боевые колесницы с конной запряжкой⁴⁰⁹. Происхождение этих боевых колесниц связывается с распространением влияния ближневосточных культурных центров на восток⁴¹⁰. Находки наскальных изображений колесниц в Синьцзяне и Внутренней Монголии доказывают эту гипотезу⁴¹¹.

---

⁴⁰⁷ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 189.

⁴⁰⁸ Кучера С. Китайская археология, 1965–1974: палеолит – эпоха Инь: находки и проблемы. М.: Наука, 1977; Кожин П.М. Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // IX науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, 1978. С. 40–49; Он же. Значение орнамента керамики и бронзовых изделий ... С. 131–161;

⁴⁰⁹ Кожин П.М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 76–81; Он же. Гобийская квадрига // СА. 1968. № 3. С. 35–42; Он же. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169–183; Он же. Первые повозки // ВИ. 1986. № 7. С. 185–189; Он же. Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи неолита – раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт). Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1990. С. 22, 23.

⁴¹⁰ Боевая колесница с конной запряжкой была наиболее характерным видом вооружения ближневосточных государств 2 тыс. до н.э. От них колесничьи транспорт быстро распространяется в среду кочевников в результате интенсивных столкновений на границах империй. Находки колесниц и их снаряжения характерны для памятников эпохи бронзы Поволжья, Зауралья, Сибири, Казахстана и др. Через кочевников традиция использования колесниц в боевых действиях приходит на Восток. См.: Piggott T.S. The Earliest Wheeled Transport ...; Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich: Verlag Herold, 1955; Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles ... S. 1–17; Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979; Raulwing P. Horses, Chariot and Indo-Europeans ...; Кожин П.М. Об иньских колесницах ... С. 278–287; Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: АиФ Казахстан, 1994; Нефедкин А.К. Боевые

В эпоху Шан-Инь в Китае появились и другие новшества – новые типы построек (дома-«дворцы», городские стены, могилы-мавзолеи), письменность, развитое изобразительное искусство (каменная скульптура в «зверином стиле»), наконец, принципиально иные виды культов и ритуалов и, в частности, обычай совершать массовые человеческие жертвоприношения (умершего иньского правителя сопровождали в «лучший мир» многие сотни сопребенных). По мнению специалистов, в китайском неолите нет следов-зачатков этих элементов иньской культуры⁴¹². Разумеется, это не означает, что некоторые из этих новшеств не могли появиться – пусть даже за очень короткий срок – в результате развития китайской цивилизации. Однако при этом заслуживают внимания два существенных момента. Во-первых, развитие каждого из отмеченных элементов культуры должно было занять не одну сотню лет, и при этом обязательно должны были в случае абсолютно автохтонного их появления и развития сохраняться какие-нибудь следы эволюции этих элементов от их ранних форм к тем, что зафиксированы в Инь. Однако явственные следы этого установить пока трудно. Во-вторых, все вышеперечисленные элементы иньской культуры появились в Китае значительно позже того времени, когда в ряде других культур бронзового века уже существовали аналогичные явления – и письменность, и крупные захоронения с человеческими жертвами, и сооружения – постройки методом утрамбовки земли, и схожие формы и приемы в искусстве⁴¹³.

Также для нашего исследования важен вопрос о происхождении некоторых типов бронзовой ритуальной посуды шан-чжоуской эпохи. За последние десятилетия появилось немало публикаций, посвящен-

---

колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

⁴¹¹ Близкие стилистически рисунки выявлены в Синьцзяне (Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация ... Рис. 7, 2), на Памире (Кожин П.М. Колесничные сюжеты ... С. 118. Рис. Б – 12) в индийском штате Мадхья-Прадеш (India Perspectives. Oct. 6. P. 12: URL: <http://indiadiplomacy.in/IndiaPerspectives.aspx>).

⁴¹² *Li Chi*. The beginnings of Chinese civilization ... P. 15.

⁴¹³ *Godrich L.C.* China earliest contacts with other parts of Asia. Canberra: The Australian National University. 1962. P. 6–7; *Fairservis W.* The origins of oriental civilization ... P. 129.

ных новым находкам котлов и разнообразных комплексов с котлами, много внимания было уделено изучению эпиграфических текстов на котлах⁴¹⁴, открыты новые памятники, характеризующие процесс производства бронзовой ритуальной утвари.

Особо важным остается вопрос о самих функциональных комплексах этой посуды и принципах их формирования. Наибольший интерес представляют для нас несколько типов такой посуды:

1). Прямоугольные в плане и профиле, напоминающие ящик, часто очень большие сосуды на четырех ножках, располагавшихся под плоским основанием по краям. Сосуды имели на противоположных коротких сторонах массивные ручки-скобы. Сами ножки представляли собой скульптурные изображения голов крупных животных, видимо, быков, уткнувшихся носами в пол. Со временем скульптурная рельефность сглаживалась и оставался лишь геометрический орнамент, который быстро деградировал. До недавнего времени единственными евразийскими аналогиями этой форме сосудов оставались каменные жертвенники значительно более поздней скифо-савроматской эпохи. Глиняные «модельки» жертвенников, близких по форме и украшенных по боковым стенкам головами баранов и извивающимися змеями, обнаружены в могильнике «раннего бронзового века» в Юго-Западной Туркмении (могильник Пархай II)⁴¹⁵. Естественно, здесь не может идти речь о прямом заимствовании китайских котлов из Западной Азии, но это первое ясное указание на наличие в Центральной Азии какой-то протокультуры, породившей как западную, так и восточную ветви развития этих изделий. В Каракумах, в дельте и бассейне реки Мургаб открыты памятники новой вторичной цивилизации, тесно связанной постоянными контактами с основными синхронными культурами Древнего Востока от Сирии до Северной Индии⁴¹⁶.

---

⁴¹⁴ *Кожин П.М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах ... С. 40–49; *Shaughnessy E.L.* Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1991; *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М.: ИВ РАН, 1997; *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000.

⁴¹⁵ *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 84–97. Табл. 1, 3, 10, 17, 18, 23, 28, 29, 30, 32, 34, 42. 53, 56.

⁴¹⁶ *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007.

2). Кувшинообразные высокие сосуды, либо плоскодонные, либо на поддоне, чаще всего снабженные барельефным или графическим изображением «масок тао-тье». Некоторые из них имеют квадратное сечение в плане и сложную конструкцию верхней части крышки.

3). Горшковидные сосуды с невысокой расширяющейся к устью шейкой и туловом в виде приплюснутого шара могут иметь либо три ножки, либо невысокий поддон в виде квадратного ящичка. Форма ближе всего соответствует центральноазиатским и южносибирским сосудам, происходившим из культур «карасукского типа». Сами эти центральноазиатские изделия часто сопоставляются с инь-чжоускими изделиями⁴¹⁷.

Факты показывают, что как карасукская культура в Южной Сибири, так и иньская в Китае частично уходят своими корнями в местные культуры (в бронзовые афанасьевскую и андроновскую в Сибири и в неолит в Китае). Между элементами в культуре Китая и Сибири, особенно в том, что касается типов бронзовых изделий и их орнамента («звериный стиль»), существовала несомненная генетическая общность.

Таким образом, накопленные современной наукой данные дают веские основания считать, что в процессе генезиса бронзовой культуры и всей иньской цивилизации наряду с местными неолитическими культурами (яншао и луньшань) существенную роль сыграли культурные контакты и связи с другими народами. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в иньскую эпоху западные контакты были вполне сложившимися.

Важным материальным доказательством наличия сложившихся культурных контактов народов Восточной и Центральной Азии могут служить находки нефритов в этих регионах. Именно нефрит, поступавший с территории Восточного Туркестана, играл важную роль в

---

⁴¹⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 119–120; Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 250, 251.

культурном развитии Китая⁴¹⁸. По месту добычи его часто называли хотанский или куньлуньский нефрит (на исключительное богатство нефритовых месторождений Восточного Туркестана, расположенных вдоль северного и южного склонов Кунь-Луны, указывал еще А.Е. Ферсман⁴¹⁹). Э. Шефер полагал, что именно с Хотаном можно соотнести Яшмовую (Нефритовую) гору, расположенную далеко на западе. Он также считал, что именно Хотан, а позднее и Яркенд были источниками всего нефрита, употреблявшегося в Китае, хотя и не исключает полностью возможность использования местных ресурсов⁴²⁰.

Первые образцы хотанского нефрита появляются в районе Центральной равнины еще в эпоху неолита. Дата наиболее раннего импорта синьцзянского нефрита в район Центральной равнины восходит к 7 тыс. до н.э. и оказывается сравнимой с датировками наиболее ранних нефритовых изделий Китая⁴²¹. Их появление на памятниках северо-восточной культуры относится примерно к 8 тыс. до н.э., а широкое распространение, прежде всего в восточных районах, начинается с 7 тыс. до н.э.⁴²²

Традиция использования привозного хотанского нефрита продолжилась в рамках культуры цицзя⁴²³, и, возможно, именно через посредство этой культуры нефрит из Синьцзяна попадал в пределы государства Шан-Инь. О специальных походах за нефритом и о получении его в качестве приношений упоминается в иньских надписях на

---

⁴¹⁸ *Born G.M.* Chinese Jade: An Annotated Bibliography. Chicago: Celadon, 1982; *Childs-Jonson E.* Enduring Art of Jade Age China: Chinese Jades of the Late Neolithic through Han Periods. 2 vols. N.Y.: Throckmorton Fine Art, 2001–2002.

⁴¹⁹ *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / ред. и сост. О.А. Митько. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 7.

⁴²⁰ *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / пер. с англ. Е.В. Зеймаля и Е.И. Лубо-Лесниченко / Сер. Культура народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 296, 447.

⁴²¹ *Demattè P.* The Chinese Jade Age: Between Antiquarianism and Archaeology // *Journal of Social Archaeology*. 2006. Vol. 6. № 2. P. 202–226.

⁴²² *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана ... С. 7.

⁴²³ Цицзя (2400–1900 до н.э.) – луншаноидная культура на территории современного Китая в верховьях р. Хуанхэ, на западе провинции Ганьсу и востоке провинции Цинхай.

гадательных костях. По мнению специалистов, значительная часть (около 300) предметов из богатейшей нефритовой коллекции, найденной в могиле Фу Хао, изготовлена именно из хотанского нефрита⁴²⁴. Начиная с иньского времени синьцзянский нефрит становится основным материалом для производства ритуальной утвари, в первую очередь – для императорского двора. Эта тенденция, с двумя пока не очень понятными временными заминками (период Западного Чжоу и династии Вэй, Цзинь, Наньбэйчао, на памятниках которых синьцзянский нефрит практически не представлен), существует на протяжении тысячелетий вплоть до последней императорской династии Цин включительно. Хотанский нефрит использовали не только китайские правители, но и многочисленные завоеватели – кидани, чжурчжени и монголы. Поступавший из Восточного Туркестана нефрит не вытеснил полностью местное сырье, из которого продолжали изготавливать украшения для реализации на городских рынках, однако занял главенствующее положение среди императорских украшений.

Для доставки нефрита из Восточного Туркестана необходимо было развитие постоянных торговых связей. Задолго до открытия Шелкового пути существовал Нефритовый путь, проходивший примерно по тем же маршрутам. Впервые идея существования Нефритового пути была высказана после открытия белонепфритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность). В.А. Городцов предположил их происхождение из окрестностей Кашгара как единственного известного в то время источника необходимого сырья. Однако после открытия прибайкальских месторождений белого нефрита В.А. Городцов пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал именно глазковскую культуру⁴²⁵. Эта идея получила развитие в работах С.В. Киселева, который полагал, что прибайкальский нефрит мог передаваться не только на запад, но и на юго-восток, в древнейшие центры шан-иньской культуры.

---

⁴²⁴ *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана ... С. 7–9.

⁴²⁵ *Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // Труды Научно-исследовательского института археологии и искусствознания. Т. II. М., 1928. С. 46–60.

По проторенным путям распространялись и другие культурные достижения, например, сейминско-самусьская бронза⁴²⁶. Культурные связи между племенами, населявшими в период развитой бронзы Восточный Туркестан и Южную Сибирь, и иньцами прослеживаются на примере распространения бронзовых зеркал, которые в тот период также распространялись с запада на восток⁴²⁷.

В последующие периоды бронзовой эпохи контакты хуася с другими народами осуществлялись через племена, населявшие окраины Китая. Их история постоянно привлекает внимание отечественных археологов и востоковедов⁴²⁸.

В VII в. до н.э. на Среднекитайскую равнину, в самое сердце этнической территории формирующейся общности древних китайцев, вторглись иноплеменники – ди⁴²⁹. Первым из царств, непосредственно столкнувшимся с ди на северо-западных границах, было Цзинь⁴³⁰. Политические события этого времени довольно подробно описаны в литературе⁴³¹. Начиная с 20-х годов VII в. до н.э. в источниках появляются упоминания о двух группах ди – «белых» западных и «красных» восточных. В VI в. до н.э. после военной победы Цзинь над ди начинается их постепенная ассимиляция. В V в. до н.э. часть «белых ди» перемещается на восток и основывает государство Чжуншань (Сяньюй). В отношении этнической принадлежности ди в науке сформировалось

---

⁴²⁶ Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука, 1965. С. 52.

⁴²⁷ Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1985. С. 164–166.

⁴²⁸ Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Т. 1. 1959. С. 75–95; Он же. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 63–73; Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука. 1972.; Он же. Золотые мечи и колодки невольников. М.: Наука, 1976.

⁴²⁹ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. С. 179–184.

⁴³⁰ В районе бассейна р. Фэньхэ.

⁴³¹ Legge J. The Chinese Classics. 2nd edition. 5 vols. Oxford: Clarendon, 1893–1895; rpt.: Taipei: SMC, 1991. P. 113–327.

несколько мнений. Первой из них придерживался А. Масперо, который считал ди родственными древним китайцам и отличавшимися от них только уровнем культурного развития⁴³². Вторую точку зрения выразили Ф. Хирт и В. Эберхард, которые считали ди тюркоязычным народом⁴³³. Третье мнение было высказано в одной из ранних работ Го Мо-жо. Обращая внимание на изменения в художественном стиле древнекитайских бронзовых изделий середины эпохи Чуньцю, Го Мо-жо видел в этом результат внешнего влияния скифского искусства. Поэтому он считал возможным, что в формировании этнической группы ди принимали участие скифы⁴³⁴. Точка зрения Го Мо-жо находит подтверждение при последующих исследованиях археологических культур Северного Китая, где найдены следы скифской культуры. Племена кочевников ди появились на границах Китая как раз в тот период, когда в Евразии появились скифские народы в 1 тыс. до н.э. И именно к этому времени относится большое число предметов в «зверином стиле» в Северном Китае. В Ордосе предметы скифского искусства были изучены Ю.Г. Андерсоном⁴³⁵. Находки в Ордосе и других смежных регионах локализируются в широкой зоне, примыкавшей с севера к территории царства Цзинь эпохи Чуньцю.

Изменения, связанные с приходом племен ди, затронули практически все основные стороны этнической специфики древнекитайского этноса, наложив свой отпечаток на его язык, материальную и духовную культуру и, наконец, на его самосознание. Под воздействием интенсивных контактов с соседними народами существенно изменилась и внутренняя структура самой древнекитайской этнической общности.

Итак, в эпоху поздней бронзы на окраинах чжоуского конгломерата государств развивались самобытные культуры, которые поддерживали контакты с культурой Центральной равнины. Большое количество видов предметов, в частности оружия создавались народами «варварской периферии» самостоятельно и, закрепленные традицией, оказали

---

⁴³² *Maspero H.* La Chine antique. P.: de Boccard, 1927. P. 20.

⁴³³ *Prusek J.* Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 B.C. Praha: Academia, 1971. P. 209.

⁴³⁴ Го Мо-жо. Бронзовый век / пер.с кит. Г.А. Богданова, Ф.С. Быкова, Д-У. Исина, Лин-Кюн-И, Н.Ц. Мункуева. Под ред. проф. Ян Хин-Шуна. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 434.

⁴³⁵ *Andersson J.G.* Selected Ordos Bronzes // *BMFEA*. 1933. № 5. P. 142–154.

влияние на формирование комплексов вооружения последующих периодов⁴³⁶.

По границам чжоуских государств существовали широкие зоны «смешанных» культур, в рамках которых влияние хуася осуществлялось в одном ряду с другими культурными взаимодействиями. Характерный пример – культура верхнего слоя Сяцзядянь⁴³⁷, где слились в едином комплексе традиции изготовления вооружения Центральной равнины, сибирско-ордосских степей и древнекорейских племен Ляонина. Следует, однако, учитывать, что культура верхнего слоя Сяцзядянь представляет собой лишь выдвинутую в контактную зону южную оконечность культурной общности, охватывавшей Ордос, Восточную Монголию и Забайкалье⁴³⁸. Географический ареал ее распространения – косвенное подтверждение справедливости гипотезы о том, что носителями культуры верхнего слоя Сяцзядянь были дунху, предки монгольских народов.

Культура верхнего слоя Сяцзядянь характеризуется относительной полнотой опубликованных и исследованных материалов. Инвентарь отличается значительным своеобразием. Исследование отдельных памятников культуры Сяцзядянь началось в середине XX в. К числу наиболее богатых находками относится раскопанная в 1963 г. могила № 101 у д. Наньшаньгэнь (уезд Нинчэн, провинция Ляонин). Погребальный инвентарь составляют ритуальные сосуды, оружие, орудия труда из бронзы, три золотых кольца, два каменных топора и различные изделия из кости. Среди бронзовых сосудов оказались изделия специфических форм, неизвестные на других памятниках. Так же смешан по характеру комплекс вооружения. Кинжалы, шлемы, наконечники стрел, накладки на ножны специфичны. Четыре кинжала близки к карасукским «выемчато-эфесовым». Еще два кинжала сочетают раз-

---

⁴³⁶ *Имс Р.Ф.* Царство Дянь и его место в социальной и культурной истории // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1974. С. 344–357; *Имс Р.Ф.* Золотые мечи ...

⁴³⁷ Эта культура получила свое название по одному из наиболее представительных памятников, открытых в окрестностях Чифэн.

⁴³⁸ Памятники культуры верхнего слоя Сяцзядянь выявлены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй и Ляонин, а также в прилегающих районах Внутренней Монголии.

личные традиции. Точные аналогии этим предметам не известны, однако традиция украшать кинжалы изображениями животных примечательна для искусства кочевников северных степей⁴³⁹.

В 1958 г. в районе Наньшаньгэнь исследовалась могила со сходным инвентарем. Внутри при раскопках была найдена коллекция из 71 бронзового изделия. Для большинства из них характерно украшение зооморфными фигурами. Многие изделия оказались украшенными изображениями трех-четырёх стоящих животных. Н.Л. Членова предлагает датировать этот комплекс временем около VI в. до н.э.⁴⁴⁰ Однако, судя по инвентарю, эта могила по дате близка к погребению № 101.

К тому же этапу относится наньшаньгэньская могила № 102. Вместе с костяком обнаружены бронзовые ножи, кельты, части сбруи (удила, обоймы, бляшки), одно зеркало и ряд других предметов. Интерес вызывает найденная в могиле костяная пластинка с резным рисунком, изображающим человека на лошади с луком в руке. Как считает А.В. Варенов, изображение такой лошади стилистически близко к изображениям на оленних камнях⁴⁴¹.

Наньшаньгэньские аналогии прослеживаются и на других памятниках в районе Чифэна и соседнего уезда Цзяньпин. Исследуя эти комплексы, ученые находят близкие аналогии в культуре плиточных могил из Восточной Монголии⁴⁴².

Памятники верхнего слоя Сяцзядянь выделяются своеобразной керамикой и изделиями из бронзы. В числе специфических бронзовых изделий можно назвать некоторые типы металлических сосудов, кельты с «веерообразным» лезвием, зеркала и зеркаловидные украшения, бляхи, изображающие животных и птиц. Большая часть предметов вооружения, найденных в погребениях (шлемы, кинжалы, наконечники копий), восходит к более ранним бронзовым изделиям северных народов. Для искусства примечательны украшения, выполненные в традициях «звериного стиля». В составе инвентаря прослеживается ряд элементов, сходных с одновременными находками на сопредельных

---

⁴³⁹ Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая ... С. 89.

⁴⁴⁰ Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. С. 64.

⁴⁴¹ Варенов А.В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии. Новосибирск, 1983. (Препринт).

⁴⁴² Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. С. 49–50.

территориях, что позволяет ставить вопрос о «смешанном» характере сяцзядяньских памятников⁴⁴³. Эти особенности свидетельствуют о самобытном характере культуры верхнего слоя Сяцзядянь, которая сумела усвоить и переработать на собственной основе достижения других народов.

Археологические параллели для верхнего слоя Сяцзядянь прослеживаются среди позднебронзовых раннескифских культур Центральной Азии. Прежде всего следует отметить дворцовые памятники Восточного Забайкалья, которые можно включить в состав «карасукских по облику культур». С культурой верхнего слоя Сяцзядянь ее сближают длинные бронзовые ножи с упором для пальцев на рукояти, многоярусные бляшки, привески в виде ложечек или фигурок птиц с распластанными крыльями⁴⁴⁴. Такие же изделия отмечаются в коллекциях случайных находок Ордоса и Монголии. Важность их заключается в том, что они как бы объединяют воедино Дунбэй и Забайкалье⁴⁴⁵. Это единство подчеркивается также тем, что изображения хищных птиц из рода орлов в отмеченной характерной позе (с распластанными крыльями) широко представлены на писаницах, обнаруженных в центральных и восточных аймаках МНР, в Бурятии и Читинской облас-

---

⁴⁴³ Бродянский Д.Л. Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: КемГУ, 1979. С. 80–83; Комиссаров С.А. Северокитайские бронзовые кинжалы чжоуского времени и проблема «смешанных» культур // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М.: Наука, 1982. Ч. 2. С. 36–37.

⁴⁴⁴ Кириллов И.И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. С. 136–139; Он же. Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1981; Кириллов И.И., Кириллов О.И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: СО, 1985. С. 22–33.

⁴⁴⁵ Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. 1932. № 4. P. 221–317; Киселев С.В. Монголия в древности. М.: Изв. АН СССР / Сер. истории и философии. 1947. Т. 4. С. 355–372; История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1983. С. 91–92.

ти⁴⁴⁶. Определенное сходство в способе захоронения и в инвентаре прослеживается между верхним Сяцзядянь и культурой плиточных могил Восточного Забайкалья и Монголии⁴⁴⁷. Это относится к таким важным элементам, как триподы типа ли, некоторые формы ножей (особенно с ритмически повторяющимися фигурами людей или животных на рукояти), полусферические и ярусные бронзовые бляшки⁴⁴⁸.

Для определения связей культуры на поздних ее этапах значительный интерес представляет погребение с двумя узкими кинжалами, «крылатым» копьем, зеркалом и некоторыми другими вещами, обнаруженными у сопки Известковой (Голубиной) в Приморье⁴⁴⁹.

По вопросам этнической принадлежности культуры Сяцзядянь высказываются различные точки зрения. Одна из них заключается в том, что она принадлежит племенам дунху. Антропологическое заключение, сделанное на основе анализа скелетных остатков из погребений и изображений на бронзовых изделиях, определяет, что носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь являются классическими монголоидами, к которым относятся не только монгольские, но и многие тюркские народы. Более конкретным является замечание о форме прически, которая может быть существенным этноразличительным признаком. На упомянутых фигурках и рисунках у людей бритые головы, что отличается от прически как древних китайцев, укладывавших волосы на затылке с помощью спилек, так и сюнну, носивших косу, но зато полностью соответствует обычаю ухуаней, считавших, «что бритые головы

---

⁴⁴⁶ *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья: В 2-х ч. Ч. 2. Л.: Наука, 1970; *Кириллов И.И.* Образ птицы в искусстве ... С. 136–139.

⁴⁴⁷ Д.Д. Нимаев настаивает на полном различии плиточников и носителей «культуры каменных ящиков Маньчжурии». См.: *Нимаев Д.Д.* Этнический состав древнего населения Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – 1-я половина I тыс. н.э.) // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 56–70.

⁴⁴⁸ *Гришин Ю.С.* Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. С. 45; *Novgorodowa E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E.A. Seemann Verlag, 1980. S. 100–104; *Гришин Ю.С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука. 1981. С. 107–195.

⁴⁴⁹ *Окладников А.П., Шавкунов Э.В.* Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. 1960. № 3. С. 282–288.

приносит облегчение и удобство»⁴⁵⁰. В совокупности указанные выше моменты служат дополнительными, хотя и косвенными доказательствами в пользу дунхуской теории, которую в настоящее время разделяет большинство китайских археологов.

С.С. Миняев, проанализировав особенности погребальных сооружений и обряда, высказал мнение о «протосюннуской» принадлежности культуры верхнего слоя Сяцзядянь⁴⁵¹. Есть определенное сходство между погребениями рядовых сюнну и могилами представителей верхнесяцзядяньских племен, которое можно объяснить их принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу и взаимными контактами. Но не исключено также, что отдельные дунхуские группы приняли непосредственное участие в формировании сюннуского племенного союза⁴⁵².

Комплекс вооружения – это один из разделов чжоуской культуры, в котором взаимные контакты отражались с наибольшей силой. Письменные источники сохранили сведения о военном деле позднего Чжоу, когда чжаоский Улин-ван организовал в своей армии кавалерийские отряды по образцу «варварских» и снабдил воинов соответствующим снаряжением и одеждой. Археология позволяет фиксировать подобные воздействия и в более раннее время. Поэтому изучение оружия способствует выявлению культурной специфики окраин чжоуского Китая и наглядно иллюстрирует соотношение общего и особенного в развитии этих районов по сравнению с конгломератом древнекитайских государств.

В 1985 г. Ван Жэньсян опубликовал сводную работу, посвященную «поясным крюкам», застежкам поясов специфической формы, которые хронологически распределяются от среднего этапа Чуньцю до времени Западной Цзинь⁴⁵³. Большинство предметов – это типичные кол-

---

⁴⁵⁰ Материалы по истории кочевых народов в Китае группы данху / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. С. 64.

⁴⁵¹ Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. / Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985. С. 70–78; Он же. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.

⁴⁵² Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая ... С. 89.

⁴⁵³ Ван Жэньсян. Обзор коллекции поясных крюков // КГСБ. 1985. Вып. 3.

чанные крюки, применявшиеся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII–VI вв. до н.э. Назначение этих типов крюков в том, что к ним крепился колчан, оружие или другое снаряжение на свисавшем на бедро всадника портупейном ремне. В китайской традиции это типичное снаряжение кочевника снабжается чжаньгоскими орнаментами, инкрустацией и нефритовыми вставками, что делает его престижным видом воинского костюма. Таким образом, для утверждения в китайской воинской культуре особых видов кочевого армейского снаряжения появляется достаточно надежный хронологический момент – вторая половина IV в. до н.э.⁴⁵⁴ Другим примером могут служить поясные застёжки в виде крюка на короткой пластине, применение которых в воинском костюме зарегистрировано циньской скульптурой. Эти пряжки-крюки отличаются тем, что на пластине выполняется какая-нибудь горельефная, часто тематическая сцена. Аналогичные пряжки выявлены в воинском снаряжении европейского северосредиземноморского ареала. Они применяются и в снаряжении римских легионеров первых веков нашей эры⁴⁵⁵. Здесь для восточной и западной традиции очевидна общая основа в евразийской кочевой среде, вероятнее всего связанной с племенами, локализованными в степных и горных районах Центральной Азии, т.е. в соответствии с китайской письменной традицией наиболее связанных с расселением юэджей⁴⁵⁶.

Находки из памятников, исследованных в провинции Ганьсу, свидетельствуют, что этот район представлял собой передаточную зону инфильтрации на юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве⁴⁵⁷. Через Ганьсу продолжали осуществляться контакты и в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Однако связи осуществлялись тогда не столько по «горизонтали», сколько по «вертикали». Западный меридиональный

---

⁴⁵⁴ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 63.

⁴⁵⁵ Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 64, 65. Рис. 14. С. 51–67.

⁴⁵⁶ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия ... С. 64.

⁴⁵⁷ Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 62–67.

путь (в рамках всей восточноазиатской области) продолжал исправно действовать и в последующие исторические периоды⁴⁵⁸.

В 2012 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (между р. Бортала и Джунгарскими воротами недалеко от границы Китая и Казахстана) найдено крупное поселение с захоронениями бронзового века. Радиоуглеродный анализ находок, проведенный центром CHRONO Университета Куинс, показал, что им от 3,7 до 3,9 тысяч лет. В центре поселения располагалась особым образом оформленная постройка. Внутри постройки обнаружены кости животных, уголь и погребка. По всей видимости, это могло быть ритуальным помещением. В 90 могилах были найдены человеческие останки, а также бронзовые и керамические изделия. На данный момент это единственный археологический памятник в Синьцзяне, где одновременно присутствуют сооружения для живых и мертвых⁴⁵⁹.

Важным доказательством китайско-центральноазиатских культурных контактов бронзовой эпохи может служить находка группы из трех бронзовых сосудов в Яньчэне⁴⁶⁰. Более того, применив некоторые общие положения мифологии древнего мира, оказывается возможным исследовать их семантику⁴⁶¹. Городище Яньчэн расположено в уезде Уцзин провинции Цзянсу, на расстоянии около 11,5 км от г. Чанжоу. Раскопки в Яньчэне были произведены еще в 1958 г.⁴⁶² При расчистке

---

⁴⁵⁸ Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976. С. 114–115.

⁴⁵⁹ Материалы портала «Научная Россия»: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>

⁴⁶⁰ Фотография верхнего из сосудов вынесена на обложку журнала «Вэнью». См.: Вэнью. 1959, № 4. (на кит. яз.).

⁴⁶¹ Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1975. С. 52–66.

⁴⁶² По мнению китайских археологов, на месте древних развалин находилась столица чжоуского удела Янь. Упоминание о расположении здесь города, относящегося к землям древнего яньского правителя (цзы), содержится в ханьском сочинении «Юэ цзюэшу». Замечание о том, что «уский ван захватил земли цзы, который подчинялся Юэ», приведено также в описании уезда. См.:

внутреннего рва городища археологи обнаружили три деревянные лодки⁴⁶³, бронзовые предметы⁴⁶⁴ и много керамики, предположительно датированные эпохой Чуньцю (772–481 гг. до н.э.). Однако наибольший интерес вызывают найденные в том же слое в 150 м к северу от лодок бронзовые изделия, в особенности комплекс из трех вещей⁴⁶⁵. В основании группы находится блюдо «пань» на трех ножках. С одной стороны у «пань» оформлен короткий слив, с другой – плоская горизонтально расположенная ручка. Эти элементы, выполняя чисто функциональное назначение, вместе с тем придают блюду сходство с животным, причем слив выступает в качестве маленькой головки, а ручка – широкого хвоста. Из трех ножек две расположены «вперед», с обеих сторон от слива и на примерно равных от него расстояниях, а одна «сзади», как раз под ручкой. Все ножки слегка изогнуты и имеют утолщения («копыта») в нижней части. Внешние стенки блюда украшены узором.

Внутри блюда «пань» стоял сосуд «и», изображающий жертвенное животное («си и»). Сосуд опирается на массивный поддон. Края устья как бы отогнуты. Через все тулово проходит широкая полоса узора. С одной стороны сосуда расположена голова животного на выгнутой массивной шее, с другой – округлая вертикально расположенная ручка-хвост. У животного тупая, словно обрубленная морда, выпуклые глаза со зрачками, обозначенными лунками, и выгнутые полумесяцем острые рога. Аналогичные сосуды, хотя и выполненные в другой манере, широко представлены среди иньских и чжоуских бронз. Китайские исследователи интерпретируют их как «быков». Но по внешнему виду эти изделия больше напоминают улиток. При всем их различии как бык, так и улитка в мифологических сюжетах могут выступать в одном качестве – как хтонические персонажи.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. V. 3: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963. P. 40.

⁴⁶³ Лодки были выдолблены из одного ствола дерева. Одна из них экспонируется ныне в Нанкинском музее.

⁴⁶⁴ О бронзах Яньчэна упоминается в монографиях Чжэн Дэюня и Чжан Гуанчжи. См.: *Cheng Te-k'un. Archaeology in China. V. 3 ... P. 50; Chang Kwan-chi. Chinese prehistory in pacific perspective ... P. 421, 422.*

⁴⁶⁵ Описание группы сосудов и анализ дается по: см.: *Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю ...*

Устье сосуда «си и» закрывало перевернутое блюдо «пань» с тремя колесиками. С одной стороны блюда на небольшом расстоянии друг от друга располагаются два изображения животных, скорее всего драконов, которые по форме напоминают угольники. Один конец такого угольника прикреплен к днищу «пань», а другой представляет собой голову животного, повернутую назад. На морде выделены глаза и ноздри, на шее изображена чешуя. Через вершины «угольников» проходила ось, на которую надевалось одно из трех колес. Два других колеса прикреплены с двух сторон блюда примерно на равных расстояниях от первого. Внешние стенки тулова блюда «пань» покрыты узором, который представляется близким так называемому «громовому узору» («лэй вэнь»), характерному для древнекитайских бронзовых сосудов. Уже сама по себе форма и нехарактерная для Китая конструкция изделия подчеркивают его определенно ритуальный характер. Колесо со спицами и изображение пары ездовых животных (драконов) свидетельствуют о связи «пань» Яньчэна с колесничной символикой.

Прямых аналогий этим вещам на территории Китая нет. Гораздо шире изображения и модели колесниц распространены за пределами Китая, в культурах бронзового и раннего железного веков Евразии, в том числе среди петроглифов Средней и Центральной Азии⁴⁶⁶. «Пань» на колесиках из Яньчэн близки различные типы сосудов с колесиками, которые часто встречаются среди находок бронзового и раннего железного века на территории Европы и Передней Азии⁴⁶⁷.

---

⁴⁶⁶ *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии ...

⁴⁶⁷ К одной из наиболее ранних форм (конец 3 тыс. до н.э.) относится керамическая модель повозки с массивными сплошными колесами и кузовом в виде вазы из Будакалаш (Венгрия). Сочетание в модели сосуда и колеса сохраняется также в более позднее время. Характерны в этом отношении керамическая чаша (около XI–IX вв. до н.э.) из Канья (Венгрия), бронзовая повозка-котел из кургана X в. до н.э. в Пеккатель (Германия); бронзовый сосуд на четырехколесной платформе, найденный в районе Ганновера (Германия) и т.д. См.: *Foltiny S.* The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe // *American Journal of Archaeology.* 1959. V. 63. № 1. P. 53–58; *Bona I.* Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin // *Acta Archaeologica Hungaricae.* 12. 1960. P. 83–111; *Bichir Ch.* Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie // *Dacia. Nouvelle serie.* 1964. Vol. VIII. P. 70–74; *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М.: Наука, 1974.

Таким образом, модель колесницы из Яньчэна не имеет аналогий среди археологических находок эпохи Чжоу. В большом количестве бронзовые и глиняные модели повозок появляются только с эпохи Хань. Однако их внешний облик и семантика существенно отличаются от находки из Яньчэна. Не менее важно, что бронзовая модель колесницы входит составной частью в комплекс изделий, которые вместе образуют сложную композицию, символизирующую, судя по всему, вселенную. Сложная семантика комплекса показывает, что ряд его аспектов с трудом объясняется при помощи одной только древнекитайской мифологии, но многое проясняется при обращении к мифологии индоевропейских народов. И хотя некоторые совпадения могут носить типологический характер и не обязательно свидетельствовать о заимствованиях с Запада, в то же время следует иметь в виду, что, если для Китая эпохи бронзового века модели колесниц и их описания в текстах уникальны, то на Ближнем Востоке, в Европе и Центральной Азии такие модели, а также изображения чудесных повозок в петроглифах исчисляются десятками. Это обстоятельство говорит о том, что не только сам колесный транспорт, но и связанные с ним религиозные и мифологические представления были, вероятно, привнесены в Китай извне. Согласно одной из существующих точек зрения, и коневодство, и культ коня, и колесницы попали к китайцам через посредничество народов урало-алтайской языковой семьи. По мнению некоторых исследователей, роль связующего звена в таком процессе выполняли индоевропейцы-тохары⁴⁶⁸. Однако вопрос о конкретных путях культурного заимствования по-прежнему остается открытым.

Таким образом, Северный Китай периода бронзового века следует считать своеобразной контактной зоной, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов. Исследование бронз подтверждает вывод об особом положении региона, который, как и ряд других уделов, входил в политическую систему древнекитай-

---

С. 76; *Чердниченко Н.Н.* Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976. С. 145. Прямым аналогом этим изображениям среди вотивных моделей является колесница из Трудхольма (Дания). См.: *Евсюков В.В., Комиссаров С.А.* Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю ... С. 55.

⁴⁶⁸ *Евсюков В.В., Комиссаров С.А.* Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю ... С. 64.

ских государств, но значительно отличался от них в этническом плане и вплоть до Чжаньго не включался в сферу хуася⁴⁶⁹. Древнекитайская культурная традиция явилась важным, но не единственным компонентом в становлении культуры народов этого региона.

Для древнего Китая характерны оживленные контакты с «варварской» периферией. Культурные достижения различных народов, а часто и сами носители этих достижений активно проникали в районы, населенные хуася, и оказывали на их развитие существенное влияние. В старых китайских летописях и словарях содержатся многочисленные упоминания о «варварских» племенах, проживавших в пределах и на границах с ними.

Глобальное увлажнение степей в начале 1 тыс. до н.э. могло стимулировать переход к новым формам скотоводства в этом регионе и миграции древних кочевников на большие расстояния, вплоть до Китая и Восточной Европы⁴⁷⁰. Слабо расчлененные евразийские степи представляли благоприятные возможности для передвижения кочевых племен. Вследствие этого на всем протяжении степей Восточной Европы, Западной Сибири, Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железного века возникают культуры, обязанные своим единством не только однородности хозяйственного и бытового уклада ее носителей, но и наличию тесных связей и взаимодействию племен. В эпоху поздней бронзы, на рубеже 2 и 1 тыс. до н.э. кочевые племена, носители европеоидного антропологического типа, продвинулись далеко на восток, распространив ареал своего обитания и границы культуры до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса⁴⁷¹. Сходство некоторых важных компонентов материальной культуры, а иногда их полное то-

---

⁴⁶⁹ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза ... С. 279–283.

⁴⁷⁰ Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Красниченко С.В., Кулькова М.А. Лазаретов И.П., Семенов Вл.А. Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 118.

⁴⁷¹ Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы полиэтногенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. Бишкек: ГПТ КГУ им. И. Арабаева, 2003. С. 134–139.

жданство, позволяют говорить о существовании культурно-исторической общности⁴⁷².

Уже первые попытки классификации скифо-сибирских находок обнаруживают сходство скифских, центральноазиатских и китайских «художественных форм» (в основном, предметов в «зверином стиле»)⁴⁷³ и дают право предполагать, что они связаны между собой и имеют одно общее происхождение⁴⁷⁴. Культуры скифо-сибирского облика возникали и развивались на разной предшествующей основе, не в единых центрах, а по всей территории их распространения. Все это позволяет выделить локальные варианты: Минусинскую котловину, Саяно-Алтай, Монголию, Внутреннюю Монголию и районы Северного Китая. Наиболее актуальным и сложным становится вопрос, когда и благодаря кому появилось скифо-сибирское искусство. Существуют стилевые закономерности и даже в сходство между минусинскими и северокитайскими (ордосскими) бронзами⁴⁷⁵. С.А. Теплоухов и Э.Х. Минз одними из первых связали группу предметов скифо-сибирского звериного стиля с «карасукской культурой» X–VIII вв. до н.э и Северным Китаем, усматривая в этом сходстве генетическую связь⁴⁷⁶. С.В. Киселев считал, что карасукская культура из Аньяна (XV–XIV вв. до н.э.) через Суйюань

---

⁴⁷² *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.Л. Жданова, 1951; *Грязнов М.П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово: КемГУ, 1979. С. 4–7; *Мартынов А.И.* Скифо-сибирское единство как культурно-историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I всесоюзной археологической конференции. Кемерово: Изд-во КГУ, 1980. С. 11–20; *Волков В.В.* Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 330–354.

⁴⁷³ «Ордосские бронзы» – результаты раскопок и случайные находки на территории к северу от Великой китайской стены, находки из Ноин-Улинских и больших алтайских курганов.

⁴⁷⁴ *Ядринцев Н.М.* О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях // Труды археологического съезда. VIII. Т. IV. М.: Товарищество: типография А.И. Мамонтова, 1897. С. 176.

⁴⁷⁵ *Reinecke P.* Über einige ...

⁴⁷⁶ *Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л.: Рус. музей, 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62; *Minns E.H.* Small bronzes from Northern Asia // *The Antiquaries Journal*. Vol. 10. L., 1930. P. 1–23.

(XIV–XIII вв. до н.э.) проникла на Енисей, где в VII в. до н.э. на ее основе сложилась тагарская культура и скифо-тагарское искусство⁴⁷⁷.

На настоящее время данные говорят о том, что карасукская культура распространена в основном в Хакасско-Минусинских межгорных степных котловинах Среднего Енисея Южной Сибири и в Казахстане. Распространение отдельных бронзовых изделий зафиксировано на территории от Центрального Казахстана до Монголии и Северного Китая. Обилие источников послужило основой для создания различных гипотез о происхождении культуры⁴⁷⁸: 1) автохтонное (местное) происхождение карасукской культуры и ее компонентов на базе андроновской культуры и при участии западных импульсов⁴⁷⁹; 2) центрально-азиатское (юго-восточное)⁴⁸⁰; 3) китайское или ордосское происхождение⁴⁸¹; 4) западное, из Казахстана⁴⁸² или Ирана и прилегающих областей⁴⁸³. Разрабатываются гипотезы о возможной миграции населения с юга на позднем карасуком этапе⁴⁸⁴.

Антропологический аспект этой проблемы также противоречив. Идея о китайском происхождении южносибирской карасукской культуры, в частности, аргументировалась тем, что у карасукцев в отличие от их предшественников в Сибири присутствовал монголоидный эле-

---

⁴⁷⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 116.

⁴⁷⁸ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986.

⁴⁷⁹ Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: по материалам погребальных памятников: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2006; Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2006.

⁴⁸⁰ Watson W. Archaeology in China. L.: Max Parrish, 1960; Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970; Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.

⁴⁸¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири ...

⁴⁸² Вадецкая Э. Б. Археологические памятники ...

⁴⁸³ Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972.

⁴⁸⁴ Лазаретов И.П. Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. СПб., 2008. № 15. С. 37–54.

мент⁴⁸⁵. Исследования В.П. Алексеева поставили под сомнение вывод о монголоидной примеси у карасукцев. Используя новый важнейший антропометрический признак – профилировку лицевого скелета – не употреблявшийся в прежних работах антропологов, он показал, что антропологический тип карасукцев обнаруживает сходство с памиро-ферганской расой⁴⁸⁶. Исходя из этого, тезис о миграции из Китая в Сибирь карасукцев-монголоидов не находит подтверждения⁴⁸⁷. Однако незначительный монголоидный компонент также присутствует. Он указывает на близость карасукцев с андроновцами Казахстана и Верхнего Приоболья⁴⁸⁸. Это, однако, не исключает того, что бронзовая культура карасукцев (как и ордосская) была очень близка, может быть, даже родственна иньской бронзовой культуре. Подобная близость теоретически может быть объяснена различно. Либо карасукская культура служила исходным материалом для формирования иньской, либо, что более вероятно, обе эти родственные культуры (карасукская и иньская) генетически восходят к какой-то третьей, еще недостаточно известной бронзовой культуре⁴⁸⁹. Именно на территории Минусинской котловины, а также в районах Северного Китая и Внутренней Монголии происходит наибольшее количество находок как карасукского облика, так и предметов в скифо-сибирском зверином стиле. Это может объясняться не только преемственностью развития традиций, но и существованием в этих двух регионах в эпоху бронзы и

---

⁴⁸⁵ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири ... С. 114–116.

⁴⁸⁶ Современные представители этой расы – узбеки и таджики. См.: Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 382–383.

⁴⁸⁷ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка // МИА. № 48. 1956. С. 38–41.

⁴⁸⁸ Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1. С. 130–150.

⁴⁸⁹ Существует мнение, что корни карасукской культуры следует искать на территории Среднего и Ближнего Востока. См.: Членова Н.Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 279–283.

в скифское время металлургических центров, которые удовлетворяли запросы различных этнических групп населения (местных и пришлых).

Основная масса вещей является случайными находками и происходит из районов Северного Китая (Внутренней Монголии) и Минусинской котловины⁴⁹⁰. Самые ранние образцы датируются XIII в. до н.э. и найдены в памятниках на территории Северного Китая⁴⁹¹. На территории Северного Китая и Внутренней Монголии карасукская традиция доживает до IV в. до н.э. Что же касается Минусинской котловины, то здесь эта традиция существует до V в. до н.э.

Я.А. Шер считает, что под воздействием карасукской художественной традиции сформировались и некоторые образы раннескифской традиции звериного стиля⁴⁹². Однако образ хищника, который часто встречается на оленных камнях и в центральноазиатских петроглифах раннескифского времени, вероятно, имеет совсем иное происхождение. Д.Г. Савинов полагает, что подобные изображения «фантастического хищника» были сначала представлены на печатях-амулетах мургабского стиля из Маргианы, а несколько позже данный образ становится одним из ведущих в искусстве населения окуневской культуры

---

⁴⁹⁰ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967; Она же. Карасукские кинжалы ...; Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии ...; Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема ...; Она же. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989.

⁴⁹¹ Salmony A. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. P.: C.T. Loo Pub., 1933; Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. First Part: Daggers // *Artibus Asiae*. Vol. XII, 1–2. 1949. P. 23–83; *Ibid.* Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. Second Part: Knives // *Artibus Asiae*. Vol. XIV. 1–2. 1951. P. 77–162.; У Энь. Древние украшения в зверином стиле северного Китая // КГСБ. 1981. № 1. С. 45–61; Членова Н.Л. Карасукские кинжалы ...; Она же. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира» // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 7. С. 49–75; Варенов А.В. Карасукские ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 170–175.

⁴⁹² Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 226.

Южной Сибири⁴⁹³. Такие же изображения в больших количествах встречены в горах Хэланьшань (провинция Нинся, Китай), горах Иньшань (север Ордоса). Они датируются IX–VIII вв. до н.э.⁴⁹⁴ Так как больше ни в каком регионе Центральной Азии классических петроглифов такого рода и в таком количестве не встречено, то эту традицию изображения хищников в раннескифское время принято называть «хэланьшаньской»⁴⁹⁵. В этой художественной манере выполнены изображения хищников на оленных камнях Северной Монголии в Ушкин-Увэра⁴⁹⁶ и на камне 9-го жертвенника Жаргалант⁴⁹⁷. Аналогии этим изображениям можно встретить и среди предметов пластического искусства. Это зеркало из могилы № 1612 Шанцуньлиня, найденное в китайской провинции Хэнань⁴⁹⁸, бронзовые бляшки-подвески из случайных находок в Ордосе⁴⁹⁹, гравированное изображение на топоре из собрания Ю.Г. Андерсона⁵⁰⁰, две серповидные пластины, обнаруженные в районе с. Хорум-Даг Республики Тыва⁵⁰¹, бронзовые поясные подвески из верховьев р. Янцзы⁵⁰². Эти находки свидетельствуют о существовании восточной провинции распространения хэланьшаньской традиции⁵⁰³.

---

⁴⁹³ *Савинов Д.Г.* Образ фантастического хищника, окуневская традиция и звериный стиль // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. конф. памяти М.И. Артамонова. Тез. докл. СПб., 1998. С. 71.

⁴⁹⁴ *Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 154–158. Рис. 8: 3–5, 12, 15.

⁴⁹⁵ *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: Скифо-сибирская художественная традиция. Дис. ... к.и.н. Новосибирск, 2003. С. 70; *Он же.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.

⁴⁹⁶ *Волков В.В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. Рис. 8:8; 10:4.

⁴⁹⁷ *Волков В.В.* Ранние кочевники Северной Монголии ... С. 330–354. Рис. 6.

⁴⁹⁸ *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. к.и.н. Новосибирск, 2003. Таб. LXXVI, 5.

⁴⁹⁹ Там же. Таб. LXXVI. 6–8.

⁵⁰⁰ Там же. Таб. LXXVI. 1.

⁵⁰¹ Там же. Таб. LXXVI. 3, 4.

⁵⁰² Там же. Таб. LXXVI. 9.

⁵⁰³ *Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней ... С. 154–156.

Иньская традиция стиливых изображений в Центральной Азии существенно отличается от карасукской. Отличия проявились в значительной стилизации образов, композиционных решениях, в формах самих изделий, на которых были нанесены изображения (в основном на бронзовых сосудах и оружии)⁵⁰⁴. М.Н. Погребова и Н.Л. Членова связывают эту традицию с металлургией Среднего и Ближнего Востока⁵⁰⁵, М.И. Ростовцев относит эти орнаментальные традиции к вавилоно-ассирийскому искусству⁵⁰⁶, ряд отечественных и зарубежных ученых считают, что своим происхождением они обязаны комплексу, локализованному где-то в Центральной Азии. Подробно этот вопрос был рассмотрен Л.С. Васильевым⁵⁰⁷. Однако наиболее ярко «иньская» традиция проявилась в Аньяне в XIV–XII вв. до н.э. и просуществовала в районах Центрального и Северного Китая до X в. до н.э. Китайские ученые связывают ее появление с предшествующими традициями китайского неолита. Представляется наиболее вероятным мнение о происхождении сибирского искусства именно из Китая. Так, согласно теории Т.Г. Фриша, основой для его возникновения послужила традиция оформления фигуры животных завитками (вихревой и С-видный орнамент на нефритовых и бронзовых предметах эпохи Шан-Инь)⁵⁰⁸. Еще в начале XX в. К. Йеттмар, Х. Хюттель высказали мнение, что образ свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле сформировался на базе китайских «кольцевидных зооморфных композиций». С этим мнением соглашаются и многие современные отечественные и

---

⁵⁰⁴ *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA. 1945. № 17. P. 101–144; *Ibid.* Notes on the grammar of early bronze decor // BMFEA. 1951. № 23. P. 1–53. Fig. 122; 371; *Варенов А.В.* Чжугагоу памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 97–102.

⁵⁰⁵ *Погребова М.Н., Членова Н.Л.* Кавказский кинжал, найденный в Китае // Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3: Материалы по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1970. С. 294.

⁵⁰⁶ *Ростовцев М.И.* Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Миф. София: Нов български университет, 2001. № 7. С. 293.

⁵⁰⁷ *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации ... С. 274.

⁵⁰⁸ *Frisch T.G.* Scythian art and some Chinese parallels // OA. 1949. Vol. II. № 1. P. 16–24.

зарубежные исследователи⁵⁰⁹. Основным доказательством служат найденные в Китае подвеска из Фэнси⁵¹⁰, украшения из жадеита с изображением «дракона, кусающего себя за хвост»⁵¹¹. Кроме того, большое количество нефритовых кольцевых зооморфных украшений находятся в частных коллекциях, в музеях Европы и Америки и в основном датируются эпохой Шан-Инь. Большую дискуссию среди ученых вызывает вопрос, – кто же был изображен на этих нефритовых дисках? Например, В.Е. Ларичев считает, что это дракон, «кусающий себя за хвост», и интерпретирует некоторые «сцены» как «изображение события вселенского масштаба... чудовище заглатывает Солнце и захватывает хвостом Луну»⁵¹². С.В. Алкин, изучая нефритовые скульптурные изображения С-видной формы северо-восточного Китая, датируемые эпохой неолита (5–3 тыс. до н.э.), пришел к выводу, что это изображения личинок насекомых, в которых воплощались представления об идее рождения, поскольку в большинстве случаев на нефритовых подвесках существо изображалось часто очень схематично, без лап, с большой головой и невыраженным телом-хвостом⁵¹³.

---

⁵⁰⁹ Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. München: Skythika, 1987. S. 29; Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. Вып. 207. 1993. С. 65; Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб.: Гос. Университет, 2000. С. 18–19; Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 67.

⁵¹⁰ В могиле № 60 памятника Фэнси. См.: *Вэнь Гуан, Цзин Чжичунь*. Геоархеологическое изучение древних китайских нефритов // КГСБ. 1993. № 2. Цвет. вклейка.

⁵¹¹ В могиле Фу-хао (Аньян). См.: *Вэнь Гуан, Цзин Чжичунь*. Геоархеологическое изучение ...

⁵¹² Ларичев В.Е., Бородовский А.Л. Божество из Карахана (опыт астральной интерпретации каноничного образа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы Годовой сессии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 371–372.

⁵¹³ Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск, 1995. С. 14; Он же. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите северо-восточной Азии // Древние культуры северо-восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 135. Рис. 21.

В Китае неолитическая традиция украшения подобными существами различных предметов получила свое продолжение позже не только в камне, но и в металле. В эпоху Шан-Инь они служили элементами декора бронзовых сосудов. Анализ данного материала позволяет признать, что мнение о заимствовании сюжета свернувшегося в кольцо животного из древнекитайской изобразительной традиции не лишено оснований. В конце XX в. М.Н. Погребова, Д.С. Раевский⁵¹⁴ и Е.В. Переводчикова⁵¹⁵ возражали против этой гипотезы, ссылаясь на значительные хронологические разрывы в тех случаях, где предполагается прямая преемственность. Однако в последние годы появились новые материалы, помогающие заполнить имеющиеся лакуны. Так, IX–VIII вв. до н.э. датируется нож с навершием в виде свернувшегося «хищника» из могилы № 101 памятника Наньшаньгэнь, бляшка и бронзовые удила с изображенным на них образом животного из могилы Сяохэйшигоу⁵¹⁶. В очень близкой манере выполнены изображения на оленных камнях из Архангайского и Баянхонгорского аймаков в Монголии, относящиеся к началу 1 тыс. до н.э.⁵¹⁷ Такая же ситуация характерна для большинства изображений на минусинских бляшках, которые датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э.⁵¹⁸, практически для всех изображений подобного типа VII в. до н.э. из Лесостепи, Северного Причерноморья, Северного Кавказа. Однако, сохраняя позу, свернувшееся животное преобразуется в пантеру. Этот процесс проходил на раннем этапе возникновения и распространения иконографической схемы. Например, VIII (IX) в. до н.э. датируется курган Аржан, в котором была най-

---

⁵¹⁴ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток (к истории становления скифской культуры). М.: Наука, 1992. С. 121.

⁵¹⁵ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. С. 138.

⁵¹⁶ Для китайской изобразительной традиции характерен поворот головы животного в фас. Лапы животного расположены в той же позиции, что у «скребущих» хищников, а эффект свернутости достигнут благодаря форме хвоста и сгибанию туловища.

⁵¹⁷ Волков В.В. Оленные камни Монголии ... Рис. на с. 127, 157, 192.

⁵¹⁸ Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве ... С. 63, 65.

дена «аржанская пантера»⁵¹⁹. Идентичная бляха была найдена в Монголии⁵²⁰.

Таким образом, иконографические и хронологические ряды убедительно доказывают, что зарождение и распространение образа свернувшегося животного связано с формированием в Центральной Азии этого сюжета на основе китайских изобразительных традиций. Кочевники творчески переработали не совсем понятное для них свернувшееся животное в «утробной позе» в кошачьего хищника, в соответствии с потребностями украшения предметов и с внутренней семантикой самого образа⁵²¹.

Тагарская культура (IX–I вв. до н. э.) – одна из культур скифского типа Центральной Азии, хотя ее памятники сосредоточены исключительно в Хакасско-Минусинских котловинах, но многие бронзовые металлургические вещи встречены на широкой территории. В раннетагарских памятниках прослеживаются элементы, генетически связанные как с карасукской культурой, так и с западными районами, и позволяющие усматривать казахстано-среднеазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине 1 тыс. до н.э.⁵²² Для исследования места проживания и трассирования возможных миграций населения использованы современные изотопные методы, позволяющие по костным остаткам (людей и овец, коров, лошадей) определить место рождения⁵²³. Удалось показать, что, например, население раннетагарского времени Юго-Западной Хакасии (памятники Хыстаглар, Казановка) проживало здесь с конца эпохи бронзы (памят-

---

⁵¹⁹ Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Курган Аржан – могила «царя» раннескифского времени // Ученые записки Тув. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и ист. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 204–205. Рис. 4.

⁵²⁰ Волков В.В. Оленные камни Монголии ... С. 115.

⁵²¹ Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. Вып. 30. 1990. С. 61–76.

⁵²² Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

⁵²³ Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И. Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 91–93.

ник Анчил-чон). А люди и лошади, захороненные в некоторых могилах кургана Аржан-2, родились или выросли к северу от Тувы, в Хакасии. Царица Аржана-2 не являлась уроженкой Хакасии или Тувы, возможно, следует искать объекты с таким низкорациогенным стронцием в памятниках скифского времени Алтая или Монголии⁵²⁴.

Необходимо также отметить, что по антропологическому типу тагарцы были европеоиды и весьма близки скифам Европы, лишь к концу тагарской эпохи монголоидная примесь увеличивается⁵²⁵.

Искусство весьма разнообразно, отражает сложные системы миропонимания общества и является одним из важных центров сосредоточения скифо-сибирского звериного стиля⁵²⁶.

К рубежу эр происходят также значительные изменения в тагарской культуре и обществе, что можно объяснить целым рядом причин: во-первых, бронзовые изделия сменяются железными; во-вторых, наряду со склепами появляются большие грунтовые могильники и частично меняется погребальный обряд, что, видимо, связано с притоком нового более монголоидного населения⁵²⁷.

Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время важна для понимания всего комплекса этнокультурных процессов, происхо-

---

⁵²⁴ *Сугунов К., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010.

⁵²⁵ *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977.

⁵²⁶ *Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983; *Дэвлет М.А.* Петроглифы скифо-сибирского звериного стиля в Саянском каньоне Енисея // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 23–24; *Боковенко Н.А.* Наскальное искусство скифской эпохи // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1998. С. 86–87; *Советова О.С., Миклашевич Е.А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.

⁵²⁷ *Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Красниченко С.В., Кулькова М.А., Лазаретов И.П., Семенов Вл.А.* Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 118.

дивших в Центральноазиатской части евразийского субконтинента в контексте появления и формирования искусства сюнну.

Особое значение в этом плане приобретает исследование памятников ранней эпохи сюнну. Новые связанные с их культурой находки позднего этапа Чжаньго (около III в. до н.э.) сделаны на территории автономного района Внутренняя Монголия (могильники Хулстай, Сигупань, Алучжайдэн) и провинции Шэньси (пункты Налиньгоуту, Лицзяпап и др.). Вместе с такими памятниками, как Юйлунтай, Суцзигоу и Ваэртугоу, они относятся ко второму этапу памятников сюнну, которые распространены также на территории Монголии и Забайкалья⁵²⁸. Таким образом, протосюннская и раннесюннская традиция оказывается одним из наиболее ранних культурных образований центральноазиатской степной зоны.

Важность периода эпохи поздней бронзы для истории Восточной Азии обуславливается тем обстоятельством, что именно в чжоуское время начался переход от развитой бронзы к железному веку и централизованной империи (Цинь). Именно тогда складывались многие стереотипы поведения и мышления китайцев, которые четко проявлялись затем на протяжении столетий. С развитием археологических исследований в Китае в источниковедении чжоуской эпохи возникла благоприятная возможность корреляции материальных и письменных источников. Ведь многие сочинения создавались современниками описываемых событий, да и эпиграфика отличалась исключительным богатством. Это открыло возможность точного датирования как памятников в целом, так и отдельных находок, способствуя разработке и уточнению восточноазиатской хронологической шкалы.

В отчетах 1925 г. С.А. Теплоухов отнес находки из Ноин-Улы, Юго-Западного Забайкалья, Минусинского края и Алтая к культуре хунну. В то же время, отметив стилистическую близость анималистических изображений с названных территорий, исследователь высказал мнение о

---

⁵²⁸ Древние культуры Монголии. Сб. ст. / отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 41–96; *Bermann J. Was the Center of the Xiongnu Empire in the Orkhon Valley? // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 441–462.*

вхождении их в группу предметов скифо-сибирского стиля⁵²⁹. Г.И. Боровка, проанализировав стилистические особенности обнаруженных предметов, пришел к заключению о принадлежности погребений в ноин-улинских горах местному варианту скифо-сибирской культуры⁵³⁰. Г.П. Сосновский указывал на сходство стиля и техники изготовления предметов с изображениями животных из Ноин-Улы, Дэрестуя, Сибирской коллекции Петра I, Минусинского края, Кузнецкого района Западной Сибири, Алтая, Северного Китая (Ордоса) и Маньчжурии⁵³¹. Среди находок северокайтских древностей ученых особенно заинтересовали находки «скифского облика», выполненные в «зверином стиле» и факт их близости с «сибирскими бронзами». В 1962 г. С.И. Руденко проделал сопоставительный анализ художественных изделий хуннских памятников Забайкалья, Ноин-Улы, Сибирской коллекции Петра I, алтайских курганов скифо-сарматского времени и наиболее характерных ордосских предметов из других памятников и пришел к выводу о хуннском происхождении значительного большинства вещей «ордосской бронзы» и теснейшей связи хуннского изобразительного искусства с изобразительным искусством других евразийских коневодческих племен эпохи и в первую очередь с «сакоюэжжйскими» и южно-сибирскими племенами⁵³². А.В. Давыдовой на основании стилистических особенностей предметов с изображениями животных, обнаруженных в Дерестуйском могильнике, было высказано мнение о возможности выделения хуннского пласта среди многих сибирских художественных бронз, выполненных в «зверином стиле», и датировки их III–I вв. до н.э.⁵³³ М.И. Артамонов, анализируя стилистические особенности забайкальских, монгольских и ордосских находок,

---

⁵²⁹ Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 21–22.

⁵³⁰ Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–34.

⁵³¹ Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // ПИДО. 1935. 1–2. С. 174–175.

⁵³² Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

⁵³³ Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 94.

определил их как «огрубевшие реплики ранее созданных образцов, хорошо известных в скифо-сибирском искусстве»⁵³⁴. Решая некоторые проблемы, касающиеся искусства хунну, П.Б. Коновалов пришел к выводу о существовании у хунну самостоятельного, со своими сюжетными и композиционными особенностями, очага этого искусства⁵³⁵. Он обратил внимание на существование у хунну, наряду с памятниками скифо-сибирского звериного стиля, произведений иного стилистического направления – следов проникновения элементов китайской культуры, не исключая при этом и обратного влияния⁵³⁶. Начиная с 1970-х годов С.С. Миняевым проводились специальные исследования в области изучения бронзолитейного производства у хунну⁵³⁷. Рассматривая хуннские броши с точки зрения технологии производства, автор указал на преемственность в металлургических рецептах скифского и хуннского времени, характерную как для забайкальских, так и для ор-

---

⁵³⁴ Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. С. 160, 236.

⁵³⁵ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. С. 73; Он же. Центральное-азиатский очаг скифо-сибирского культурно-исторического единства // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 29–35; Он же. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 47.

⁵³⁶ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье ... С. 73, 216–217.

⁵³⁷ Миняев С.С. Бактрийские латуни в сюннских памятниках // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 109–110; Он же. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями: по данным спектрального анализа // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ. Вып. Д 4–7. М.: Наука, 1980. С. 29–34; Он же. Бронзовые изделия сюнну: типология, производство, распространение. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1982; Он же. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири: межвузовский сборник. Барнаул, 1983. С. 47–84; Он же. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120; Он же. Художественная бронза сюнну: проблема формирования сюжетов и образов // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Материалы конференции. Ч. II. СПб., 1993. С. 88–92; Он же. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // АВ. 1995. № 4. С. 121–135; Он же. Бронзовая пластина-пряжка из Дырестуйского могильника // АВ. 1998. № 5. С. 155–158.

досских металлургических центров⁵³⁸. По мнению исследователя, как процесс переработки изначально зооморфных скифо-сибирских сюжетов можно рассматривать становление «геометрического» стиля в искусстве хунну. Таким образом, С.С. Миняев предположил, что эстетические критерии изобразительного искусства формировались у хунну вне зоны скифо-сибирского мира⁵³⁹. Важной вехой для формирования этого мнения стали раскопки в 1960–1980-х годов погребальных комплексов на территории Ордоса и близлежащих районов, где китайскими археологами было обнаружено большое количество предметов «скифского облика», связанных с декоративной, монументальной скульптурой и живописью ханьского Китая. Эти находки наглядно продемонстрировали связь культур скифо-сибирского круга с Ордосом (памятник – Таохунбала, где впервые в данном регионе в предметах погребального инвентаря проявились скифо-сибирские традиции⁵⁴⁰). Плато Ордос, как указывает С.С. Миняев, традиционно считается родиной сюнну, они появились там после 209 г. до н.э.⁵⁴¹, а их первые контакты со скифским древним искусством происходят на рубеже III–II вв. до н.э.⁵⁴². Однако Э. Банкер предположила существование ряда региональных культур с самостоятельными художественными и металлургическими традициями, которые могли быть взаимосвязаны между собой и иметь общие черты, но не обязательно должны быть идентифицированы с хунну⁵⁴³. Появление сходных образцов предметов искусства на обширных территориях исследовательница связала с политическим объединением племен. В то же время репертуар образов (довольно ограниченный) может указывать на этническую или политическую близость с Саяно-Алтаем, в также, возможно, на общую

---

⁵³⁸ Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну ... С. 70.

⁵³⁹ Там же. С. 129–135.

⁵⁴⁰ Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск: Наука СО, 1988. С. 100.

⁵⁴¹ Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе ... С. 116.

⁵⁴² Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы ... С. 133.

⁵⁴³ Rawson J., Bunker E. Ancient Chinese and Ordos Bronzes Catalogue exhibition. Hong Kong; London. Hong Kong: The Royal Asiatic Ceramic Society, 1990; So J., Bunker E. Traders and raiders on China's northern frontiers. Seattle; L.: Arthur M. Sackler Gallery, 1995; Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. N.Y.: Arthur M. Sackler Foundation, 1997.

систему верований⁵⁴⁴. А.А. Ковалев называет IV в. до н.э. временем сложения определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая⁵⁴⁵ и связывает это с племенами лоуфань и байян. По мнению М.И. Артамонова, в Ордосе предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, появляются благодаря юэчжам, которые до конца III в. до н.э. занимали степи Джунгарии, Восточную Монголию до Ордоса⁵⁴⁶.

Эти исследования позволяют утверждать, что в IV в. до н.э. на территорию Ордоса проникают народы, которые позже вошли в состав сюннуского племенного союза. Эти процессы послужили импульсом для возникновения ордосских художественных бронз, которые являются по своей сути самыми поздними образцами скифо-сибирского искусства в центральноазиатском регионе. III–II вв. до н.э. можно считать верхней границей существования скифо-сибирской художественной традиции, поскольку именно в это время в Центральной Азии создается крупное государственное межплеменное объединение, распространившее власть сюнну от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере и до Гоби и Ордоса на юге. Почти непрерывные войны повлекли за собой мощные миграции этнически различного населения, что, несомненно, повлияло на искусство кочевых народов Центральной Азии⁵⁴⁷.

В конечном счете можно понять, что развитие сюннуского анималистического искусства шло по двум направлениям: одно в сторону упрощения и стилизации скифо-сибирских образов, второе – наоборот, в сторону формирования новых художественных канонов. Процессы, связанные с первым направлением, в основном проходили на территории Саяно-Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Анималистические изображения, постепенно утрачивая свое первоначальное смысловое содержание из-за многократного тиражирования, продолжают там встречаться вплоть до рубежа эр. Второе направление связано,

---

⁵⁴⁴ *Bunker E.* Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes ... P. 77.

⁵⁴⁵ *Ковалев А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 81.

⁵⁴⁶ *Артамонов М.И.* Сокровища саков ... С. 122.

⁵⁴⁷ *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. ... к.и.н. С. 86.

прежде всего с влиянием китайских художественных традиций. Именно вследствие их прямого воздействия в сюннуском искусстве появляются новые персонажи, например, драконы на поясных пластинах⁵⁴⁸. Данные поясные пластины были сделаны китайскими мастерами специально для «варваров». Наряду с изготовлением дорогих украшений из золота и серебра для знати и правителей различных этнокультурных областей китайскими мастерами было налажено массовое производство и тиражирование различных предметов из бронзы для представителей низшего сословия. Современные отечественные исследователи предполагают, что центр их производства находился на территории одной из современных провинций Северного Китая (Нинся, Шэньси, Шаньси, Хэбэй, Ганьсу, или где-то в районе Внутренней Монголии), так как в основном в памятниках данного региона находят предметы анималистического искусства, связанные с кочевническим миром⁵⁴⁹. Археологический материал свидетельствует о том, что искусство сюнну является самобытным художественным явлением, возникшим в среде кочевников центральноазиатского региона под влиянием традиций, проникавших как с Запада, так и с Востока. В конечном счете искусство сюнну просуществовало сравнительно короткий срок (II в. до н.э. – II в. н.э.) и следы его почти полностью исчезли сразу после распада сюннуского племенного союза.

Таким образом, контакты народов Центральной Азии и Китая в эпоху до начала активного функционирования Шелкового пути уже четко прослеживаются на археологическом материале с памятников этих регионов.

---

⁵⁴⁸ Золотые пластины от наборного пояса, найденные в княжеской могиле Шицзышань (провинция Цзянсу, Южный Китай) эпохи Западная Хань (175–118 гг. до н.э.). См.: *Вэй Чжэн, Ли Хужэнь, Цзоу Хоубэнь*. Результаты раскопок западно-ханьской могилы Шицзышань, г. Сюйчжоу, провинции Цзянсу // КГ. № 8. 1998. С. 1–20; *Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В.* Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. С. 160; *Богданов Е.С.* Поясные пластины из Шицзышаня // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. V. Материалы VII Годовой сессии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 269–275.

⁵⁴⁹ *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. ... к.и.н. С. 88; *Ковалев А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса ... С. 80.

Во-первых, материальные свидетельства указывают на продвижение через степной пояс и центральноазиатские пустыни в излучину Хуанхэ культур с бронзовой металлургией, звериным стилем раннего облика, чьим северным, сибирским ответвлением является сейминско-самусьско-турбинская группа памятников. Их путь четко фиксируется от Монголии и Синьцзяна по наскальным изображениям колесничных сюжетов. Проникновения культур этого облика из Центральной Азии, очевидно, неоднократны. Примером могут являться контакты с жунами и ди китайских летописей.

Во-вторых, прослеживается проникновение скифо-сакских племен, расселявшихся во Внутренней Монголии на север от р. Хуанхэ в Чжаньгоское время. Влияние этих культур проявилось в типах керамических и бронзовых сосудов, повторяющих сакские формы.

В-третьих, это взаимовлияние прослеживается на примере проникновения и внедрения в восточноазиатский регион сарматских типов боевых поясов с пряжками в виде рамчатых блях с сюжетными изображениями. В дальнейшем, преимущественно через тюркскую среду, распространяются наборные пояса со сложным фигурными бляхами, наборами бубенцов (всаднический пояс) и пряжками, у которых язычок заменяется широкой, подогнанной к размеру рамки защитной пластиной с коротким шипом на переднем конце, продевавшимся в отверстие ремня. Весь этот набор становится характерным для маньчжурского и приамурского регионов.

В-четвертых, этнокультурные контакты способствовали появлению у китайцев разработанной стратегии, касающейся сферы отношений с окружающими кочевыми племенами до раннеханьской эпохи. Начиная с этого времени политика по отношению к варварам состояла в том, чтобы приобщить их верхушку к китайскому образу жизни, возбудить интерес к китайским товарам, добиться того, чтобы товары, поставляемые из Китая, приобретали в обществе особую ценность и значение. Насколько такого рода политика могла быть реализована, можно наблюдать на многочисленных исторических примерах китайской борьбы с варварами. В Средние века эти задачи неоднократно реализовывались сравнительно успешно. Это имело место в отношении к государству чжурчженей, империи киданей, северному государству Цзинь и целому ряду других разновременных политических образований.

Данные современной науки, особенно археологии, позволяют заключить, что возникновение и начальный этап развития древнекитайской цивилизации являются результатом взаимных влияний разных культур, результатом сложного процесса культурного синтеза. За многие десятилетия исследований разнообразных памятников культур бронзы накоплен материал, который позволяет говорить о достаточно тесных взаимоотношениях культур Китая и северных районов Центральной Азии, что особенно отчетливо проявилось в воинской атрибутике.

ЧАСТЬ IV. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Культура – один из важных признаков этноса. Вместе с тем формирование сходных черт культуры не всегда связано с этническим родством их создателей; оно может объясняться также и идентичностью тех экологических условий, в которых развиваются не родственные между собой общности. С другой стороны, появление у какого-то этноса особенностей культуры, близких другой этнической общности, часто является результатом контактов этих общностей между собой.

Изучение этногенеза древних китайцев свидетельствует, что формирование важнейших черт их материальной культуры, а также тесно связанных с ними норм поведенческого стереотипа проходило в процессе непрерывного и интенсивного взаимодействия различных этнических общностей. На протяжении веков население Средних царств находилось в контактах с многочисленными этнически чуждыми ему группами племен и народов, заимствуя у них отдельные культурные достижения или связанные с ними обычаи.

Наиболее адекватно отражается в этническом самосознании, вероятно, такой признак этноса, как язык⁵⁵⁰: люди, говорящие на непонятном языке, воспринимаются как «чужие»⁵⁵¹. В числе компонентов этнического самосознания есть такие, которые вообще существуют лишь на субъективном уровне и не имеют аналогов среди объективных признаков этноса. К таким компонентам этнического самосознания относится, в частности, широко распространенное в древности представление о превосходстве «своей» общности над другими. Эта идея возникает в процессе развития этнического самосознания как противопоставление «мы – они».

Этническое самосознание как важнейший из признаков этноса не остается неизменным на различных этапах развития человеческого

---

⁵⁵⁰ Behr W. Role of Language in Early Chinese Constructions of Ethnic Identity // JCP. 2010. Vol. 37. № 4. P. 567–87.

⁵⁵¹ Первоначальное значение греческого слова «варвар» – это «говорящий на чужом, непонятном языке».

общества. Данные, отражавшие развитие этнического самосознания древних китайцев, показывают, что качественные отличия его в разные исторические периоды проявляются в соотношении его компонентов⁵⁵².

Наиболее отчетливо можно проследить это на примере представления об общности происхождения. В VIII–VI вв. до н.э. такое представление было одним из главных компонентов этнического самосознания древних китайцев. Различия в культуре рассматривались лишь как следствие общности происхождения: «варвары – это шакалы и волки... чжуся – это родственники»⁵⁵³. Позднее на первый план формирования самосознания выходит компонент общности культуры. Поэтому родившийся от «хуася» мог стать «варваром», если он усвоит чужие обычаи и привычки. В последние века до нашей эры представление о единстве происхождения как компоненте этнического самосознания перерабатывается в пользу включения некоторых окружающих Китай народов в собственную этническую группу. Во-первых, в сочинениях ханьского времени зафиксированы этногенетические мифы, согласно которым варвары-сюнну являются потомками правителя династии Ся⁵⁵⁴. Во-вторых, идею общности происхождения и родства всех древних китайцев и «варваров» подтверждала практика политических отношений с сюнну. Результатом «договоров о мире и родстве», согласно которым ханьские императоры должны были посылать своих дочерей в жены шаньюям⁵⁵⁵, неизбежно было стремление рассматривать древних китайцев и сюнну как «детей одной семьи».

Для китайского этноса на протяжении всего исторического периода характерно численное возрастание плотности населения на единицу освоенного пространства. Еще в древности на территории Китая, и в частности Северного Китая, были исчерпаны все территориальные объемы жизнеобеспечивающего пространства, пригодные для тради-

---

⁵⁵² Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. С. 287.

⁵⁵³ Legge J. The Chinese Classics. Vol. VII. Peiping, 1939. P. 123.

⁵⁵⁴ К названию династии Ся восходило первоначальное название древних китайцев, а следовательно, у древних китайцев и «варваров» были, как полагали, в частности, Сыма Цянь и Бань Гу, общие предки.

⁵⁵⁵ Chin T. Defamiliarizing the Foreigner: Sima Qian's Ethnography and Han-Xiongnu Marriage Diplomacy // HJAS. 2010. Vol. 70. № 2. P. 311–354.

ционного хозяйственного развития⁵⁵⁶. Расширение жизненного пространства на север и запад обусловило необходимость адаптации к новым климатическим и географическим условиям, в частности к освоению скотоводческих форм хозяйства. Естественно, территории, на которые претендовал Китай, не были свободными, поэтому завоевание новых земель потребовало реорганизации и других сфер китайской традиции. Например, реформа армии Чжао У-лин вана (325–299 гг. до н.э.), проводимая для успешного ведения боевых действий с кочевниками, во многом изменила одежду и вооружение китайских воинов. Фактически под влиянием требований ситуации У-лин ван не адаптировал старые обычаи, а начал новое «формирование обычаев»⁵⁵⁷. Именно в период Чжао У-лин вана сформировалась этногосударственная политическая концепция, утверждающая необходимость преобразования этнических и этнокультурных обычаев в случаях, когда возникала практическая необходимость, вызванная потребностями выживания населения Китая. На этот же период приходится и движение из Китая крупных групп людей, обеспечивающих первые этапы создания трансевразийской торговли и распространения культурно-технических достижений Китая. Подобные процессы возможны при хорошо разработанной системе взаимоотношений, которые строились на основе сложной системы договоров, отвечающих взаимным интересам не только соседних, но и дальних народов⁵⁵⁸.

---

⁵⁵⁶ Племена варварской периферии Древнего Китая располагались в Маньчжурии, Восточной Сибири и Центральной Азии.

⁵⁵⁷ *Сьма Цянь*. Исторические записки (Шицзи) / пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1992. Т. VI. Гл. 43. С. 61–67; *Creel H.G.* The Role of the Horse in Chinese History // *American Historical Review*. 1965. Vol. 70. P. 647–672.

⁵⁵⁸ *Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 67–116; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische undhistorisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840–940). Leipzig, 1903; *Кожин П.М.* Шелковый путь и кочевники: некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 31–43; *Воробьев М.В.* Манчжурия и Восточная внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1994.

Глава 1. Формирование и развитие политических и торгово-экономических отношений Китая с населением Центральной Азии

С древних времен характер внешних связей Китая диктовала государственная политика. Еще в Чжоускую эпоху (1066–403 гг. до н.э.) у китайцев появилось разделение окружающих их народов по четырем странам света: «(народы) востока зовутся И (они) покрыты волосами и тела их татуированы. Есть (среди них) такие, которые не употребляют вареной пищи. (Народы) юга зовутся Мань; украшают лоб ... есть такие, которые не употребляют вареной пищи. (Народы) запада зовутся Жун; (они) покрыты волосами, одеваются в шкуры. (Среди них) есть такие, которые не употребляют в пищу зерна. (Народы) севера зовутся Ди; одежда их из перьев и шерсти. Живут в пещерах. Есть (среди них) такие, которые не употребляют в пищу зерна»⁵⁵⁹. Формирование принципов взаимоотношений Китайской империи с ближними и дальними государствами проходило на протяжении нескольких тысячелетий. Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция «ди го» – «равных государств», второй базируется на конфуцианской доктрине «мироустроительной монархии», которая рассматривала все другие страны в качестве потенциальных данников по отношению к Китаю⁵⁶⁰. Третий важный принцип отношений с западными государст-

---

⁵⁵⁹ Кычанов Е.И. Государство Си Ся (982–1227). Дис. ... к.и.н. Л.: ЛГУ, 1960. С. 20.

⁵⁶⁰ Китайские политики прошлого видели мир разделенным на две неравноценные и неравноправные части: цивилизованный Китай и нецивилизованную «варварскую» периферию. Для традиционных взглядов китайцев на другие народы был характерен априорный постулат ущербности «варваров» по сравнению с Китаем и китайцами. Из постулата априорного превосходства Китая над остальным миром выводилась концепция имманентного верховенства китайского императора над всеми остальными государствами. Из указанного взгляда проистекала концепция предопределенного сюзеренитета китайского императора над всеми правителями иноземных государств. Считалось, что не подпасть под сюзеренитет императора «варвары» не могут. В этом китайские мыслители видели мироустроительную роль китайской монархии. Вступление «варваров» в отношения с Китаем мыслилось как неиз-

вами, основанный на взаимовыгодном, прежде всего, торговом сотрудничестве, сложился под влиянием реальной обстановки, когда для Китая стали возможны отношения с развитыми государствами Центральной Азии в эпоху средневековья.

Доктрина «ди го» получила развитие в периоды Чуньцю (VIII – начало V в. до н.э.) и, особенно, Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Она нашла отражение в традициях школы «цзун хэн», деятельность которой была связана с теорией и практикой межгосударственных отношений. Название школы происходит от наименования двух типов союзов между государствами – «цзун» («союз по вертикали», или «союз север-юг») и «хэн» («союз по горизонтали», или «союз восток-запад»). Эта школа ставила целью готовить для правителей советников по делам внешней политики. Ее концепция была высказана в литературном сочинении «Планы сражающихся царств», содержащем речи, которые произносились при переговорах. Школа придерживалась принципов даосско-легистского толка, ее учение исходило из сугубо практических задач внешней политики, игнорируя любые другие мотивы, кроме государственной выгоды. Установки этой школы заложили теоретическую основу для практики заключения союзов «по вертикали» и «по горизонтали». Философ-легист Хань Фэй-цзы (умер в 233 г. до н.э.) писал о характере этих союзов: «Союз “цзун” (“по вертикали”) объединяет многие малые царства для удара по одному сильному, а союз “хэн” (“по горизонтали”) служит одному сильному царству для удара по многим слабым»⁵⁶¹. «Союз по вертикали» как тип межгосударственных соглашений возник на рубеже IV–III вв. до н.э., когда на политическое господство в Китае стали претендовать циньские ваны. Он ставил целью создать антициньское объединение царств, расположенных в направлении «с севера на юг», на основе их равноправного участия в противодействии циньской агрессии. «Союз по горизонтали» теоретически

бежное и predetermined. Оно квалифицировалось как обращение к цивилизации (независимо от того, на каком уровне развития находилось конкретное иноземное государство). См.: *Баринова Е.Б.* Взаимодействие Китая с западными территориями в древности и средневековье // *Диалог со временем.* М., 2012. № 40. С. 94–117.

⁵⁶¹ Цит. по: Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / отв. ред. И.А. Стучевский. М.: Наука, 1987. С. 232.

объединял царства проциньской ориентации, расположенные в направлении «с запада на восток», с целью вмешательства в дела других государств.

Таким образом, теория равных партнеров исходила, прежде всего, из практики взаимоотношений «Срединных царств» между собой и имела длительную и прочную традицию отношений равноправных государств. Однако нередко этот же принцип использовался и при заключении договоров с «варварами». В науке такая традиция получила название «стратегической дипломатии»⁵⁶². На практике принцип «ди го» проявился в начальный период империи Хань в отношениях с сюнну, закрепленных договором «о мире и родстве» 198 г. до н.э.⁵⁶³ В данном случае Сыма Цянь называет Срединную империю и державу шаньюя Модэ «равными государствами»⁵⁶⁴. Император Вэньди, возобновивший договор «о мире и родстве» с сюнну, в письме к шаньюю также говорит об обеих державах как «равных государствах»⁵⁶⁵ и устанавливает границу между ними по Великой стене. На раннем этапе развития отношений Ханьской империи с соседними странами договоры «о мире и родстве» не имели в виду какой бы то ни было зависимости от империи и подразумевали, по сути, равенство договаривающихся сторон (а иногда носили даже унижительный для Китая характер, как это было при шаньюях Модэ и Лаошане). Соседние союзные правители во взаимоотношениях с императорами не называли себя «слугами Сына Неба», не брали на себя обязательств уплачивать «дань» и не посылали в одностороннем порядке заложников к ханьскому двору (как это было позже). Более того, даосский трактат середины II в. до н.э. проповедовал принцип равенства между Срединной империей и ино-

---

⁵⁶² Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980; Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг. М.: Наука, 1986. С. 6.

⁵⁶³ Межгосударственные отношения и дипломатия ... С. 270.

⁵⁶⁴ «Дом Хань заключил с сюнну договор, основанный на братстве. Чтобы сюнну не наносили вреда нашим границам, мы отправили им щедрые подарки». См.: Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. II / пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Под общ. ред. Р.В. Вяткина. М.: Наука, 1975. С. 233.

⁵⁶⁵ «хань и сюнну суть "соседние ди го"». См.: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 1. М.: Наука, 1968. С. 48.

земцами и отрицал принципиальное отличие древних китайцев от «варваров»⁵⁶⁶. В рамках этой концепции взаимоотношений с соседними и отдаленными государствами распространяются такие формы внешнеполитических связей, как «клятвенные договоры» (мэн), заключенные «перед лицом духов»; закрепление добрососедских межгосударственных отношений путем заключения равноправных династических браков; заложничество сыновей правителей обеих сторон.

Иной принцип, который оказал существенное воздействие на теорию и практику межгосударственных отношений Китая, возобладал со времени правления У-ди (140–87 гг. до н.э.). Он исходил из конфуцианской доктрины «мироустроительной монархии», которая была непосредственно связана с теорией неполноценности «варваров» (т.е. всех запредельных народов) и рассматривала все другие страны в качестве данников по отношению к Китаю. В основу учения Конфуция (551–479 гг. до н.э.) о Сыне Неба как мироустроителе и владыке Вселенной легла идея об исключительности жителей «Срединных царств». Эта доктрина была зафиксирована в конфуцианских трактатах «Чжоу ли» («Ритуалы Чжоу»), «Лицзи» («Записи о ритуалах») и «Или» («Ритуалы и установления»). Согласно этим текстам предлагалась схема односторонних внешнеполитических отношений чжоуского вана с ближними и дальними народами и царствами, которые должны были выражать ему покорность. Неподчинение вану рассматривалось как преступление. Китайская территория делилась на пять (по другой версии на девять) вписанных один в другой территорий-квадратов; в центре располагалось Чжоу, от него «на расстоянии 500 ли одна от другой» остальные территории. Наиболее удаленные от Чжоу земли занимали племена, чьи союзнические обязательства по отношению к Сыну Неба были минимальными, сводясь к военно-оборонительным функциям.

---

⁵⁶⁶ Н.Я. Бичурин переводит термин «ди го» как «равное государство», В.С. Таскин – как «равное по силе государство». Таким образом, термин «ди го» подразумевает равный статус государств, не предусматривающий отношений сюзерен – вассал. См.: *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. С. 60, 251; Материалы по истории сюнну ... Вып. 1. ... С. 39, 48.*

Со временем синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «Срединных царств», населявших центр Вселенной, над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на межгосударственные отношения и дипломатию Китая со странами и народами, расположенными за его пределами⁵⁶⁷. Причем фактически они были независимы от Китая, и в союзе с ними Ханьская империя была заинтересована не меньше, чем сами эти народы. Это прежде всего были племенные объединения юэчжей и сюнну на северной периферии ханьского мира, тибето-бирманские племена на западе и т.д.⁵⁶⁸ Так, во время своего посольства к усуням Чжан Цянь, прибывший с целью заключить договор «о мире и родстве»⁵⁶⁹, потребовал от их правителя бить земные

---

⁵⁶⁷ Однако важно, рассматривая все эти традиционные представления китайцев, не допускать смещения двух уровней проблемы и ее оценки – теоретического (номинального) и практического. Система приведенных выше китаецентристских взглядов пережила самые суровые для Китая времена и самые серьезные столкновения с политической реальностью, поскольку на практике допускала весьма значительный прагматизм; даже в период раздробленности собственно Китая или покорения его иноземцами теория универсальной монархии продолжала существовать. Реальное положение дел в мире не влияло на внешнеполитические доктрины, унаследованные от конфуцианской древности. Примером может служить известный случай, когда в XI–XII вв. сунские императоры Китая трактовали свою собственную дань киданям и чжурчжэням как подарки высшего низшему, сюзерена вассалу.

⁵⁶⁸ Кроль Ю.Л. О концепции «Китай и варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 13–29; Он же. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о Вселенной (II в. до н.э. – II в. н.э.) // НАА. 1978. № 6. С. 45–58.

⁵⁶⁹ На практике китаецентристская модель универсальной монархии и «данничества» иноземцев подкреплялась принципом «стимул–реакция». В качестве «стимула» выступало благотворное, как считали в Китае, влияние императора на «варварскую» периферию Поднебесной, а в качестве «реакции» – проезд ко двору «варварских» посольств. Эта особенность укладывалась в принцип «слабого стимулирования». Примечательно то, что на практике в качестве стимула выступало конкретное китайское посольство, которое с целью «стимулирования» приезжало в страну «варваров». Как бы в ответ на такие посольства следовали приезды в Китай иноземных миссий. Именно задача стимулирования ответных посольств из стран Западного края была поставлена, судя по всему, перед Чжан Цянем, который в 132 г. до н.э. отпра-

поклоны перед дарами императора. Был выработан специальный ритуал приема послов, который ставил целью подчеркнуть подчиненное положение правителя, отправившего посольство, по отношению к китайскому императору. Обмен посольствами обязательно сопровождался вручением даров. Все подарки со стороны чужеземных правителей и послов обозначались специальными терминами: «гунн» («подношение»), «сянь» («жертвоприношение») или их сочетанием: «гунсянь». В этом значении термин «гунн» и его производные стали использовать со времени империи Хань. Двор такие «подношения» чужеземных послов рассматривал как знак изъявления покорности, хотя они могли представлять собой лишь обычные для того времени посольские дары, никак не связанные с признанием зависимости со стороны пославших их правителей⁵⁷⁰. Некоторые договоры «о мире и родстве» расценивались позднейшей конфуцианской официальной традицией даже как унижительные для Китая. Так, например, по договору, заключенному Лю Баном, Ханьская империя обязывалась отдавать в жены шаньюю девушек из царского рода, а также ежегодно отправлять сюнну определенное количество даров – продуктов земледелия, шелковых и хлопчатобумажных тканей, вина и разных съестных припасов⁵⁷¹.

В рамках «мироустроительной» концепции преобладали силовые приемы в налаживании межгосударственных взаимоотношений. Более того, именно ко времени формирования этой доктрины, т.е. к периодам

вился в свое путешествие. Миссия Чжан Цяня возвратилась с посольствами некоторых государств Центральной Азии. Хотя в рамках приведенной выше китаецетристской концепции посольства иноземцев трактовались как «даннические» («дань») являлась бесспорной «обязанностью» иноземцев), имели место случаи ответных китайских посольств с «дарами». Существовали и другие проявления номинального вассалитета, как то: получение от императора почетных титулов, грамот об утверждении на унаследованных от предков престолах, печатей и т.п.

⁵⁷⁰ *Думан Л.И.* Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 40.

⁵⁷¹ *Бернштам А.Н.* Из истории гуннов I в. до н.э. // СВ. 1940. № 1. С. 58; *Jianhua Yang.* Gender Relationships among the “Xiongnu” as reflected in Burial Patterns // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 243–259.

Чуньцю и последующему Чжаньго относятся все четыре дошедших до нас древнекитайских сочинения о военном искусстве: Сунь-цзы, У-цзы и трактаты Вэй Ляо-цзы и Сыма Фа. На учениях Сунь-цзы и У-цзы была построена практика военной стратегии и тактики, вся философия и теория военного дела в древнем Китае. Как отмечает Н.И. Конрад, Сунь-цзы рассматривал войну как «борьбу из-за выгоды»: «получение выгоды и есть победа», «сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего, лучшее из лучшего – победить чужую армию не сражаясь. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника, на следующем месте – разбить его союзы, на следующем месте – разбить его войска»⁵⁷². Важным моментом победы У-цзы считает захват пленных: «Помните, если каждая колесница не захватит его колесницу, если каждый всадник не захватит его всадника, если каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого»⁵⁷³. Китайский философ Мо Ди (479–381 гг. до н.э.) в трактате «Моцзы» подробно разработал стратегию и тактику обороны городов.

Не менее важным аспектом межгосударственных взаимоотношений были мирные договоры. Гарантии таких соглашений нередко обеспечивались династическими браками или заложничеством сыновей правителя⁵⁷⁴. Причем, если на ранних этапах китайской истории в

---

⁵⁷² Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / пер. и исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 361.

⁵⁷³ Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве / пер. и коммент. М.: ИВЛ, 1958. С. 81.

⁵⁷⁴ Под видом даннических посольств в Китай часто приезжали обычные торговые караваны, тогда как настоящие посольства бывали редки.

Псевдоданничество государств Кашгарии и их соседей по отношению к Китаю дополнялось также весьма своеобразной формой заложничества. Присутствие в Китае иноземных заложников отнюдь не гарантировало «покорности» приславших их государств. Известны случаи отказа Китая от приехавших заложников и высылки из Китая уже находившихся там иноземных царевичей. В источниках можно найти случаи добровольной посылки в Китай «заложников» в расчете на приобретение торговых привилегий. Этому выводу не противоречит фиксация случаев отправки заложников одновременно в Китай и к сюнну. Таким образом, хотя институт заложничества, казалось бы, должен свидетельствовать о подчиненности тех или иных государств Китаю, конкретные исторические сведения говорят, скорее всего, о номинальном заложничестве.

периоды Чуньцю и Чжаньго заложничество носило взаимный, двусторонний характер, то в ханьское время оно стало односторонним. По мнению китайского военачальника Бань Гу, договоры о мире без взятия заложников вообще не имели смысла. Характерно, что в документах, отражавших исторические события, использовалась стандартная формула при сообщении о начале мирных переговоров: «Правитель такой-то послал наследника престола в царство такое-то, чтобы добиться заключения мира». С другой стороны, наличие заложников при китайском дворе соответствовало эгоцентрической концепции, поскольку заложники свидетельствовали о подчиненном положении присылавших их стран. Через заложников, воспитанных в конфуцианском духе, Китай также осуществлял идею распространения своего политического и культурного влияния на другие народы, считая их проводниками своей политики и подготавливая в их лице преданных империи будущих правителей, поскольку заложники были наследниками престолов в своих государствах. Нередко они использовались также в борьбе за власть в этих царствах, получая поддержку китайского двора. Этой же цели служила и «практика породнения путем перекрестных браков». Во-первых, она служила залогом внешнеполитической стабильности во взаимоотношениях царств. К.В. Васильев приводит

В целом прослеживается постоянное совпадение реальных возможностей Китая применить силу и форм номинального вассалитета. Когда же у Китая находилось достаточно сил для экспансии (как в эпоху Тан в VII–VIII вв.), он получал возможность силой навязать государствам Западного края статус реальных вассалов.

Номинальное заложничество, номинальный сюзеренитет китайского императора, пожалование иноземным монархам номинальных титулов и их атрибутов – печатей являются формами проявления на практике основной концепции внешней политики традиционного Китая. Эта концепция проистекала из идеологического принципа китаецентризма и имманентного верховенства Сына Неба над «варварами». При этом Китай, судя по всему, обычно предпочитал поддерживать отношения в привычных рамках номинального вассалитета, не заключая определенных соглашений, не фиксируя их на бумаге. В целом же формы и содержание отношений Китая с соседями строились на традиционном принципе номинального вассалитета.

Это не является отрицанием того, что Китай мог извлекать ощутимую выгоду из таких союзов. Но такая закономерность, в свою очередь, вряд ли позволяет говорить о прочном контроле Китая над соседними государствами.

отрывок речи циньского военачальника Бо Ци, где отмечается, что после поражения под Чанпином «правитель Чжао и его сановники... с униженными речами и богатыми подношениями во всех четырех направлениях выдавали замуж [дочерей] вана, чтобы породниться [с царствами] Янь и Вэй, улучшить отношения с [царствами] Ци и Чу»⁵⁷⁵. Во-вторых, отправляемые в жены иноземным правителям китайские «царевны» приезжали к ним с многочисленной свитой и продолжали там следовать своему привычному образу жизни. Детей от смешанных браков матери также воспитывали в китайских традициях. В свите китайских принцесс нередко находились самые образованные и культурные люди. Лю Цзин, например, рекомендовал Лю Бану использовать любой повод для отправки к шаньюю образованных конфуцианцев, «владеющих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в соблюдении ли (правил поведения)»⁵⁷⁶.

Немаловажную роль заложники играли и в осуществлении традиционной политики «подчинения варваров руками варваров», которая была впервые предложена Бань Гу. Ее истоки, на наш взгляд, восходят к концепции союзов «по вертикали» и «по горизонтали», в основе которой лежало использование противоречий между отдельными государствами, раздувание взаимной вражды вплоть до военных конфликтов с целью ослабления этих царств.

Активность международной политики Китая и сложность ритуалов, связанных с разными аспектами внешнеполитической деятельности, обусловили появление особой группы людей, владеющих специальными знаниями и навыками, необходимыми для выполнения задач дипломатического характера, знающими всю процедуру заключения союзов и ведения переговоров.

Одним из таких послов был Чжан Цянь, посланный в 138 г. до н.э. к юэчжам с целью установить с ними связи и заключить военный союз против сюнну. Дело в том, что некогда юэчжи⁵⁷⁷ кочевали на террито-

---

⁵⁷⁵ Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»: исследование и переводы / отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: Наука, 1968. С. 198–199.

⁵⁷⁶ Цит. по: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. С. 118.

⁵⁷⁷ К концу III в. до н.э. племена, известные в древнекитайских письменных источниках как «юэчжи» (по-древнегречески «атиин», по-латински «асиин», а также «аттакоры»), возможно, народы сако-скифского круга, вероятно, гово-

рии Ганьсу и соседних областей (т.е. на территориях к юго-западу от сюнну), но в конце III – первой половине II в. до н.э. после усиления сюнну, потерпев поражение сначала от Модэ, затем от шаньюя Лаошана, откочевали на запад на территорию Центральной Азии, пройдя оазисы Восточного Туркестана. Ханьский император У-ди с помощью метода «руками варваров побеждать варваров» рассчитывал использовать враждебные отношения юэчжей и сюнну⁵⁷⁸. Однако юэчжи, которые к тому моменту уже переселились на земледельческую территорию Центральной Азии и покорили Бактрию, не были склонны продолжать войну. Тем не менее богатые сведения, собранные знаменитым путешественником о Западном крае, расширили географический кругозор древних китайцев. Чжан Цянь принес в Китай сведения о степях и пустынях Центральной Азии, о горных системах – Тянь-Шане и Памире, о реках Сырдарье, Амударье и впадающем в Лобнор Тариме. С его именем китайские историки связывают появление в Китае люцерны, винограда, граната, огурца, грецкого ореха и фигового дерева. Основные сведения содержатся в отчете о его поездках, дошедших до нас в изложении Сыма Цяня, где он описывает встречающиеся ему по пути племена и народы, в частности на территории Восточного Туркестана в Кашгарии⁵⁷⁹. Например, об Усуни он писал: «Это кочевое вла-

---

рившие на древних восточноиранских языках, были главной политической силой на востоке Центральной Азии и в северной части Восточной Азии. См.: *Кадьрбаев А.Ш.* «Таджики» Китая: история и современность // XL науч. конф. «Общество и государство в Китае». Уч. зап. отдела Китая. М.: ИВ РАН, 2010. № 2. С. 175. Владения кочевой империи юэчжей простирались от территории Северо-Восточного Китая (западная часть более поздней Маньчжурии) до оазисов Центральной Азии. Документы эпохи поздней Хань помещают древних юэчжи между Чжанье и Цюцюань, т.е. в современных областях Ганьчжоу и Сучжоу и, кроме того, по Булангиру и Эдзин-голу.

⁵⁷⁸ *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // *Китай и соседи в древности и средневековье* / отв. ред. С.Л. Тихвинской, Л.С. Переломов. М.: Наука, 1970. С. 45.

⁵⁷⁹ Наиболее ранние достоверные сведения о государствах Кашгарии появляются в китайских династийных историях начиная с «Ши цзи» («Исторических записок») Сыма Цяня и относятся ко II в. до н.э. До VIII в. Восточный Туркестан был населен индоевропейскими народами, создавшими там еще в последние века до н.э. высокоразвитую цивилизацию. Несмотря на географическую близость к Китаю, культура региона восходит к культурам Индии, Ира-

дение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях. Усуньцы прежде были под зависимо-стью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались отправляться на съезды при дворе хуннов»⁵⁸⁰. «Двигаясь далее на Запад через горные перевалы и по долине Нарына (одного из верховьев Сырдарьи) он спустился в Ферганскую долину. Страну Давань он описывал как цветущий край, где насчитывается семьдесят больших и малых городов, где сеют рис и пшеницу, возделывают виноград, разводят изумительных “небесных коней”»⁵⁸¹. Здесь Чжан Цянь получил проводника к племени кангюй, кочевавшему в присырдарьинских

на и эллинистического Востока. Лишь с переселением в Кашгарию тюрк-уйгуров китайское влияние на культуру Восточного Туркестана возросло. При этом нельзя не учитывать и того, что в VII–VIII вв. на протяжении примерно столетия (с перерывами) эта территория была завоевана танским Китаем. Но даже это завоевание не смогло повлиять на культурное лицо страны. В целом в материальной и духовной культуре Кашгарии заметно преобладало запад-ное влияние. Начиная с эпохи бронзы в ней прослеживается археологический материал сарматского типа, греко-скифские элементы, типичные для находок в Венгрии, Южной России и Сибири, фресковая живопись. Ввиду крайней засушливости климата, преобладания пустынь и сосредоточенности насе-ления в оазисах жизнь кашгарских земледельцев целиком зависела и зависит до настоящего времени от ирригации. Высокоразвитая ирригация этого региона также относится к иранскому типу. Оазисное земледелие определило как размер поселений кашгарцев, так и формы их первоначальной политической организации. Ввиду значительной удаленности оазисов друг от друга ранняя национальная государственность Кашгарии сложилась в виде городов-государств. Эти города, населенные в значительной мере земледельцами, стали центрами сельскохозяйственных районов, составляя единое целое с окрестными деревнями. Расположенные на торговых путях, ведших из Запад-ной Азии в Китай, они постепенно превратились в центр международной тор-говли. В I в. среди них усиливаются объединительные тенденции, которые проявлялись в форме создания военных коалиций. И начиная с VIII–IX вв. тюрки-уйгуры, карлуки, чигили, ягма – сумели реализовать интеграционные тенденции Кашгарии, создав два централизованных государства (Карахани-дов и царство Кочо).

⁵⁸⁰ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 105.

⁵⁸¹ Там же. С. 104.

степях⁵⁸², а затем добрался до племени юэчжей, обитавших к югу за пустыней Кызылкум⁵⁸³. Как раз в это время юэчжи покорили Греко-бактрийское царство, расположенное в восточной части Иранского нагорья. Чжан Цянь назвал это царство Дася. Для возвращения назад в Китай (в 127 г. до н.э.) путешественник избрал другой путь, огибающий Памир (который он называет Цунлин или Луковые горы) с севера. В записках он отметил, что Памир является мощным водораздельным горным узлом, откуда одни реки текут на запад, а другие – на восток. Через Алайскую долину и бассейн верхнего Яркенда, главного притока Тарима, Чжан Цянь пришел к верхнему Хотану. Переходя от одного оазиса к другому вдоль южной окраины пустыни Такла-Макан, он вышел к бессточному кочующему озеру Лобнор, названному им Соляным. Попав после долгих скитаний на родину, Чжан Цянь впервые сообщил китайцам о существовании Каспийского (Северного) и Аральского (Западного) морей. В его отчете содержатся сведения о западной части Азиатского материка вплоть до Персидского залива и Средиземного моря. Чжан Цянь наметил трассу из Китая в Индию через Бирму и Ассам, через моря юго-восточной Азии. Впоследствии на рубеже II–I вв. до н.э. по этим маршрутам прошла южная ветвь Великого Шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии. Что касается путей на Запад, то Чжан Цянь предлагал пробиться на запад через земли сюнну в направлении, которого он придерживался в своем путешествии, установить прямой и непосредственный контакт с Даванью, Юэчжи и Дася, странами богатыми и сходными по своему укладу со Срединной империей. Он надеялся склонить эти страны в подданство к Китаю и таким образом «распространить китайские владения на 10 000 ли; тогда с переводчиками девяти языков легко узнать обыкновения, отличные от китайских, и распространить влияние Китая до четырех морей»⁵⁸⁴. В одной из бесед с императором Чжан Цянь выдвинул проект овладения Усунью: «Иноземцы обычно падки на китайские ценные вещи. Ныне чистосердечно пользуюсь этим

---

⁵⁸² «Кангюй находится на северо-запад от Давань в 2000 ли, не менее кочевое государство, с юэчжи весьма сходны обычаями». См.: Там же. С. 107.

⁵⁸³ «Большие юэчжи находятся на запад от Давань не менее чем в двух-трех тысячах ли... [Юэчжи] есть кочевое государство: следуя за скотом, передвигаются. Обычай одинаковые с сюнну». См.: Там же. С. 106.

⁵⁸⁴ Там же. С. 113.

благоприятным временем и щедрыми подарками, [следует], подкупив усуней, призвать их поселиться далее к востоку на старых землях Хуньше⁵⁸⁵ и завязать с Китаем братские узы. Они [усунь] несомненно должны послушаться. Если послушаются, то это отсечет правую руку сюнну... Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя (Дася) и другие владения на западе»⁵⁸⁶.

С этого времени большое значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату путей между империей и западными странами и установлению с ними регулярных связей⁵⁸⁷. Однако для этого необходимо было сломить могущество сюнну в Западном крае, заселить пустующие земли военными поселенцами, построить заставы и крепости, которые могли бы защитить торговые караваны от набегов кочевников.

С целью осуществления этого плана в 128–119 гг. до н.э. крупнейшими китайскими полководцами Вэй Цином, Хо Цюй-бином и Ли Гуан-ли были проведены военные экспедиции, которые нанесли сюнну ряд тяжелых поражений. Китайскими переселенцами из Шэньси был заселен Ордос; на территории современной провинции Ганьсу были проведены каналы для орошения полей и поселено около 50–60 тысяч военных поселенцев. Продвигаясь далее на запад, китайцы освоили и заселили Цзюцюань (Суч-жоу), Увэй, Чжанье, Дуньхуан. Недалеко от Дуньхуана были выстроены две мощные крепости – Янгуань и Юймыньгуань, в которых были размещены сильные гарнизоны. Опираясь на созданные таким образом военные базы, китайцы могли теперь приступить непосредственно к выполнению своей главной задачи – к открытию регулярных торгово-дипломатических связей со странами, расположенными к западу от них.

Из ставки усуньского правителя, которую Чжан Цянь сделал опорной базой Китая в странах Запада, он отправил своих помощников с

---

⁵⁸⁵ В район между Великой стеной и Лобнором.

⁵⁸⁶ Кюнгер Н.В. Китайские известия ... С. 115.

⁵⁸⁷ Исаева М.В. Представление о мире и государстве в Китае в III–VI вв. (по данным «нормативных историописаний»). СПб.: Изд-во СПбГУ. 2000; *Di Cosmo N. Ethnography of the Nomads and 'Barbarian' History in Han China // Intentional History: Spinning Time in Ancient Greece / ed. Lin Foxhall et al. Alte Geschichte. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. P. 299–325.*

посланниками в Давань, Канцзюй, к большому юэчжи, в Дася, Аньси, Шэньду, Ютянь и другие страны. Чжан Цянь с отрядом усуньских «вожаков и толмачей» возвратился в Китай. Сыма Цянь, заканчивая рассказ о втором походе Чжан Цяня на запад, отмечает, что «С этого времени государства северо-запада начали сношаться с Китаем»⁵⁸⁸. Кроме того, был открыт путь от Кашгара через перевалы Тянь-Шаня в Семиречье и собраны новые сведения о Согдиане, Бактрии, Парфии и стране Шэньду. Границы Китая расширились до Усуни и Давани, а на землях, открытых для Китая Чжан Цянем, было основано четырнадцать новых провинций.

Первое посольство было отправлено в государство Давань (Фергану), потому что императора У-ди особенно поразило сообщение Чжан Цяня о том, что в Давани водятся превосходные лошади «с кровавым потом», будто бы происходящие от «небесных лошадей»⁵⁸⁹. Предание о таких лошадях в Китае существовало и раньше, причем обладание ими связывалось с вознесением на небо и достижением бессмертия⁵⁹⁰. Посольство, направленное в Давань, везло с собой весьма богатые дары: 1000 золотых монет и литую из золота фигуру коня. Отказ даваньцев отдать лошадей и последовавшее вслед за ним убийство китайского посланника повлекли за собой ряд походов китайских войск на Давань. В результате этих походов Давань была разбита и подчинена, что открыло Китаю прямую дорогу в Центральную Азию. Получив сообщение об этом событии, правители государств Западного края поспешили представить свои дары и выказать покорность Китаю⁵⁹¹. Тогда же был проложен торговый путь на Запад, впоследствии ставший известным под названием «Великого Шелкового пути». В 97 г. н.э. посольство Гань Ина достигло побережья Персидского залива.

Ханьская династийная история «Ханьшу» описывает две дороги – Южную и Северную, проходившие через Восточный Туркестан на за-

---

⁵⁸⁸ Там же. С. 117.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Waley A. The Heavenly Horses of Ferghana. A New View // History today. L., 1955. Vol. 5. № 2. P. 97–98; Edwards R. The Cave Relieves at Ma Hao // AA. Ascona, 1954. Vol. 17. № 1. P. 17–25.

⁵⁹¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1950.

пад. Южная дорога вела через Тянь-Шань (район Лобнора), Памир в Бактрию и Парфию. Северная дорога, начинаясь в Турфанском оазисе, следовала вдоль Тянь-Шаня, по р. Тарим на запад до Кашгара, затем через Памир и далее шла к Фергане, среднеазиатскому Междуречью и в район Нижней Волги и Северного Причерноморья. Многие ученые, в том числе Сиратори Куракити, Е.И. Лубо-Лесниченко и другие, считают, что первоначально в связях между Западом и Востоком более важное значение имел Северный путь через степи Евразии, а не Южный, активное функционирование которого начинается в I в. до н.э.⁵⁹²

По свидетельству Чжан Цяня, первые сведения о Восточном Средиземноморье и античных колониях Северного Причерноморья (кит. Лисянь или Лицзянь) проникли в Ханьскую империю именно по Северному пути⁵⁹³. К тому же для древних китайцев он был « меховым путем ». В Ханьской империи особенно ценились соболиные меха из страны Янь, расположенной на Южном Урале и в бассейне Камы к северу от Яньцай. Бóльшая часть археологических находок на Северном пути была обнаружена в Ферганской долине (а также в примыкающих к ней областях Южного Тянь-Шаня, Алтая, Ташкента) и в районе обитания сарматских племен. Именно древняя Фергана – Давань была важным транзитным центром на Северном пути, где скапливалось много товаров, привозимых из Ханьской империи, и прежде всего шелковых тканей, бронзовых зеркал, монет «у-шу» первых выпусков. Далее по Северному пути китайские товары проникали в район Нижней Волги и в Северное Причерноморье. Шелковые ткани были найдены в Соколовой могиле, близ Керчи, недалеко от г. Мариенталь. Китайские зеркала II–I вв. до н.э. обнаружены в погребениях у хутора Виноградный (Нижний Дон) и с. Старая Полтавка в Нижнем Поволжье и т.д.⁵⁹⁴

Вскоре по этому пути одно за другим стали отправляться на Запад

---

⁵⁹² Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М., Наука – Вост. лит. 1994. С. 244.

⁵⁹³ Shiratori Kurakichi. The Geography of Western Regions // MRDTB. 1956. № 15. P. 225–226.

⁵⁹⁴ Синицин И.В. К материалам по сарматской культуре Нижнего Поволжья // СА. 1946. VIII. С. 92.

китайские посольства, которые были встречены в Центральной Азии с большим почетом. В «Шицзи» рассказывается, какой пышный и торжественный прием был оказан китайскому посланнику в Парфии. Уже на восточных границах страны долгожданного гостя встретили 20 тысяч солдат почетного эскорта, сопровождавших его до самой столицы. Столь же торжественно были встречены китайские посланники в Индии и Бактрии, откуда были отправлены ответные дипломатические миссии. Вслед за тем Парфия снарядила богатое ответное посольство, которое вместе с китайским посланником отправилось в Китай. Парфянское посольство было снабжено богатыми дарами и интересными диковинками. Среди этих диковинок были яйца страуса и фокусники-жонглеры из страны Ли Гань (Рим)⁵⁹⁵, которые выступали при ханьском дворе⁵⁹⁶. Крайним западным пунктом трансконтинентальных отношений были восточные провинции Римской империи, которые китайцы именовали Дацинь или Ли Гань (с VI в. появилось название «Фулинь»).

Обмен посольствами и торгово-дипломатическими миссиями вскоре стал частым и обычным делом, осуществлявшимся довольно регулярно. Как сообщает Сыма Цянь, из Китая ежегодно отправлялось не менее 5–6, а в отдельные годы более 10 караванов⁵⁹⁷. К одним только сюнну посылались так много миссий, что «каждый следующий видит шапку впереди идущего, а следы колес их возков переплелись на дорогах»⁵⁹⁸. Посылка таких миссий на запад была делом государственного значения, а количество и состав их определялись непосредственно двором. Торговля первоначально не отделялась от внешней политики. Выгоды от такой торговли были настолько велики, что, по свидетельству источников, все мелкие чиновники и солдаты-охранники прежних посольств наперебой осаждали императора рассказами о заграничных диковинках и просьбами вновь послать их с посольствами⁵⁹⁹.

---

⁵⁹⁵ О локализации страны Ли Гань см.: *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // *Вестник истории мировой культуры.* 1958. № 5. С. 45; *Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 1: Introductory Orientation. Cambridge: University Press, 1954. P. 174.

⁵⁹⁶ *Хеннинг Р.* Неведомые земли. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 421.

⁵⁹⁷ *Кюнер Н.В.* Китайские известия ... С. 118.

⁵⁹⁸ *Сыма Цянь.* Исторические записки (Шицзи). Т. II. С. 240.

⁵⁹⁹ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений ... Т. II. С. 158.

В первые века н.э. активное сообщение между Востоком и Западом начинает проходить по Южному пути. Это объясняется тем, что на пике своего могущества находилась Кушанская империя, влияние которой распространялось на южную часть Восточного Туркестана. К тому же эта дорога была хорошо известна, поскольку расположенные на ней оазисы (например, Хотан) с глубокой древности были главными поставщиками нефрита в Китай. И, наконец, усилившиеся государства Роуран (Лоулань, Шаньшань) и Хотан, подчинившие себе во II в. мелкие государства-оазисы на Южной дороге, создали четко организованную транспортную службу⁶⁰⁰. Это подтверждается и археологическими данными. Материалы раскопок в Ния, датированные I–III вв., свидетельствуют о роли Хотана как основного перевалочного пункта из Восточного Туркестана в Бактрию и Индию. Среди находок много предметов торговли: вывозимые на Запад бронзовые зеркала, лаковые и ювелирные изделия, шелковые ткани и привозимые с Запада шерстяные гобелены, ковры, узорные и набивные хлопчатобумажные ткани, стеклянные изделия⁶⁰¹. Более того, в районе Хотана выпускались даже двуязычные «сино-кхарошские» монеты. Их хождение, по мнению Е.В. Зеймаль, имело место во II–III вв. н.э.⁶⁰² Экспедициями С. Гедина, А. Стейна были обнаружены тексты на кхарошти, в которых говорится о привозе шелка в Хотанский оазис «купцами из Сина» и о его широком распространении среди местного населения. О двустороннем движении по южному отрезку Шелкового пути дают представление многочисленные наскальные надписи и рисунки II–V вв. н.э., обнаруженные в верховьях Инда в районе Гильгита экспедицией под руководством К. Йеттмара. Это надписи, выполненные на различных индийских языках (кхарошти, раннее и позднее брахми), на бактрийском, парфянском и китайском. IV–VI вв. датируются надписи на согдийском языке⁶⁰³.

---

⁶⁰⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 237.

⁶⁰¹ Hackin J.F. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. Vol. I–II. P., 1954; Sarianidi V. Bactrian gold: from the excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985.

⁶⁰² Зеймаль Е.В. Сино-кхароштийские монеты (к датировке Хотанского двуязычного чекана) // СНВ. Вып. X. М., 1971. С. 109–120.

⁶⁰³ Yettmar K. Neuen Felsbilder und Inschriften in der Nordbilder Pakistan // Archaeologie-Beitrag. 1980. Bd. 2. В.М. 7. P. 151–159.

Юй Хуань, автор «Краткого описания Вэй» (III в.), упоминает, что к его времени существуют уже три дороги (Южная, Средняя и Северная), ведущие на Запад. Подробный сравнительный анализ древних сведений о путях проникновения китайцев на Запад был сделан исследователями Центральной Азии Хуан Вэньби и Е.И. Лубо-Лесниченко⁶⁰⁴, которые полагают, что важным доказательством того, что в период Западной Хань Старая Северная (или Средняя, по «Вэй люэ») дорога была важной артерией, связывающей ханьский Китай с Ферганской долиной и Согдом, является маршрут похода Ли Гуанли в Давань в 104–101 гг. до н.э. за «лошадьми, потеющими кровью». Следы древней дороги с развалинами военных башен и военных поселений были обнаружены Хуан Вэньби во время обследования района Лобнора в 1930 г. В развалинах поселений были найдены деревянные дощечки с текстами, датированными рубежом н.э. Дорога существовала и в период Западной Хань, придя в упадок только после правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.), когда торговые и дипломатические связи с территорией современной Центральной Азии пролегли по Новой дороге. Ее освоение было связано с китайским завоеванием территорий Турфанского оазиса (область Чэши в Гаочане), находившихся под контролем сюнну. Первые сведения о существовании Новой дороги относятся к началу нашей эры.

Описания Южного пути в сочинениях Бань Гу и Юй Хуаня совпадают. В Вахане Южный путь раздваивался. Одна дорога шла на запад, в Балх, далее в Мерв, затем через парфянскую столицу Гекатомпил и Эктабану в Ктесифон на Тигре и далее по древнему ахеменидскому маршруту через Северную Месопотамию в Сирию до Антиохии. Во II–III вв. дорога шла через Сирийскую пустыню, проходя Пальмиру и заканчиваясь в Дамаске. Вторая дорога вела из Вахана на юг через Гильгит и Кашмир в Гандхару и заканчивалась на берегу океана в Барбариконе (устье Инда) и Бригазе (Бхарош)⁶⁰⁵.

---

⁶⁰⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 232–233.

⁶⁰⁵ Pelliot P. Note sur les anciens itinéraires chinois dans l'Orient Romain // JA. Vol. CCXII. 1921. P. 139–145; Shiratori Kurakichi. The Geography of Western Regions ... P. 73–163; Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into Their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Record. Whitefish, Mont.: Kessinger, 2010. [Reprint. Originally published: Leipsic & Munich: Georg Hirth; Shanghai & Hongkong : Kelly & Walsh, 1885.] P. 137–173.

Сведения китайских династийных историй подтверждаются и дополняются античными источниками, которые изучил и сопоставил И.В. Пьянков. Первые дошедшие до нас сведения античных авторов о торговых дорогах, пересекающих Центральную Азию и соединяющих саков, серов и индов, относятся, как и китайские, к середине II в. до н.э. Из сообщений Аполлодора Артемидского, суммированных Поседонием и Артемидором, этот путь «в одном направлении проходит по землям фрунов (фаунов), хохаров и саков, живущих по Яксарту, затем через Эмодские горы в верховьях Окса, в другом – по землям фунов (фаунов), факаров (хохаров), кашров (каспиров), затем через Эмодские горы, реку Гипапис, к Исаму (исарам) и индийским племенам Ганга»⁶⁰⁶. Здесь описаны Северная и Южная дороги. К I в. до н.э. относится описание морского торгового пути, данного Псевдо-Аррианом в сочинении «Плавание вокруг Эритрейского моря». По его же свидетельству часть мехов, попадающих в Восточный Туркестан по Северному пути, затем по Южному пути, перевозилась в Индию и оттуда на кораблях в Римскую империю⁶⁰⁷. В середине I в. н.э. Плиний Старший в «Естественной истории» сообщает, что савроматы, живущие на Северном Кавказе, имеют торговые связи через пролив (Нижняя Волга) с абзоями, живущими на восточном берегу, и что абзои, подобно савроматам, состоят из множества племен с различными названиями⁶⁰⁸. Однако наиболее достоверные и полные сведения о Шелковом пути были приведены в «Географическом руководстве» Птолемея, написание которого относится ко II в. н.э. Источниками данной работы послужили, по мнению европейских исследователей, сочинения, написанные между 107 и 114 гг. н.э. географом Марином Тирским⁶⁰⁹, который, в свою очередь, воспользовался информацией крупного македонского купца Маеса Тициана, чьи посланцы посещали с торговыми целями Восточный Туркестан. Описанный Птолемеем путь делится на три большие части:

---

⁶⁰⁶ Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 18.

⁶⁰⁷ Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря / пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 2. С. 264–281.

⁶⁰⁸ *Plinii Secundi C. Naturalis Historiae. Libri XXXVII* / ed. C. Wayhoff. Lipsctiae, 1897–1902. Цит. по: Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 242.

⁶⁰⁹ Cary M. Maes qui et Titianus // *The Classical Quarterly*. N.S. 1956. Vol. VI. № 3–4. P. 130.

первая – от переправы через Евфрат в районе сирийского города Гираполь, через Мерв и Герат, до Бактры, вторая – от Бактры до Кася (Каменной башни) и третья – от Каменной башни до Серы (Чанъань).

Некоторое расхождение в географических данных античных и китайских источников не мешает, однако, оценить важность каждого из путей, соединяющих Восток с Западными землями в разные периоды истории. По подсчетам А. Хермана, длина пересекающей Восточный Туркестан Средней (Старой Северной) дороги составляла примерно 1700 км. Караван мог пройти этот путь за семь недель. Примерно столько же времени было нужно каравану, идущему по Южному пути до Яркенда. По Новому Северному пути – через Турфан – 2100 км караваны проходили за девять недель⁶¹⁰.

С развитием торговых связей на смену облеченным в дипломатическую форму торжественным взаимным подношениям приходит обычная частная торговля⁶¹¹.

До I в. отношения Китая с окружающими народами строились, прежде всего, исходя из политических приоритетов, а все торгово-экономические контакты осуществлялись не в рамках государственной политики, а как инициатива частных лиц. Товары и ценности, которые получал Китай от соседних народов в ранний период, расценивались как часть даннических отношений. Можно предположить, что с первых веков н.э., когда взаимовыгодная торговля с окружающими народами уже вполне сложилась, Китай начинает включать торгово-экономические реалии в осуществление политических отношений, и, главное, осуществлять государственный контроль. К концу I в. н.э. количество прибывавших к границам Китая торговцев и размах торговли достигли таких масштабов, что ханьское правительство учредило специальный пост «директора гостей». В 102 г., когда в результате военного похода Фергана признала свою зависимость от Китая и многие государства региона направили в столицу Ханьской империи посольства и заложников как свидетельство признания вассалитета, в Китае был организован штат военных чиновников, которые должны были

---

⁶¹⁰ *Hermann A. Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. B.: Weidmannsche Buchhandlung, 1910. P. 115.*

⁶¹¹ *Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ... С. 46.*

систематически посещать государства Западного края с целью обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов в страны Центральной Азии и далее на юг и на Запад.

Торговля между китайцами и иностранными купцами велась в основном в Западном крае. Китайские купцы привозили свои товары на крайние западные границы империи. Здесь, в районе Каменной Башни, заканчивалась «китайская часть» «Великого Шелкового пути»⁶¹². Однако локализация ключевого пункта этого пути – Каменной башни – вызывает большие споры. В первой половине XIX в. исследователи помещали Каменную башню в Ташкенте или Оше, т.е. на Северном пути, который вел из Бактрии в Самарканд и далее через Ташкент или Ош в Кашгар⁶¹³. К 60-м годам XIX в. был предложен Южный вариант локализации Каменной башни в районе Ташкурмана, а путь, соответственно, шел через Вахан до Ташкурмана и далее к Яркенду⁶¹⁴. Третий, «каратегинский вариант», был предложен Х. Юлем и поддержан К. Рихтгофеном, А. Стейном и А. Херманом. Согласно этой теории, из Балха путь шел на север, пересекая Амударью близ Термеза, по долине Сурхандарьи, вдоль Вахта, через Каратегин, Алайскую долину и далее в Кашгар⁶¹⁵. Особую точку зрения, высказанную еще в 70-х го-

---

⁶¹² Parke E. Contributions to Topography // China Review. Hongkong, 1888. Vol. 16. № 5. P. 301.

⁶¹³ Ritter K. Die Erdkunde von Asien. Bd. VII: West-Asien. Uebergang von Ost nach West-Asien. B.: G. Reimer, 1837. P. 413; Humboldt A. L'Asie Centrale. P., 1847. P. 416; Lassen Gh. Indische Altertumkunde. Bd. III. Leipzig, 1859. P. 119; Saint Martin V. de. Étude sur la géographie grecque et latine de L'Inde. P.: Imprimerie impériale, 1860. P. 275.

⁶¹⁴ Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / перев. с англ. О.А. Федченко и Н.В. Ханькова // ИРГО. СПб.: Изд. ИРГО, 1873. Т. VI. С. 7; Rawlinson H. Monograph on the Oxus // JRGs.1872. Т. 42. P. 496, 498, 504; Paquier J. Le Pamir: Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. P.: Maisonneuve et cie, 1876. P. 23–26; Marquart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran / Hrsg. von H.H. Schaeder. Leiden: E.J. Brill, 1938. P. 111.

⁶¹⁵ Yule H. Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China. 2 vol. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1866. P. 149; Richthofen K. China. Bd. 1. B.: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien, 1877. P. 496–500; Stein A. Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II. Oxf.: Clarendon Press, 1907. P. 54–55; Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern

дах XIX в. В.В. Григорьевым⁶¹⁶, развивает И.В. Пьянков в работе «Шелковый путь из Гиераполя в Серику»⁶¹⁷. Исследовав «Географическое руководство», он делит часть пути от Балха до Стоянки торговцев на четыре отрезка: от Бактры до подъема в горную страну комедов, путь по горной стране комедов, путь по ущелью комедов до Каменной башни и от Каменной башни до Стоянки торговцев. И.В. Пьянков считает, что здесь описывается не один путь, а две ветви, которые Марин Тирский, а вслед за ним и Птолемей попытались совместить в одном маршруте. Северная ветвь шла от Балха через Термез, Самарканд и Фергану, южная – через Каратегин и Алай. По мнению И.В. Пьянкова, Каменная башня должна была находиться в этом случае в районе Дараут-кургана. Таким образом, Северный путь, предложенный И.В. Пьянковым, тождествен Северному пути династийных историй. Однако Южный, совпадающий с «каратегинским», существенно отличается от описанного в китайских хрониках, идущего от Яркенда через Ташкурган, Вахан и Балх⁶¹⁸.

Обмен товарами происходил в районе Каменной башни, поскольку дальше нее китайцы предпочитали не заходить⁶¹⁹. Однако и китайское правительство почти не допускало иностранцев внутрь империи⁶²⁰ (если они не входили в официальные посольства). Покупателями были в основном согдийские купцы, обменивавшие свои товары на китайские вещи. Л.С. Васильев со ссылкой на А. Хермана⁶²¹ указывает, что имен-

---

Iran. Vol. I–III. Oxf.: The Clarendon Press, 1928. P. 848–850; *Hermann A.* Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien ...

⁶¹⁶ *Pumtep K.* Землеведение: Восточный, или Китайский, Туркестан / пер. и доп. В.В. Григорьев. Вып. 2. Отдел 1. СПб.: Печатня Головина, 1873. С. 63.

⁶¹⁷ *Пьянков И.В.* «Шелковый путь» от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) // Памироведение. Вып. II. Душанбе: Дониш, 1985. С. 125–140.

⁶¹⁸ *Shiratori Kurakichi.* On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C. Ptolemaes // MRDTB. 1957. № 16. P. 1–34.

⁶¹⁹ Как сообщает Помпоний Мела (I в. н.э.), китайцы «приносят свои товары в уединенные места и, возвращаясь (восвояси), предоставляют покупателю завершать путь». См.: *Помпоний Мела.* Кн. III. Гл. 7. Цит. по: *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ... С. 46.

⁶²⁰ *Reinaud M.* Relations politiques et commerciales de l' Empire Romain avec l'Asie Orientate // JA. P., 1863. Ser. 4. T. 1. № 3. P. 334–335.

⁶²¹ *Hermann A.* Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Romischen Reich // MGGW. Wien. Bd. 58. 1915. P. 476.

но «согдийский язык был наиболее распространенным торговым языком в Средней Азии»⁶²². Это мнение находит подтверждение в материалах А. Стейна. В бассейне р. Тарим он обнаружил большое количество документов, испещренных согдийскими надписями⁶²³. Из Западного края (Каменной башни) китайские товары попадали в Бактру, где находился крупный международный рынок, а затем в Маргиану – первый парфянский торговый центр, где товары скупались парфянскими купцами.

Однако в I–III вв. Китай периодически терял влияние на Западе. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, из-за осложнившейся внутривосточной обстановки в самой империи Хань правительство не могло осуществить эффективный контроль над вассально зависимыми территориями. Во-вторых, борьбу за обладание территорией Западного края начинают местные правители. В-третьих, воспользовавшись распрями между местными правителями и ослаблением Китая, резко усиливают свою военную активность в регионе сюнну. Лишь к концу I в. н.э. Китай восстанавливает свое влияние в Западном регионе благодаря умелой политике дипломата и полководца Бань Чао. Причем в своих притязаниях на эти земли ему пришлось столкнуться с интересами Кушанской державы (юэчжами), которая к 80-м годам значительно расширила свои территории далеко за пределы Бактрии. В 90-х годах кушаны вступают в открытый военный конфликт с Бань Чао. Хотя их поход оказался неудачным, однако он подготовил будущие действия Кушанской державы в Западном крае. Их следующая акция пришлась на середину II в., когда Китай был ослаблен внутренними противоречиями.

Падение империи Хань на рубеже II–III вв. повлекло за собой глубокие перемены, в результате которых было утрачено единство Китая. По мнению Дж. Брафа, кушаны в этот период не только распространили свое влияние на территорию бассейна Тарима, т.е. на большую часть владений Китая в Восточном Туркестане, но и включили их в состав своей империи вплоть до завоевания их собственных террито-

---

⁶²² Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ... С. 46.

⁶²³ Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I–IV. Oxf.: Clarendon Press, 1921. P. 671–672.

рий Сасанидами в 230 г.⁶²⁴

В III–IV вв. в системе дорог Шелкового пути происходят значительные перемены. По данным А. Стейна, на Южном пути в древних оазисах от Черченя до Хотана жизнь угасает, и дорога отклоняется к югу, проходя близ северных отрогов Куньлуня⁶²⁵. Одновременно снова оживает Старая Северная дорога (Средний путь – по Юй Хуаню), которая просуществовала на этот раз до конца IV в. (падение Ранней Лян – 301–376 гг.). Именно к этому периоду относятся сообщения в «Кратком описании Вэй» о появлении Нового Северного пути, который начинался в Юймэньгуане, вел в Иу (Хами) и далее шел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня на запад⁶²⁶.

В III–VI вв. монополией на торговлю между Ближним Востоком и Китаем фактически завладело государство Сасанидов (224–651 гг.) благодаря своему географическому расположению (от Мерва до Месопотамии) и высокоразвитому ремеслу. Однако в Китае о воцарении новой династии узнали не сразу. Китайские известия о Персии III–V вв. вообще не упоминают о Сасанидах. Положение изменилось при Северных династиях, когда Китай установил прямые и довольно тесные дипломатические и торговые отношения с Ираном. Серебряные монеты Сасанидов – драхмы служили тогда своего рода международной валютой Азии и в VI в. имели широкое хождение на северо-западе Китая в Ганьсу с согласия властей. С середины V в. северовэйский двор принял более десяти сасанидских посольств. Официальные миссии посылали в Иран и китайские правители⁶²⁷.

Крупнейшим партнером и соперником Сасанидской державы в восточной торговле было Согдийское царство. Проникновение согдийцев в Западные земли (Восточный Туркестан) относится уже к IV–III вв. до н.э., а согдийские колонии и поселения зафиксированы на главных центрах караванной торговли Центральной Азии, Восточного Турке-

---

⁶²⁴ Brough D. Comment on Third Century Shan-shan and the History of Buddhism // BSOAS. Vol. XXVIII. 1965. P. 597.

⁶²⁵ Stein A. Ancient Khotan ... P. 375–385.

⁶²⁶ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 252.

⁶²⁷ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. С. 102.

стана и Западного Китая начиная с первых веков нашей эры⁶²⁸. Китайский хронист VI в. говорит о жителях Согда, что люди там имеют глубоко посаженные глаза, возвышенный нос и очень волосаты. Искусны в торговле, и чужеземцы для ведения торгов во множестве стекаются в их государство. Согдийские купцы сосредоточили в своих руках караванную торговлю с Китаем. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и даже внутри Китая⁶²⁹. Например, письменные сведения о существовании согдийской общины в Дуньхуане относятся к IV в.⁶³⁰ Согдийские колонии были и в других важных торговых центрах: Гуцзане (затем Лянчжоу, совр. Увэй), Цзюцюане, Шаньшане вблизи оз. Лобнор, в оазисе Иу (Хами) и т.д. В династической истории Северной Вэй говорится, что «торговцы из страны Судэ (Согд) издавна и помногу приезжали в Лян[чжоу], чтобы торговать»⁶³¹. И подобных сведений довольно много. По китайским письменным источникам, эти колонии процветали и вели особенно активную торговую деятельность в эпоху Тан.

---

⁶²⁸ *Henning B.* The Date of Sogdian Ancient Letters // BSOAS. 1948. Vol. XII. P. 601–615.

⁶²⁹ Согдийская торговая колонизация Евразии и Китая началась в IV–III вв. до н.э. К этому времени относятся первые согдийские заимствования в китайском языке. В древнейшем согдийском документе, датированном 197 г. н.э., дается яркая картина активного торгового освоения Китая эпохи правления династии Хань согдийцами от Лояна и Чаньани до Цзюцюани на северо-западе страны, где ныне провинция Ганьсу. В округе Цзюцюань значительно было согдийское население, большую часть которого составляли выходцы из Ань – Бухары. См.: *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая ... С. 177.

Сведения о первых согдийцах в Китае относятся к концу II в., когда они появляются в Дуньхуане. Уже в III в. колонии согдийцев обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и, по всей видимости, внутри Китая. Согдийские купцы сосредоточили в своих руках караванную торговлю с Китаем. См.: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 103.

К III–VII вв. крупные согдийские колонии существовали по всему Великому Шелковому пути, в частности у южного берега оз. Лобнор возникли сразу четыре города. С V в. н.э. началась массовая эмиграция в Китай ираноязычных согдийцев из Самарканда и прилегавших к нему оазисов.

⁶³⁰ *Чугуевский Л.Н.* Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ. Вып. X. 1971. С. 147–156.

⁶³¹ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути ... С. 257.

К VI в. торговый оборот Согда с Китаем достиг наибольшего расцвета, а согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до монгольских степей. В Китае уже не удивлялись «носатым и волосатым» чужеземцам. Ян Сюань-чжи, оставивший описание Лояна начала VI в., сообщает о деятельности западных купцов в столице, имевших за южными воротами свое подворье и рынок: «Из сотни царств, тысячи городов к западу от Луковых гор до страны Да-Цинь (Византия) не было никого, кто бы ни приезжал сюда. Торговые варвары со всех краев земли толкались и теснились целыми днями... Все редкостные товары Поднебесной стекались сюда»⁶³². В Лояне в VI в. проживало 10 тыс. иностранцев, тогда как всего в городе насчитывалось 109 тыс. дворов и подавляющее большинство иностранных купцов были согдийцами. Именно согдийцы в этот период стали проводниками китайской культуры на Запад, в частности в среднеазиатские государства.

Об активной торговле согдийцев по Южному пути через Памир с Индией говорят многочисленные наскальные надписи, открытые в верховьях Инда К. Йеттмаром⁶³³, а также обширная колония, состоявшая из нескольких поселений, в главном центре Южного пути Шаньшане⁶³⁴.

По Северной дороге согдийцы вели торговлю в течение всего времени существования государства Гаочан (498–640 гг.). Об этом свидетельствуют многочисленные тексты из могильников Астана и Караходжа. Это преимущественно договоры, описи, разрешения на проезд через территорию оазиса, деловые письма и другие подобные документы.

После открытия китайцами Западного края, в результате интенсивных контактов с ближневосточными цивилизациями в первых веках нашей эры в Китай проникают элементы античных архитектурных стилей. По изображениям жилищ на фресках из Дуньхуана V–VI вв. распространение получают четырехскатные крыши, в эпоху Хань поч-

---

⁶³² Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 101.

⁶³³ Yettmar K. Neuen Felsbilder und Inschriften in der Nordbilder Pakistan ... P. 151–159.

⁶³⁴ Giles L. A Chinese Geographical Text of the Ninth Century // BSOS. 1930. Vol. VI. P. 825–846.

ти не встречавшиеся. Это позволяет сделать вывод о том, что в западных регионах Китая существовали заимствования отдельных элементов, свойственных строительным традициям Центральной Азии. На изображениях домов в гротах № 261, 208 и 272 в Дуньхуане представлены колонны с капителями, напоминающими дорический, ионический и коринфский стили. Аналогичные детали представлены и в гротах пещерных храмов в Юньгане.

Из оазисов Западного мира в Китай поставляли золото, яшму, нестругаемую асбестовую ткань, высококачественный войлок, а также верблюдов, лошадей, павлинов, зебу. Отсюда же проникло в Китай искусство виноделия. Как и чай⁶³⁵, вино используется как стимулянт. Начиная с III в. обычай пить чай распространился из Китая в западные страны.

В период функционирования торговых трасс через Центральную Азию китайцы получают новый материал – стекло, которое представляет собой культурное заимствование с Запада. На рубеже новой эры одним из главных мировых центров производства стеклянных изделий становится Сирия, откуда через посредство парфянских, а позднее сасанидских купцов стекло начиная с первых веков нашей эры проникло в древний Китай. В V в. на Севере возникает местное производство стекла, организованное выходцами из Западного края⁶³⁶.

Особо следует сказать о распространении в Китае музыкальной культуры древнего Туркестана, индийской в своей основе. С тех пор как Люй Гуан, вывезший большое число кучарских танцоров и музыкантов, обосновался в Дуньхуане, музыкальные инструменты, мелодии и танцы Западного края приобрели огромную популярность в Лянчжоу. После завоевания табгачами царства Северное Лян (439 г.) пришедшая с запада музыкальная и танцевальная культура стала популярной при северовэйском дворе. Перенесение в 494 г. столицы

---

⁶³⁵ Способ приготовления этого напитка был известен китайцам еще в ханьское время, но тогда он применялся исключительно как лекарственное средство. Древние китайцы не заваривали, а варили листья чая. Чай в то время представлял собой подобие супа; иногда напиток был настолько густым, что напоминал, скорее, кашу.

⁶³⁶ *Barbieri-Low A.J. Artisans in early imperial China. Seattle; Wash.: University of Washington Press, 2007.*

Северного Вэй в Лоян положило начало золотому веку «варварской музыки» в Китае. Огромным почетом западные моды, в том числе музыка и танцы, пользовались при дворе Северного Ци. В Северном Чжоу музыка Западного края получила наименование «государственного искусства».

Следующим этапом в развитии межцивилизационных контактов между Китаем и Западными странами был период VI–VII вв., когда Сасанидский Иран предпринял попытку блокировать торговлю по Шелковому пути⁶³⁷ и пришлось искать обходные дороги⁶³⁸. В начале VII в. сановник Пэй Цзюй был послан на северо-запад с поручением расширить дипломатические и торговые связи с Западным краем и разузнать побольше о его странах. Пэй Цзюй составил тогда подробное описание стран Западного края и ведущих к ним путей в «Записках и картах Западных земель», которые впоследствии были утеряны, но сохранились в выдержках из его жизнеописания в династийной «Истории Суй». Сообщения древнего автора были проанализированы Ф. Яагером⁶³⁹ и Е.И. Лубо-Лесниченко⁶⁴⁰. Пэй Цзюй сообщал, что: «От Дуньхуана к Западному морю идут три дороги, и у каждой дороги имеются ответвления. Северная дорога из Иу (Хами) проходит мимо оз. Пулей (Баркуль), земли теле, ставки тюркского кагана (близ оз. Иссык-Куль), идет через Люхэшуй, доходит до страны Фулинь (Византия) и достигает Западного моря. Средняя дорога выходит из Гаочана (Турфан) через Яньцы (Карашар), Цюцы (Куча), Тэле и далее через Цунлин (Памир), проходит через страны Цао (Кабудан), Хэ (Ура-тюбе), Большое и Малое Ань (Бухара, Самарканд), Му (Мерв), доходит до Босы (Сасанидский Иран) и достигает Западного моря. Южная дорога из Шаньшаня (район оз. Лобнор) идет через Юйтянь (Хотан), Чжуцзюйбо (Каргалык), Хэбаньто (Ташкурган), Цунлин (Памир) и далее через Хуми (Вахан), То-

---

⁶³⁷ К VI–VII вв. относятся многочисленные клады серебряных сасанидских монет, найденные на северо-западе Китая, в Чаньане и других местах. Возможно, это деньги, «припрятанные» местными торговцами до момента восстановления отношений с Сасанидами.

⁶³⁸ *Bielenstein H.* Diplomacy and Trade in the Chinese World 589–1276 // *Handbook of Oriental Studies (Handbuch der Orientalistik)*. Leiden: E. J. Brill, 2005.

⁶³⁹ *Jäger F.* Leben und Werk des Pei Kü // *OZ*. 1922–1923. P. 81–115, 216–231.

⁶⁴⁰ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути ... С. 253.

холо (Тохаристан), Еда (Эфталиты), Фанье (Бамиан), Цао (Газни) ведет в Боломэн (Северо-Западная Индия) и достигает Западного моря. От каждой страны также отходят дороги, которые, в свою очередь, пересекаются на юге и севере. Таким образом, следуя [по этим дорогам], можно попасть в любое место. Поэтому известно, что Иу, Гаочан и Шанылань являются воротами в Западные земли⁶⁴¹. Таким образом, восточный отрезок Среднего пути Пэй Цзюя соответствует Новому Северному пути «Краткого описания Вэй». К периоду Суй движение по нему ослабевает, караваны предпочитают обходную дорогу, названную Пэй Цзюем «Иуской» (или «Хамийской»). Южная дорога в «Суйшу» совпадает с Южным путем Юй Хуаня и ханьских династийных историй. Северный путь соответствует древнему пути, связывавшему восточнотуркестанские и согдийские центры с Черноморским побережьем и Византией. Этот путь, проложенный тюрко-согдийскими и византийскими посольствами, шел из городов Согда и ставки тюркского кагана на Сырдарье мимо Аральского моря до р. Урал, далее до Волги и оканчивался в Трапезунде⁶⁴².

Замечание Пэй Цзюя о том, что Гаочан является воротами в Западные земли, подтверждается нумизматическими находками в могильниках Астана и Караходжа, где было обнаружено 24 серебряных сасанидских и 5 золотых византийских монет. С торговыми караванами сасанидские и византийские монеты доходили до Чанъани, где было найдено 12 сасанидских и две византийские монеты. Представлены в Восточном Туркестане и монеты последних правителей Ирана: 593 монеты Хосрова II (590–628 гг.), две – Борана (630–631 гг.) и три – Иездегера III (632–651 гг.). Византийские монеты, найденные в Восточном Туркестане и Северном Китае, – это эмиссии, охватывающие период от Феодора II (408–450 гг.) до Юстиниана II (565–578 гг.). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, значительная часть этих монет попадала на восток по Северному пути, проложенному Менандром и согдийскими купцами. Подтвердить это может золотая византийская монета, найденная в могиле согдийского купца близ Дуньхуана. В династийных историях Северной Вэй и Северной Чжоу сообщалось об обращении

---

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Византийские историки Дексип, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. Г. Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. С. 370–384.

серебряных сасанидских монет в оазисах Кучи и Турфана. Тексты из Дуньхуана и Гаочана (главным образом из могильника Астана) подтверждают, что серебряные (сасанидские) и золотые (византийские) монеты широко употреблялись в Суй при различных торговых сделках⁶⁴³.

Сведения, добытые Пэй Цзюем и другими исследователями Западного края, пригодились, когда Китай начал проводить активную внешнюю политику. К империи были присоединены земли племен туюхунь (в Восточном Цинхае), а правители Тюркского каганата признали «старшинство» Китая. Еще в 629–630 гг. китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, в результате чего империя утвердила свое преобладание на Великом Шелковом пути⁶⁴⁴. Китайские

---

⁶⁴³ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 255.

⁶⁴⁴ В 1 тыс. н.э. ираноязычное население было наиболее многочисленной этнической группой на востоке Центральной Азии и говорило на восточно-иранских языках, один из которых условно называется хотано-сакским. Письменные памятники этого языка найдены в Хотане и датируются VIII–X вв. См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Колл. монография / отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Восточная литература, 1992. С. 32–41. Вплоть до IX–X вв. население здесь было ираноязычным. Начало тюркизации было положено средневековыми уйгурами, переселившимися сюда после падения их каганата на Орхоне в Монголии в 840 г. Уйгуры ассимилировали местное, в значительной степени иранское по своему субстрату население, передали ему свой этноним и язык, но изменились сами, перейдя от кочевничества к оседлому образу жизни, восприняв новый способ производства и комплекс местной культурной традиции. См.: *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая ... С. 176. В результате разнообразных тюрко-иранских взаимодействий к концу 1 тыс. н.э. на территории Восточного Туркестана и Центральной Азии начинают складываться зоны тюрко-иранского двуязычия. Центрами этого нового, особого культурного тюрко-иранского пространства на рубеже 1–2 тыс. сначала были придворные круги первых мусульманских тюркских династий, создавших свои государства в Восточном Туркестане, северной части Ферганской долины и Семиречье, например, Караханидов с центром в Кашгаре. Именно к этому времени и к этой этнокультурной среде, где появлялось, развивалось и процветало тюрко-иранское двуязычие, относятся упоминания авторов XI в. – Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского, Абулфазла Бейхаки о своеобразной общности, назы-

армии дошли до Кучара и в 657 г. в союзе с уйгурами разгромили Западный каганат. В крупных населенных пунктах вдоль Великого Шелкового пути размещаются китайские гарнизоны.

Активизировавшиеся связи Китая с кочевым населением Центральной Азии в конце периода VI–VIII вв. начинают проявляться и в искусстве. На распространение продукции из Центральной Азии в пределы Китая указывает практически весь набор композиций и изображений, связанный с ритуально-пиршественной утварью.

Расцвет торговли по Шелковому пути пришелся на VII – первую половину VIII в. В первые полтора века Танской империи продолжала функционировать система путей, описанная в начале VII в. Пэй Цзюем. Активная торговля шла по Средней дороге, проходившей через Согд и низовья Волги до Северного Кавказа и далее в Византийскую империю. Это подтверждается находками разнообразных китайских тканей (гладких, камчатных, полихромных) на горе Муг и в аланском могильнике Мощевая балка. В «погребении китайского купца» были обнаружены китайские тексты (официальные бумаги, обрывки художественных произведений, бухгалтерские записи). В могильнике Астана и Замурованной пещере Дуньхуана было найдено значительное количество согдийских тканей.

Говоря о периоде наибольшего расцвета торговли на Шелковом пути, нельзя обойти вниманием роль согдийцев в организации международной торговли. Большое число согдийских торговцев, выходцев из Самарканда, Бухары, Кеша, Кабудана и других согдийских городов, жили в танской столице Чанъани, Лояне, в степях Монголии и на юге Маньчжурии. Согдийские колонии отмечены в Забайкалье, на Амуре и в Приморье. Однако и в торговом, и в культурном отношении они выступали главным образом посредниками между Китаем и Персией (как тогда называли Иран).

Одним из наиболее показательных комплексов, в которых было обнаружено большое количество предметов центральноазиатской торговли на территории Китая, является крупный клад драгоценных предметов в г. Сиани, расположенном на месте танской столицы Чанъань, который был обнаружен в 1970 г. Несмотря на то, что от-

---

вавшейся «турк ва тазик», «тюрк-у-тачик» (т.е. «тюрк и таджик»). См.: *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая ... С. 176.

дельные вещи этой коллекции датированы 731 г., она не является однородным комплексом⁶⁴⁵. Изделия из драгоценных металлов могли происходить из различных ремесленных центров, поскольку предметы коллекции попадали в нее, судя по всему, в результате контактов по трансевразийскому торговому пути. По своему назначению эти предметы связаны не столько экономическими потребностями, сколько вопросами обозначения социального статуса и поддержания престижа власти.

В ряде китайских погребений были найдены серебряные монеты иранского шаха Хосрова II.

Именно к сфере иранской цивилизации, в которую входил и Согд, относилась наибольшая часть воспринятых в танском Китае «западных» новшеств⁶⁴⁶. Например, до прихода к власти династии Тан золото и серебро использовали только для изготовления некоторых украшений. В танское время получила широкое распространение иранская техника чеканки золотых и серебряных тонкостенных изделий⁶⁴⁷. Но-

---

⁶⁴⁵ Атрибуция по времени и месту изготовления изделий раннесредневековой восточной торевтики, обнаруживаемых в регионах, прилегающих к трансевразийскому «Шелковому пути», связана со значительными трудностями. См.: *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971. Прежде всего это связано с отсутствием точной информации о центрах производства, случайным характером находок, малочисленностью предметов, отсутствием связи между ними и датированными комплексами.

⁶⁴⁶ Иранское влияние особенно заметно в области декоративно-прикладного искусства. Танские ткачи украшали ткани так называемым сасанидским узором из повторяющихся фигур и композиций, часто заключенных в кружки и розетки. Большой популярностью пользовались персидские орнаменты в виде стилизованных цветов и листьев.

⁶⁴⁷ Очень важными для типологических наблюдений над этим материалом представляются пластинки-матрицы, с помощью которых выполнялись рельефные медальоны. Форма удлинённых пластин с овальным узким концом полностью соответствует форме и размерам обойм пряжек и накладок наборных поясов, встречающихся в могилах знатных кочевников, обнаруженных севернее линии прохождения через Центральную Азию «Шелкового пути». См.: *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. Вып. Е 1–2. М.: Наука, 1979. Табл. V–VI. Близки по форме к сердцевидным медальонам и некоторые разновидности поясных накладок. См.: *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у села Копёны // ТГИМ. 1940. Вып. XI. С. 35–42. Рис. 19, 22, 31, 34.

вая техника, сменившая традиционные для Китая способы отливки металлических предметов в формах, принесла с собой новые мотивы декорирования, популярные у иранских золотокузнецов. Рассматривая историю развития китайской торевтики и ювелирного дела, Б. Гюлленсворд отмечал, что появление в Китаековки драгоценных металлов в качестве основного приема изготовления изделий (а не для тонкой их доработки) относится лишь к эпохе Тан, либо несколько предшествует ей⁶⁴⁸. Так для западно- и центральноазиатских чаш и блюд характерна форма цветка лотоса, чьи лепестки выполнялись в виде сравнительно узких миндалевидных или трапециевидных углублений. В танском серебре формы «лепестков цветка» более разнообразны⁶⁴⁹.

Можно утверждать, что расцвет танской торевтики совпал с активным влиянием Сасанидского искусства, а его упадок вызван резким снижением иранского влияния после религиозных гонений (845 г.)⁶⁵⁰. Отток художников-ремесленников с территории Сасанидского Ирана, точнее, с территорий его прежнего политического господства, перешедших под власть Арабского халифата, объясняется тем, что в мусульманской традиции не поощряется и не находит спроса анималистический, портретный стиль искусств, вообще изображение животных и человека. Новая художественная традиция, формирующаяся в Центральной Азии, хотя и передает достаточно

---

⁶⁴⁸ Б. Гилленсворд в специальном исследовании, посвященном танским золотым и серебряным изделиям, детально анализирует мотивы декорирования, заимствованные из Сасанидского искусства: сцены охоты, сокол и заяц, пейзаж с животными, противопоставленные птицы и животные, животные и птицы с побегими или лентами, львы, лани, крылатые лошади и лани, изображения пиршественных сцен, растительные побеги, виноградная лоза, виноградная лоза и цветочные завитки, виноградные побеги с плодом граната, цветочные побеги, три цветка, бордюр из лилий, цветочные розетки, бордюры из лепестков. См.: *Gyllensvard B. Tang Gold and Silver. Göteborg, 1958. P. 108–135.*

⁶⁴⁹ *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у села Копёны ... Вып. XI. С. 42.

⁶⁵⁰ Не исключено, что иранские мастера под натиском арабов были вынуждены перебраться в Китай. В китайском г. Чанъань в IX в. была многочисленная прослойка иностранцев, наибольшую часть которых составляло иранское население. Танское правительство даже имело специальное Ведомство, чтобы блюсти их интересы – Ведомство сартхаваков («погонщиков караванов»).

точно внешний вид тюрков, ландшафты, животный мир их страны, создается не тюрками, а все теми же персепольскими сасанидскими мастерами. Тюрки выступают в качестве потребителей их продукции, которую часто захватывают и присваивают в ходе завоевательных походов⁶⁵¹.

В 717 г. при перестройке г. Инчжоу на северо-восточных границах империи Тан для торговых людей из Согда были отведены специальные кварталы. Деятельность и передвижение согдийцев, как и вообще иностранцев, контролировались китайскими властями, но эдиктом 628 г. им было разрешено брать в жены китайнок, хотя увозить их из Китая запрещалось. В летописи Сыма Гуана под 787 г. сообщается, что все уроженцы «Сиюй» – «Западного края», к числу которых относились согдийцы и представители других иранских народов, долго жившие в Китае, имели китайских жен⁶⁵². В северо-западной области империи Лянчжоу в г. Увэе, например, пять кварталов из семи были заселены иностранцами, среди которых основную часть составляли согдийцы и персы, а на базарах расплачивались и драхмами – деньгами Персидской империи Сасанидов. Как уже говорилось, из Персии в Китай проникли религиозные учения – зороастризм, несторианское христианство и манихейство, позднее – ислам.

Центральноазиатские народы принимали активное участие в международной торговле оружием. Это способствовало тому, что военнотехнические новинки и воинская атрибутика регулярно попадали на территорию Китая в разные эпохи. Факт дарения кольчуги самаркандским послом Танскому императору Сюань-цзуну (710–755 гг.) в 718 г., упомянутый Э. Шефером⁶⁵³, долгое время служил свидетельством о

---

⁶⁵¹ *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. С. 308.

⁶⁵² *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века. М.: Наука, 1984. С. 40–43.

⁶⁵³ *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / пер. с англ. Е.В. Зеймалю и Е.И. Лубо-Лесниченко. Сер. Культура народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 342; *Пастухов А.* О появлении кольчуги в Центральной Азии и на Дальнем Востоке // Военно-исторический портал античности и средневековья: URL: <http://www.xlegio.ru>

времени появления кольчужного доспеха в Центральной Азии и на Дальнем Востоке⁶⁵⁴.

Дипломатические связи с зарубежными странами в период Танской династии осуществляются в виде обмена посольскими миссиями в соответствии с уже упомянутой нами доктриной универсальности власти китайских государей как посредников между обожествляемыми Небесами и Землей. Прибытие к китайскому двору иноземных посланцев официально трактовалось как выражение подтверждения вассальной покорности. Китайские же посольства за рубеж везли «указы» иноземным правителям с жалованием им китайских титулов. Активизация внешней политики и расширение зарубежных связей в VII–VIII вв. повлекли за собой увеличение торгового оборота с другими странами. Государства Центральной Азии (Фергана, Самарканд и др.), страдавшие от вторжений тюрков, тибетцев и арабов, искали поддержки у танских императоров. В 751 г. китайская армия под начальством Гао Сяньчжи даже перешла через Тянь-Шань в Центральную Азию, но здесь была остановлена арабами в битве на р. Талас. В результате был положен конец военному присутствию Танской империи в Центральной Азии, а основные центры трансконтинентальных связей были перенесены на юг. К моменту падения Кайфына в 1126 г. уже около 35% иностранных посольств передвигалось морским путем.

Середина VIII в. явилась переломным моментом в системе международных связей Центральной Азии. Это связано с переходом западной части Шелкового пути под арабское влияние после поражения китайцев в Таласской битве в 751 г. Другим важным событием стало то, что вследствие тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай во второй половине VIII – начале IX в. весь центральный участок Шелкового пути попал под тибетский контроль. В результате этих политических событий были прерваны налаженные межконтинентальные связи, а проторенные торговые пути пришли в упадок. Появляется необходимость искать обходные дороги.

---

⁶⁵⁴ Согласно данным, опубликованным Б. Гафуровым, согдийские воины (государства Западного Края, Ферганы, современных Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) носили кольчужные панцири. См.: *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. Т. 1. М.: Наука, 1972. 664 с.

Хотя сухопутная дорога через Кашгарию – одно из ответвлений Шелкового пути – действовала и в позднетанское время, ведущую роль в развитии трансконтинентальных связей стала играть южная, морская трасса, протянувшаяся от южнокитайского порта Гуанчжоу до Персидского залива. В портах юга Китая были созданы колонии мусульман, имевших свои мечети, кладбища, базары. Большинство в них составляли арабы. На юге Китая появляются крупные колонии персов, многие из них к IX–X вв. после арабского завоевания и исламизации Ирана становятся мусульманами. Например, в городах Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Ханчжоу, Хунчжоу и Янчжоу выросли многолюдные «иностранные кварталы». Немало персов прочно оседало в Китае и смешивалось с местным населением.

Другой обходной трассой стал так называемый Кыргызский путь, который из Турфана шел через Джунгарию в предгорья монгольского Алтая, через перевал Кемиз-арт, в Туву и к Минусинской котловине. Кыргызское государство установило прямые дипломатические и торговые контакты с Танской империей еще в первой половине VII в. Из Китая с 633 г. в течение ста лет в государство кыргызов регулярно отправлялись посланники. С 643 по 747 гг. было зарегистрировано 11 кыргызских посольств. Однако после падения II Тюркского каганата в 745 г. происходит быстрое возвышение уйгуров, которые в 750–751 гг. захватывают Туву и Северо-Западную Монголию, блокируя традиционные торговые пути кыргызов. И только после того, как в 840 г. кыргызы захватывают столицу уйгуров Орду-Балык на Орхоне и оттесняют их на юг, они восстанавливают свои внешние торговые и политические связи. Г.П. Супруненко приводит сведения сразу о трех кыргызских посольствах, отправленных в 843 г. в империю Тан⁶⁵⁵. В свою очередь Н.Я. Бичурин говорит еще о трех миссиях, отправленных в Китай между 860 и 873 гг. К сожалению, по его словам, письменные источники не сообщают о продолжении официальных контактов между кыргызами и Китайской империей после падения династии Тан⁶⁵⁶.

Сам же Кыргызский путь довольно подробно описывается как в ки-

---

⁶⁵⁵ Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипинь цзи» // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. 1. Вып. 1. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. С. 67–81.

⁶⁵⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах ... Т. I. С. 35.

тайских, так и в мусульманских источниках. Основные сведения приводит Гардизи в «Украшении известий» («Зайн ал-Ахбар»), написанном в 1050–1053 гг. по источникам VIII–IX вв.: «Путь к киргизам ведет из страны тугузгузов, а именно из Чинанджкета в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу... После Манбек-Лу приходят к Кёгмену... От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути... Здесь военный лагерь киргизского хакана»⁶⁵⁷. Далее Гардизи упоминает три дороги, по которым можно попасть в киргизский лагерь: одна вела на северо-восток к Байкалу, другая шла на запад к верховьям Иртыша и Аральскому морю, совпадая с древним Степным путем. Основной же была Южная дорога, начинавшаяся, согласно Гардизи, в Чинанджкете (Турфане). Приведенные Гардизи названия были частично отождествлены В.Ф. Минорским⁶⁵⁸ и Л.Р. Кызласовым⁶⁵⁹.

По Кыргызскому пути древнехакасское государство интенсивно торговало с оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. Как пишет «Таншу», кыргызы «всегда имели близкие отношения с Даши, тибетцами и карлуками»⁶⁶⁰. Из Аньси (Куча), Бэйтина (Бешбалык) и Даши к кыргызам регулярно отправляли караваны из 20 и более верблюдов, груженных преимущественно шелковыми и шерстяными тканями. В обмен от кыргызов на юг шли мускус, мех, белый тополь, дерево халадж, рог хуту (бивни мамонта или моржовые клыки)⁶⁶¹ и особенно ценимые кыргызские лошади⁶⁶².

Найденный на территории Южной Сибири археологический материал свидетельствует о том, что в VII–XI вв. связи кыргызов с Танской империей были довольно интенсивными. Среди находок представлены бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лако-

---

⁶⁵⁷ Бартольд В.В. Извлечение из «Зайн ал-ахбар» // Соч. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 47.

⁶⁵⁸ *Hudud al-Alam. The Regions of the World / Transl. and expl. by V. Minorsky.* L.: Luzac & Company, 1937. P. 282–284.

⁶⁵⁹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 96.

⁶⁶⁰ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 41.

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Шефер Э. Золотые персики Самарканда ... С. 85.

вые изделия, сельскохозяйственные орудия. По словам Е.И. Лубо-Лесниченко, исследовавшего коллекцию китайских зеркал в Южной Сибири, в Минусинской котловине и окружающих ее районах было обнаружено более 90 зеркал периодов Суй и Тан, что делает этот район крупнейшим центром находок танских зеркал за пределами Китая⁶⁶³. В одной из своих работ он представил общий перечень импортных – китайских, восточнотуркестанских, иранских и других изделий, найденных в Южной Сибири⁶⁶⁴.

В дальнейшем движение по Кыргызскому пути постепенно прекращается в связи с политическим и экономическим упадком хакасских княжеств.

Одной из важнейших торговых трасс этого периода стала старая дорога центральноазиатских кочевников, связывающая Восточный Туркестан с Северной Монголией. В танское время эта дорога получила название Уйгурской, так как шла от Бэйтина (Бешбалык) к оз. Баркуль и далее на северо-восток к столице каганата – Харабалгас. Впервые название этого пути встречается в «Записках о поездке У-куна в Индию»⁶⁶⁵. У-кун, отправленный в 751 г. в качестве посла в Кашмир, возвращаясь почти через сорок лет на родину, обнаружил, что старая дорога в результате тибетского вторжения стала непроходимой. Тогда он вместе с группой танских чиновников направился Уйгурской дорогой из Бэйтина в Китай.

Важные сведения содержатся и в других источниках. Например, в «Описании областей и уездов в годы правления под девизом Юань-хэ (806–820 гг.)» приводятся названия станций Читу, Вэньцюань, Тело, расположенных к северо-востоку от оз. Баркуль на Уйгурском пути. В «Записях о сопредельных с Китаем территориях» Цзя Шэна, сохранившихся в качестве комментария в «Новой истории Тан», говорится: «Через четыре дня пути от крепости Средний Шоусян попадаешь на Уйгурскую дорогу... Там имеется колесная дорога. По ней проходят уйгурские посольства...» и далее подробно описывается путь по этой

---

⁶⁶³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. С. 16–23.

⁶⁶⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 267.

⁶⁶⁵ Levi S., Chavannes E. L'itinéraire d'Ou-k'ong (751–790) // JA. 9-e ser. T. VI. 1895. P. 341–371.

дороге⁶⁶⁶, причем в наше время можно локализовать бóльшую часть географических пунктов, а, следовательно, проследить весь путь до ставки уйгурского кагана⁶⁶⁷. Южный вариант Уйгурской дороги, идущей из Бэйтина через Тунчэн (Эдзина, Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай, назывался «Дорога ветров». Первые сведения об этой дороге, как полагает С.Г. Кляшторный, появились в конце VII в.⁶⁶⁸, а в X в. по ней шли буддийские паломники, направлявшиеся в Ордос⁶⁶⁹. Этот же путь был обозначен на тангутской карте XI в., изданной Е.И. Кычановым⁶⁷⁰. Уйгурская дорога как основной транзитный путь использовалась довольно долго – в XII–XIV вв. она была основной артерией Монгольской империи.

Таким образом, существование внешнеполитических доктрин «ди го» и особенно «мироустроительной» подготовили теоретическую основу для реализации китайской стратегии распространения своего политического влияния на как можно более обширную территорию. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому и осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада и Севера, способствовали реальному воплощению мироустроительных идей.

Археологические исследования, проводимые интенсивно с начала XX в. в пустынях, степных горных и предгорных районах Восточной и Центральной Азии, существенно уточнили данные письменных источников. Они не только подтвердили существование, но и определили реальные этапы и масштабы функционирования Шелкового пути⁶⁷¹.

---

⁶⁶⁶ Цит. по: Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 263.

⁶⁶⁷ Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 271.

⁶⁶⁸ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 100–101.

⁶⁶⁹ Bailey V.W. The Seven Princes // BSOAS. Vol. XII. Pt. 3–4. 1948. P. 616–624.

⁶⁷⁰ Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Сися, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // СНВ. Вып. I. 1959. С. 204–212.

⁶⁷¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Шелковый путь в период шести династии (III–VI вв.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 19. Л., 1978. С. 12–25; Иерусалимская А.А. О северокавказском «Шелковой пути» в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–56; Stein A. On ancient Central Asian Tracks. Chicago; L.: University Chicago Press. 1964. С. 17–23.

Хотя некоторые свидетельства указывают на существование устоявшегося торгового пути еще в IV–III вв. до н.э.⁶⁷², оформление Шелкового пути, судя по всем данным, относится к концу II в. до н.э., и с этого времени можно говорить о его непрерывном существовании⁶⁷³. В течение ханьской эпохи Шелковый путь функционировал эпизодически, что в значительной мере определялось внутренним состоянием Китая⁶⁷⁴.

В конечном счете, можно согласиться с мнением, которое было впервые высказано И. Марквартом⁶⁷⁵, что появление торговых-ремесленных центров на протяжении Шелкового пути способствовало образованию многоязычной среды, в которой уживались несходные по своим догматам религиозные системы⁶⁷⁶.

Установившиеся длительные и самые разнообразные связи стимулировали развитие всех народов, включенных в сеть трансконтинентального культурообмена. Эти контакты подразумевали прежде всего посольско-договорные и торговые отношения. Не вызывает сомнения заинтересованность многих государств Западного края, в частности центральноазиатских, в Китае как в военном и политическом союзнике. Торговля с Китаем, а также посредничество в его торговле с Римской империей и Византией, приносили в казну центральноазиатских оазисов огромные доходы, что также укрепляло престиж Срединной империи на Западе. Даже войны, часто длительные, способствовали распространению инкультурных элементов в результате миграций не только отдельных людей, но и целых народов. Это проявилось, в частности, в отношениях с кочевниками. Все это, плюс огромный материальный и духовный потенциал, накопленный китайской цивилизацией к моменту своего выхода на мировую арену, обеспечивало рас-

---

⁶⁷² В данном случае примером может служить частная инициатива иньского купца Го, сбывавшего кочевникам в обмен на продукты кочевого скотоводства различные бракованные шелка.

⁶⁷³ *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия ... С. 240.

⁶⁷⁴ *Кучера С.* Некоторые проблемы истории Турфана в ханьскую эпоху (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Н.Я. Бичурин в его вклад в русское востоковедение: материалы конференции / сост. А.Н. Хохлов. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 52–53.

⁶⁷⁵ *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge ...

⁶⁷⁶ *Васильев В.П.* Магометанство в Китае // Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. СПб.: Вестник всемирной истории, 1900. С. 118, 121; *Demiéville P.* Choix des études sinologiques (1921–1970). Leiden: E.J. Brill, 1973. P. 166–202.

пространение ее влияния не только на соседних территориях, но и в отдаленных регионах.

Конечно, Шелковый путь оставался основной трассой, по которой перемещались товары и поддерживались международные торгово-дипломатические отношения. Но он также стал важной дорогой для бегства на Восток манихеев, несториан и других изгнанников⁶⁷⁷. В конечном счете, именно по этому пути в Китай проник буддизм.

Глава 2. Контакты Китая с Центральной Азией в сфере духовной культуры

Важным показателем контактов Китая с западными народами было распространение буддизма, пришедшего в Китай, скорее всего, одновременно двумя путями – с северо-запада и с юга. Основателем китайского буддизма считается парфянский монах Ань Ши-гао, прибывший в Лоян в 148 г. Первые индийские миссионеры появились в Китае в середине II в., а с V в. они составляли уже явное большинство среди проповедников буддизма. В общей сложности за III–VI вв. нам известно более 60 индийских миссионеров, действовавших в Китае⁶⁷⁸. В действительности эта цифра была, конечно, намного выше. В начале VI в. в одном Лояне проживало более 3 тыс. иностранных монахов.

Таким образом, в III–VI вв. китайцы сталкиваются с проблемой этнического развития – религией, сформировавшейся за пределами древнекитайской этнической территории. Буддизм вырос на почве индийской культуры. Но, придя из инородной, чуждой конфуцианскому ареалу религиозной культуры, благодаря активной переводческой деятельности китайских и индийских ученых-буддистов, монахов монастырей, располагавшихся уже на китайской земле, благодаря их контактам с даосскими религиозными организациями, он внедряется непосредственно в центры сосредоточения китайской общественно-

---

⁶⁷⁷ Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука. 1969. С. 70, 71.

⁶⁷⁸ *Bagchi P.Ch.* India and China. A Thousand Years of Cultural Relations / 2nd ed., revised and enlarged. Bombay: Hindu Kitab Ltd., 1950.

политической мысли⁶⁷⁹. Проповедь буддийского учения за пределами Индии не могла обойтись без упоминания индийских терминов и реалий, которые в новых условиях заимствовались в их исходной индийской форме или переводились на использовавшиеся местные языки. Для распространения буддизма в Китае потребовалось создание новых религиозных и культурных терминов, с помощью которых передавалось множество индийских собственных имен и географических названий⁶⁸⁰. За короткое время в Китае была разработана рациональная техника передачи буддийской терминологии на китайский язык⁶⁸¹. Она оказалась настолько удачной, что многие из новых слов легко вошли в китайский язык и сохраняются в нем до сих пор. Благодаря буддийской литературе в Китае появились новые сюжеты, персонажи, жанры «обрамленной повести» и буддийской проповеди.

По преданию первые буддийские сутры были привезены в Лоян при императоре Мин-ди (58–76 гг.). Вхождение буддизма в культуру произошло на основе переведенных в конце III в. махаянистских сочинений, в которых излагалась доктрина праджни-парамиты. Эта философская система, разработанная в I в. н.э. индийским буддистом Нагарджуной, отрицала дуализм абсолюта – нирваны и мира причинности – сансары и полагала смысл спасения во внутреннем самообнаружении своей истинной природы, достигаемом в полной отрешенности от внешнего мира. «Универсализм» учения о праджне сближал ее с некоторыми фундаментальными положениями китайской мысли. На протяжении IV в. доктрина праджни оставалась главенствующим направлением буддийской и всей философской мысли Китая⁶⁸². Кучарский монах Кумараджива, прибывший в Чанъань в 402 г. с группой помощников, перевел на китайский язык сутры, которые составляют философскую базу китайского буддизма.

---

⁶⁷⁹ Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Vol. 1–2. Vol. 1: Text. Vol. 2: Notes, bibliography, indexes. Leiden: E.J. Brill, 1959.

⁶⁸⁰ Chen Huaiyu. A Buddhist Classification of Animals and Plants in Early Tang China // JAH. 2009. Vol. 43. № 1. P. 31–51.

⁶⁸¹ Kang Xiaofei. In the Name of the Buddha: the Cult of the Fox at a Sacred Site in Contemporary Northern Shaanxi // Minsu quyi. 2002. № 138. S. 67–110.

⁶⁸² Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука. 1989.

В условиях взаимодействия двух культур существуют два основных пути заимствования иностранных слов: прямое заимствование в исходной фонетической форме и калька – передача иностранного слова в переводе на родной язык. При переводе текстов буддийского вероучения на китайский язык были сделаны опыты как прямого заимствования, так и калькирования. Соотношение этих двух способов является примечательной особенностью китайской культуры. Примерами прямого заимствования являются имена Будда и Шакьямуни, Футо и Шицзявэнь, которые в момент создания этих терминов звучали примерно как Бутта и Шакьямун. Однако наряду с этим в китайских философских произведениях можно встретить имя Будды в форме Чжичжэ – «Знающий», Цзюэ – «Бодрствующий», «Пробужденный», Цзинцзюэ – «Обладающий чистым разумом». Наряду с транскрипцией Шицзявэнь (позднее Шицзямуни) в философских произведениях можно встретить китайский перевод этого имени Нэн жэнь – «Способный к благоволению»⁶⁸³.

Вместе с буддийской религией в китайский язык вошли космологические и географические понятия и названия, встречающиеся в буддийских текстах. Из санскрита в китайский язык пришли слова для обозначения больших чисел и др.

В тех случаях, когда для перевода санскритского слова было невозможно найти соответствующее односложное слово китайского языка, создавались двусложные термины и появилось значительное количество многосложных слов, которые вошли в китайский язык и остаются там по настоящее время. Способ передачи иностранных терминов с помощью перевода иностранного слова на китайский язык был разработан именно в то время. В дальнейшем этот метод использовали уже в новое время, когда появилась потребность в создании новой терминологии для перевода европейских понятий.

Буддизм принес в Китай много нового во многих областях духовной и материальной культуры. Скульптура и живопись Гандхары и Северной Индии послужили образцами для пластики комплексов пещерных храмов Дуньхуана, Юньгана и Лунмэня. Благодаря буддизму в Китае появились новые типы архитектурных сооружений, например, многоэтажные пагоды. С IV в. в Китае распространилась буддийская

---

⁶⁸³ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 222–223.

музыка. Помимо этого индийское влияние затронуло такие отрасли знания, как астрономия, математика, медицина⁶⁸⁴.

В северных районах Китая буддизм развивался в иных формах. Буддийское учение развивали кочевники-«варвары». Поэтому в буддийской проповеди на Севере большое значение имела магия, близкая шаманистским верованиям кочевников. Вождь ордосских сюнну Хэлянь Бобо, основатель династии Ся (407–431 гг.), сам провозгласил себя Буддой и велел изобразить его лик у себя на спине. В табгачской империи буддизм стал фактически государственной религией.

Проникновение буддизма в жизнь древних китайцев не могло не сопровождаться его китаизацией. Пока новая религия оставалась еще смесью буддийской и даосской йогической практики, этот процесс шел почти стихийно и носил большей частью скрытый характер. Но по мере того как буддизм приживался в Китае, возникла необходимость принципиально решить вопрос об отношении «варварской» доктрины к древней культурной традиции Китая. Важным признаком нового этапа осмысления буддизма стало появление с IV в. буддийской литературы, написанной китайцами.

К V в. почти все правители юга Китая покровительствовали буддизму. Буддизм в Китае был единственной прижившейся чужеземной религией. Несмотря на усилия отдельных правителей, он не стал в Китае государственной религией, но сам факт распространения буддизма в Китае оказал влияние на самосознание древнекитайского этноса. Пришлая, «варварская» религия не могла не расшатывать этноцентрический стереотип, который сложился в эпоху Хань. Возникшее в III–VI вв. несовпадение этнических и конфессиональных границ способствовало переосмыслению древними китайцами самих себя как определенной общности.

Проповедь буддийских идей активно способствовала расшатыванию сложившегося к этому времени представления о превосходстве жителей Срединного государства над их соседями, в частности, в силу того, что буддисты – сначала выходцы из Западного края, а затем и непосредственно из Индии – принесли с собой непривычные мате-

---

⁶⁸⁴ *Kieschnick J. Buddhist Vegetarianism in China // Of Tripod and Palate. Food, Politics, and Religion in Traditional China / Hg. R. Sterckx. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.*

риальные атрибуты новой религии и связанные с ними обычаи и привычки.

Сама идея о том, что древние китайцы могут заимствовать что-либо чужеземное, всегда встречала ожесточенное сопротивление со стороны ортодоксальных конфуцианцев. Достаточно вспомнить реформы Улин-вана в царстве Чжао, когда его желание ввести ношение штанов натолкнулось на резко негативное отношение приближенных. Сейчас же речь шла о восприятии целого мировоззрения: вопрос касался того, следует ли поклоняться «варварским богам».

Приверженцы буддизма стали первыми древними китайцами, которые вопреки конфуцианскому убеждению в том, что людям Среднего государства нечему учиться у «варваров», отправились на Запад не для того, чтобы поучать, а в надежде научиться. Согласно подсчетам, произведенным Лян Ци-чао, в 260–751 гг. общее число китайских буддийских монахов-паломников составило около 200 человек, причем на V в. падает примерно треть этого числа.

Среди причин, обусловивших наибольшую активность китайского паломничества на Запад именно в V в., можно считать такие факторы, как расцвет буддизма в Индии, достигший апогея в V в., а также наличие постоянных контактов Раннего и Позднего Цинь с Западным краем, облегчавших путешествие монахов по Шелковому пути.

Многие паломники, вернувшись из Индии со святых мест буддизма, рассказывали своим соплеменникам о Западных странах. А многие паломники так и не возвращались на родину, оставаясь в странах Южной или Центральной Азии.

В III–VI вв. на территорию Китая проникает зороастризм. Он являлся тогда государственной религией Персидской империи Сасанидов. В Китае зороастрийские культы обозначали специальным словом «Тянь», т.е. «божества Небес», или словосочетанием «варварские духи Неба». Первое упоминание о зороастрийских святилищах в Китае относится к 519 г., а к середине VI в. поклонение «варварским духам Неба» проникло даже в придворный церемониал двух царств тогдашнего Северного Китая – Северного Ци и Северного Чжоу. Китайские императоры династии Суй, объединившие свою страну после более чем 300-летней смуты, не последовали примеру своих предшественников, но признали право персидской веры на существование. Зороастрийские жрецы, которых в Китае называли «сабао» или «сафу», по-

лучили статус государственных чиновников. Две должности сафу были учреждены в столице и по одной – в некоторых северных и северо-западных областях, где существовали зороастрийские храмы. Сменившие династию Суй правители династии Тан сохранили этот порядок, введя в Управление сабао (Сабаофу) целый штат должностей. Особо сильными были позиции зороастризма в Лянчжоу на северо-западе Китая. Судя по тому, что танские власти не запрещали китайскому населению Лянчжоу поклоняться «варварским духам Неба», религия Заратуштры не была в северо-западном Китае достоянием только иранцев⁶⁸⁵. Как свидетельствуют данные археологии, зороастризм и позднее исповедовали персы, служившие в Китае, а в Кайфыне еще в XII в. имелся зороастрийский храм, существовавший там с танского времени⁶⁸⁶.

По торговым дорогам, через Центральную Азию в Китай приходят манихейство⁶⁸⁷, несторианство⁶⁸⁸ и многие другие религиозные направления⁶⁸⁹.

Представители иранских народов были в Китае первыми миссионерами христианства. В VI в. с запада в Китай пришло христианство несторианского толка, известное в танскую эпоху под именем «цзинцзяо» – «Сиятельное учение». В 745 г. несторианские церкви из «Персидских храмов» были переименованы в «храмы страны Да-Цинь»,

---

⁶⁸⁵ *Мейтарчиян М.Б.* Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Ин-т Востоковедения РАН; Летний сад. 2001.

⁶⁸⁶ *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая ... С. 179.

⁶⁸⁷ *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Манихейство в Восточном Туркестане в эпоху раннего средневековья (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Сибирь на перекрестке мировых религий: Матер. межрегион. научн. практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 120–124.

⁶⁸⁸ *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Филология и история. Л.: Наука, 1978. С. 76–85.

⁶⁸⁹ *Eichhorn W.* Die Religionen Chinas. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1973; *Tang Yi-jie.* Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity, and Chinese Culture // Cultural Heritage and Contemporary Change. Series III: Asia 3. Wash., D.C.: Council for Research in Values and Philosophy, 1991.

причем в эдикте упоминались «храмы в обеих столицах и те, что имеются в областях и округах Поднебесной»⁶⁹⁰.

Большой успех в Китае при Тан имели проповедники манихейской религии, возникшей в III в. в Персии и названной так по имени ее пророка Мани. Манихейство представляло сочетание элементов зороастризма, иудаизма, христианства и буддизма. Спасаясь от репрессий правившей в Персии династии Сасанидов, многие манихеи бежали на восток в Китай. К концу VII в. относятся первые следы их миссионерской деятельности в Чаньани. Поскольку манихейство несло в себе значительный заряд социального протеста, танский двор никогда не проявлял к нему симпатий и даже подвергал гонениям, но после того как манихейство стало государственной религией Уйгурского каганата в Монголии, в это время имевшего определяющее влияние на политику китайских императоров, запреты на него были сняты и манихеи, сотнями прибывающие в Китай, в течение 70 лет до падения в 840 г. Уйгурского каганата, имели свободу проповеди своей веры. Манихейство лучше других пришлых религий смогло приспособиться к условиям Срединной империи.

Для популяризации своего учения манихеи прибегали к заимствованиям из буддизма и даосизма. Из даосизма «сыновья Мани» переняли легенду о «превращении варваров», согласно которой основоположник даосизма Лаоцзы, уйдя на запад, положил начало манихейской вере. Часть манихейской литературы также вошла в даосский канон. В 843 г. после падения Уйгурского каганата китайский император Уцзун приказал разрушить манихейские храмы в Китае и конфисковать их имущество. Манихейские книги подлежали сожжению, а его последователям предписывалось носить китайскую одежду. Однако манихейство, смешавшись с китайскими верованиями, вошло в идеологию и обрядность некоторых народных сект и в таком качестве получило распространение на юго-востоке Китая в эпоху Сун⁶⁹¹.

---

⁶⁹⁰ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века ... С. 183; Кадьрбаев А.Ш. Христиане в Китае в эпоху монгольского владычества (XIII–XIV вв.) // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: Наука, 2011. С. 368–378.

⁶⁹¹ Кадьрбаев А.Ш. «Таджики» Китая ... С. 181; Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда ... С. 40; Chau-Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in

Интересные данные дает исследование контактов Китая с народами Центральной Азии в области музыкальной культуры. В частности, исследования по этой проблеме были проведены Т.С. Вызго⁶⁹², который изучал терракоты Хотана, настенные росписи буддийских монастырей, пещер, надгробные плиты и т.д. Вопросам проникновения музыкальной культуры народов Центральной Азии в Китай посвящены исследования В.С. Мешкерис⁶⁹³. Роль влияния культур народов Восточного Туркестана, в особенности уйгуров, на культуру Китая, исследовала С. Кибирова⁶⁹⁴.

Китайские хроники (Цзиньшу) сообщают, что Чжан Цянь из путешествия по Западным землям привез в столицу духовой инструмент «хэнчуй» (деревянная поперечная флейта) вместе с мелодией, исполняемой на этом инструменте. На тему этой мелодии музыкант II в. до н.э. Ли Янь-нянь создал 28 новых мелодий.

В «Суйшу» говорится, что в период правления под девизом Кайхуан (581–600 гг.) была известна бухарская, кашгарская, самаркандская и тюркская музыка. Было даже создано семь музыкальных управлений, позднее при императоре Ян-ди (605–616 гг.) таких управлений (отделов) стало десять⁶⁹⁵.

---

the Twelfth and Thirteenth Centuries. Entitled *Chu-fan-chi* / tr. and ann. by F. Hirth and W. W. Rockhill. S-Peterburg: Imperial Academy of Science, 1911. P. 17, 31; *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М.: Наука, 1974. С. 397; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века ... С. 43–47, 182–184; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 100–103.

⁶⁹² *Вызго Т.С.* Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980.

⁶⁹³ *Meshkeris V.A.* The Ancient Roots of Music in the Artistic Legacy of Western China (Reliefs of Chang-te-fu and Middle Asian Parallels) // *Studien zur Musicarcheologia II. Orient-Archäologie.* Rahden/Westf, 2000. S. 97–103.

⁶⁹⁴ *Кибирова С.* Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров // *Mongolica-III.* Из архивов отечественных монголоведов XIX–начала XX в. СПб., 1994. С. 80–85.

⁶⁹⁵ *Рифтин Б.* Из истории культурных связей Средней Азии и Китая // *Проблемы востоковедения.* М., 1960. № 5. С. 121.

Именно центральноазиатское происхождение имеет проявление семи модусов⁶⁹⁶ в китайской музыке. Оно связывается с приездом в Китай тюркской принцессы в 568 г. В свите этой принцессы был музыкант, игравший на «варварском» инструменте – лютне (туркестанском барбате⁶⁹⁷).

Во второй половине VI в., в Китае времени династии Суй, встал вопрос о том, какой должна быть официальная музыка. В «Суйшу» сообщается, что главный придворный магистр императорского двора предложил использовать западную музыку. Западная система музыкального исполнения использовалась в Китае в период от династии Суй до Северной Ляо⁶⁹⁸. В конечном счете, именно сочетание традиций в этом виде искусства стимулировало расцвет музыкальной культуры периода Тан.

Одновременно с влиянием музыкально-тональной центральноазиатской традиции на культуру Китая можно отметить проникновение и адаптацию музыкального инструментария. Основными источниками информации по этому вопросу, помимо сообщений древних авторов, могут стать данные археологических исследований. Также важный материал содержится в иконографии буддийских монастырей IV–XIV вв. К 933 г. относятся записи 25 мелодий для лютни пипа, обнаруженные в Дуньхуане.

Результаты исследований китайской музыкальной культуры свидетельствуют о том, что благодаря тесным взаимоотношениям со времени функционирования Шелкового пути из Центральной Азии на территорию Китая попало довольно большое количество музыкальных инструментов: хуньбус⁶⁹⁹, дутор⁷⁰⁰, эрху⁷⁰¹, флейта ди⁷⁰², сона⁷⁰³, гуань⁷⁰⁴, сяо⁷⁰⁵, пойсяо⁷⁰⁶, логу⁷⁰⁷, кунхоу⁷⁰⁸.

---

⁶⁹⁶ Семь песенных ладов, которые во времена правления Сасанидского царя Хосова получили название «шахских песнопений» – ритуальных песнопений эпико-героического характера. При исполнении этих песен использовались музыкальные инструменты на семиструнной основе. Китайская музыка строилась на пентатонической основе (пять ступеней)

⁶⁹⁷ Farmer H.G. Studies in oriental musical Instruments. Ser. 2. Glasgow, 1939. P. 4.

⁶⁹⁸ Рифтин Б. Из истории культурных связей ... С. 121.

⁶⁹⁹ Его называют еще хобус, хубос, даньбур. Это ирано-арабский инструмент «танбур», который через Центральную Азию был завезен в Синьцзян. Сейчас этот инструмент распространен среди уйгуров этого района.

Кунхоу – многострунный инструмент типа арфы⁷⁰⁹, представленный в росписях из Дунхуана эпохи Тан. Однако исследователи считают, что этот инструмент был привезен в Китай в эпоху Вэй и распространен в Китае с VI в.⁷¹⁰ В Центральной Азии этот инструмент известен еще с рубежа н.э. Например, терракоты из Афрахсиаба, среди которых часто встречаются музыканты-арфисты, датируются II в. до н.э. – I в. н.э.⁷¹¹ А ко II в. н.э. относится изображение арфистки на Айртамском фризе. Фактически центральноазиатская арфа явилась результатом трансформации переднеазиатского инструмента. И именно в таком виде она изображена в музыкальных сюжетах на двух китайских

---

⁷⁰⁰ Двухструнный народный музыкальный инструмент, попал в Китай через Синьцзян из Центральной Азии.

⁷⁰¹ В период династий Тан–Цин известен как ячжэн. Струнный смычковый инструмент, распространенный в IX–X вв. у уйгуров (кабуз). В Китай он проник как народный инструмент. См.: *Бахман В.* Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов // *Музыка народов Азии и Африки.* М., 1973. Вып. 2. С. 356–357.

⁷⁰² Поперечная флейта, родственная узбекскому наю, но гораздо длиннее. Флейта «ди» была привезена в г. Чанъянь Чжан-Цяном после экспедиции в «Западный край». Аналогичный инструмент изображен на терракотах Афрахсиаба.

⁷⁰³ Дудка с тростью.

⁷⁰⁴ Также дудка, но с двойной тростью. Гуань изначально изготовлялся в Гуйцзы (пров. Синьцзян), но в VI в. (династия Суй) он уже стал считаться традиционным китайским инструментом и использовался в придворном оркестре.

⁷⁰⁵ Продольная флейта.

⁷⁰⁶ Многоствольная флейта.

⁷⁰⁷ Барабан в виде песочных часов, известный по согдийским и хорезмийским изображениям I–IV вв.

⁷⁰⁸ Тип угловой арфы.

⁷⁰⁹ Долгое время родиной арфы считался Египет (3 – сер. 2 тыс. до н.э.). Однако в результате археологических исследований в Передней Азии (Месопотамия) в гробнице царицы Шумера была найдена арфа, датируемая 3 тыс. до н.э.

⁷¹⁰ *Picken L.* The Music of Far Eastern Asia. China // *The New Oxford History of Music.* Vol. 1: Ancient and Oriental Music / ed. by E. Wellesz. L., 1957. P. 92.

⁷¹¹ *Вьзго Т.С.* Музыкальные инструменты ... С. 20.

погребальных памятниках VI в. в Чан-те-Фу (провинция Хэнань)⁷¹². Судя по письменным источникам, кунхоу был инструментом китайского придворного оркестра⁷¹³.

В процессе распространения лютневого исполнительства и проникновения лютни в культуру Китая именно центральноазиатская традиция сыграла важную, возможно, даже решающую роль. Этот вид струнного щипкового инструмента, зафиксированный афрасиабскими и мервскими терракотами, послужил прототипом средневекового арабского уда, а затем и европейский лютни⁷¹⁴. Двигаясь на восток, согдийская лютня трансформировалась в китайскую⁷¹⁵. Два слога «пи» и «па» имитируют звучание щипкового инструмента. В таком виде она попала в Китай, по одним источникам, в эпоху династии Цинь (III в. до н.э.)⁷¹⁶, по другим, в IV–VI вв. во времена Северных и Южных династий. Ко времени династии Тан этот вид лютни приобрел особые черты и получил новое название «цзюйсянпипа». И уже на основе этого видоизмененного щипкового инструмента китайские мастера стали создавать свои инструменты – «хуяэй» и «цзиньгантуй». Инструменты, изображенные на стенах храмов Дуньхуана, большей частью представляют уже китайский видоизмененный тип лютни. Игра на лютне позволила использовать новые исполнительские техники.

Развитие пипы в Китае, дополнительная разбивка тонов и другие усовершенствования позволили исполнять на ней не только музыку, привезенную центральноазиатскими музыкантами, но и традиционную китайскую. Вплоть до настоящего времени пипа является одним из популярных инструментов китайских музыкантов.

Фактически можно говорить об ирано-среднеазиатском генезисе некоторых музыкальных инструментов Китая.

---

⁷¹² Мешкерис В.А. Струнный инструментарий и традиции Средней и Центральной Азии в музыкальном наследии Китая // Гусли. Альманах для концертных исполнителей и педагогов. Вып. IV. Псков, 2003. С. 9.

⁷¹³ Рифтин Б. Из истории культурных связей ... С. 121–126

⁷¹⁴ Музыкальный щипковый инструмент – лютня с короткой шейкой, в Центральной Азии (в Согде) был известен как барбат.

⁷¹⁵ Вызго Т.С. Музыкальные инструменты ... С. 48.

⁷¹⁶ Другие исследователи этого вопроса датируют проникновение лютни в Китай не ранее V в. и связывают это с возникновением согдийских колоний в Восточном Туркестане. См.: Picken L. The Origin of the short Lute // The Galpin Society Journal. Vol. VIII. 1955. P. 32–42.

Таким образом, музыкальная культура Центральной Азии, начиная с эпохи Хань, оказала влияние на развитие традиционных искусств Китая. Это особенно проявилось в период Суй–Тан. Сами китайские императоры зачатую умели играть на инструментах из Центральной Азии или писали музыку в этом стиле. Например, в конце VI в. при императорском дворе было 4 оркестра кучанской музыки. В этот период существовала строгая дифференциация музыки: суюэ (простонародная) и яюэ (светская). Именно в музыку яюэ, которая стала официально придворной, были привнесены элементы западной музыки⁷¹⁷.

Глава 3. Особенности отношений Китая с кочевыми народами на северной периферии Империи

Политика Китая в отношении окружающих его кочевых народов, прежде всего Центральной Азии, значительно различалась в разные исторические эпохи, хотя стратегия всегда была одна – максимально расширить сферу влияния на окружающие территории и в то же время обезопасить население своего государства от внешней агрессии⁷¹⁸.

На начальном этапе Китай решал эту задачу, стремясь отдалить кочевников от своих границ и максимально отгородиться от их проникновения. С этой целью при династии Цинь была построена Вели-

---

⁷¹⁷ *Liu Mau-Tsai*. Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jh. v. bis zum 6. Jh. n. Chr. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. S. 102, 202.

⁷¹⁸ Перемещения отдельных групп кочевников, приведшие к появлению их на землях, населенных китайцами, не всегда носили характер военного вторжения. Наиболее развитые из кочевых народов севера Восточной Азии (в частности сюнну) уже в последние века до нашей эры устанавливали с древним Китаем постоянные контакты, благодаря которым у них появилась возможность получать такие продукты земледельческого производства и ремесла, как зерно, вино, ткани, лаковые изделия и пр. Некоторые другие группы кочевников (например, сяньби) начали испытывать острую потребность в такого рода контактах несколькими веками позднее. С середины I в. н.э. отдельные группы сяньби стали перемещаться в район округов Юйян и Шангу, где совершали нападения на древнекитайское население. Однако после создания в г. Нинчэне специального места для «сезонных торгов» более 40 лет военных столкновений между сяньби и Хань не отмечалось.

кая стена, а при династии Хань создана укрепленная линия. Однако защита границ с использованием оборонительных сооружений требовала больших материальных затрат и не приносила желаемых результатов.

Тогда политика в отношении кочевников была пересмотрена. В правление ханьского императора У-ди была использована новая тактика борьбы с кочевниками. В 119 г. до н.э. военачальник Хо Цюйбин (140–117 гг. до н.э.) переселил к укрепленной линии в пяти округах – Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляодун и Ляоси – часть кочевого народа ухуаней⁷¹⁹, которые традиционно находились во враждебных отношениях с сюнну⁷²⁰. Их задачей было следить за передвижениями кочевых народов на приграничных территориях. Переселение ухуаней было произведено не на китайские земли, а к укрепленной линии, поэтому это переселение еще нельзя рассматривать как появление кочевников на территории Китая.

В период правления ханьского императора Сюань-ди (74–49 гг. до н.э.) началось переселение кочевников непосредственно в Китай. В 51 г. до н.э. шаньюй⁷²¹ сюнну признал себя слугой китайского импера-

---

⁷¹⁹ Ухуани были образованы из остатков племени дунху, разгромленного шаньюем Модэ на территории юга Монголии, в IV в. они были завоеваны сяньбийцами.

⁷²⁰ В эпоху шаньюя Моде (Маодуня), который на востоке разбил дунху, на севере покорил динлинов и предков современных киргизов, а на западе прогнал юэчжей, границей сюннуских земель на западе стал современный Синьцзян, на востоке – р. Ляохэ, на юге – империя Хань, пограничная линия с которой проходила по Великой стене. На севере владения сюнну достигали Байкала.

⁷²¹ Шаньюй – титул верховных правителей сюнну – появился в Китае не позднее периода Чжаньго (403–221 гг. до н.э.). После распада сюннуского государства этот титул употреблялся ухуанями, сяньбийцами и др. Как верховный правитель шаньюй представлял сюнну в отношениях с другими государствами и народами. Эта функция шаньюя особенно ярко проявилась в отношениях с империей Хань. Ханьские императоры вели переговоры, заключали договоры, обменивались дипломатическими письмами и т.д. не с отдельными знатными лицами, а только с шаньюем. Он выполнял также обязанности верховного военачальника. Совершая нападения на соседние страны, шаньюи одновременно принимали меры по охране своей территории. По-видимому, они были также и верховными судьями. См.: *Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии.* Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 67. В 402 г.

тора, а в ответ династия Хань выделила для сюнну северную часть области Бинчжоу (северные районы современных провинций Шаньси и Шэньси). В итоге более 5 тыс. сюннских юрт явились во входившие в эту область округа, в том числе округ Шофан (на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия), и стали смешанно жить с ханьцами⁷²².

Следующее крупное переселение произошло в начале Поздней Хань. Оно связано с тем, что в 48 г. среди сюнну произошел раскол, в результате которого они разделились на северных и южных. Южные сюнну выразили покорность китайскому императору и стали защищать границы Хань от набегов северных сюнну. Численность сюнну, оказавшихся на китайских землях, быстро росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными сюнну, а также за счет перебежчиков⁷²³. В начале правления цзиньского императора У-ди (265–290 гг.) в связи с сильным наводнением более 20 тыс. юрт явилось в Китай, и им было указано жить под уездным городом Иян, лежавшим в 70 ли к юго-западу от современного Лояна в провинции Хэнань. В 308 г. предводитель сюнну Лю Юань объявил себя императором, а его преемник Лю Цун взял через три года столицу империи Цзинь и захватил в плен Сына Неба.

Помимо ухуаней и сюнну на территории Северного Китая проживали и другие кочевые племена: цзе⁷²⁴, сяньбийцы⁷²⁵, дисцы и ця-

---

вождь жожуаней первый официально провозгласил себя каганом, с этого времени верховные правители различных племен Центральной Азии перестают именовать себя шаньюями. Тем не менее термин «шаньюй» не исчез окончательно. Он еще долгое время находил применение в Центральной Азии и Китае, но уже не в качестве официального титула, а просто как почетное звание верховного вождя. Например, правители владений уйгуров в период их зависимости от киданей именовались шаньюями.

⁷²² Материалы по истории кочевых народов ... Вып. 1. С. 151.

⁷²³ Материалы по истории кочевых народов ... Вып. 2. С. 13.

⁷²⁴ Цзе кочевали к юго-востоку от сюнну. См.: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 72. В вопросе о происхождении народа цзе пока нет окончательной ясности. М.В. Крюков, не касаясь этногенеза цзе, отмечает, что они были выходцами с территории Средней Азии, а на Среднекитайской равнине оказались вместе с сюнну. См.: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 72, 256. Более подробно, ссылаясь на Э. Шаванна, рассказы-

ны⁷²⁶. Их появление на китайских землях, так же как и появление сюн-

---

вает о цзе Л.Н. Гумилев, считая, что это племя образовалось при распаде хуннского (сюннского) общества (25–85 гг.). Они нетождественны племенам Запада, которые принадлежали к Вэйби (сяньби). Они не одной расы – среди них имеются танху, и динлины, и цяны (тибетцы), которые живут вместе с ними. См.: *Гумилев Л.Н. Хунны в Китае*. М.: Наука, 1974. С. 28. Однако В.С. Таскин считает ссылку Л.Н. Гумилева на Э. Шаванна ошибочной, поскольку Э. Шаванн говорит не о цзе, а о цзы, или цзылу, о которых имеются сведения в источниках. Сделав перевод и проведя анализ сведений, содержащихся в источниках, В.С. Таскин пришел к выводу, что по многочисленным прямым и косвенным свидетельствам цзе составляли одно из сюннских кочевий и выделились из кочевья цянцзюй. Этноним цянцзюй связан с именем Цянцзюя, шаньюя южных сюнну, занимавшего этот пост с 179 по 188 г. Следовательно, этноним цзе связан с названием местности Цзеши (современный уезд Юйшэ в пров. Шаньси), и, таким образом, цзе – это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья. См.: *Материалы по истории кочевых народов ... Вып. 2. ... С. 5–7.*

⁷²⁵ Сяньби занимали территорию от Цинхая на западе до р. Ляохэ на востоке.

⁷²⁶ Дисцы и цяны кочевали в западных областях Китая, на территории Шаньси, Ганьсу, Цинхая. В конце III в. до н.э. цянские племена были западными соседями Циньского государства. Граница между территорией государства Цинь и цянами проходила в районе городов Линтао и Цанчжун (провинция Ганьсу). См.: *Chavannes E. Les mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien / Traduits et annotés par E. Chavannes. Vol. II. P., 1895. P. 135–137.* При династии Хань западные цяны заселяли местности к югу от гор Цзянь по берегам верхнего течения реки Хуанхэ и ее притоков и степи по берегам озера Кукунор. В конце 1 тыс. до н.э. западные цяны находились на ступени разложения первобытнообщинного строя. Это связано с тем, что в это время у них происходит переход к кочевому скотоводству. По легенде, приводимой в китайских источниках, скотоводству и земледелию цянов научил их легендарный родоначальник Угэюань (По сообщениям Хоу Хань шу, Угэюаньцзянь был рабом в Китае, бежал из плена и встретил в пути женщину с отрезанным носом. Стыдясь своего уродства, женщина распускала волосы и покрывала ими лицо. Угэюаньцзянь женился на этой женщине, и от нее у цянов появился обычай носить волосы распущенными). См.: *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений ... Ч. 1. С. 14–15.* Позднее этот обычай был характерен для многих тибетских племен и упоминается различными источниками. Слово «угэ» в имени Угэюаньцзяня значило раб. См.: *Thomas F.W. An ancient language of the Sino-Tibetan borderland. L., Oxford Univ. Press. 1948. P. 40.*

ну, было связано, во-первых, с политикой переселения, проводимой китайским двором с целью использования изъязвивших покорность кочевников в борьбе с внешними врагами, а во-вторых, с вооруженными вторжениями, которые совершали кочевые соседи Китая в периоды его ослабления. Непосредственной причиной, положившей начало периоду правления на территории Китая почти двух десятков государственных образований кочевников, явилась борьба за власть, происходившая при дворе династии Цзинь.

Цзе появляются на исторической арене Китая в период с 304 по 439 г. На территории Китая они основали царство Поздняя Чжао (319–351 гг.).

Сяньбийцы, относившиеся к монголоязычной группе народов, делились на племена, из которых наиболее сильными были племена мужун (мююн)⁷²⁷ и тоба (табгачи)⁷²⁸. Племя тоба создало династию Северная Вэй (386–556 гг.), которая в дальнейшем сумела объединить под своей властью весь Северный Китай.

Дисцы явились создателями династий Ранняя Цинь (351–394 гг.) и Поздняя Лян (385–403 гг.).

Цяны создали династию Поздняя Цинь (384–417 гг.).

Таким образом, в Восточной Азии начиная с III в. часть сюнну, цзе, сяньби, ди, цяны и другие ближайшие соседи древних китайцев начали постепенно перемещаться на Среднекитайскую равнину. Под давлением кочевников в 316 г. китайская власть здесь на долгий период перестала существовать. Дальнейшие полтора столетия для Северного Китая были периодом постоянной смены кочевых племен, приходивших с северных и западных территорий. Основываясь на

Так как уже в иньское время цяны славились своими лошадьми, а материалы из могильника Сыва показывают, что цяны занимались овцеводством в начале 1 тыс. до н.э., вероятно, в данном случае речь должна идти не о переходе к скотоводству вообще, а о переходе к кочевому скотоводству. На рубеже нашей эры цяны уже были знакомы с поливным земледелием, которое процветало в районе г. Синин.

К концу 1 тыс. до н.э. цянские племена проникли далеко на запад. На рубеже нашей эры в Цайламе и юго-восточной части современной провинции Синьцзян существовал ряд самостоятельных цянских владений.

⁷²⁷ Мужун создали четыре династии: Ранняя Янь (337–370 гг.), Поздняя Янь (384–409 гг.), Западная Янь (386–394 гг.) и Южная Янь (398–410 гг.).

⁷²⁸ Изначально тоба кочевали в степях Внутренней Монголии.

данных письменных источников, В.С. Таскин произвел примерный подсчет количества кочевого и оседлого населения, проживающего одновременно на территории Северного Китая в IV в. Общая численность кочевников составляла 200 тыс. юрт, или 1 400 000 человек. Численность оседлого населения, представленного китайцами по приблизительным подсчетам составляла 1 450 000 человек, т.е. примерно равнялось кочевому населению⁷²⁹.

Особенность этого периода состоит в том, что прежде враждовавшие с Китаем племена (которые раньше жили за пределами собственно китайских земель и только время от времени совершали набеги, а затем снова уходили в родные степи) обитали уже не за пределами Китая, а на китайских землях и получили возможность выступить против Китая в наиболее благоприятное для них время.

В отличие от ситуации, которая была характерна для древнекитайского этноса в эпохи Цинь-Хань, когда, несмотря на тенденцию к совмещению этнических и политических границ, вторые в течение длительного периода времени были шире первых, в III–VI вв. соотношение этнических и политических общностей оказывается прямо противоположным. На Севере, где начиная с IV в. господствовали «варвары», исконное древнекитайское население в основном занимало подчиненное положение. На Юге, напротив, древние китайцы в политическом смысле главенствовали над местным населением, оказавшимся в роли этнического субстрата. Несовпадение этнических и политических границ становится в этот период важным фактором этнических процессов.

Эти события повлекли за собой начало массового переселения китайцев на юг, в бассейн Янцзы. В движение пришли и «южные варвары». Миграции различных этнических групп коренным образом изменили облик населения на огромных территориях Восточной Азии. Для этого времени характерно взаимовлияние принципиально различных укладов жизни кочевой и земледельческой цивилизаций.

В пестрых по этническому составу государствах, которые сложились на территории Китая в IV в., естественно, существовали разные нравы, обычаи и верования. В духовной сфере это проявилось в распространении большого числа суеверий, связанных со всеми сторонами жизни. В сфере материальной жизни это выразилось в распро-

---

⁷²⁹ Материалы по истории кочевых народов ... Вып. 2. С. 14–15.

странении занятий, близких по духу кочевникам. Во-первых, охоты, служившей не только развлечением и способом добывания пищи, но и практикой воинов в ведении военных действий. Оседлое население, т.е. китайцы, этот вид деятельности не поддерживало, поскольку он лишал его плодородных земель, занятых под посевы, и наносил ущерб сельскохозяйственному производству, так как для облавных охот отводилась огромная территория⁷³⁰.

В первые годы кочевых династий в Китае широко был распространен традиционный для них обычай левирата. Однако он был довольно быстро запрещен, скорее всего, в связи с недовольством китайского оседлого населения⁷³¹.

Важным примером этнокультурных взаимодействий этого периода можно считать изменения в похоронном обряде. Кочевники хоронили своих покойников так, чтобы место погребения оставалось неизвестным, но с очень богатым сопровождающим инвентарем. Эта традиция, по-видимому, связана как с желанием предохранить могилу от разграбления, так и со страхом перед душой умершего, с которым живые стремились порвать все связи. Китайцы, наоборот, очень бережно и аккуратно относились к могилам предков, соблюдали траур после похорон, который сопровождался многочисленными бытовыми запретами вплоть до необходимости на время траура оставлять службу. Периодически обязательным считалось проводить поминки, сопровождающиеся жертвоприношениями. Однако в предсмертном указе Ши Лэ (274–333 гг.)⁷³² предписывалось: «Похороните меня на третий день после смерти, пусть чиновники, как при дворе, так и вне его снимут траурные одежды по окончании похорон; не запрещайте свадеб, жертвоприношений, вкушение вина и мяса; военачальники с карательными функциями, пастыри областей и правители округов не должны покидать места службы, чтобы принять участие в похоронах; меня положите в гроб в обычной одежде, тело поставьте на обычную колесницу, в могилу не кладите золота и драгоценностей, различные

---

⁷³⁰ Материалы по истории кочевых народов ... Вып. 2. С. 22.

⁷³¹ Ши Лэ (второе имя Ши-Лун) – один из основателей Позднего Чжоу (319–352 гг.), запретил обычай жениться на женах умерших братьев.

⁷³² Основатель Поздней Чжао (319–351 гг.).

изделия и безделушки»⁷³³. Указ этот можно рассматривать как направленный против похоронных обрядов кочевников и китайцев.

Раскопки погребений, относящихся к разным этапам продвижения сяньбийцев в Китай, дают нам возможность проследить трансформацию образа жизни кочевых племен под влиянием земледельческого окружения.

Специфика раннесяньбийских захоронений в районе Чжалайнора отражает этап истории народа, когда он вел традиционный кочевой образ жизни. Для погребений раннего периода сяньбийцев характерно сопровождение умершего важными для жизни кочевника атрибутами: сопогребение коней, а также отделенными от туловища конскими, коровьими, собачьими головами, большим числом костяных наконечников стрел и накладок на лук, берестяной посуды, типично кочевническими бронзовыми котлами. Все это говорит о том, что в I в. н.э. сяньбийцы еще не подверглись значительному влиянию со стороны древних китайцев. Однако в захоронениях сяньбийцев этого времени уже найдены ханьские бронзовые зеркала⁷³⁴.

Следующий этап ранней истории сяньбийских племен нашел отражение в археологических памятниках в районе Линьдуна, где найдены не только захоронения, но и жилища. Культурный облик этих памятников во многом схож с чжалайнорскими⁷³⁵. Но наряду с этим встречаются такие предметы, как железные орудия и костяные пряслица, свидетельствующие о развитии ткачества. Различия в количестве и качестве инвентаря погребений свидетельствуют об усиливающемся имущественном расслоении сяньбийского общества во II в.

Восточная ветвь сяньбийцев – муюны также вступили в непосредственный контакт с древними китайцами. Муюнские погребения III–IV вв., раскопанные близ Бэйпяо (Ляонин), позволяют судить о культуре этой части сяньбийцев после их переселения в долину Далинхэ. Здесь мы уже не видим сколько-нибудь отчетливых следов кочевого быта. Оседлый образ жизни, свидетельством которого является, в частности, обильная керамика, изготовленная на гончарном

---

⁷³³ Цит. по: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 207.

⁷³⁴ Там же. С. 90.

⁷³⁵ Ориентировка могил на северо-запад, сопогребенные конских, коровьих и собачьих голов.

круге, заметное имущественное расслоение, распространение некоторых предметов древнекитайской материальной культуры – все это говорит о трансформации социальной и этнической специфики муюнского общества.

Воспринимая отдельные черты древнекитайской культуры, муюны распространяли свои знания и навыки на окружающее китайское население. В Бэйпяо были обнаружены погребения младшего брата северояньского правителя Фэн Су-фу и его супруги. Могильные ямы выложены отесанными каменными плитами, что совершенно не характерно для китайских погребений того времени. Один из основных мотивов фресок, украшающих стены саркофага – изображение собак, а в погребение жены Фэн Су-фу было положено два щенка⁷³⁶. Среди других предметов, найденных в захоронениях, помимо традиционных древнекитайских лаковых изделий и бронзовых печатей, найдены и сяньбийские вещи – котел «кочевнического» типа, украшения, оружие из кованого железа.

Аналогичные процессы происходили в IV в. и на территории расселения другой ветви сяньбийцев – табгачей. Археологические данные позволяют установить, что первоначальный облик культуры табгачей значительно трансформировался под воздействием, с одной стороны, древних китайцев, с другой – сюнну. В погребениях III в. близ Цзинина на границе между Внутренней Монголией и провинцией Шаньси обнаружены многочисленные китайские вещи (зеркала, монеты, керамика), а также ажурные бронзовые бляхи сюннуского типа⁷³⁷.

В III в., когда на территории Китая начал распространяться буддизм, в традицию местного населения был привнесен обычай сжигать трупы умерших. Распространению буддизма на этой территории способствовало то, что для кочевников он был связан с магией, близкой их шаманистским верованиям.

Проблема этнокультурных контактов с некитайскими народами на территории самого Китая в период раннего средневековья выявляет

---

⁷³⁶ У ухуань и сяньби было представление о том, что собаки сопровождают усопшего в место его окончательного успокоения на горе Чишань. См.: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 91.

⁷³⁷ Там же.

важную особенность китайской цивилизации, заключающуюся в том, что все привнесенные элементы постепенно адаптируются, китаизируются и становятся элементами самой китайской культуры. С другой стороны, правление сяньбийцев, как и других степных народов, вторгавшихся на север Китая, оказало существенное воздействие на формирование единого китайского этноса в период раннего средневековья.

При этом, поскольку основные пути и методы урегулирования межэтнических отношений в рамках единой государственной общности не претерпели за прошедшие со времен Северного Вэй полтора тысячелетия особых изменений, историческое познание сущности и закономерностей этнических процессов и явлений, диалектики взаимодействия этнических и политических общностей, соотношения традиционного и современного в вопросах этнической политики вплоть до нашего времени остается не просто академической проблемой, но и важнейшей политической задачей.

Несмотря на этническую мозаичность, большинство населения Срединной равнины было представлено древними китайцами, а наиболее многочисленной группой «варваров» были сяньби⁷³⁸. Из 19 государств, возникших в IV – начале V в., 8 были сяньбийскими. Поэтому для данного периода наиболее важны особенности государственной политики в отношении различных этносов, входивших в состав империи и составлявших наиболее крупные этнические группы: китайцев и сяньби, а также прочих меньшинств некитайского происхождения. Этническая политика в отношении этих групп определялась их локальностью и доступом к власти, а также положением, сложившимся в этносоциальной иерархии. Особенностью этнополитической ситуации этого периода становится соперничество за власть между различными по своему происхождению, языку и традициям этническими группами. В целом возникновение тоба-сяньбийской династии Северное Вэй, объединившей к середине V в. весь Север и политически господствовавшей там более столетия, оказало определяющее воздействие на ха-

---

⁷³⁸ В 386 г. произошло объединение сяньбийских племен под властью верховного вождя из рода Тоба (Тобар), которого китайская историография называет Тоба Гуй.

ракет этнических процессов этого периода⁷³⁹. Сяньбийцы, а позднее другие северные народы, проникшие на Срединную равнину, не избежали общих закономерностей развития и также со временем вступили на путь синизации. Как внешние условия, так и собственное экономическое и общественно-политическое развитие сяньбийцев делали синизацию необходимым условием сохранения их господства в Северном Вэй.

Возникновение северовэйского государства, существовавшего в эпоху Южных и Северных династий в Китае (386–534 гг.), создало благоприятные возможности для развития всех вошедших в него племен и народов. Политическое объединение Севера Китая способствовало интенсификации межэтнического взаимодействия, в ходе которого каждый из многочисленных этнических компонентов северовэйской империи претерпевал существенные этнокультурные изменения.

Специфика этнических процессов этого периода определялась взаимодействием множества факторов, среди которых наиболее важную роль играли чрезвычайная разнородность этнического состава населения, иноземное происхождение правителей империи, относительная малочисленность, социально-экономическая и культурная отсталость тоба-сяньбийцев. Все эти особенности предопределили важнейшую роль этнического фактора в государственном управлении северовэйской империей.

---

⁷³⁹ Одно из первых упоминаний об истории Северной Вэй принадлежит К.А. Харнскому, обратившему внимание на сложный характер и неоднозначные последствия этнокультурной ассимиляции тобийцев. См.: *Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней*. Хабаровск; Владивосток: типография акционерного общества «Книжное дело», 1927. С. 116–117, 167–169. Наиболее полно изучаемая тема представлена в исследованиях историков КНР, проводившихся на протяжении последних четырех десятилетий. Эти исследования особенно активизировались в 1980-х годах, в течение которых в КНР были изданы десятки специальных и общих научных работ, осуществлено переиздание в систематизированном виде многих сохранившихся письменных источников, впервые введен в научный оборот целый ряд ценных эпиграфических и археологических источников, проливающих новый свет на исследуемую тему. Подробный анализ китайской историографии см.: *Головачев В.Ц. Этнические процессы и этническая политика в государстве Северное Вэй (IV–VI вв. н.э.)*. Дис. ...к.и.н. М.: ИСАА, 1992.

Интересы управления империей требовали преодоления конфессиональной розни, поэтому место единой государственной религии должна была занять либо одна из традиционных религий, в наибольшей степени сочетавшая в себе элементы, близкие религиозным верованиям всех взаимодействующих этносов, либо новая, заимствованная извне и не связанная с каким-либо одним из них. В Северной Вэй такую роль стали играть буддизм и даосизм. Сначала особенно успешно распространялся буддизм. Буддийские монахи при дворе были подчинены императору. Они даже признали его как одно из перевоплощений Будды. Это, во-первых, поднимало престиж власти среди китайского населения, для которого традиционно император должен быть «сыном Неба». Во-вторых, давало возможность легитимизации шаманских обрядов кочевников в буддийской интерпретации. Одновременно происходит борьба за официальный статус между буддизмом, с одной стороны, и конфуцианством и даосизмом, с другой. По мере усиления китайского влияния в государственном управлении более прочную позицию стал занимать даосизм, который в 444 г. был официально признан основной религией империи. Поскольку буддизм считался религией «варваров», то факт, что он не признан государственной религией, был важен и конфуцианцам⁷⁴⁰. Более того, с 446 г. начинаются гонения на буддистов. Фактически антибуддийские настроения были не просто борьбой буддистов и даосов, но явились отражением процесса синизации некитайского населения, когда на первый план выдвигаются китайские верования – даосизм и конфуцианство. Религиозная ситуация отразила политические реалии общества, меняющееся соотношение сил между тобийцами и китайцами, в результате которого сяньбийская знать оказывалась перед угрозой утраты политического приоритета в империи.

В ходе выработки оптимальных путей и средств осуществления этнической политики тобийцы использовали опыт правителей «шестнадцати царств пяти ху», существовавших на территории Срединной равнины в III в. н.э., а также традиции взаимоотношений Китая с «варварами», сложившиеся еще во времена ханьской династии.

Исходя из этого, внутреннюю политику Северного Вэй мы можем разделить на два этапа.

---

⁷⁴⁰ *Ch'en K.S. Buddhism in China. A Historical Survey.* Princeton: Princeton University Press, 1964. P. 148.

Первый этап связан с решением задач ограничения сопротивления со стороны завоеванных народов, их организации под единым управлением и выравнивания уровня общественно-экономического развития. Для решения этих задач тобийцы начинают политику насильственного переселения иноэтнического населения в новые для них районы обитания. Политика переселения имела неоднозначные последствия. С одной стороны, это способствовало быстрому и успешному развитию районов, куда было переселено ремесленное и земледельческое население. С другой стороны, переселение на новые территории и смена образа жизни приводили к утрате традиционных форм жизни и приспособлению к новым условиям.

Одним из крупнейших мероприятий в рамках этих преобразований стала ликвидация при императоре Тоба Гуе традиционной системы племен. Согласно записи в «Вэй шу», в начале (эры правления Дэн-го 386 г.) Тай цзу (император Тоба Гуй. – *Е.Б.*) распустил все племена и впервые всех без различий обратил в податные дворы. Отмена племенной общественной структуры сопровождалась переводом бывших кочевых племен к оседлому проживанию с запретом на переселение. Порядок сезонных кочеваний хотя и сохранился, но был ограничен, а традиционное деление по племенам и родам сменилось территориальным. Новое административно-территориальное устройство заключалось в разделении всего кочевого населения на восемь аймаков с установлением должностей их глав. Главы аймаков назначались государством и уже не были связаны с системой племен. Племенная знать была в большинстве своем настроена против этих мероприятий⁷⁴¹, и чтобы лишить ее влияния и привилегий, императорской власти пришлось ввести ряд мер. Во-первых, ограничить влияние племенных обычаев. Во-вторых, изолировать племенную знать от основного населения⁷⁴². В-третьих, массово привлекать к управлению представителей китайской служилой бюрократии, являвшихся носителями опыта и традиций китайской культуры.

---

⁷⁴¹ Это объяснялось тем, что их власть и привилегии были непосредственно связаны с древними обычаями прежних кочевых племен.

⁷⁴² С этой целью отдельных племенных вождей призывали ко двору в качестве военных командиров, тем самым отдаляя их от своих соплеменников и лишая возможности независимых действий.

В конечном счете превращение населения покоренных областей из племенных в территориальные формирования позволило значительно ограничить влияние племенной знати на местах, приводило к усилению централизованной государственной власти (в лице тобийских правителей северовэйской династии), сделало неизбежным сближение с китайским населением империи и привело к усилению китайского влияния в Северном Вэй.

Усиливавшееся в условиях политического единства взаимодействие сяньбийской и китайской культур, с одной стороны, вело к постепенному их сближению, а с другой, рождало в обеих культурах внутренние противоречия. Поэтому одной из задач этнокультурной политики этого времени было разумное урегулирование противоречий. Во-первых, китайское население составляло большинство в северовэйской империи, во-вторых, эта часть населения была наиболее развитой в экономическом и культурном отношении, в-третьих, именно китайцы являлись носителями опыта имперского правления. Поэтому в конечном итоге тобийцы пришли к пониманию необходимости политического союза с китайцами и привлечению их к сотрудничеству в управлении.

Успех этого сотрудничества был в интересах обеих сторон. Многие китайские чиновники, поступившие на службу тобийской династии, были выходцами со Срединной равнины и сохранили прежние родственные связи. Для этой прослойки китайцев было удобно, чтобы регион управлялся единой властью, а не принадлежал разным племенам, с каждым из которых пришлось бы отдельно договариваться. Более того, при неблагоприятных взаимоотношениях между отдельными племенами местные китайцы могли быть просто уничтожены, а привилегированное сословие могло быть низведено до уровня простых земледельцев. Поэтому китайцы были заинтересованы в санкционированной передаче местного управления в руки знатных китайских родов, которые бы контролировали всю общественную жизнь на местах. С другой стороны, и сами сяньбийцы также были заинтересованы в привлечении представителей китайского служилого сословия к управлению, поскольку они обладали необходимым опытом. Только они могли договориться с местным китайским населением мирным способом. Таким образом, привлечение на службу было одним из главных способов сотрудничества с покоренными китайцами. Другой причиной, предопределившей принятие китайской культуры, было то, что в новых

условиях (рост территорий и численности подвластного населения) опыт племенного управления не обеспечил эффективного господства тобийцев над более развитым в экономическом и культурном отношении населением. Однако несмотря на заинтересованность тобийцев в китайцах отношения с ними все же складывались сложно, особенно в ранний период существования империи.

Политика северовэйских правителей на этом этапе в отношении каждого из подвластных этносов и методы ее осуществления не могли быть однозначными. Но в целом методы управления в значительной мере зависели от их военной силы, характера культуры и общего стечения обстоятельств. Также сохранявшееся неравноправие социальных слоев внутри отдельных этносов позволило тобийцам использовать в своих политических целях как межэтнические, так и внутреэтнические противоречия.

На втором этапе цели этнической политики, с точки зрения интересов государства, оставались в целом неизменными. Однако пути разрешения этнических противоречий с целью усиления государственной власти тобийской династии были выбраны теперь уже другие. Иначе говоря, северовэйские правители были вынуждены отказаться от урегулирования противоречий насильственными методами. Особенностью этнической политики позднего этапа стало их стремление к устранению этнических противоречий путем сознательной аккультурации тобийцев и других этносов на основе традиционной китайской культуры. Причиной и одновременно результатом этих преобразований был переход от насильственного военного характера управления к преимущественному использованию экономических методов управления населением Срединной равнины.

Введение китайской системы чиновничьих должностей в округах и уездах способствовало стабилизации экономического положения китайских чиновников и постепенному отстранению тобийской знати от государственного управления. Фактически к концу V в. тобийцы встали перед выбором: постепенная ассимиляция с китайцами или превращение в дискриминируемое население в качестве этнического меньшинства. Процесс синизации общества в Северном Вэй привел к постепенной утрате традиционных сяньбийских особенностей и расширению роли элементов китайской культуры в масштабах всего северовэйского государства. Решающим событием, которое обозначило новый этап тобийско-китайских взаимоотношений, стал перенос северо-

вэйской столицы в Лоян в 494 г. Изменение географической, языковой и социальной среды обитания способствовало разрушению этнокультурной замкнутости тобийцев. Последовавший вслед за переездом в Лоян переход к использованию китайского языка, одежд, имен, в сочетании с прекращением связей с родственниками на Севере, оказывал трансформирующее воздействие на этническое самосознание и, в конечном счете, ускорил окончательную утрату сяньбийцами своей этнической индивидуальности. Мероприятия по введению китайской системы чинов и новой иерархии знатности родов и фамилий, нарушению этнической эндогамии и целенаправленные меры по утверждению генеалогического и культурного родства с китайцами стали важными средствами новой фиксации социального и этнического положения сяньбийцев, а также устранения этнических различий в Северном Вэй. Главной особенностью этого решающего этапа межэтнического взаимодействия в Северном Вэй (после 494 г.) стала коренная трансформация и аккультурация тобийцев, сделавшая неизбежной их последующую этническую ассимиляцию в китайской среде.

Достичь политического союза с китайцами правители Северного Вэй пытались уже не путем внешнего замирения противоречий, а за счет принудительного слияния сяньбийской знати с китайскими служилыми родами⁷⁴³. Другим средством этнической политики в тот период стало намеренное поощрение браков между тобийской и китайской знатью. Сяо Вэнь-ди не только сам женился на китайке, но и выбрал своим пятерым младшим братьям жен из китайских знатных родов и фамилий. Приход китайок во внутренние покои сяньбийской знати означал сильнейший удар по исконному образу жизни последней, ос-

---

⁷⁴³ Рассматривая соотношение и взаимодействие этнического и культурного факторов в условиях Северного Вэй, следует отметить, что культурная принадлежность была важнее происхождения по крови. Все китаизировавшиеся рассматривались как китайцы, а варваризировавшиеся – как варвары. Это, на наш взгляд, крайне важно для понимания отношения тобийских правителей к ханьской культуре и ее роли в синизаторской политике. Хотя в поздний период Северного Вэй и поощрялось установление тесных родственных связей между тобийцами и китайцами, можно сказать, что стремление вынудить сяньбийскую знать к вхождению в китайские служилые роды предполагало не столько путь кровного перерождения, сколько их быструю аккультурацию. Политика по установлению тесных брачно-родственных связей была лишь одним из средств этнокультурного сближения представителей двух этносов.

нованному на традиционных вековых семейно-бытовых устоях. Однако посредством одних лишь брачно-родственных связей добиться консолидации сяньбийской знати было невозможно. Поэтому еще одним важным шагом реформ стадо введение новой иерархии знатности северовэйских фамилий и родов. Также одним из факторов этнокультурной трансформации тобийского общества на втором этапе была этноконфессиональная политика. Чтобы поддерживать идеологию китаизации в обществе, северовэйские правители начинают изменять идеологические основы племенного общества, обращаясь к конфуцианству, даосизму и буддизму, заимствовав от каждого из них элементы, наиболее близкие местным религиозным верованиям. Перенимавшиеся у китайцев религиозные обряды нередко переосмысливались, дополнялись традиционными шаманскими культовыми действиями и символикой.

Однако, несмотря на интерес к китайской культуре, тобийские правители вовсе не стремились к полному усвоению идей и учений покоренных ими китайцев, но весьма прагматично выбирали лишь то, что наиболее соответствовало их непосредственным интересам. Именно этим было продиктовано их пристальное внимание не только к конфуцианству, но и к легизму, даосизму, учению об инь-ян и к усвоению китайских нравов, обычаев и привычек. В вопросах, выходивших за пределы управления, позиции тобийских правителей с самого начала были довольно жесткими и охранительными. Дошедшие до нас письменные свидетельства показывают, что табгачская элита стремилась сохранить свои культурные традиции и старалась не поддаваться китайскому влиянию, отношение к которому в этот период было резко отрицательным⁷⁴⁴. Хотя многие табгачи хорошо знали древнекитайский язык, в армии и при дворе в употреблении был только сяньбийский. Признавая необходимость заимствования китайского опыта управления и культуры, Тоба Гуй в то же время выступал против принятия в целом культуры Срединной равнины своими соплеменниками и за сохранение ими первоначального духа традиционной степной культуры. Этот курс на поддержание исконных тобийских обычаев и привычек продолжался вплоть до правления Тоба Тао (423–452). Противоречие между культурно-этнической разобщенностью и тенденциями

---

⁷⁴⁴ Одновременно с этим сяньбийский язык и сяньбийская культура в глазах китайцев, напротив, имеют престижное значение.

к объединению китайцев и тобийцев нашло отражение в этнической политике северовэйских правителей, которые, хотя и привлекали китайских земледельцев, но, в то же время, вступали с ними в противоборство. Ярким проявлением этого соперничества было истребление в 450 г. более двух тысяч представителей китайской служилой аристократии.

Однако, в конечном счете, можно говорить о взаимовлиянии культур кочевников и китайцев, поскольку результатом противостояния сяньбийских традиционалистов и китаизировавшихся реформаторов стало объединение традиций. Это проявилось в том, что по мнению общества того времени, образованный человек должен был разбираться в астрономии, рисовать, уметь играть в шахматы и разговаривать по-сяньбийски. Как в Чжоу, так и в Ци вновь входят в моду отмененные в конце V в. сяньбийские фамилии и имена, причем их начинают принимать и китайцы. В VI в. сяньбийцы вновь начали заплетать косы. Возрождались прежние сяньбийские традиции, связанные с манерой запахивания наплечной одежды и повседневным ношением сапог. Впоследствии сапоги вошли и в китайскую культуру как часть военного костюма.

Таким образом, реформы V в. способствовали повсеместной китаизации сяньбийцев. Естественно, этот процесс затронул прежде всего сяньбийскую знать и жителей столицы. В районах, удаленных от Лояна (прежде всего на севере Шаньси), преобладали настроения, препятствовавшие быстрой утрате сяньбийским населением своей культурной специфики. В. Эберхард выдвинул идею, что именно это культурное противостояние в среде сяньбийцев явилось причиной того, что некитаизированные рядовые общинники отделились от своих вождей и создали новое государство Чжоу на северо-западе, тогда как табгачская знать полностью растворилась в государстве Ци⁷⁴⁵.

В целом же государственную историю Северного Вэй можно считать временем адаптации тобийцев к новым условиям существования в окружении китайской цивилизации. Фактически постепенная китаизация тобийского общества происходит за счет усвоения китайского опыта государственного управления и привлечения к сотрудничеству китайцев. В связи с этим политика, проводившаяся в отношении отдель-

---

⁷⁴⁵ *Eberhard W. Conquers and Rules. Social forces in medieval China. Leiden: E.J. Brill, 1965. P. 85.*

ных этносов, стала своеобразным отражением борьбы синизаторских и антисинизаторских сил, которая все более обострялась по мере развития естественного процесса политической и культурной интеграции взаимодействовавших этносов.

В конечном счете общий процесс синизации в Северном Вэй закончился тем, что не только аппарат управления, но и основная масса населения ассимилировалась с китайцами, а в 581 г. во главе бывшего Северовэйского государства встал китайский полководец Ян Цзянь и восстановленная им империя стала именоваться Суйской.

События III–VI вв. привели к качественным изменениям на этнической карте Восточной Азии. Народы, которые соседствовали с древними китайцами еще на грани нашей эры, ко времени возникновения империи Тан (618 г.) сошли с исторической арены. Почти все они в той или иной степени были ассимилированы китайским этносом – самой многочисленной из всех общностей. Это относится прежде всего к сяньби, одному из пяти кочевых народов, захвативших в IV в. часть Северного Китая.

Почти аналогичной была судьба другого древнего народа Центральной Азии – сюнну. Различие в данном случае состояло лишь в том, что сюннуский этнос оказался разделенным на две части; обе они прекратили свое существование в середине 1 тыс. н.э.: первая – будучи ассимилирована в ходе этнических процессов на территории Северного Китая, другая – растворившись в составе складывавшихся этнических общностей раннего европейского средневековья.

Ситуация третьего типа представлена судьбой этнической общности цяны на Севере. Одна часть этноса прекратила самостоятельное существование, войдя в состав соседей, другая – трансформировалась под воздействием контактов.

На этнические судьбы контактировавших народов значительное воздействие оказывала степень компактности их расселения. Одной из причин, предопределивших последующее исчезновение сюнну как самостоятельного этноса, было их разделение на «южную» и «северную» ветви, а затем и миграция северных сюнну на запад. На ассимиляцию более многочисленным соседом оказались обречены и те группы цянов, которые оторвались от своего основного этнического массива и переместились в район среднего течения Хуанхэ.

Но процесс ассимиляции соседей древними китайцами был одновременно процессом качественной трансформации древнекитайского этноса. Впитав в себя инородные компоненты, восприняв многие первоначально чуждые ей элементы культуры, общность древних китайцев не могла не претерпеть существенных изменений. Китайский этнос начала II тыс. уже значительно отличается от своих прямых предков ханьского периода. Это проявилось прежде всего в материальной культуре.

Все исследователи единодушны во мнении, что седло жесткой конструкции с укрепленными на нем стремянами было изобретением народов востока Евразии. Но вопрос о том, к какому времени относится его появление, до сих пор остается дискуссионным.

Согласно одной точке зрения, металлические стремяна впервые появились у центральноазиатских сюнну на грани нашей эры⁷⁴⁶. С.В. Киселев и Л.Р. Кызласов полагают, что в Центральной Азии и Южной Сибири стремяна распространились не позднее III в. н.э.⁷⁴⁷

Рассматривая проблему генезиса стремян, С.И. Вайнштейн высказал другое предположение. Он обратил внимание на обнаруженные в Чанша погребальные статуэтки начала IV в., среди которых представлены оседланные лошади. В этой связи С.И. Вайнштейн предположил, что данная деталь седла – еще не стремя, но уже его праобраз – «подножка», служившая для подъема на лошадь. Учитывая эту находку, С.И. Вайнштейн считает, что изобретение жесткого седла и стремян следует датировать VI в., связывая их появление с древними тюрками⁷⁴⁸.

Однако А.К. Амброз указал, что в погребениях второй половины IV в. на территории Кореи уже встречаются парные деревянные стремяна, обитые жостью или листовой медью⁷⁴⁹. Археологические находки, сделанные в Китае, подтверждают эту точку зрения. В

---

⁷⁴⁶ Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 307, 308.

⁷⁴⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 517; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 140.

⁷⁴⁸ Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. 1966. № 3. С. 62–74.

⁷⁴⁹ Амброз А.К. Стремяна и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 83.

погребении № 7 первой четверти IV в. в Сяншане близ Нанкина в 1970 г. была обнаружена погребальная статуэтка, изображающая оседланную лошадь со стременами, прикрепленными с обеих сторон седла. Исходя из этого можно предположить, что первоначальное распространение седла такого типа в Северном Китае относится, вероятнее всего, к концу III в.

В Китае III–VI вв. распространение получает нетрадиционная для этого региона манера сидеть, обусловленная использованием так называемых варварских сидений. Упоминания о них встречаются в исторических источниках и позволяют в общих чертах восстановить типичные обстоятельства, при которых люди того времени пользовались «варварскими сидениями». В III–VI вв. «варварские сидения» использовались в походных условиях или в неофициальной обстановке. Они не были частью постоянного интерьера жилища. Другой особенностью «варварского сидения» было то, что на нем мог поместиться только один человек. Принципиальное отличие такого сидения от традиционного китайского топчана заключалось в самой манере сидеть на нем, не поджав ноги под себя, а свесив их вниз. Мы не располагаем непосредственными указаниями на то, как выглядело «варварское сидение» в III–VI вв., и имеем лишь описание, относящееся к XII в.: «Варварское сидение имеет шарнир, благодаря которому его ножки могут переkreщиваться. Оно затянута веревкой, так чтобы на нем было удобно сидеть. Оно мгновенно складывается и весит всего несколько цзиней»⁷⁵⁰. Это описание «варварского сидения» свидетельствует, что оно аналогично складным креслам, которые были широко известны в древнем Риме. Возможно, что «варварские сидения» проникли в Китай из стран Западного края, испытавших влияние культуры эллинизма.

В VI в. «варварские сидения», первоначально употреблявшиеся исключительно вне дома, стали уже использоваться на Севере Китая как элемент интерьера жилища, в том числе и в парадной дворцовой обстановке. Постепенно манера сидеть, свесив ноги, перестанет рассматриваться в Китае как нечто необычное и противоречащее нор-

---

⁷⁵⁰ Цит. по: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 127.

мам приличий. Распространение «варварских сидений» предвосхитило появление в интерьере китайского жилища стульев.

Еще более отчетливо, чем в жилище и связанных с ним бытовых привычках, этнические процессы III–VI вв. отразились на такой важной составной части материальной культуры древних китайцев, как пища. В рацион северян включаются прежде чуждые древним китайцам молочные продукты – простокваша, сыр и масло.

Важнейшим результатом миграций кочевников было распространение двуязычия. Однако правильное усвоение языка нового места обитания оказалось уделом лишь немногочисленной верхушки. Большая часть инокультурных народов могла изучать китайский язык на слух и пользоваться им по собственному разумению в условиях, когда китайское население в местах их проживания зачастую составляло меньшинство. Такая ситуация не могла не привести к возникновению креолизованных вариантов китайского языка.

Область распространения современного северокитайского диалекта охватывает ту же северную часть провинции Хэбэй, а также Шаньси, Шэньси, Нинся, что и область расселения сюнну в эпоху Хань и в III–VI вв. Границы этой лингвистической области датируются началом новой эры, и язык сюнну был тем лингвистическим суперстратом, на основе которого сформировался далекий предшественник современного северного диалекта. Именно в Северном Китае возникло значительное количество нововведений в китайском языке, которые в дальнейшем распространились на юг вместе с китайскими переселенцами.

Начиная с VI в. в Китае прослеживается интенсивное культурное взаимодействие с тюркскими народами. Важным показателем интенсивности контактов и распространения языка тюрков среди китайцев является составление в танскую эпоху тюркско-китайского словаря⁷⁵¹.

В период правления династии Тан (618–907 гг.) был достигнут синтез политических культур, который стал основой стабилизации китай-

---

⁷⁵¹ *Хаславская Л.М.* О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Наука СО, 2000. С. 191.

ского общества. Многие черты управления танской империей сформировались под влиянием политической практики некитайских государств в период 220–581 гг. и были привнесены тюрками⁷⁵². Серьезный шаг в становлении танской империи как цивилизационного китайско-центральноазиатского центра был сделан в 630 г., когда император Тай-цзун в присутствии представителей племенных конфедераций восточных и западных тюрков принял титул Небесного кагана, что фактически ознаменовало установление номинального сюзеренитета китайского императора над тюрками. На территории проживания уйгуров, дансянов, туюхуаней, отнесенных к округу Гуаньнэй, было создано 29 губернаторств и 90 областей. Земли тюрков-туцзюэ, си, мохэ были включены в округ Хэбэй и составили 14 губернаторств и 46 областей. Создание этих территориальных структур давало возможность в дальнейшем расширить территорию своего влияния. Создавая области и губернаторства в приграничных землях, танское государство выполняло функции защиты некитайских племен, живших на этих территориях, не силами регулярных войск, а с помощью племен, изъявивших покорность Китаю. Для китайской стороны такая политика объяснялась необходимостью предотвратить появление в регионе сильных государственных образований и, в то же время, осуществить контроль над Шелковым путем, проходившим через расположенные в бассейне р. Тарим государства-оазисы Центральной Азии.

В 634 г., когда на два племенных союза раскололся Западнотюркский каганат, территории которого распространялись от нынешней провинции Ганьсу до Сасанидского Ирана и от Алтая до Кашмира, китайский император добился его объединения под властью одного из племенных союзов, изъявивших покорность Китаю. В середине VII в. были завоеваны и другие центральноазиатские территории: Гаочан на северо-востоке современного Синьцзяна, Яньци (Карашар) на юго-западе Турфанской низменности, Гуйцы (Куча) на западе. Покорность императору изъявили Кашгар, Хотан и Яркенд. Таким образом, к середине VII в. территория Китая расширилась на севере до рек Селенга и Орхон, а на западе до Тянь-Шаня. Частью империи были также объявлены земли кыргызов.

---

⁷⁵² *Попова И.Ф.* Танский Китай и Центральная Азия // Источники и исследования по истории и культуре Центральной Азии: URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>

В то же время были сделаны неудачные попытки создать свои уезды на территориях других центральноазиатских государств – Чача, Ферганы, Кашгара, Тохаристана, Кашмира и др.

Правда, активных военных действий в результате провозглашения китайского протектората над центральноазиатскими территориями не последовало. Хотя реальной власти Китай над этой территорией не имел, все же контакты развивались достаточно активно.

Наиболее показательным в плане этнокультурных взаимодействий кочевых народов Центральной Азии с населением Китая периода, начавшегося с эпохи Тан (618–907 гг.), может служить проникновение и адаптация предметов материальной культуры: жилищ, конской упряжи, одежды. Причем наиболее показательно даже не само наличие этих предметов в китайских археологических комплексах, сколько внедрение пришлых традиций в местную культуру, которое проявляется в элементах смешанности. Сначала импортные предметы распространяются в виде готовых изделий и доступны только верхушке местного общества. По мере того как они входят в моду или же оказываются удобными для практического применения, уже местные мастера начинают пытаться подражать этим импортным предметам, используя при этом весь комплекс местных традиционных навыков труда. Это ведет к появлению «гибридных» по внешнему виду форм. При этом, естественно, сохраняется и производство традиционных местных изделий. Таким образом, в данном случае происходит частичное нарушение прежней устойчивости местного производства в его внешних проявлениях за счет попадания в местную среду импортных традиций.

Например, эпохой Первого Тюркского каганата датируются находки китайских статуэток, изображающих верблюда с нагруженной на него поклажей, состоящей из основных деталей юрты. Это может свидетельствовать о том, что юрты в быту использовались и были достаточно популярны.

Стремена и седла «древнетюркского» типа в VII–XI вв. можно увидеть на многочисленных изображениях, найденных на территории Китая, например, на барельефах из гробницы императора Тай-цзуна или на погребальных статуэтках и фресках танского времени из богатых захоронений в районе Чанъяня. Впоследствии именно через Китай такой тип седел распространяется далее по Восточной Азии вплоть до Японии.

Известно, что именно тюркские народы в эпоху Тан были главными поставщиками лошадей. В первые годы правления этой династии китайский принц лично явился в ставку к тюркскому кагану с богатыми дарами и получил в ответ табун лошадей. С середины VIII в. на конском рынке главенствовали уйгуры. В последние десятилетия VIII в. цена уйгурской лошади составляла сорок штук китайского шелка.

Определенное влияние на материальную культуру Китая оказала и одежда кочевников. Причем элементы кочевнического костюма можно наблюдать не только у представителей пришлых народов, но и в облачении непосредственно китайцев. Шэнь Ко, живший в XI в., писал, что для костюма китайцев стали характерными: «Короткие куртки малинового и зеленого цвета с узкими рукавами, высокие сапоги, пояса со свешивающимися ремешками – все это атрибуты варварской одежды». В танскую эпоху получили распространение халат с широкими отворотами-лацканами, подпоясанный ремнем (одежда кочевников), и «варварские» шапки. В эпоху Суй (581–618 гг.) принадлежностью официального китайского костюма становятся сапоги. Две пары сапог с короткими и длинными голенищами были обнаружены в погребении 596 г. высокопоставленного чиновника Чжан Шэна. К XI в. китайский костюм сложился окончательно. «Китайская одежда и головные уборы начиная с династии Северная Ци представляют собой варварский костюм... Узкие рукава удобны для езды верхом, короткая верхняя одежда и высокие сапоги подходят для хождения по траве. В мою бытность на Севере я видел это»⁷⁵³.

В китайском традиционном костюме пояс был важной частью, поскольку служил маркером положения человека в социальной структуре. С 1 тыс. до н.э. пояса были ткаными. Они представляли собой широкую ленту, концы которой свешивались вниз. В костюме военных пояса имели другой вид. Они были, как правило, кожаными и застегивались на специальный крючок. Но в первые века н.э. у китайцев начинают использоваться наборные пояса с пряжками. Предположительно, они заимствуют их у сунну. Позднее, в III–V вв., у кочевников китайцы заимствуют и пряжки с язычком. Окончательно форма и конструкция пояса, имеющая традиционные китайские и привнесенные

---

⁷⁵³ Высказывания Шэнь Ко цит. по: *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков ... С. 152.*

функциональные особенности, складывается в эпоху Тан, когда такие пояса стали атрибутом официального костюма.

Важным для реконструкции этнокультурной ситуации в регионах Восточной и Центральной Азии является вопрос об обнаружении изделий из драгоценных металлов и художественных произведений в погребальных памятниках кочевых народов на территории Китая.

Большинство могильников на территории Китая, относимых к тюркскому времени и даже содержащих определенные небольшие назывные тюркские надписи, что прямо свидетельствует об их связи с тюркским этносом, лишены богатого и художественного убранства. Рядовые вещи, обнаруживающиеся в этих могильниках, в погребальном уборе человека и коня, довольно стандартны. Поэтому появление высокохудожественных ремесленных изделий, преимущественно из драгоценных металлов, оказывается показателем не просто специфики обряда погребения кочевой знати, но и свидетельством крупных исторических событий, связанных с военной активностью тюрков, а тем самым, с крупными их политическими объединениями, и свидетельствующих об успешных завоевательных походах, когда тюркские воины грабили завоеванных и получали с них дань.

Таким образом, период существования древнекитайских империй Цинь и Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) характеризовался преобладанием консолидационных процессов, приведших к стабилизации этнической общности «людей Срединного государства» – древних китайцев. Контакты древних китайцев с соседними кочевыми этносами носили в целом маргинальный характер.

Эта ситуация резко изменилась в результате процесса переселения кочевников в пределы Срединной империи, когда на территории расселения древнекитайского этноса возник центр интенсивного взаимодействия и трансформации разнородных этнических компонентов. Главной особенностью этой эпохи Восточной Азии было резкое ускорение ассимиляции многих этнических общностей, оказавшихся на территории Северного Китая.

Оценивая особенности этнических процессов периода 1 тыс. н.э., можно сказать что, с точки зрения общей тенденции развития, они представляли собой процесс постепенной синизации некитайских народов. Важнейшей особенностью сложившейся этнополитической ситуации было то, что независимо от каких бы то ни было субъективных

моментов государственно-политическое объединение северного Китая обеспечило объективные условия и возможности для наиболее тесного взаимодействия и постепенного культурного объединения различных народов империи на основе более древней и высокоразвитой китайской культуры. Сама же китайская культура хоть и перенимала отдельные элементы культур окружающих народов, но так оптимально адаптировала их в собственной среде, что через короткое время они становились уже частью китайской традиции.

ЧАСТЬ V. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КИТАЯ С НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава 1. Этнокультурные контакты Китая с населением земледельческих оазисов Центральной Азии

Земледельческие оазисы Центральной Азии – это достаточно четко очерченный регион, который охватывает области оседлоземледельческой культуры от восточного побережья Каспийского моря до гор Тянь-Шаня. В состав этого региона включаются следующие области: Северная Парфия, представляющая собой цепочку небольших оазисов, протянувшихся вдоль северных отрогов Копетдага и ограниченных с севера пустыней Каракумы; Маргиана (Мервский оазис) – довольно значительный по размерам оазис, возникший в низовьях р. Мургаб и окруженный со всех сторон песками пустыни Каракумы; ряд оазисов в долинах рек Зеравшан и Кашкадарья, представлявших собой в древности единую историко-культурную область Согдиану (Согд). С востока к Согду примыкала Уструшана, занимавшая территорию по течению Сырдарьи в районе Джизака – Ходжента и горы на юг от этой области. Несколько областей располагалось вдоль берегов р. Амударьи (и ее притоков): в верхнем течении по обоим берегам лежала Бактрия; по среднему течению шла цепочка оазисов (неизвестно, имели ли эти оазисы в древности какое-либо собирательное наименование); в низовьях Амударьи находился Хорезм. Самую восточную часть древней Центральной Азии занимали еще две оседлоземледельческие области: Чач (Ташкентский оазис) и Фергана (Ферганская котловина).

Хронологические рамки исследования этнокультурных контактов Китая с народами этого региона охватывают период со II в. до н.э. – начала функционирования Шелкового пути как основной трассы торгово-дипломатических контактов восточноазиатского и центральноазиатского регионов, до начала XIII в. – времени монгольского завоевания большинства исследуемых территорий.

На территорию Центральной Азии в период средневековья было завезено довольно значительное количество предметов китайского производства⁷⁵⁴. Это прежде всего шелк и все, что с ним связано. О значении его проникновения сначала через Восточный Туркестан, через земледельческие оазисы Центральной Азии и далее по всему миру говорит тот факт, что сама трасса, по которой осуществлялись связи между дальневосточным и западным миром, стала называться Шелковым путем. Такое признание шелка вызвано его исключительными природными и техническими особенностями. Нить, выделяемая шелковичным червем, достигает в длину 800–1000 м. Она треугольная в сечении и отражает свет подобно призме, что дает шелковой ткани специфический отблеск. При этом шелковые нити обладают исключительной прочностью, превышающей прочность стали⁷⁵⁵. Как подчеркивает Е.И. Лубо-Лесниченко, изучение древнекитайских шелковых тканей, обнаруженных как в Китае, так и на различных участках Шелкового пути, показало, что изготовлявшие их мастера опирались на колоссальную культурную традицию. Самый совершенный для своего времени ткацкий станок и высокоразвитая техника производства, возникшая в глубокой древности, позволили создавать шедевры ткацкого искусства⁷⁵⁶. Синологи, особенно те, кто изучал вопросы внешних связей Китая пришли к заключению, что «шелк был самым крупным вкладом в материальную культуру человечества»⁷⁵⁷. Причем ценно даже не столько распространение самого шелка или шелковой ваты, сколько внедрение в хозяйство западных государств шелководства и шелкоткачества. Согласно археологическим данным, получен-

---

⁷⁵⁴ Типологию и описание китайских импортных изделий из раскопок археологических памятников на территории Центральной Азии см.: *Баранова Е.Б.* Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 52–137, 219–405. Табл. 3, 6, 8–9, 10–13, 15, 16.

⁷⁵⁵ *Hyde N.* The Queen of Textiles // *National Geographic*. Vol. 165. № 1. 1984. P. 14.

⁷⁵⁶ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М., Наука – Вост. лит., 1994. С. 5.

⁷⁵⁷ *Willettts W.Y.* Foundation of Chinese Art from Neolithic pottery to modern Architecture. L.: McGraw-Hill (for Thames and Hudson), 1965. P. 135.

ным А. Стейном, шелководство в Восточном Туркестане появилось уже в III в.⁷⁵⁸

О проникновении искусства изготовления шелка в усуньскую среду сообщал А.Н. Бернштам. В коллекции шелковых тканей из Кенкольского могильника он обратил внимание на образец грубого шелка, значительно отличающийся от других, более высококачественных образцов. Это навело его на мысль, что это, возможно, шелк местного происхождения. Искусство могло попасть вместе с китайцами-слугами (среди них могли быть и ткачи), приехавшими вместе с китайскими принцессами⁷⁵⁹.

Шелковые ткани были широко распространены в Согде уже к рубежу н.э. Во всяком случае, уже в документах из Ния I–III вв. н.э. встречается праkritский вариант согдийского слова «pring», обозначающего один из сортов шелковой ткани⁷⁶⁰. Центральноазиатские мастера постепенно перешли к самостоятельному изготовлению смешанных, а затем и настоящих шелковых тканей. По мнению Н.В. Пигулевской, внедрение шелководства в текстильное ремесло Согда произошло в конце IV – V вв.⁷⁶¹ Одна из ведущих специалистов в изучении согдийского шелкоткачества – А.А. Иерусалимская, утверждает, что эту дату, основанную на косвенных данных, с учетом археологических и лингвистических материалов, следует углубить на несколько сотен лет⁷⁶². К VII в. центральноазиатские шелковые ткани достигли такого совершенства, что стали высоко цениться даже в Китае⁷⁶³. Свой шелк производился и в Фергане.

---

⁷⁵⁸ Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I–III. Oxf.: The Clarendon Press, 1928. P. 373.

⁷⁵⁹ Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. 1950. С. 65.

⁷⁶⁰ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Лившиц В.А. Камчатные ткани с горы Муг // СЭ. 1963. № 4. С. 115–117.

⁷⁶¹ Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.: Наука, 1951. С. 201.

⁷⁶² Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972. С. 5.

⁷⁶³ Laufer B. Sino Iranica. Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran ... P. 490; Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи») // СА.

Более того, шелкоткачество оказало влияние и на текстильные производства местного происхождения. М.П. Винокурова выделила среди тканей мугской коллекции комбинированные ткани, выполненные приемами хлопчатобумажного ткачества из хлопчатобумажных и шелковых нитей⁷⁶⁴. В Согде, по-видимому, производились и смешанные (шелково-шерстяные) ткани⁷⁶⁵.

Одной из важных и наиболее популярных статей китайского импорта в Центральной Азии начиная с момента функционирования Шелкового пути были зеркала, которые имели не только утилитарную функцию, но и сакральное значение. В традиционной китайской символике, например, они ассоциировалось с понятием древнего зеркала *гу цзин* или магического зеркала *шэнь цзин*, считаясь талисманом против зла и наваждений, для отвращения злых духов и влияний. Иногда это прямо выражалось в надписи на зеркале⁷⁶⁶. Иногда зеркало рассматривалось как атрибут женского божества⁷⁶⁷. По космогоническим представлениям китайцев зеркало являлось миниатюрной моделью Вселенной, а по даосско-буддийской философии личности спокойная и неподвижная поверхность зеркала уподоблялась природе истинного человека, способного просветленным духом постичь скрытую суть вещей⁷⁶⁸. Возможно, именно многофункциональность (утилитарная и сакральная) зеркал сделала их одной из основных статей китайского экспорта на Запад. Появление такого массового импортного материала не могло не найти отражение в искусстве народов Центральной Азии.

У современных исследователей центральноазиатских зеркал до сих пор вызывает дискуссию вопрос о происхождении одного из типов зеркал – с петелькой в центре обратной стороны. Как правило, они

1961. № 2. С. 70; Schafer E.H. The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1963. P. 202.

⁷⁶⁴ Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг ... С. 21–27.

⁷⁶⁵ Schafer E.H. The golden peaches of Samarkand ... P. 202.

⁷⁶⁶ Cammann S. Chinese mirrors and Chinese civilization // Archaeology. Vol. II. № 3 (7). P. 114–115; *Ibid.* The symbolism in Chinese mirror patterns // Journal of the Indian Society of Oriental Art. Vol. XIX. Calcutta, 1952–1953. P. 45–63.

⁷⁶⁷ Janse O.R. Archaeological research in Indo-China. Vol. II. Cambridge: Harvard University Press, 1951. P. 231–246.

⁷⁶⁸ Серова С.А. Зеркало просветленного духа Хуань Фань-чо и эстетика китайского классического театра. М.: Наука, 1979. С. 34.

имеют плоский диск и рельефный бортик по краю. Находки таких зеркал нам известны из Чорку, Сурха, Боркорбазского, Гурмиронского, Карабулакского, Шашукумского и других могильников. Одна из версий, которую высказал В.А. Йенни, заключается в том, что форма и, особенно, орнаментика зеркал этого типа восходят к китайским зеркалам ханьского времени, причем посредствующим звеном он считает какую-либо промежуточную область (скорее всего Восточный Туркестан)⁷⁶⁹. Это же мнение поддержал М.И. Ростовцев, который считал, что зеркала с ручкой или скобкой на обратной стороне – «форма, тесно связанная с китайскими зеркалами»⁷⁷⁰. В результате исследования такого типа зеркал Б.А. Литвинский пришел к выводу, что изначально эта форма развивается на территории сибирско-среднеазиатских культур эпохи бронзы из очень древних прототипов, восходящих к образцам конца 2 – начала 1 тыс. до н.э. Что же касается орнаментации, то среди китайских зеркал встречаются аналогичные экземпляры с рельефным орнаментом в виде двух концентрических линий, образующих незамкнутое кольцо⁷⁷¹. С. Умехара, известный специалист в области китайских зеркал, указывает как возможное место изготовления таких зеркал – Северный Китай⁷⁷². Суммируя все возможные предположения, Б.А. Литвинский пришел к выводу, что миниатюрные зеркала с утолщенным бортиком и ручкой-петелькой в центре обратной стороны могли появиться в результате комбинации китайских ханьских зеркал и местных зеркал с ободком. Процесс сложения этого типа зеркал мог происходить на рубеже н.э. и позже, в I–II вв. н.э.⁷⁷³

Подобная же ситуация сложилась с типом зеркал с петелькой, но без бортика. Аналогичный им гравированный орнамент появился на китайских зеркалах уже в III–II вв. до н.э., а рельефный был широко распространен в ханьскую эпоху. Схема же рисунка в виде многоугольника со сторонами-дугами связана, с одной стороны, с китайски-

---

⁷⁶⁹ *Jenny W.A. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Grabern // BZ. Bd. XIX. N. 3/4. B., 1928. S. 351–362.*

⁷⁷⁰ *Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Вып. 37. 1918. С. 71, примеч. 1.*

⁷⁷¹ *Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. С. 92.*

⁷⁷² *Umehara S. The late Mr. Moriva's collection of ancient Chinese mirrors // AA. Vol. XVIII. 3–4. 1955. P. 256. Fig. 13.*

⁷⁷³ *Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь ... С. 93.*

ми прототипами (восьмиарочными зеркалами); с другой стороны, существовала и местная традиция украшения зеркал арками-дугами.

Таким образом, зеркала с петелькой, скорее всего, возникли на местной основе, но под влиянием китайских орнаментальных мотивов в I–III вв. н.э., а отсюда распространились в Поволжье, на Кавказ и т.д.

Особого интереса заслуживают зеркала, в том числе и импортные китайские, намеренно поломанные. Они найдены в Ворухском⁷⁷⁴, Кара-Булакском⁷⁷⁵, Караджарском⁷⁷⁶ и других памятниках. Обычай помещения зеркала в могилу широко применяется в погребальных обрядах многих народов. Возможные версии о смысле обряда поломки зеркал и его распространении всесторонне рассмотрел Б.А. Литвинский⁷⁷⁷, я же хочу заострить внимание, что обычай разламывания зеркала, например, при расставании супругов, был широко распространен и в Китае начиная с ханьского времени⁷⁷⁸. Согласно старинной легенде, при расставании любящие муж и жена разбили зеркало, и каждый из них взял половинку в качестве залога верности супруга. Когда через некоторое время жена изменила мужу, ее часть зеркала превратилась в сороку, полетела к мужу и рассказала ему об измене⁷⁷⁹. А.В. Маракуев также говорит о распространенных на Востоке магических представлениях, согласно которым зеркала ломали намеренно на память друг о друге при разлуке родственников, любовников и супругов⁷⁸⁰. По мнению Б.А. Литвинского, смысл положения поломанного зеркала в могилу в том, что по оставшейся у живого родственника или супруга части зеркала он мог впоследствии найти в за-

---

⁷⁷⁴ Там же. С. 105.

⁷⁷⁵ Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. СОИ. Т. 3. Вып. 3. Фрунзе, 1961. С. 64.

⁷⁷⁶ Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина 1 тысячелетия до н.э. – середина 1 тысячелетия н.э.). Фрунзе: Изд-во АН Киргиз.ССР, 1960. С. 112–113.

⁷⁷⁷ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь ... С. 105–108.

⁷⁷⁸ Маракуев А.В. Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета // Ученые записки Томского гос. пединститута. Т. III. Серия гуманитарных наук. Томск, 1946. С. 149.

⁷⁷⁹ Hirth F. Chinese metallic mirrors. With notes on some ancient specimens of the Musee Guimet. P.; N.Y.: G.E. Stechert & CO, 1907. P. 233.

⁷⁸⁰ Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Труды Томского Гос. университета им. В.В. Куйбышева. Т. 98. Томск: ТГПИ, 1947. С. 171.

гробном мире близкого человека⁷⁸¹. Все эти факты наводят на мысль, что обычай класть в могилу обломок зеркала мог бы появиться в Центральной Азии под влиянием Китая, однако на данном этапе изученности проблемы такое предположение преждевременно. Во-первых, традиции помещения целого или разбитого зеркала в могилу бытовали у центральноазиатских народов задолго до массового проникновения китайской культуры на Запад; во-вторых, на данный момент в науке не существует однозначной трактовки смысла обрядов, связанных с зеркалом; в-третьих, среди огромного количества зеркал, имевшихся в Центральной Азии, импортные китайские составляли сравнительно небольшую группу. Однако именно сакральное значение, которое придавали зеркалам как в Китае, так и на Западе, и сходство в обрядах способствовали распространению китайских образцов практически по всей территории Центральной Азии и за ее пределами.

Важное место в анализе влияния китайского искусства на центральноазиатское занимает торовтика. Проведя всестороннее исследование серебряных блюд, чаш, кувшинов, украшенных рельефными и гравированными орнаментами, Б.И. Маршак пришел к выводу, что в VII – начале IX в. у населения земледельческих оазисов Центральной Азии существовали тесные связи с Китаем, причем существовало сильное центральноазиатское воздействие на китайскую торовтику и обратное влияние, сказавшееся, главным образом, в деталях орнамента⁷⁸². Наиболее интенсивно это влияние проявилось на изделиях, которые по формам и технике близки к танскому серебру (школа С)⁷⁸³. Приведем лишь некоторые примеры.

Орнамент в виде косой сетки с кружками в каждой ячейке был нанесен на кружки из Центральной Азии, датирующиеся концом VII – IX в. Аналогичный декор известен в Китае задолго до VII в.

Танский «лепестковый» бордюр распространяется на Запад около середины VIII в., что отразилось на орнаменте (цветы с тремя лепестками) изделий рубежа VIII–IX вв. Подражанием китайскому искус-

---

⁷⁸¹ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь ... С. 108.

⁷⁸² Маршак Б.И. Согдийское серебро. М.: Наука, 1971. С. 50.

⁷⁸³ К школе С принадлежат сосуды, покрытые гравированными орнаментами, в которых изображение оставлено резцом на покрытом мелкими кружками фоне, а рельефные детали – литые. См.: Там же. С. 27.

ству явилось согдийское блюдо, изготовленное в середине VIII в.⁷⁸⁴ Ближайшая аналогия, изображенной на блюде птице найдена в Китае и датируется Б. Гилленсвордом началом Средней Тан⁷⁸⁵. Более подробный перечень аналогий и заимствований из китайского искусства среднеазиатскими мастерами приведен Б.И. Маршаком⁷⁸⁶.

Важной статьей экспорта было высококачественное китайское железо. Более того, некоторые центральноазиатские страны, например, Давань (Фергана), переняли китайскую технологию выплавки железа⁷⁸⁷. В «Шицзи» упомянуто, что даваньцы не умели отливать железных изделий и что именно китайцы научили их этому⁷⁸⁸.

Китай познакомил народы Центральной Азии с ревенем и корицей, персиками и абрикосами, которые были ввезены купцами еще во II–I вв. до н.э.

От китайцев народы Центральной Азии узнали об изобретении бумаги. Способ изготовления бумаги из смеси древесной коры, конопли и старых рыболовных сетей открыл Цай Лунь в 105 г. н.э. Большой прогресс в ее изготовлении был достигнут в Китае в период династии Цзинь (265–419 гг.), когда бумагу стали вырабатывать из растительных волокон. В середине VII в. способ изготовления бумаги проник в Центральную Азию, в VIII в. – в арабские страны и далее на Запад⁷⁸⁹. Несколько свитков китайской бумаги, испещренной согдийскими знаками, было найдено в районе Дуньхуана А. Стейном, который отмечает китайское происхождение (или, по крайней мере, китайскую технологию производства) этой бумаги, о чем свидетельствуют

---

⁷⁸⁴ Маршак Б.И. Согдийское серебро ... С. 27, 186–190.

⁷⁸⁵ Gyllensvärd B. Tang Gold and Silver. Göteborg: Elanders Boktr, 1958.

⁷⁸⁶ Маршак Б.И. Согдийское серебро ...

⁷⁸⁷ В данном случае подразумевается именно железо, а не металл вообще. Путаница с терминами произошла из-за разночтений отрывка из «Шицзи», повторенного в «Цяньханьшу» Н.Я. Бичуриным, который в первом случае перевел его как «...не умели отливать ни монеты, ни посуды», а во втором – «не умели отливать чугунных изделий». См.: Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 35–53.

⁷⁸⁸ Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 122.

⁷⁸⁹ Цянь Вэй-Чжан. Китайские научные изобретения. Пекин, 1953 // Аннотация на русском языке. СВ. 1955. № 6. С. 161.

принятые в Китае ее стандартные размеры, А. Стейн датирует свою находку временем не позже 137 г. н.э.⁷⁹⁰ Изделия из лака также пришли в Центральную Азию с Востока⁷⁹¹. Некоторые данные указывают на то, что именно Китай познакомил соседние народы со многими математическими понятиями и категориями⁷⁹².

Глава 2. Этнокультурные контакты Китая с кочевыми народами Центральной Азии

Территория расселения древних кочевников охватывала огромную площадь от западных отрогов Алтая до Памира и от Семиречья до северной части Восточного Туркестана. Как единый ареал эта территория сложилась в VIII–III вв. до н.э. в период господства здесь сакских племен. Район Семиречья явился пределом распространения южно-сибирской культуры.

К III в. до н.э. на территории Семиречья и Центрального Тянь-Шаня сложились племенные союзы кочевников-скотоводов усуней. Тянь-Шань был цитаделью, из которой шло хуннское вторжение в оазисы Центральной Азии⁷⁹³. Широко известно, что тюрки Тянь-Шаня доходили на юго-востоке до китайской стены, а на западе до Дербентского прохода на Кавказе. По мнению А.Н. Бернштама, Центральный Тянь-Шань (как в значительной степени и Илийская долина) был своеобразной сельской округой городов Чу и Таласа⁷⁹⁴. Тянь-Шань через Фергану был связан с мощной горной страной – долиной Алая, а Чон-Алай и Каратегин, окаймлявшие Памир с севера, связывали Восточный Туркестан с Тохаристаном. С одной стороны, местное население этого огромного региона развивалось на основе своих собственных кочевых традиций. С другой стороны, оно занимало выгодные трассы

---

⁷⁹⁰ Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I–IV. Oxf.: Clarendon Press, 1921. P. 373–374.

⁷⁹¹ Кюнпер Н.В. Китайские известия о народах ... С. 122.

⁷⁹² Needham J. Science and civilization in China. Vol. 1: Introductory Orientation. Cambridge: University Press, 1954. P. 213; Erkes E. China und Europe. Leipzig: Volk und Buch Verlag, 1947. P. 56–57.

⁷⁹³ Бернштам А.Н. Древний Тянь-Шань // КСИИМК. Вып. XXXVIII. 1951. С. 141.

⁷⁹⁴ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. 1952. С. 125.

торговых путей и миграций новых этнических групп. Все это послужило основой формирования специфической культуры, которая в целом не была похожа ни на китайскую, ни на согдийскую, ни на какую-либо другую, но впитала в себя элементы всех этих культур. Формируясь на территории Тянь-Шаня и Семиречья, эта культура распространялась в юго-западном направлении в Фергану и Алайскую долину, вступив во взаимодействие с земледельческой культурой Давани-Ферганы.

Экономической основой в хозяйственном укладе кочевых племен было скотоводство; значительное место занимала торговля с сопредельными странами – с Китаем и Согдианой; с окружающими племенами и народами велись беспрерывные войны.

Сведения о населении Семиречья в эпоху с III в. до н.э. и по I в. н.э. содержатся в письменных источниках, представленных китайскими сочинениями. Ко II в. до н.э. Китай, заинтересованный в налаживании торговли с Западом, куда он вывозил, главным образом, шелк, отправляет в Семиречье военные экспедиции и послов, чтобы склонить на свою сторону воинственные племена. Среди этих послов особое место занимает Чжан Цянь, который дважды побывал в Семиречье (в 136–128 и 115 гг. до н.э.) и оставил подробные записи о племенах, населявших эту территорию. Эти описания путешествий Чжан Цяня послужили материалом для ознакомления с народами Семиречья и вошли в древнейшие китайские исторические сочинения «Шицзи» («Исторические записки» 99 г. до н.э.) Сыма Цяня, и «Цяньханьшу» («История старшей династии Хань» 27 г. н.э.) Бань Гу. Много сведений встречается и в более поздних источниках, которые, как правило, повторяют ранние, иногда дополняют их рядом деталей. Такого типа дополнения черпались из сообщений чиновников-управителей вассальных территорий, полководцев и других представителей Китайского государства. Среди последних особого внимания заслуживает полководец Бань Чао, находившийся в Центральной Азии в конце I в. н.э. (96 г.). Подчиненный ему чиновник Ган Ин составил специальное описание западных стран, вошедшее в состав «Истории младшей династии Хань» («Хоуханьшу»). С точки зрения представителей высокой китайской культуры авторы исторических сочинений подчеркивают низкий уровень культуры кочевников, лаконично определяют характер их хозяйства, быта, нравов, оперируя обычно принятыми в языке того времени штампами. Несмотря на эти особенности, в китайских текстах содержится ряд метких и точных характеристик, причем наибольшее

место в них занимает скрупулезное описание внешнеполитических событий, особенно важных для китайского двора.

По сообщению китайского летописца, Семиречье в эту эпоху населяли кочевники-скотоводы, которые кочевали с домашним скотом, следуя туда, где имелись вода и трава. Китайский летописец, сравнивая их быт с бытом кочевников-хуннов, которых Китай знал весьма хорошо, заявляет, что их обычаи одинаковы с хуннскими. Этих кочевников китайские историки именуют усунями.

Усуни составляли господствующий племенной союз в Семиречье. Их главная ставка Чигу находилась на южном берегу оз. Иссык-Куль. Согласно китайским источникам, она являлась местом пребывания усуньского владыки и была обнесена валом.

Произведенные еще в прошлом веке раскопки показали, что курганы, которые оставили усунни, распространены вокруг оз. Иссык-Куль, по Чуйской долине, а также к северу от долины Чу – по Илийской долине и Заилийскому Алатау. К западу от Чу, в Таласской долине, находятся курганы уже другого типа, ритуал погребения в них иной, чем в чуйских. Как сообщают китайские источники, к западу от усуней находились племена кангюй, которым и принадлежат таласские курганы. Следует сказать, что на территории, занимаемой усунями, проживало много и других племен. Китайские источники определенно указывают племена саков (по-китайски сэ), отмеченных для этого времени и античными писателями, например, Страбоном, еще раньше – Геродотом. Античными же авторами упоминаются юэчжи-массагеты. Они, как и усунни, считаются пришельцами из Восточного Туркестана. Однако археологический материал, показывающий непрерывность форм развития хозяйства и культуры, в какой-то степени отвергает эти сообщения о передвижении племен, позволяя видеть генезис усуньской культуры не в культуре эпохи бронзы северного Китая (откуда их выводит китайская версия), а в культуре эпохи бронзы самого Семиречья⁷⁹⁵.

В I в. до н.э. в Семиречье проникают северные хунны, ушедшие из Монголии и Восточного Туркестана. Эти кочевники под предводительством шаньюя Чжи-Чжи получили поддержку от кангюйского правителя, который им предоставил для кочевков земли в верховьях р. Талас. Из этого следует, что Талас был владением племени кангюй. С шань-

---

⁷⁹⁵ Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» ... С. 60.

юем Чжи-Чжи перекочевала на территорию Семиречья первая группа киргизских племен с Енисея.

Из перечисленных фактов следует, что Семиречье было заселено значительным количеством племен кочевников-скотоводов, с господствующим среди них племенным союзом усуней. Эти племена имели тесные взаимоотношения с соседними народами, ассимилировались с этнически разнообразными племенами (сэ, юэцжами, северными хуннами).

Благодаря тесным политическим и торговым связям с Китаем и западными племенами (кангюй), а также вторжению в Семиречье северных хуннов в 48 г. до н.э. культура данных племенных образований могла развиваться в тесном контакте с культурными влияниями крупнейших цивилизаций того времени. Наряду с вещами местного производства в памятниках кочевников Семиречья встречаются предметы, не свойственные данной культуре, явно иноземного изготовления. Среди них особое место занимают вещи, изготовленные в Китае. Широкое распространение имел китайский шелк. Кочевники получали его в большом количестве в результате торговых связей с Китаем и в качестве даров. Усуньские вожди часто женились на китайских царевнах, приезжавших в ставку кочевых владык со своими слугами. Не последнее место занимали у кочевников китайские предметы роскоши из дерева и лака – столики, чаши и т.п.

Характерно, что большинство иноземного инвентаря найдено на памятниках, расположенных по торговой трассе из Китая на Запад или в непосредственной близости от нее, хотя пока нет прямых указаний на торговлю кочевников с Китаем. В курганах кочевников Семиречья обнаружено всего несколько китайских монет, в то время как в могильниках их соседей, например хуннов китайские монеты являются частыми находками. Известны сообщения китайских летописей, что хунны открывали торг на границах, об усунях же таких сообщений нет. Это не значит, однако, что кочевники не торговали с Китаем. Правильней будет предположить, что основной формой торговли был обмен, а не купля-продажа. Эта форма торговли закономерно вытекала из дани и обмена подарками.

Для времени со II по IV в. в письменных источниках нет никаких сообщений о Семиречье, и только начиная с V в. в источниках, главным образом в истории Сунской и Танской династий, можно найти материал, относящийся к данной территории. Большую роль в освеще-

нии жизни Семиречья в эту эпоху сыграли путешествия Сюань Цзана (629–648 гг.). Из других источников должны быть отмечены сообщения грека Менандра и раннемусульманская литература. С установлением династии Бэй Вэй (386–581 гг.) многие племена Семиречья вступают в непосредственные отношения с Китаем, вследствие чего и Китай получает возможность близко ознакомиться с этими народами. Первые посольства китайцев в Семиречье относятся к началу V в.

В I–VI вв. Семиречье подпадает под сильное влияние центральноазиатских держав, сначала сяньбийцев (конец I–III вв.), а затем жужан (IV–VI вв.), что сказалось на перемещении некоторых племен в другие области Семиречья и на образовании новых племенных союзов. Так, усунь были вытеснены в горный Тянь-Шань, а в северном Семиречье создается мощный племенной союз юебань. Значение этого события велико – племенной союз юебань создал преграду, остановившую проникновение жужан в оазисы Центральной Азии, правда, изолировав этим самым Семиречье и от китайских влияний.

С Центральной Азией, где господствовали кушаны, связь Семиречья в первые века н.э. была слаба. Лишь к V в., в силу изменившихся международных условий, в частности, в силу того, что Китай начинает подчинять себе жужан и снова овладевает Восточным Туркестаном, восстанавливается связь Китая с Центральной Азией, и в этот процесс оказывается включенным и Семиречье.

С середины V в. в среду кочевников Семиречья начинают проникать согдийцы. Ко второй половине VI в. относятся сведения о подчинении согдийцев, до этого времени находившихся под властью Эфталитов, семиреченским тюркам (о чем свидетельствует Менандр). Тюрки составляли значительную часть населения Согда, согдийцы же, в свою очередь, в эту пору уже проникли в Семиречье. Фактически Семиречье и Согд в конце VI в. представляют временами единое политическое целое, хотя и с разнообразными в культурном отношении районами. Ко времени посещения Чуйской долины Сюань Цзяном, т.е. к 630 г., в Семиречье было так много согдийцев, что страна от Иссык-Куля до Самарканда вся называлась Согдом-Сули, и Сюань Цзян прежде всего отмечает оседлую культуру Семиречья, согдийскую по своему происхождению.

Земледельческая культура заняла всю Чуйскую и Таласскую долины, а кочевое скотоводство было распространено в горных районах: в горных ущельях по берегам Иссык-Куля, в долинах Малого и Боль-

шого Кемина и горного Тянь-Шаня. В частности, в последнем были сосредоточены ставки наиболее крупных тюркских родов. Областью, безраздельно занятой кочевниками, была также Илийская долина.

Помимо скотоводства кочевники занимались также и торговлей. В первую очередь следует отметить торговлю кочевников шелком: они вывозили его в Иран и даже в Византию. В результате этого активного обмена в Семиречье попадают вещи иноземного производства не только из Центральной Азии и Ирана, но и из Византии и Китая. В руках кочевников находились и сами торговые пути. В VI–VIII вв. при сохранении короткого пути в Китай через Фергану и Кашгар активизируются связи по Северному пути через Семиречье, поскольку в Фергане в это время проходили смуты, продолжавшиеся, согласно сообщениям Сюань Цзяна, в течение нескольких десятилетий⁷⁹⁶. В это же время в Семиречье в ставках ханов Западнотюркского каганата наблюдается экономический подъем, что не могло не привлечь большое количество торговцев.

Взаимосвязи с Китаем не прекращались и в период политического господства в Семиречье карлуков (VII–X вв.). Шелковый путь в это время находится в руках трех тюркских народов: гузов, расселенных от Каспия до Испиджаба; карлуков, обитавших в Семиречье, и тогузгузов – уйгуров в восточном Туркестане до Китая⁷⁹⁷. Дорога шла от Испиджаба на Тараз, затем вдоль гор Киргизского Алатау по левому берегу р. Чу. Около Боомского ущелья путь пересекал Чу и шел вдоль правого берега р. Чон-кемин, затем по перевалу Кугойрок выходил на северный берег Иссык-Куля и, обогнув восточную оконечность области Верхний Барсхан, через перевал Сынтас выходил в долину Каркары и следовал далее к последнему перевалу в Восточный Туркестан. В районе Иссык-Куля торговый путь разветвлялся и шел в Тянь-Шань и Фергану. На Фергану вел и другой путь – из Чуйской долины, ответвление его находилось у Джуля.

Плодородные местности по берегам рек Таласа и Чу были заняты земледельцами. Здесь же и возникли города, причем наибольшее раз-

---

⁷⁹⁶ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1964. С. 267, 269, 272–284.

⁷⁹⁷ Копылов И.И., Керекеш Л.И. Талкир (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы: АГУ им. Абая, 1993. С. 122.

витие получили те, которые стояли на караванных путях. Важнейшим результатом археологического исследования городов является обнаружение каракитайской культуры в г. Баласагуне и на других памятниках Чуйской долины.

Археологический материал с памятников Семиречья и Центрального Тянь-Шаня доказывает наличие тесных отношений с Китаем с древнейших времен⁷⁹⁸. Например, характер культурных слоев и инвентарь с Дараутского селища (Алай), датирующегося второй половиной 1 тыс. до н.э., имеет много общего с архаическими поселениями Ганьсу, по мнению Ю.Г. Андерсона⁷⁹⁹. На связь культуры этого типа (на Алае это Шартское погребение и кумедские селища Кызыл-кургана и Дараут-кургана) с Ферганой и Китаем указывал и Т. Арне⁸⁰⁰. Среди предметов, найденных им в могилах IV–II вв. до н.э. Люань Бин (около Пекина), был браслет, аналогичный дараутскому⁸⁰¹. О влиянии Китая на культуру эпохи бронзы свидетельствует коленчатый нож чжоуского типа (Нарын, Тянь-Шань) и особый тип серпов (Узунгач, Алмаатинская обл.). К сакской эпохе относится широкое распространение изображений птиц в изделиях из бронзы и росписи на сосудах, которые находят аналогии в древнекитайском искусстве⁸⁰² и среди находок А. Стейна в Восточном Туркестане⁸⁰³. Найденные в Семиречье комплексы светильников, жертвенных столов и котлов для приготовления ритуальной

---

⁷⁹⁸ В данном случае трудно согласиться с мнением Н.Г. Горбуновой о том, что на Тянь-Шане не найдено вещей китайского происхождения. См.: *Горбунова Н.Г.* Бронзовые зеркала Кугайско-Карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи Средней Азии и Казахстана (древность и средневековье). М.: Наука, 1990. С. 50, примеч.

⁷⁹⁹ В долине Нинхэ к северу от поселения Синин было раскопано древнее поселение Чуцячай времени Яньшао. Аналогии проявляются в изделиях из кости и рога, отчасти в грубой лепной керамике и т.д. См.: *Andersson J.* The Site of Chu Chia Chai, Hsi Ning sien, Kansu // *BMFA*. XVII. 1945. P. 1–66.

⁸⁰⁰ *Arne T.Y.* Die funde von Luan P'ing und Hsuan Hua // *BMFA*. V. 1993. S. 155–175.

⁸⁰¹ *Op. cit.* P. 166. Tab. IV. Fig. 9.

⁸⁰² *Siren O.* Histoire des Arts anciens de la Chine, I. La période préhistorique l'époque Tch'ou et Tsin. P.; Bruxelles: Annales du muse Guimet, 1929.

⁸⁰³ *Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II. Oxf.: Clarendon Press, 1907. Tab. 11.

трапезы аналогичны комплексу ритуальных предметов типа *дин* и *фу*⁸⁰⁴ в Чжоуском Китае. Упомянутые культовые предметы (иногда они декорированы барельефами с фантастическими животными, встречающимися в Семиречье вплоть до V–VII вв.) находят аналогии в корoplastике Китая эпохи Хань. Такая декорировка особенно ярко представлена в статуэтке из собрания Освальда Сирена⁸⁰⁵. Довольно большое количество вещей чисто китайского происхождения нередко встречается в погребениях усуней. Среди них: обломки китайского лака, которым покрывались изделия из дерева – столики и посуда, обрывки шелка и т.д. Несомненно, проникновение этих элементов в культуру кочевников влияло на формирование местных эстетических воззрений, что привело к появлению новых форм и подражаний. Например, к I в. до н.э. – II в. н.э. относится золотая диадема из Каргалинского ущелья (р. Или), которая находит аналогию и по сюжету и по стилю в инкрустированном китайском блюде эпохи Хань (из коллекции Лу); семантически и функционально она входит в круг шаманской атрибуции⁸⁰⁶. С этим же связано появление в Средней Азии инкрустации цветными камнями, вставленными в драгоценный металл и окруженными бордюрами зерни.

Вторжение северных хуннов на Тянь-Шань в середине I в. до н.э. усилило влияние китайской культуры в Семиречье и положило начало интенсивному процессу в области монголоидной метисации и сложения типичных черт тюркской кочевой культуры. Памятниками этой эпохи являются курганы Кенкольского могильника⁸⁰⁷.

В VI–VIII вв. – в период господства западных тюрков (582–704 гг.) и тюркешей (704–766 гг.) в Семиречье происходит иммиграция согдийцев, которая особенно усилилась после вторжения арабов в Центральную Азию с середины VII в. Согдийцы в Семиречье были носителями идей зороастризма и центральноазиатской иранской культуры, сочетавшими предписания Авесты с шаманистскими воззрениями тюр-

---

⁸⁰⁴ *Karlgren B.* Yin and Chou in Chinese bronzes // BMFEA. 1936. № 8. P. 9–156.

⁸⁰⁵ *Siren O.* Histoire des Arts anciens de la Chine. III: La sculpture de l'époque Han a l'époque Ming. P.; Brussel: Annales du muse Guimet, 1930. Tab. 25. Fig. A.

⁸⁰⁶ *Бернштам А.Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. V. 1940. С. 23–31.

⁸⁰⁷ *Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» ...

рок. Наряду с влиянием, шедшим из Согдианы, следует отметить частичное проникновение культуры Ирана, северной Индии и Византии и Китая. Это обусловило формирование новой синкретической культуры, которая отразилась в археологических находках. Например, массивные подставки под крышки оформлялись чаще всего в виде фантастических животных, которые более всего близки к изображениям на могиле Сун-Вэньди возле Нанкина (453 г.) и китайской скульптуре ханьского периода, названной Р.Л. Хобсоном «Water dog»⁸⁰⁸. Черты сходства в изображении животных на подставках из Семиречья и Китая были подробно проанализированы А.Н. Бернштамом⁸⁰⁹. А. П. Пелльё подчеркивает, что в большинстве случаев не только сами изображения, но и орнаментальные украшения также идентичны орнаментам на древнекитайской бронзе, если они имитируют изображения животных⁸¹⁰.

Тесные связи с Китаем нашли свое отражение в большом количестве сурьмяных зеркал, находимых в Семиречье. Однако влияние китайского искусства проявилось также в большом количестве местных подражаний китайским зеркалам. Это особый тип зеркал с богатой орнаментацией, по форме напоминающий танские образцы, в виде многолепесткового цветка. Отличительной чертой местных зеркал является наличие боковой ручки, манеру выделки которой А.Н. Бернштам относит к усуням⁸¹¹.

Среди находок из Сукулука (в Чуйской долине) выделяются ранние формы буддийской пластики, происходящей из Гандары и лучше всего сохранившейся в вэйской скульптуре Китая. На памятнике она представлена головой бодхисатвы под ручкой сосуда, типичного для VI–VII вв. (так называемого кафыр-калинского типа)⁸¹². По мнению А.Н. Бернштама, образцом подобного скульптурного портрета являются характерные вэйские изображения Будды и бодхисатв в Китае⁸¹³. Ближайшей аналогией головного убора могут служить диадемы на

---

⁸⁰⁸ *Hobson R.L.* The George Eumorfopoulos collection. Catalogue of Chinese, Korean and Persian pottery and porcelain. V. 1–6. L.: E. Benn, 1925–1928. Tab. IX. Fig. 65.

⁸⁰⁹ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки ... С. 136.

⁸¹⁰ *Pelliot P.* Bronzes Antiques de la Chine appartenant à C.T. Loo et cie. P.; Bruxelles: G. van Oest, 1924.

⁸¹¹ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки ... С. 149.

⁸¹² *Бернштам А.Н.* Буддийская терракота из Сукулука // КСИИМК. XIV. М.; Л., 1947. С. 51. Рис. 33.

⁸¹³ *Chavannes E.* Six monuments de la sculpture chinoise // AAs. T. II. 1914.

фресках Кизила (оазис Куча), изображения которых опубликованы в работе А. Грюнведеля⁸¹⁴. Головные уборы подобной конструкции можно наблюдать у бодхисатв из Юн Мэн-шана (Китай), описанных О. Сиrenom, на статуях из Мартука (Синьцзян) и у Будды из Дандан-Ойлыка (Синьцзян)⁸¹⁵. На одной из плиток, найденных на Сукулукском городище, изображен китайский лотос в орнаментальном круге из перлов. На Александровском городище был найден сосуд с фигурками. По деталям костюма эти фигурки находят себе аналогии в изображениях ступы из Санчи, в буддийских изображениях Китая и в мелкой и монументальной китайской пластике, особенно полно представленной в сводной монографии О. Сирена⁸¹⁶. В целом примеров симбиоза центральноазиатского и китайского искусства, отразившегося на предметах Семиречья и Тянь-Шаня, довольно много, и связано это, прежде всего, с согдийской колонизацией этой территории.

Китайское влияние на тюркское искусство проявилось и в таком традиционном для кочевников виде искусства, как монументальная курганная скульптура. Аналогии характерным тюркским балбалам Л. Аштон находит среди сакральных статуй Китая на могилах китайских императоров. В. Бартольд провел такую аналогию еще в XIX в.⁸¹⁷. По мнению А.Н. Бернштама, статуи на могилах китайских императоров, изображения «учеников» в буддийской живописи, балбалы на могилах тюркских воинов – это один и тот же круг изобразительного искусства, единый по композиции и различный порой по содержанию⁸¹⁸. Хотя в данном случае ученые считают, что именно китайцы восприняли влияние скульптуры кочевников⁸¹⁹, однако есть элементы, воспринятые тюрками из китайской традиции. Например, для одного из четы-

---

⁸¹⁴ Grünwedel A. Alt-Kutscha. В.: Otto Elsner, 1920. Tab. III–IV. Fig. 2.

⁸¹⁵ Аналогии головки и головного убора из Сукулука были подобраны А.Н. Бернштамом. См.: *Бернштам А.Н.* Буддийская терракота из Сукулука ... С. 49–52.

⁸¹⁶ Siren O. Histoire des Arts anciens de la Chine. I: La période préhistorique l'époque Tch'ou et Tsin. P.; Bruxelles: Annales du muse Guimet, 1929.

⁸¹⁷ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 21–91.

⁸¹⁸ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки ... С. 144. (Здесь же приведена литература по проблеме тюркских и китайских статуй).

⁸¹⁹ Siren O. Histoire des Arts anciens de la Chine. III. La sculpture de l'époque Han a l'époque Ming. P.; Bruxelles: Annales du muse Guimet, 1930. Tab. 93.

рех выделенных А.Н. Бернштамом типов изображения голов балбалов характерна трактовка лица в плане китайской традиции портрета. Господствующий тип – монголоидный. Оси лица равны, и некоторое, на взгляд, удлинение вертикальной оси получается из-за клиновидной бородки, придающей лицу слегка вытянутую форму. Из Китая был заимствован и один из способов установки балбала – при помощи шипа статуя крепилась в специально сделанном пьедестале. Среди других подражаний китайским образцам А.Н. Бернштам отмечает скульптурные пьедесталы для статуй и стел с надписями, а также высеченное в скале Иссыкатынского ущелья изображение Будды, аналогичное танским и сунским.

В период господства тюрок, таким образом, районы Семиречья и Центрального Тянь-Шаня стали местом сложения особой синкретической культуры, которая сформировалась на основе кочевой и среднеазиатской под сильным влиянием китайской традиции.

Карлукский этап VIII–X вв. принес в Семиречье существенные перемены: усилилась оседлость, начали возникать города, появилась более органичная связь тюркских кочевников с оседлым населением, наступила стабилизация караванных путей. Вместе с тем были продолжены тенденции проникновения китайских элементов в местную культуру. Во многом это было обусловлено политическими событиями в самом Китае, где в 846 г. верх одержало конфуцианство, и буддисты были вынуждены бежать, прежде всего в Восточный Туркестан и частично на территорию Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Именно с их приходом в искусстве этих регионов появляются новые стили⁸²⁰. Однако искусство карлукского периода носит переходный характер.

Картина резко меняется к концу X в. при сложении в Семиречье Караханидской династии. Характерной чертой этой эпохи является наиболее органичное включение Семиречья в центральноазиатскую общность, но вместе с тем и сохранение в Семиречье (меньше всего по Таласу, больше по р. Чу и особенно сильно на Тянь-Шане и в бассейне р. Или) – в разной степени и в различных проявлениях – черт самобытности. Новые черты, пришедшие с Востока, проявились в семиреченской полихромной керамике. Сюжетами росписи часто становилась вихревая розетка в центре чаш или цветная стилизация круга

---

⁸²⁰ Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане // ЗВОРАО. Т. XVIII. СПб. 1907–1908. С. 68–78.

из перлов. Аналогии этим мотивам встречаются в орнаментальных украшениях на фресках Синьцзяна⁸²¹, например, в «тысяче пещер» из Дуньхуана⁸²². Среди других мотивов росписи, появившихся, вероятно, под китайским влиянием, можно отметить стилистическую интерпретацию лягушки. Однако по сравнению со своим восточным прототипом она изображена более реалистично.

Культура Семиречья и Тянь-Шаня претерпела значительные изменения с приходом на эту территорию каракитаев. Важнейшим результатом археологических исследований памятников этого периода является обнаружение их культуры в г. Баласагуне и в двух других пунктах Чуйской долины (дома у с. Ворошиловское, поселение гончаров и могильник у с. Александровское). В ней ясно проявился синкретизм и объединение китайско-буддийской культуры с центральноазиатской. Хэнаньского типа скульптура, восходящая к вэйским стелам Будды⁸²³, сочетается здесь с глиняными статуями, ближайшие аналогии которых встречены в Миране. Караханидская керамика лежит вместе с селадоном, керамикой типа, известного по Хара-Хото, фарфором с кракля типа тин-яо. Китайские монеты еще времени Кай-юань (713–742 гг.) обнаруживались здесь вместе с караханидскими дирхемами, а кровельная черепица типа находок из Фурдучана украшалась здесь наклепами по китайскому образцу, орнамент которых представлял собой не обычную маску тао-тэе, а «сасанидский круг» с лотосом посередине⁸²⁴. Такого типа круг известен и на китайском шелке с тканым узором, где китайский лотос сочетается с подобными орнаментальными

---

⁸²¹ Аналогии можно встретить и в мусульманской керамике, но синьцзянские фрески относятся к более раннему периоду. См.: *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки ... С. 164.

⁸²² *Pelliot P.* Les Grottes de Touen-houang: Peintures et Sculptures Bouddhiques des Epoches des Wei, des T'ang et des Song. P.: Librairie Paul Geuthner, 1920–1924, 6 vols. Т. 1: Grottes 1 à 30. 1920. 8 p. 64 pl. 1 carte; Т. 4: Grottes 111 à 120. 1921. Pl. CXCIII à CCLVI; Т. 5: Grottes 120 à 146. 1921. Pl. CCLVII à CCCXX; Т. 6: Grottes 146 à 182 et divers. 1924. Pl. CCCXXI à CCCLXXVI.

⁸²³ Экспедицией под руководством А.Н. Бернштама были найдены фрагменты таких стел с изображением Будды, бодхисатв, мифических существ «фо» и т.д. См.: *Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» ... С. 145.

⁸²⁴ *Бернштам А.Н.* Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью // КСИИМК. XVII. 1947. С. 12–13.

ми кругами. Эти образцы шелка были найдены В.В. Радловым на Алтае, А. Стейном в Синьцзяне и т.д. А.Н. Бернштам относит происхождение таких тканей к районам Семиречья, объясняя это тем, что здесь имеется более всего доказательств сплетения китайских мотивов со среднеазиатскими⁸²⁵. На других памятниках каракитайской культуры: на тепе в районе с. Ворошиловское, у с. Александровское и на городище Космычи были обнаружены пряжки, серьги и подвески из белого и зеленоватого нефрита местного изготовления, но китайского типа. Все они имели фигурный удлинённый и конический контур с ажурными вырезами по краям и в центре, типа китайских «huan» и «qi»⁸²⁶.

Среди керамики сунского времени в Чуйской долине обнаружено несколько образцов фарфора и селадона, которые описаны А.Н. Бернштамом⁸²⁷. Встречается большое количество зеркал китайского происхождения, описанных выше.

Таким образом, каракитаи принесли в Семиречье и на Центральный Тянь-Шань мощную струю китайской культуры и прежде всего культуры, связанной с буддизмом. Однако ареал распространения каракитайской культуры гораздо меньше, чем территория, на которую распространилось китайское влияние⁸²⁸. Как отмечает А.Н. Бернштам, с каракитаями пришло буддийское искусство и китайские влияния, но они быстро растворились в искусстве Центральной Азии. Там, где преобладали каракитаи (Баласагун), родилось синкретическое искусство; там, где была более сильна местная среда (Тараз) – имели место лишь влияния⁸²⁹.

---

⁸²⁵ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки ... С. 170.

⁸²⁶ Illustrated Catalogue of Chinese government exhibits for the International exhibition of Chinese art in London. IV: Miscellaneous. Shanghai: Commercial Press, 1936. P. 89, № 9, № 23, P. 44; Siren O. Histoire des Arts anciens de la Chine, I. La période préhistorique l'époque Tch'ou et Tsin ... Tab. 69.

⁸²⁷ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки ... С. 171.

⁸²⁸ Каракитайская культура наблюдается в Чуйской долине; редко в междуречье Чу – Талас; в Таразе ее уже нет. В Таразе можно отметить лишь китайское влияние уже без синкретических элементов.

⁸²⁹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки ... С. 172.

Глава 3. Этнокультурные контакты Китая с населением Южной Сибири в средние века

Расположенная в непосредственной близости от центра материка, Южная Сибирь находилась в тесном взаимодействии с соседними высокоразвитыми цивилизациями. Во многом этому способствовало наличие здесь двух крупнейших сибирских рек – Оби и Енисея, связывавших территорию Южной Сибири и таежные пространства Северной Азии. С другой стороны, как часть Великого пояса евразийских степей Южная Сибирь впитывала и передавала все лучшие достижения скотоводческих обществ.

Южная Сибирь выделяется в особый историко-культурный регион на основе единства физико-географической среды обитания. На западе границы Южной Сибири простираются до р. Иртыш, откуда начинается казахский мелкосопочник, на востоке – до оз. Байкал и начала Восточносибирской тайги; на юге – до Убса-Нурской котловины, где проходит северная граница пустынь и полупустынь Монголии; на севере – до южной границы Западносибирской низменности, включая зону лесостепей – приобской, ачинско-мариинской, красноярско-канской.

В истории Южной Сибири средневековье занимает особое место и подразделяется на несколько хронологических периодов.

II в. до н.э. – V в. н.э. – хунно-сарматский период. При шаньюе Маодуне (206–174 гг. до н.э.) хунну создают крупное государственное объединение, распространившее свою власть от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Гоби и Ордоса на юге. Появление хунну способствовало сложению в Южной Сибири своеобразных локальных сарматско-хуннских культур на основе аборигенного населения Алтая, Тувы и Минусинской котловины. В середине I в. н.э. в результате внутренних социально-экономических и политических причин произошел раскол хуннского союза. Южные хунну попали под влияние Китая и в последующие века растворились в обширном китайском этносе. Северные же хунны пытались возродить былую мощь, охватив своим влиянием территории Центральной Азии и Южной Сибири. Этот процесс совпадает с усилением экономического, политического и культурного взаимодействия Китая с племенами Центральной и Средней Азии в последние века до н.э. и в первые века н.э.

VI–VIII вв. – период тюркских каганатов, который характеризуется широким расселением тюркских племен на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, на территории, покинутой местными телескими племенами. В результате процессов аккультурации складывается этнокультурная общность, которая может быть названа алтае-телескими тюрками.

VIII–IX вв. – период Уйгурского каганата, северная граница которого проходила по Западным Саянам. Появление уйгуров привело к исчезновению этнокультурного ареала древних тюрков. Население Центральной Тувы подверглось ассимиляции со стороны уйгуров. Однако на Горном Алтае и в Западной Туве продолжает развиваться культура алтае-телеских тюрков. На это же время падает расцвет культуры енисейских кыргызов.

IX–XI вв. – кыргызский период, когда в результате длительных кыргызско-уйгурских войн господство в Центральной Азии от уйгуров переходит к енисейским кыргызам. В это же время под давлением уйгуров часть алтае-телеских тюрков распространяется на север – в районы степного Алтая, Новосибирской и Кемеровской областей. Часть населения, прежде входившая в состав Уйгурского каганата, откочевывает на р. Иртыш, где принимает участие в сложении кимако-кыпчакского объединения. В состав государства енисейских кыргызов вошли территории Тувы, Монголии, Горного Алтая (фактически земли от оз. Байкал до р. Иртыш). Отсюда енисейские кыргызы совершали военные походы на юг, в Восточный Туркестан; на запад, до отрогов Тянь-Шаня; на север, в сторону Новосибирского и Томского Приобья; на восток, следуя за отступающими уйгурами, до верхнего Амура.

XI – начало XIII в. – период распада раннесредневековых этносоциальных объединений и постепенного исчезновения племен алтае-телеских тюрков, затем – племен кимако-кыпчакского объединения. Из кимако-кыпчакского объединения выделяется кыпчакский ареал, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в этнокультурной истории Евразии.

Последовательное наложение выделенных этнокультурных ареалов (древнетюркского, алтае-телеского, кыргызского, уйгурского, кимако-кыпчакского и т.д.) не только показывает динамику исторического развития этих народов на протяжении полутора тысячелетий, но

и демонстрирует многообразие этнокультурных процессов, происходивших в Южной Сибири в эпоху средневековья.

Из перечня предметов китайского импорта, найденных на памятниках Сибири⁸³⁰ начиная с древности и до средневековья, становится очевидным, что проникновение китайской культуры на Север было не только значительным, но и проходило поэтапно. Следуя за логикой материала, целесообразно рассмотреть и оценить влияние Китая на формирование южносибирских культур в соответствии с выделенными выше историческими периодами.

Отношения самих кочевников к возможности этнокультурных контактов с оседлым, в частности китайским населением, можно объяснить необходимостью экологической и экономической адаптации к внешнему миру. Она предполагала широкий комплекс различных вариантов, которые позволяли бы получать растительную пищу, богатую протеином, разнообразную продукцию ремесел и другие предметы, которые не могли производиться в силу тех или иных обстоятельств в степной среде⁸³¹. По мнению А.М. Хазанова, такая адаптация кочевников могла осуществляться самыми разнообразными способами, среди которых: 1) посредническая торговля между земледельческими цивилизациями и соучастие в ней; 2) широкие обменные и торговые связи с соседними оседло-земледельческими обществами; 3) периодические набеги, нерегулярный грабеж и разовая контрибуция с земледельческих обществ; 4) данническая эксплуатация и навязывание вассальных связей земледельцам; 5) завоевание земледельческих обществ; 6) вхождение в состав земледельческих государств в качестве зависимой, неполноправной части социума⁸³².

---

⁸³⁰ Типологию и описание китайских импортных изделий из раскопок археологических памятников на территории Южной Сибири см.: *Баранова Е.Б.* Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 138–202, 219–409. Табл. 3–18.

⁸³¹ *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 146.

⁸³² *Khazanov A.M., Crookenden J., Gellner E.* Nomads and the Outside World. 2nd ed. Wisconsin: University of Wisconsin press, 1994. P. 157–158.

Впервые подобная ситуация встречается в эпоху существования в монгольских степях империи хунну (209 г. до н. э. – 48 г. н. э.). В этот период в Восточной Азии сложилась биполярная картина мира, которая в тех или иных масштабах и вариациях просуществовала около 2 тыс. лет: китайские династии на юге и кочевые империи на севере. Хунну стали создавать городища и поселения на территории своих владений⁸³³. Например, в результате исследования хуннского памятника Иволгинское городище стало очевидным, что большую часть жителей составляло не хуннское население. Они занимались земледелием и ремеслом и снабжали продукцией своего хозяйства кочевников хунну⁸³⁴. Поэтому, возможно, переселение на территорию Северного Китая для кочевников было одним из вариантов экологической и экономической адаптации.

Из кочевых империй только в I и II Тюркских каганатах резко отрицательно относились к идее создания крепостей и земледельческих факторий внутри собственной империи. Тюркская доктрина антиурбанизма являлась главным стратегическим преимуществом номадов перед китайцами.

При изучении истории Южной Сибири начиная с III в. до н.э. необходимо учитывать несколько важнейших явлений. Во-первых, Китай начал активно прокладывать торговые пути на запад и столкнулся с варварскими кочевыми племенами. Во-вторых, в III–II вв. до н.э. в Центральной Азии сложился могущественный хуннский военный союз со ставкой в Южном Прибайкалье. Собственную культуру хунны строили на основе тех достижений, к которым пришли племена Ху в предшествующий скифо-тагарский период, но обогащали ее также лучшими достижениями Востока (прежде всего Китая эпохи Хань).

Хотя во взаимоотношениях зоны земледелия (Китая) с кочевыми районами (Сибири) материальный и духовный аспекты культуры воспринимались параллельно, материальная культура при контактах проявлялась более наглядно и особо привлекала внимание соседей. Это отразилось в процессах взаимообмена или заимствования отдельных черт культуры – искусства, ремесла, одежды, питания, жи-

---

⁸³³ Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

⁸³⁴ Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002.

лица, транспортных средств и т.д. Все эти аспекты в полной мере проявились в отношениях Китая со своими северными соседями – хуннскими племенами.

Археологические памятники хунну впервые были открыты в XIX в. в Забайкалье Ю.Д. Талько-Грынцевичем. В 16 пунктах в междуречье Джиды, Селенги, Чикоя и Хилки он раскопал более сотни могил. Самыми крупными памятниками оказались Ильмовая Падь и Дэрестуйский могильник. Иволгинское городище было открыто значительно позже. Интерес к этим памятникам возродился, когда в 1924–1925 гг. были исследованы богатейшие курганы в Ноин-Уле (в Монголии), которые дали аналогичный забайкальскому материал. С.А. Теплоухов уже тогда объединил все находки Монголии, юго-западного Забайкалья, Минусинского края и Алтая в одну культуру и предположил их принадлежность хунну⁸³⁵. Самый подробный анализ собранного на хуннских памятниках материала был сделан С.И. Руденко⁸³⁶. Археологические исследования хуннских памятников в Забайкалье и Минусинском крае проводили С.В. Киселев и Г.П. Сосновский; на Алтае – С.И. Руденко, М.П. Грязнов и С.В. Киселев; в Центральной Азии – М.П. Грязнов и А.Н. Бернштам и многие другие археологи. Ц. Доржсурен собрал первую сводку по находкам в хуннских погребениях Монголии⁸³⁷. Богатейший археологический материал по китайскому импорту, собранный за почти вековой период исследований, позволяет судить о глубине и масштабах проникновения влияния китайской культуры во все сферы кочевого общества.

По письменным источникам известно, как в результате частых военных столкновений между хунну и китайцами в среду кочевников могли попадать трофеи и пленные, знакомившие их с культурой и бытом Китая. Одним из важных путей проникновения китайского импорта в среду хуннов были многочисленные дипломатические визиты и мирные соглашения, которые сопровождались вручением обильных

---

⁸³⁵ Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.

⁸³⁶ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

⁸³⁷ Alard F. A Xiongnu Cemetery Found in Mongolia // *Antiquity*. 2002. Vol. 76. P. 637–638.

даров. С хуннской стороны они расценивались как замаскированная дань, а с китайской стороны – как подкуп правящей верхушки хуннского общества. В мирные периоды в приграничных районах действовали ярмарки, где кочевники могли обменять свою продукцию на китайские вещи.

Все эти факторы способствовали проникновению из Китая в среду хуннов главным образом шелка и шелковой ваты, вышитых шелком гобеленов и одежды, предметов домашней утвари (зеркал), продуктов земледелия – проса, риса, вина. Этим же объясняются находки китайских монет на хуннских памятниках. О популярности всего китайского в среде кочевников не раз сообщали письменные источники. Например, приближенный шаньюя Ляошана предупреждал его: «Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи и любишь китайские вещи. Если Китай употребит только одну десятую своих вещей, то до единого хунна будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его, тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им»⁸³⁸. С.И. Руденко даже заявлял, что «влияние Китая на хуннов со временем становилось значительным, что стало угрожать самостоятельности их культуры»⁸³⁹. Конечно, такое мнение несколько преувеличено, да и сам С.И. Руденко опроверг свое предыдущее заявление, признав, что проникновение китайской культуры в хуннскую среду было не столь глубоким⁸⁴⁰. Однако несомненно, что влияние ханьского Китая на духовную и материальную культуру кочевников было значительным.

Во-первых, связи с Китаем оказали большое влияние на появление и развитие оседлого земледельческого хозяйства у хуннов. Источники говорят о том, что до начала эпохи Хань хунны не умели возделывать землю. Известно, например, что в начале I в. до н.э. захваченный в плен китайский полководец Вэй Люй, ставший ближайшим

---

⁸³⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1950. С. 57–58.

⁸³⁹ Руденко С.И. Культура хуннов ... С. 96.

⁸⁴⁰ Там же.

советником шаньюя, посоветовал хуннам заняться земледелием, для чего он рекомендовал выкопать колодцы и построить города с амбарами для хранения хлеба. Предложение Вэй Люя, как сообщают источники, не было принято⁸⁴¹. Китайские источники также неоднократно отмечали отсутствие у северных «варваров» постоянных жилищ. Однако начиная с ханьского времени, когда хунны столкнулись с развитой оседло-земледельческой цивилизацией Китая, у них появляются поселения (уже известно около 220)⁸⁴². Именно в этот период, как свидетельствуют письменные и археологические материалы, на данной территории стали активно расселяться ханьцы, оказавшиеся по тем или иным причинам вдали от родины. В «Шицзи» сообщается, что в 110 г. до н.э. разгневанный шаньюй отправил китайского посла Го Цзи в ссылку на северное море (Байкал)⁸⁴³. В 107 г. до н.э. туда же был отправлен посол Лу Чун-го, а в 105 г. – еще два посланника. Как отмечает Сыма Цянь, хунны задержали всего 10 китайских посольств⁸⁴⁴. В 101 г. до н.э. все они были освобождены и возвратились, но уже в следующем 100 г. до н.э. на их место был отправлен очередной посол Су У, который прожил в районе Байкала около 19 лет и возвратился на родину лишь в 81 г. до н.э. Вначале Су У, как отмечают источники, жестоко страдал, питался травой. Позже к нему прибыл его друг, китайский полководец Ли Лин, который был пленен хуннами, остался служить у них и был возведен в княжеское достоинство⁸⁴⁵. Наглядным доказательством этих письменных свидетельств могут послужить результаты археологического исследования памятников хуннского времени (Иволгинского городища в Забайкалье, дворца в

---

⁸⁴¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 78.

⁸⁴² Киселев С.В. Древние города Монголии // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 г. М.: Наука, 1957. С. 5.

⁸⁴³ Причем Н.Я. Бичурин отмечает, что Байкал был обычным местом ссылки задержанных хуннами китайских послов. См.: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 68.

⁸⁴⁴ Там же. С. 70.

⁸⁴⁵ Шиобин В-Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири // ИВСОРГО. Т. 51. 1926. С. 167.

Хакасии), которые, по мнению Л.С. Васильева, А.В. Давыдовой, С.В. Киселева, Э.Б. Вадецкой и др., были основаны китайцами. Например, при раскопках Иволгинского городища было выявлено китайское влияние не только в технике строительства, форме строений, в типе отопительных труб по образцу традиционного «канна», но и в самом облике памятника, который был возведен в виде типично китайской крепости с системой оборонительных сооружений (вала и рва) против конницы. Найденная на городище керамика, бронзовые чаши, чугунные сошники выполнены в китайском стиле с иероглифами⁸⁴⁶. Очевидно, таким же форпостом китайской культуры в Сибири был и раскопанный Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой китайский дом в Абакане⁸⁴⁷. Нет сомнения в китайском происхождении строителей и обитателей этого дома. Это мог быть дом какого-нибудь плененного китайца, принцессы или китайская торговая фактория.

Естественно, что, постепенно осваивая основы китайского ремесла и строительного дела, хунны со временем начали создавать собственные оседлые поселения. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок С.В. Киселева в Монголии, где было обнаружено более десяти городищ ханьской эпохи, которые нельзя считать китайскими. По мнению Л.С. Васильева, эти городища принадлежали хуннам, осевшим на землю и занимавшимся земледелием. По сообщению из «Шицзи» в 119 г. до н.э. ханьские военачальники Вэй Цин и Хуо Цюйбин, войдя с войском в город Чжаосинь, захватили столько зерна, что им питались 50 тысяч воинов пять дней, а оставшееся зерно сожгли. В «Цяньханьшу» есть упоминание о том, что в 89 г. до н.э. хуннов постигла беда – людей и скот поразила эпидемия, а хлеб на полях не созрел⁸⁴⁸. Это свидетельство источника довольно убедительно говорит о том, что часть хуннов постепенно переходила к земледелию, что было, конечно, результатом влияния земледельческого Китая.

---

⁸⁴⁶ Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА. XXV. 1956. С. 268–296.

⁸⁴⁷ Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12. 1946. С. 72–84.

⁸⁴⁸ Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 42.

Во-вторых, китайское влияние проявилось и в предметах домашней утвари, например, на продуктах гончарного производства. Для хунну характерна посуда для приготовления еды в виде кринковидных горшков красноватого и бурого цвета с рифленой бороздкой или рельефной поверхностью⁸⁴⁹. Такие сосуды найдены в Бурятии (кроме Ильмовой и Черемуховой падей), на Иволгинском городище и поселении Дурень⁸⁵⁰, в Дэрестуйском могильнике⁸⁵¹, на Хара-Усу⁸⁵² и Ургун-Хундуе⁸⁵³, в Монголии на р. Хуни-Гол⁸⁵⁴, в Хакасии во дворце близ Абакана⁸⁵⁵. По форме эти горшки однообразны и равновелики: широкогорлые с отогнутым наружу и утолщенным венчиком, слабо выраженной шейкой с плечиками, с округлым и скошенным книзу корпусом, плоскодонные с отпечатками шипа от гончарного станка. Орнаментированы они, как правило, по шейке горизонтальной и волнистой врезной линией «змейкой» в один или два ряда. Снаружи поверхность горшков за исключением венчика покрыта косыми, резко выраженными бороздками от зубчатой лопатки.

Керамика с ребристой поверхностью встречается в Забайкалье с неолитических времен, однако близкие аналогии именно хуннских сосудов были распространены на территории памятников ханьского Китая⁸⁵⁶.

---

⁸⁴⁹ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // ТКОПОРГО. Т. I. Вып. 2. Иркутск, 1899. Табл. XVII, а 4, в 6. Табл. XVIII, 17, 18.

⁸⁵⁰ *Сосновский Г.П.* О поселении гуннской эпохи в долине реки Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. 1947. № 14. С. 37. Рис. 26; *Давыдова А.В.* Иволгинское городище // СА. XXV. 1956. С. 278. Рис. 10.

⁸⁵¹ *Сосновский Г.П.* Дэрестуйский могильник // ПИДО. 1935. 1–2. Рис. 4.

⁸⁵² Найдено А.П. Окладниковым в 1949 г.

⁸⁵³ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья // ТКОПОРГО. III. Вып. 2 и 3. 1902. Табл. IV, д, к.

⁸⁵⁴ *Доржсурен Ц.* Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-гол (1954–1957) // Монгольский археологический сборник / отв. ред. С.В. Киселев. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1962. С. 39. Рис. 8.

⁸⁵⁵ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 1951. С. 481. Табл. XV, 6.

⁸⁵⁶ *Hochstadter W.* Pottery and stonewares of Shang, Chow and Han // BMFEA. № 24. 1952. Tab. 13. Fig. 52.

Китайские аналогии в некоторых типах глиняной посуды дают нам основание говорить о заимствовании хуннами форм и технологии изготовления этих сосудов, или, скорее всего, об изготовлении их пленными китайскими мастерами⁸⁵⁷.

А.В. Давыдова писала о керамике из Иволгинского городища (типе, наиболее характерном и для всех остальных памятников хунну), что на территории Сибири подобной керамики нет, можно лишь отметить некоторое сходство с керамикой из плиточных могил Забайкалья. Аналогии иволгинской имеются в ханьской керамике, в которой мы находим и значительную часть форм, и отдельные приемы обработки поверхности и орнаментации сосудов. Таким образом, керамика отразила слияние местных традиций с влиянием внешним⁸⁵⁸.

В-третьих, следы проникновения элементов китайской культуры прослеживаются и в искусстве хунну. П.Б. Коновалов в своей диссертации⁸⁵⁹ выделяет несколько орнаментальных сюжетов, в которых это влияние проявилось особенно ярко: изображения борьбы ящерицеобразного дракона с двумя тиграми на бронзовой пряжке из Иволгинского могильника⁸⁶⁰; трафаретные в «китайском» стиле условные обозначения на теле животных на ноинулинских коврах⁸⁶¹; изображение рогатого и крылатого волка на костяной трубочке из Ильмовой пади⁸⁶²; орнамент на миниатюрной костяной подвеске из Ильмовой пади и на деревянном навершии из Ноин-Уль⁸⁶³. Из них только первые две вещи рассматриваются как произведения искусства, отражающие синтез скифо-сибирского и китайского элементов, остальные же являются привозными из Китая вещами.

В-четвертых, влияние Китая сказалось и в духовной сфере. Из письменных свидетельств, прежде всего «Шицзи» известно, что хунну

---

⁸⁵⁷ Давыдова А.В. Новые данные об Иволгинском городище // Тр. БКНИИ. Вып. 3. 1960. С. 162; Руденко С.И. Культура хуннов ... С. 60.

⁸⁵⁸ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1965.

⁸⁵⁹ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. книжное изд-во, 1976.

⁸⁶⁰ Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. Рис. 7.

⁸⁶¹ Руденко С.И. Культура хуннов ... С. 80. Таб. XII–XV.

⁸⁶² Там же. С. 82–83. Таб. XXXVI, 1 и 2.

⁸⁶³ Там же. С. 84. Таб. XXXIV, 3.

поклонялись дракону. «В день первого полнолуния нового года старейшины в большом количестве съезжаются в храм при шаньюевой орде. В пятый день полнолуния все собираются в Лунчэне (город Дракона), где приносят жертву своим предкам, Небу, земле и духам»⁸⁶⁴. Археологические раскопки также свидетельствуют о том, что хунну высоко чтили дракона, и его образ занимал значительное место в их духовной жизни. В начале 1980-х годов в Хакасии были найдены хуннские бронзовые котлы с изображением дракона. Причем его фигура у хунну полностью совпадала с изображением дракона у китайских земледельцев⁸⁶⁵.

Таким образом, сведения письменных источников, подтвержденные археологическими данными, убеждают в том, что в эпоху Хань влияние китайской культуры на кочевников было глубоким и разносторонним. Не только сами вещи, но и технология их изготовления, опыт и навыки китайских мастеров, достижения агротехники и ремесла распространялись в это время далеко за пределы китайских границ.

В эпоху, синхронную с периодом хуннского преобладания в Центральной Азии, произошли серьезные перемены и в развитии южно-сибирских народов, что ярко отразилось в большом своеобразии дошедших до нас памятников. В рамках темы нашего исследования актуален аспект китайского влияния на формирование этих культур. Этот вопрос неоднократно поднимался А.Н. Бернштамом, С.В. Киселевым, В.С. Таскиным, Л.Р. и И.Л. Кызласовыми, Э.Б. Вадецкой и другими учеными. С.В. Киселев, например, считал, что дворец, раскопанный под Абаканом (в Хакасии), построен непосредственно китайскими мастерами, а найденные здесь вещи, даже местного производства, сделаны в китайском стиле. Изучив весь комплекс китайских материалов, найденных в Сибири, он пришел к заключению о возможности

---

⁸⁶⁴ Бичурин Н.Я. *(Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 49.

⁸⁶⁵ В 1987 г. археологи КНР обнаружили в кургане Сишуйпо – недалеко от города Пуянь (в провинции Хэнань) три группы вставок с изображением дракона, инкрустированные раковинами беззубки (созданы около 5500 лет назад). В 1980 г. в развалинах около г. Чифэн в автономном районе Внутренней Монголии КНР нашли изображение дракона, вырезанного из нефрита (около 5000 лет назад).

проникновения сюда китайской культуры через посредников – хуннов или алтайских племен, о существовании торговых связей и даже о непосредственном проживании китайцев на этой территории⁸⁶⁶. Аргументы С.В. Киселева были впоследствии значительно дополнены новыми археологическими исследованиями.

Как элемент возможного китайского влияния на культуру Южной Сибири можно рассматривать ритуал захоронения в могильниках кукол-манекенов. Такого мнения придерживались, например, А.В. Андрианов и С.А. Теплоухов⁸⁶⁷. Долгое время считалось, что куклы изображают людей, сопровождающих покойников в загробный мир. Подобные погребальные обычаи широко распространены в Китае и отражены в археологических материалах, письменных источниках, в китайской этнографии. Наибольшую известность получили тысячи керамических воинов, обнаруженных у гробницы императора Цинь Шихуана (III в. до н.э.) и рядом с гробницами военачальников эпохи Западная Хань в местечке Янцзявань⁸⁶⁸. Также было характерно класть в китайские могилы изображения слуг. Для бедных могил ханьского периода изготавливали деревянные фигурки, для богатых – глиняные⁸⁶⁹. Характерна для Китая и традиция бросать в могилу умершего мужа какой-то символ жены, иногда соломенный манекен. Похожий обряд Э.Б. Вадецкая проследила и в гробницах шаньюев в горах Ноин-Улы в Монголии. В трех курганах Ноин-Улы найдены 14, 21 и 85 кос, большинство из которых находились в шелковых, иногда орнаментированных футлярах. Она предположила, что в могилы были положены не одни косы, а куклы, от которых остались косы, поскольку кроме кос (без футляров, кос в футлярах и одних футляров) имелись пучки волос, имитирующие иную прическу, и даже скальп с косой (такой же, как на одной таштыкской кукле)⁸⁷⁰. Китайские источ-

---

⁸⁶⁶ Киселев С.В. Древняя история ... С. 268.

⁸⁶⁷ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 185.

⁸⁶⁸ Кожанов С.Т. снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняной скульптуры Янцзявань) // Древние культуры Китая: палеолит, неолит, эпоха металла / Серия «История и культура востока Азии». Новосибирск: Наука СО, 1985. С. 112–113.

⁸⁶⁹ Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА. 1959. № 3. С. 34.

⁸⁷⁰ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири ... С. 186.

ники отмечают, что после смерти шаньюев вместе с ними могли быть погребены более сотни приближенных⁸⁷¹. В самом Китае жертвоприношения практиковались с древнейших времен⁸⁷². Впоследствии реальные жертвоприношения стали заменять символическими с использованием кукол-манекенов.

На Енисее подобные обычаи фиксируются начиная с хунно-сарматского времени, одновременно с проникновением на эту территорию других элементов китайской культуры. Погребальные манекены не только по идее, но и по форме исполнения выглядят заимствованными из Китая⁸⁷³.

Немаловажную роль в погребальном обряде южносибирских народов этого периода играли погребальные маски – глиняные или гипсовые скульптуры, вылепленные по голове трупа или куклы в 3/4 головы или целые головы, несъемные, глухие. Э.Б. Вадецкая считает, что эти маски более близки по своим функциям не маскам-накладкам, найденным на Украине, в Поволжье, на Каме, в Киргизии, а скульптурам и могут быть сопоставлены как с китайскими керамическими фигурками воинов, так и со среднеазиатской и восточно-туркестанской светской и религиозной скульптурой⁸⁷⁴. Не затрагивая в данном случае вопрос о среднеазиатских аналогиях сибирским маскам, отметим лишь некоторые аспекты влияния восточно-туркестанской или китайской цивилизации, выделенные Э.Б. Вадецкой. Во-первых, китайские статуэтки раскрашены разными красками, на них изображены одежда, доспехи, прически, головные уборы. Изображение волос имеется и на сибирских бюстах: на них иногда нарисованы или приклеены бусы. Головные уборы (из глины) обнаружены в курганах у сел Береш и Шестаково. Лица сибирских скульптур всегда раскрашены, иногда ангобированы. Во-вторых, имеется большое количество орнаментов неместного происхождения, в том числе китайских. Например, на круглых бляшках расположены несколько штампов, схожих между

---

⁸⁷¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 50.

⁸⁷² Кучера С.Н. Проблемы древней истории Китая в археологической науке КНР // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 29, 33, 57. Примеч. 18, 19.

⁸⁷³ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири ... С. 186.

⁸⁷⁴ Там же. С. 187.

собой. Это центральная выпуклость, вокруг которой размещены еще 6 крупных или 12 мелких. Штамп имитирует центральную часть концевых дисков ханьских черепиц, широко распространенных и за пределами собственно Китая⁸⁷⁵. Неместными сюжетами являются силуэты животного кошачьей породы и грифона, спираль, а также растительные узоры. На последних изображены какие-то растения, иногда с листьями типа ивы и зернами⁸⁷⁶. В-третьих, росписи глиняных и гипсовых лиц поверх гипсового покрытия в виде завитков и спиралей имитируют те, что отлиты на личинах от дверных ручек китайского дворца под Абаканом.

Многие китайские погребальные обряды сопровождались жертвоприношениями людей, а впоследствии изготовлением не только кукол, но и специальных вещей. При этом ритуальным цветом был красный. Аналогичную традицию можно наблюдать и у южносибирских народов (в частности у таштыкцев): захоронение манекенов, изготовление масок, погребальных деревянных моделей кинжалов в ножнах, луков, древков стрел, зачастую окрашенных в красный цвет.

Влиянием земледельческих цивилизаций можно объяснить появление некоторых специфичных традиций у скотоводов. Например, подсыпание под головы покойников (могильники Оглахты, Салбык) мелких семян типа проса или китайской чумизы. Именно в похоронных обрядах китайцев существовало представление о связи проса и усопших. По всему Северному Китаю в праздник Поминовения усопших был распространен обычай поклоняться просу и конопле. Стебли проса клали у дверей, очага, семейного алтаря, а снопы – у ворот. Их раскладывали на семейном кладбище, жгли и т.д. В китайском фольклоре мертвые, возвратившись в лоно земли-матери, оберегают семью новой жизни⁸⁷⁷.

Свидетельством непосредственных контактов населения Китая и Сибири является сложившаяся в первых веках гибридная сибирско-китайская форма зеркала, с приподнятым бортиком и шишкой-петлей

---

⁸⁷⁵ Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. 1959. № 3. С. 160–161.

⁸⁷⁶ Курочкин Г.Н., Павлов П.Г. Постагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. Рис 1, 2.

⁸⁷⁷ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: годовой цикл. М.: Наука, 1989. С. 39, 79.

в центре. Такие зеркала найдены на северных границах Китая⁸⁷⁸, на Алтае, Енисее, в Туве.

В целом, проживание китайцев на территории Южной Сибири нашло отражение в архитектуре отдельных городищ (Абаканский дворец и его окрестности), в появлении свиноводства, земледелия, ирригационных систем, в росписи гипсовых масок, в сходстве китайских и местных верований. Наглядным примером проникновения сюда китайских орнаментальных мотивов может служить криволинейный узор в виде параллельных спиралей, концентрических кругов, полуovalов и т.д. Они нанесены при росписи гипсовых масок, вырезаны на костяных, деревянных и берестяных изделиях, которые сами по себе составляют инновации в местной материальной культуре.

В связи с этим встает вопрос о путях проникновения китайского влияния на территорию Южной Сибири в первых веках н.э. Решение этой проблемы напрямую связано с политической обстановкой, сложившейся в регионе. Особого внимания заслуживают взаимоотношения кочевых народов, живущих вдоль Шелкового пути, и людей, по этому пути следовавших. По описаниям путешественников, существовало соглашение, своего рода «караванное право», которое описывало способы соглашения с кочевниками для получения права на проход каравана⁸⁷⁹. Правила караванных соглашений оставались практически неизменными на протяжении функционирования Шелкового пути. А вот сами кочевые народы, проживающие вдоль караванных трасс, часто менялись⁸⁸⁰.

Известно, что большинство торговых путей, соединявших Китай с другими землями, контролировали хунны. Однако после их разделения на северных и южных в середине I в. до н.э. и после того, как они проиграли войну китайцам, хунны потеряли контроль над всеми торговыми дорогами и сами попали в зависимость от Хань. В то же время

---

⁸⁷⁸ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Колл. монография / отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Восточная литература, 1992. С. 377–378.

⁸⁷⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / ред. ак. И.Ю. Крачковский. Пер. и коммент. А.П. Ковалевский. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1939. С. 62–63.

⁸⁸⁰ Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1966. С. 384–387; Королук В.Д. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976.

для Китая сложилось благоприятное положение в Западном крае. С установлением китайского протектората над Восточным Туркестаном (с середины I в. до н.э.) китайцы стали контролировать все участки Шелкового пути, в том числе и ведущие в Сибирь. Более того, они проложили в Восточном Туркестане новый тракт, соединяющий их юго-восточные и северные колонии, что позволило им передвинуть свои посты к северу. Вследствие этого борьба китайцев с хуннами за торговые пути была перенесена на территорию северного Синьцзяна и сибирские окраины. Как самые северные государства, созданные китайцами, источники упоминают Северное и Южное Цзюйши, за северными пределами уже созданного ранее государства Дальнего Цзюйши, у Монгольского Алтая. В новых государствах преобладало кочевое население и не было постоянной резиденции китайского правителя⁸⁸¹. На новых территориях они создавали гарнизоны и особые военно-земледельческие поселения из «пахотных солдат», которые обрабатывали землю, проводили оросительные каналы, организовывали торговый обмен с местным населением. Однако первая колонизация Восточного Туркестана оказалась кратковременной, так как в I в. хуннам вновь удалось захватить контроль над торговыми путями. Поселения китайцев с Сибири оказались отрезанными от других колоний, и их жители были вынуждены приспосабливаться к местным условиям. Версия о существовании китайской колонии на Енисее (со второй половины I в. до н.э. по 25 г.), по мнению Э.Б. Вадецкой, объясняет инновации, появившиеся в это время в местной культуре южносибирских народов⁸⁸².

Китайская колонизация Западного края возобновляется с конца I в. н.э. Из Китая через туркестанские колонии поступают шелковые ткани, лаковые изделия, зеркала и т.д. Доказательством этому могут служить находки совершенно идентичных полихромных тканей в могильнике Оглахты на Енисее и в китайской колонии Лоулань (III – начало IV в.).

Примерно с III в. н.э. до эпохи династии Тан отношения Китая с Севером были ограничены. Об этом свидетельствует очень небольшое количество китайских монет, найденных на сибирских памятниках этого времени, например, на Енисее всего 4 монеты VI в. С.В. Кисе-

---

⁸⁸¹ Там же. С. 250–260.

⁸⁸² Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири ... С. 192–195.

лев объясняет это военной слабостью Китая и противодействием со стороны жуань-жуаней и тюрок, которые в первый период их господства создавали серьезное препятствие для связей с Китаем.

Торговые отношения значительно оживились в VII в., когда в 20-х годах Танская империя завоевала восточных тюрок. Этому времени соответствуют находки в Минусинской котловине – 45 монет Танской династии чеканки 621 г. Империя Тан устанавливает прямые дипломатические и торговые связи с усилившимся Кыргызским государством. Эти контакты начались с отправки в 633 г. в государство кыргызов посланника Ван И-хуна и регулярно продолжались в течение ста с лишним лет. По сведениям письменных источников, с 643 по 747 гг. было зарегистрировано 11 кыргызских посольств. Посольства с почетом принимались при дворе и богато одаривались.

Об активных внешних связях Южной Сибири в VII–XI вв. говорит археологический материал. Большая часть его иллюстрирует связи кыргызов с Танской империей. Это, прежде всего, бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. Всего более 90 зеркал периодов Суй и Тан обнаружено в Минусинской котловине и окружающих ее районах.

На обломке танского зеркала (VIII–IX вв.) из Минусинских степей еще академиком В.В. Радловым была прочитана руническая владельческая надпись: «человек... это обломок моего зеркала ...»⁸⁸³. Это повышает значимость находки: владельческие надписи делались на далеко не случайных вещах. Интенсивность распространения зеркал за северные и западные пределы Древнего Китая нарастает еще начиная с Циньской династии, когда усиливается внешняя экспансия Китая. Китайский перебежчик евнух Чжунхан Юэ, ставший одним из идеологов хуннов в I в. до н.э. объяснял это тем, что, усиливая приобщение хуннов к китайской культуре, распространяя моду на эту культуру, имперские власти создают особую форму зависимости кочевого населения от земледельческого Китая, хотя в условиях степей эта бытовая и

---

⁸⁸³ *Рыгдылон Э.Р.* Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // ЭВ. Вып. 5. 1951. С. 118. Примеч. 2. Рис. 7; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. С. 57, № 72. С. 124; *Рыгдылон Э.Р.* Новые рунические надписи Минусинского края // ЭВ. Вып. 4. 1951. С. 92. Рис. 7.

общественная культура оказывается несостоятельной. Однако это справедливое и рациональное объяснение необходимо дополнить в отношении зеркал еще и иррациональным с современных позиций моментом. Ведь одной из важных целей внешней экспансии времен ханьского императора У-ди (140–87 гг. до н.э.) являлись поиски страны бессмертных и возможностей достижения бессмертия для императора (в последующие века память об этой составляющей внешней политики Древнего Китая в народном сознании обрела крайне фантастический вид)⁸⁸⁴. Надписи на некоторых видах зеркал должны были предохранять китайцев⁸⁸⁵.

Еще одно направление использования зеркал указано в одной из новелл сборника «Цзин бэнь тунсу сяшо» («Столичные сюжеты популярных рассказов»), относящегося к концу династии Сун (XIII в.)⁸⁸⁶. Разлученные молодожены, расставаясь, разделили на половинки зеркало, которое наследовалось в роду мужа. Через 20 лет, при случайной встрече, удалось вновь соединить принадлежавшие им половинки зеркала, чем был подтвержден факт заключенного между ними брака. Обычно на украшениях их изображают парой уток с переплетенными шеями⁸⁸⁷. Аналогичным образом закреплялись и договора в случае, если они заключались на длительное время и при отсутствии постоянного взаимного общения их участников, допускающие возможность передачи договорных прав другому лицу (допустим, наследнику или кредитору). Особенно примечательным является такой способ подкрепления договоров тем, что в описанное время уже много веков функционировала транзитная трансевразийская дорожная сеть. Существование длительных торговых контактов требовало для их обеспечения различного рода документального инструментария.

---

⁸⁸⁴ *Loewe M.* Chinese Ideas of Life and Death: Faith, Myth and Reason in the Han Period (202 BC – 220 AD). London; Boston: Allen & Unwin, 1982. rpt., N.Y.: Dorset, 1988; *Ibid.* Records of Han Administration. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1967; *Ibid.* Ways to Paradise: The Chinese Quest for Immortality L.: Allen & Unwin. 1979.

⁸⁸⁵ *Karlgren B.* Early Chinese Mirror Inscriptions // *BMFEA*. 1934. № 6. P. 9–79; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины ... С. 39.

⁸⁸⁶ См.: Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы / пер. И.Т. Зограф. М.: Восточная литература, 1962.

⁸⁸⁷ *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у села Копёны // *ТГИМ*. 1940. Вып. XI. С. 47. Рис. 50.

Представляется, что одной из его разновидностей является договор, заключенный над обломками зеркала: соединение обломков в неразрывное целое становилось гарантией реальности договора. Договор, очевидно, подкреплялся как устными, так и письменными условиями, но гарантией правомочности участия в нем определенных лиц служили обломки зеркала, которыми они располагали.

Таким образом, Минусинский регион – это крупнейший центр находок танских зеркал за пределами собственно Китая. Среди находок представлены все основные типы зеркал того времени, а некоторые из них встречаются впервые⁸⁸⁸.

Находка значительного количества танских монет (340)⁸⁸⁹, хранящихся в Минусинском музее, свидетельствует о том, что эти монеты имели хождение в древнехакасском государстве. По мнению исследователей, через одно из кыргызских посольств в Минусинскую котловину попала уникальная позолоченная монета *цяньчжун юаньбао*, происходящая из дворца танских императоров⁸⁹⁰. К эпохе Тан восходят также находки шелковых камчатных тканей на Алтае и в Туве.

Некоторая часть танских изделий шла в Южную Сибирь по юго-восточной дороге через Ордос, Монголию и Туву. Дорога была длинной и нелегкой. Большое число танских вещей попало к кыргызам после разгрома ими уйгуров в 840 г. и установления прямых контактов с Танской империей. Часть этих изделий попала через Минусинскую котловину по Кыргызской дороге, значение которой как торгового пути возросло в период уйгурской блокады⁸⁹¹.

Однако, как показывает археологический материал, связи с Китаем в это время не ограничивались только экономическими. Сибирские

---

⁸⁸⁸ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М.: Наука – Вост. лит., 1994. С. 267.

⁸⁸⁹ Монеты в основном относятся к типу *кайюань*, на одной из них вырезана руническая надпись «одна расходная монета».

⁸⁹⁰ Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // ВДИ. 1960. № 2. С. 139–141; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 120–121; Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 157–158.

⁸⁹¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути ... С. 267.

народы, как и прежде, перенимали некоторые лучшие достижения китайской цивилизации.

Так, китайское происхождение имеет один из типов стремян, появившийся в Южной Сибири после VI в.⁸⁹² Он отличается тем, что на вершине дуги стремени имеется пластина, в которой пробито ушко для путлища. Большинство стремян этого типа имеет квадратную пластинку. У некоторых стремян пластинка сильно вытянута вверх. Такие стремена отличаются еще изогнутостью нижней части боковых дуг при переходе их в подножие. Китайские стремена были найдены в Уйбатском⁸⁹³ и Копенском⁸⁹⁴ чаатасах, в погребениях Капчалы I⁸⁹⁵. Этот тип аналогичен только бронзовым стременам, найденным в Китае⁸⁹⁶. Например, найденное в кургане № 5 Уйбатского чаатаса стремя украшено богатой инкрустацией: среди серебряных завитков растительного узора и цветов порхают птицы из золотистой бронзы. Этот орнамент находит себе полную параллель в китайском искусстве Танской эпохи и позднее⁸⁹⁷. Стремена с пластинчатым ушком впоследствии стали делать и на Енисее (в IX–X вв.), на что указывает их находка в Тюхтятском кладе⁸⁹⁸. Находка в тайнике № 1 кургана Копенского чаатаса разрозненных фигурок из золотой фольги, составлявших, как это удалось выяснить автору раскопок С.В. Киселеву, определенную композицию в седельном убранстве⁸⁹⁹, теперь, благодаря обнаружению в комплексе VII в. могильника Астана в Турфанском оазисе кусков шелковой ткани, украшенных композицией, аналогичной реконструи-

---

⁸⁹² Киселев С.В. Древняя история ... С. 326. Табл. LIV. Рис. 12.

⁸⁹³ Уйбат 1. Курган № 5. Раскопки С.В. Киселева, 1938 г.

⁸⁹⁴ Копёны. Курганы № 2 и № 7. См.: Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у с. Копёны ... Табл. LIX. Рис. 6. Рис. 37.

⁸⁹⁵ Капчалы I. Курганы № 4 и № 5. Раскопки В.П. Левашовой, 1934 г.

⁸⁹⁶ Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Leipzig; L.: Princeton, 1929. Tab. XXIII. Fig. 4.

⁸⁹⁷ Ashton L., Gray B. Chinese Art. L., 1936. P. 150 (золотой диск эпохи Тан, украшенный аналогичными цветами); Tch'ou Tò-yi. Bronzes antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo et Cie / Preface and notes by Paul Pelliot. P.; Brussels: G. van Oest, 1924. Tab. XXXVI (зеркало эпохи Тан с аналогичными птичками); Там же. Tab. XXXVII (зеркало эпохи Цзинь с аналогичным орнаментом).

⁸⁹⁸ Хранится в Минусинском музее. № 5183 и сл.

⁸⁹⁹ Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у села Копёны ... С. 21–45. Табл. 1–8.

рованной⁹⁰⁰, позволяет предположить существование единой художественной школы.

Этот тип стремян распространяется и на юг Европейской части России. Там они найдены в Перещепинском кладе VII в.⁹⁰¹, в инвентаре Верхне-Салтовского могильника⁹⁰², в Воробьевском могильнике близ Воронежа⁹⁰³ и в могильниках VI–IX вв. на Северном Кавказе⁹⁰⁴. В Венгрии этот вид стремян впервые появляется в VI в. и широко распространяется в VII и VIII вв.⁹⁰⁵ Позднее, с IX в. его заменяют стремяна с четырехугольным ушком наверху дуги. Эти стремяна, по мнению С.В. Киселева, также восточного происхождения. Они имеются среди случайных находок в Минусинском музее⁹⁰⁶. Некоторые имеют ушко, украшенное головками животных совершенно так же, как украшено головами драконов хранящееся в Минусинске бронзовое стремя китайского происхождения.

Во многих курганах VI–VII вв. были найдены выполненные на гончарном круге высокие сосуды, так называемые кыргызские вазы⁹⁰⁷. Специфической особенностью этих ваз было своеобразное качество глины. Тонко отмученная, после обжига она превращается в звонкий черепок, напоминающий больше всего не керамику, но камень серого цвета. Аналогичное качество было характерно для китайских черепиц и отделочных плит стен китайского дома под Абаканом ханьского времени. Не менее близки к кыргызским вазам по качеству глины и обломки сосудов из хуннских курганов Ноин-Улы. Зато полную аналогию по внешнему виду вазам С.В. Киселев находит в некоторых сосудах, найденных в Северном Китае, Монголии и Бурятии⁹⁰⁸. Особенно

---

⁹⁰⁰ *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. С. 305.

⁹⁰¹ *Бобринский А.А.* Перещепинский клад // МАР. № 34. 1914. Табл. VII. Рис. 15 и 16.

⁹⁰² Труды XII Археологического съезда / под ред. графини П.С. Уваровой. М., 1905. Табл. XXII. Рис. 101, 102.

⁹⁰³ *Archaeologia Hungarica.* Budapest, 1935. XVI. Tab. V. Fig. 3.

⁹⁰⁴ *Ibid.* Tab. V. Fig. I, II.

⁹⁰⁵ *Киселев С.В.* Древняя история ... С. 326.

⁹⁰⁶ Минусинский музей. № 6417–6419, 6443, 6571.

⁹⁰⁷ *Киселев С.В.* Древняя история ... Табл. LIV. Рис. 6–9.

⁹⁰⁸ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади ...; *Он же.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья ...

близка к кыргызским ваза, найденная в кургане VI–VII вв. в урочище Наинтэ-Сумэ в Монголии⁹⁰⁹. Сходство здесь подчеркнуто не только единством формы и качеством материала, но и тождеством орнамента. Как монгольская, так и большинство енисейских «кыргызских vaz» украшены широким поясом идущего по плечам елочного орнамента, нанесенного путем последовательных отпечатков штампа⁹¹⁰.

Таким образом, техника, форма и печатная орнаментация «кыргызских vaz» воспроизводят китайские приемы. Китайская техника обработки глины, дававшей после обжига «каменный» черепок, стала известна в Сибири на рубеже н.э. (черепицы из китайского дома в Хакасии). Форма vaz была разработана в Китае в VI–VII вв. Основанием этому служит наличие в Бурятии и Монголии еще в хуннскую эпоху крупных сосудов, по форме своей близких к вазе из Наинтэ-Сумэ и к аналогичным ей «кыргызским».

Большое количество таких vaz, обнаруженных в Южной Сибири, свидетельствует о тесных отношениях проживающего здесь населения с Монголией и Китаем. На то, что в этих связях кыргызы занимали исключительное положение сравнительно с другими сибирскими народами, указывает распространение vaz. Они найдены только в Монголии и Бурятии и в особенно большом числе в Минусинской котловине. Этот факт указывает на наличие деловых связей кыргызов с населением Монголии в эпоху Тюркского каганата в разгар военных столкновений с Китаем.

Перерыв в отношениях с Китаем, со второй половины VII в. до середины VIII в., отмечен отсутствием в Южной Сибири китайского нумизматического материала. С.В. Киселев связывает это с войной орхонских тюрков против китайцев, закончившейся восстановлением самостоятельности каганата в 682 г., что опять затруднило отношения кыргызов с Китаем. Дипломатические же отношения, которые кыргызы, по сведениям китайских хроник⁹¹¹, поддерживали, отправляя в Китай посольства, носили в этот период стратегический характер, поскольку кыргызы были союзниками Империи в войне против тюрков.

---

⁹⁰⁹ Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. Л.: Изд. АН СССР, 1927. Табл. II. Рис. 5.

⁹¹⁰ Киселев С.В. Древняя история ... С. 332.

⁹¹¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 499.

Археологические памятники VIII–IX вв. на территории Южной Сибири относятся к периоду существования в Центральной Азии Уйгурского каганата. Его западная граница проходила по Восточному Алтаю, восточная достигала верховьев Амура и современной территории Маньчжурии, южная – танского Китая, а северная – оз. Байкал. Уйгуры распространяли свое влияние также на Туву и на Хакасию⁹¹². На начальном этапе уйгурского периода связи с Китаем несколько активизировались⁹¹³. На первые годы их владычества (758–759 гг.) приходится находки 13 монет. Однако, как отмечает китайская хроника, после 758 г., когда уйгуры завоевали кыргызов, «хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство»⁹¹⁴, т.е. уйгуры блокировали традиционные торговые пути. И действительно, в минусинской коллекции имеется только 6 монет этого времени (780 г.).

Однако сами уйгуры довольно активно использовали в хозяйстве предметы китайского производства. Об этом свидетельствуют находки из крепости у г. Шагонара. При раскопках цитадели были обнаружены обломки танского фарфора. Нередки находки шелковых тканей и даже танских плугов (найлены железные чечевицеобразные отвалы сложного плуга).

Важным источником, характеризующим китайско-центрально-азиатские отношения периода Уйгурского каганата, могут стать предметы торевтики. На территории Южной Сибири в это время появляются новые мотивы декорирования. Детально мотивы декорирования, заимствованные из сасанидского искусства, проанализировал Б. Гилленсврд⁹¹⁵. Среди них он выделяет: сцены охоты; изображения сокола и зайца; пейзажи с животными; сюжеты, где противопоставлены

---

⁹¹² *Arden-Wong L.A.* The socio-political impact of manichaeism on the Orkhon Uighur khaganate // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 296–299.

⁹¹³ *Beckwith C.I.* The Impact of Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1991. № 34. Vol. 3. P. 183–198.

⁹¹⁴ *Ibid.* С. 450.

⁹¹⁵ *Gyllensvärd B.* T'ang Gold and Silver. Göteborg: Elanders Boktr, 1958. P. 108–135.

птицы и животные; изображения пиршественных сцен; растительные побеги, цветочные завитки, виноградные побеги с плодом граната; цветочные побеги и т.д. В декоре торевтики из Южной Сибири второй половины I тыс. встречаются почти все из перечисленных Б. Гилленсвордом художественных мотивов. Охотничьи сцены запечатлены на бронзовых рельефах из 6-го кургана Копёнского чаатаса и енисейском кубке, изображение которого сохранилось только в рисунке Д.Г. Мессершмидта. Растительные побеги, виноградная лоза, гроздь винограда, бордюры из лилий, цветочные розетки украшают поясные и сбруйные наборы южносибирских кочевников. Наибольшей популярностью заимствованные орнаментальные мотивы в Южной Сибири пользуются в VIII–X вв., в период расцвета художественной обработки металла в этом регионе⁹¹⁶.

Однако анализ южносибирской торевтики имеет ряд свидетельств в пользу того, что в области художественной обработки металла также в значительной степени проявилось китайское влияние. По стилю воплощения иранских мотивов южносибирская торевтика ближе к танским образцам. Ряд декоративных мотивов на южносибирской торевтике является копией типично китайских орнаментальных мотивов: грибовидные облака, птицы с распростертыми крыльями с орнаментальными завитками по бокам и другие⁹¹⁷. Также в материалах южносибирской торевтики присутствует значительное количество предметов, изготовленных непосредственно в Китае. Помимо зеркал к ним можно отнести ряд изделий из «белого металла» («белой меди»), не характерного для местного ремесла. «Белая медь» – это соединение серебра с медью и никелем. Данный сплав был распространен в танскую эпоху, а научились его делать еще во времена Хань.

Таким образом, мастера Южной Сибири располагали изделиями китайского производства, которые могли быть первоисточником как иранских мотивов декорирования металлических изделий, так и типично китайских.

---

⁹¹⁶ Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. Иранские мотивы в средневековой торевтике Южной Сибири. // Семантика древних образов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 118–125.

⁹¹⁷ Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Наука СО, 2000. С. 189–195.

Перерыв во взаимоотношениях с Китаем длился вплоть до 40-х годов IX в., когда войска кыргызов разбили уйгуров и заняли господствующее положение в Центральной Азии. В результате разгрома уйгуров и захвата значительных территорий Монголии и Восточного Туркестана кыргызское государство в течение последующих 70 лет становится ведущей силой в Центральной Азии. После почти столетнего перерыва кыргызы вновь восстанавливают свои внешние торговые и политические связи. Сохранились сведения о посылке в слабеющую империю Тан в 843 г. трех кыргызских посольств⁹¹⁸, которые посещали Китай в период между 860 и 873 гг.⁹¹⁹ Сведения о том, имелись ли впоследствии, во время полного развала и гибели империи Тан, какие-нибудь посольства и были ли им дарованы жалованные грамоты, отсутствуют, поскольку историки не вели записок⁹²⁰.

Однако, как показывают археологические материалы, IX в. был пиком в отношениях кыргызов с Китаем. К этому времени относятся находки 237 монет, относящихся к 841–846 гг., и 88 китайских зеркал⁹²¹. Причем предметы китайского импорта были так популярны у местного населения, что объем ввозимых товаров не мог удовлетворить спрос. Поэтому в кыргызском государстве широко практиковалось изготовление местных подражаний китайским предметам, например, зеркалам. Как отмечает Е.И. Лубо-Лесниченко, для этого в Минусинской котловине существовали необходимые условия: сырье и высокоразвитое ремесло. Характерная черта зеркал этого времени – наличие явной разницы между привозными зеркалами и местными отливками. Привозные зеркала имеют характерный для танского времени белый металл и тщательно выполненный орнамент с проработанными деталями. Как правило, они массивны. У местных отливок орнамент обычно стертый или размытый, часто с плохо различимыми

---

⁹¹⁸ Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипинь цзи» // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. 1. Вып. 1. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. С. 68.

⁹¹⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена ... Т. I. С. 357.

⁹²⁰ Там же.

⁹²¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины ... С. 16.

детальями. Металл местных зеркал, в отличие от танских, желтый и, как правило, покрыт темной патиной. Это различие в составе металла подтверждается спектральным анализом, дающим точный критерий для разделения этих двух больших групп. Внутри этих групп анализ позволяет выделить, в свою очередь, небольшие подгруппы с характерным для них составом металла. Среди большого количества различных зеркал кыргызы выбирали для копирования лишь несколько близких им по орнаментальным мотивам. К таким относятся, прежде всего, изображения животных и винограда, а также четырех бегущих зверей.

Исследователь приходит к выводу, что широкое распространение зеркал среди местного населения сыграло значительную роль во внедрении элементов танского орнамента в кыргызском искусстве. Обогащаясь за счет танских, сасанидских и среднеазиатских мотивов, кыргызские мастера успешно вырабатывали свой собственный стиль, лучшими образцами которого могут служить знаменитые находки в Копенском чаатасе⁹²².

Кыргызский период продолжался недолго – в начале X в. кыргызское государство распалось на несколько полузависимых княжеств. В это же время далеко внутрь Монголии стали продвигаться кидани, укрепляя свою северо-западную границу постройкой ряда крепостей⁹²³. Непосредственно гранича с киданями, кыргызы установили с

---

⁹²² Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у с. Копёны ...

⁹²³ Кидани тоже были кочевники, но обитали к востоку от степного центра, на территории современной Маньчжурии и Внутренней Монголии КНР. В 902 г. они вторглись на территорию Китая, разрушили 9 городов и взяли в плен 95 тыс. чел. Вернувшись домой, они построили город со стенами, где была размещена часть угнанного населения. Кидани открыли новый этап во взаимоотношениях между Китаем и соседними народами. Впервые под властью так называемых восточных варваров оказалась почти вся территория Северного Китая. В киданьской империи Ляо (907–1125 гг.) номады кидани составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы-китайцы – более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые варварские) скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. чел. См.: Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо // Адаптация народов и культур к изменениям

ними тесные связи, и письменные источники неоднократно упоминают об обмене посольствами между Ляо и кыргызами⁹²⁴. Кыргызско-киданьские связи не прекращались и после крушения Ляо и образования каракиданьского государства⁹²⁵. К этому времени относится многочисленная группа зеркал, насчитывающая около 70 экземпляров, 37 китайских монет чеканки династии Сун и 3 японские монеты 1091 г.⁹²⁶ Эти находки свидетельствуют о тесных культурных и экономических связях между кыргызскими княжествами и киданьской державой⁹²⁷. К этому же времени относится проникновение в Южную Сибирь японских и корейских зеркал. Это обусловлено многочисленными и постоянными торговыми и политическими связями империи Ляо с двумя

природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 147.

⁹²⁴ Wittfogel K., *Feng Chia-Sheng*. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. P. 103–104, 320.

⁹²⁵ Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 502–503.

⁹²⁶ Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 95.

⁹²⁷ Благодаря тщательному обследованию бассейна р. Толы монгольскими археологами имеется точная карта киданьских городищ и их топографические планы. См.: Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Из исследования киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии // Movement in Medieval North East Asia: people, material goods, technology. Movement in Medieval North-East Asia: people, material goods, technology Vol. 1. Vladivostok, . 2005. P. 101–110. В разные годы киданьские городища посещали и обследовали различные исследователи (Д.Д. Букинич, С.В. Киселев, Х. Пэрлээ и др.). Начиная с 2004 г. на городище ведутся стационарные раскопки международной российско-монгольской экспедицией. Российскую сторону в полевых исследованиях за эти годы представляли Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (д-р ист. наук Н.Н. Крадин, канд. ист. наук А.Л. Ивлиев, Ю.Г. Никитин), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д-р ист. наук С.В. Данилов), Кемеровский государственный университет (канд. ист. наук С.А. Васютин). С монгольской стороны партнерами являются Институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (проф. А.Б. Очир), Национальный исторический музей Монголии (канд. ист. наук Л. Эрдэнэболд), Институт археологии МАН (д-р А. Энхтур). В раскопках принимали участие студенты-антропологи Дальневосточного государственного технического университета и студенты монгольских вузов.

соседними странами⁹²⁸. В результате этих связей японские и корейские изделия могли проникать в самые отдаленные уголки киданьской империи. Кроме того, по данным киданьской династийной истории «Ляоши» известно, что после основания в 1004 г. важнейшей северо-западной крепости Кодунь на р. Керулен с гарнизоном в 20 тыс. человек туда было сослано большое количество бохайцев и чжурчжэней из пограничных с Кореей областей⁹²⁹. Их переселение также способствовало появлению корейских и японских изделий на границе с кыргызскими княжествами, откуда эти изделия, и, прежде всего, зеркала, могли легко попасть в Южную Сибирь.

Однако империя Ляо отделяла от Южной Сибири и сунский Китай⁹³⁰, что существенно ограничило возможности последнего оказывать какое бы то ни было влияние на южносибирские народы. Проникновение китайского импорта на Север в данный период осуществлялось через посредничество киданей и чжурчжэней⁹³¹. Отсутствием прямых торговых связей объясняется находка всего четырех китайских монет этого времени.

В XII–XIII вв. политическая обстановка в Центральной Азии также не способствовала успешным отношениям южносибирских народов с Китаем. К этому времени относятся лишь 8 цзиньских монет, найденных к тому же в одном месте, около с. Каптырево. Монгольское нашествие начала XIII в. окончательно оборвало кыргызско-китайские связи. За исключением одной монеты XIV в., китайский нумизматический материал исчез из Южной Сибири почти на 400 лет.

---

⁹²⁸ Wittfogel K., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. P. 149–180, 318, 147.

⁹²⁹ Ibid. P. 67.

⁹³⁰ Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 120–133.

⁹³¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины ... С. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особое географическое положение центральноазиатского региона, находящегося на перекрестке взаимодействия китайской империи с западными и северными цивилизациями, обусловило специфику этнокультурных взаимодействий Китая с народами Центральной Азии. Это подтверждается большим количеством разнообразных материалов, которые доносят до нас конкретные черты древней и средневековой культуры. Изучение этих материалов показывает, что исторические связи между Восточноазиатским и Центральноазиатским регионами были значительно более широкими, чем это представлялось прежде, и наряду с материальной охватывали также и духовную культуру.

Этнокультурное взаимодействие Китая с евразийским миром начиная с древности до момента завоевания основной территории Китая и Центральной Азии можно разделить на несколько основных периодов.

Первый период относится к палеолитическому времени, когда на территории Китая и Центральной Азии не прослеживаются четко выделенные локальные культуры, и для которого характерно понятие общего культурного ареала. В пределах ареала выделяются зоны локальных вариантов индустрии с расплывчатыми границами.

Второй период начинается со значительных внешних воздействий на протокитайскую культуру неолитических популяций, связанных с искусственной земледельческой экологией. Она диагностируется благодаря специфике организации земледельческих поселений, характерных для культур Востока, где их появление обусловлено неоднократным повторным заселением поселков. Также общей особенностью для всей полосы этого расселения было использование в качестве домашней бытовой и ритуальной посуды глиняных сосудов с различного рода геометрическими росписями.

Третий период контактов Китая с Западом можно определить временем с начала бронзового века. В Китае бронза появляется неожиданно и в развитых формах. Здесь нет медленного развития бронзовой индустрии от последовательных опытов производства украшений к изготовлению металлического инструментария. Фактически сразу массово возникают ритуальные формы бронзовой посуды и вооружения. Характерной особенностью этого периода стало использование в бое-

вых действиях, в охоте и в ритуалах такого вида вооружения, как колесницы с конной запряжкой.

Четвертый период относится к началу железного века. К этому времени кочевое население довольно стабильно распространилось и адаптировалось к проживанию на территории от Подунавья до Китайской стены. Интенсивное воздействие степных народов на Китай начинает распространяться к середине 1 тыс. до н.э. Влияние кочевой культурной среды проявилось в ряде аспектов. Во-первых, характерные керамические изделия кочевников стали выполняться в бронзе и включаются даже в состав ритуальной посуды. Во-вторых, в конце IV в. до н.э. была проведена реформа кавалерии, для чего потребовалось, чтобы мужское население стало одеваться в «варварские одежды». На этот же период приходится и движение из Китая крупных групп людей, обеспечивающих первые этапы создания евразийской торговли и распространения культурно-технических достижений Китая. Подобные процессы возможны при хорошо разработанной системе взаимоотношений, которые строились на сложной системе договоров, отвечающих взаимным интересам не только соседних, но и далеко расположенных народов.

Пятый период этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии можно отнести к началу нашей эры. Организация торговли способствует тому, что распространение населения идет по торгово-миграционным дорогам уже не в форме военных рейдов, а в виде переселений, перемещений отдельных групп из одних торговых или ремесленных центров в другие. Это новое состояние общественной культуры отражается уже в таком мощном духовном явлении, как буддизм. Буддизм из инородной, чуждой конфуцианскому ареалу религиозной культуры внедряется непосредственно в центры сосредоточения китайской культуры. По торговым дорогам, через Центральную Азию в Китай приходят манихейство, несторианство и многие другие религиозные направления.

Шестой период можно соотнести со временем расцвета правления Танской династии в Китае (618–908 гг.). Для него характерно активное развитие центральноазиатских кочевых обществ на границах Китая. В кочевой среде начинают формироваться крупные государственные образования. Для земледельческих территорий Центральной Азии этого времени характерно обострение политических событий, которые привели к цивилизационным трансформациям (падение Сасанидской

империи и арабская экспансия). В результате этих событий в Китай попадает большое число беженцев из Западного мира, в том числе ремесленников. Это способствует тому, что этот период для Китая характеризуется расцветом многих видов ремесла, особенно обработки серебра и золота. Эти драгоценные изделия, продолжающие сасанидскую традицию, встречаются в тюркских памятниках и случайных находках в Центральной Азии.

Седьмой период характеризуется тем, что наибольшее воздействие на международные отношения в китайско-центральноазиатском регионе произвели два тюркских каганата. Их падение по времени совпадает с упадком Танской империи. Немаловажную роль в международной политике этого периода играют Уйгурский каганат, кидани и чжурчжени. В значительной мере они стремятся воспроизводить формы китайской государственности. Этот период продолжается до начала XIII в., когда наибольшее воздействие на весь евразийский политический и духовный мир оказывают возникновение и распространение евразийской монгольской империи, что наложило отпечаток на все дальнейшее развитие регионов, связанных с китайско-центральноазиатскими торгово-политическими связями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	Археологические вести. СПб.
АЖ	Антропологический журнал. М.
АРТ	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
БКНИИ	Бурятский Комплексный Научно-Исследовательский Институт. Улан-Удэ
ВА	Вопросы антропологии. М.
ВГО	Всесоюзное географическое общество
ВГУ	Воронежский государственный университет
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВУ	Вэнь (Материальная культура). Пекин
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры. М.; Л.
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
ГМИНВ	Государственный музей искусства народов Востока. М.
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
ДА	Древности Алтая
ДАН	Доклады Академии наук
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ(Т) СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИБ РАН	Институт востоковедения Российской академии наук
ИВСОРГО	Известия Восточносибирского отделения Русского гео- графического общества. Иркутск
ИГЭ	Издательство Государственного Эрмитажа
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент

ИООН	Известия отделения общественных наук
ИРГО	Известия Русского географического общества. СПб.
ИФВЛ	Издательская фирма «Восточная литература»
ИЭА РАН	Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. М.
КГ	Каогу (Археология). Пекин
КГСБ	Каогу сюэбао (Вестник археологии). Пекин
КГТС	Каогу тунсюнь (Археологические сообщения). Пекин
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.
КСНИИМА	Краткие сообщения научно-исследовательского института и Музея антропологии. М.
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛЯ	Лиши яньцзю (Изучение истории). Пекин
МАР	Материалы по археологии России. Пг.; СПб.
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР
МКАЭН	Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
МЭ	Материалы по этнографии. Л.
НАА	Народы Азии и Африки. М.
ОГИК	Омский государственный историко-краеведческий (музей)
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
РА	Российская археология. М.
РА(Э)СК	Региональная археологическая (этнографическая) студенческая конференция
РН	Расы и народы. М.
РОССПЭН	Российская политическая энциклопедия
РУДН	Российский университет дружбы народов
СА	Советская археология. М.

САИПИ	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СББЯ	Сыбу бэйяо (сер.). Шанхай
СВ	Советское востоковедение. Издательство Академии Наук СССР
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СНВ	Страны и народы Востока. М.
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СОН	Серия общественных наук
СТАЭАН	Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР
СЭ	Советская этнография. М.
ТГИМ	Труды Государственного исторического музея. М.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИЭ	Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.
ТКАЭЭ	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТКОПОРГО	Троицко-Кяхтинское отделение Приуральского отдела Русского географического общества. Иркутск
ТТКАЭЭ	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗ	Ученые записки
УзФАН	Узбекский филиал Академии наук. Ташкент
ХНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЭВ	Эпиграфика Востока. М.; Л.
ЭО	Этнографическое обозрение. М.
АА	Artibus Asiae. Ascona.
ААЕ	Archivio per l'anthropologia e la etnologia (Firenze)
ААs	Ars Asiaticae. P.; Bruxelles
АВ	Art Bulletin. N.Y.
АсА	Acta Asiatica. Tokyo

AcO(B)	Acta Orientalia (Budapest)
AcO(C)	Acta Orientalia (Copenhagen)
AJA	American Journal of Archaeology. N.Y.
AM	Asia Major. Taipei
AO	Archaeologia Orientalis / Title-pages and text in English and Japanese. The English text is a resume of the Japanese text. Tokyo & Kyoto: The Far Eastern archaeological society
AP	Asian Philosophy
APAW	Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B.
ArA	Arts Asiatiques
ArAs	Ars Asiatique
ArOr	Archiv Orientalni
AS	Asiatische Studien/Études asiatiques
AsP	Asian Perspectives
BAR	British archaeological reports. Oxford
BEFEO	Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Khanoy
BJOAF	Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung
BM	Burlington Magazine. L.
BMF(E)A	Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm
BO	Bibliothèque Orientale
BSO(A)S	Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. L.
BZ	Byzantinische Zeitschrift. B.; Leipzig
CAJ	Central Asiatic Journal
CC	Chinese Culture
CCT	Contemporary Chinese Thought
CEA	Cahiers d'Extrême-Asie
CIETA	Centre Internationale pour l'Etude de Textiles anciennes. Lyon; Paris
CL	Comparative Literature
CLAO	Cahiers de linguistique: Asie orientale
CP	Comparative Philosophy
CS	Chinese Science
EAJ	East Asia Forum
EAH	East Asian History
EAJ	East Asia Journal: Studies in Material Culture

EC	Early China
EMC	Early Medieval China
ESA	Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki
EtC	Études chinoises
HJAS	Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge
ICO	International Congress of Orientalists
IPQ	International Philosophical Quarterly
IRCL	International Review of Chinese Linguistics
JA	Journal Asiatique. P.
JAA	Journal of Anthropological Archaeology
JAH	Journal of Asian History
JAOS	Journal of the American Oriental Society. N.Y.; New-Haven
JAS	Journal of Asian Studies
JCL	Journal of Chinese Linguistics
JCP	Journal of Chinese Philosophy
JEAA	Journal of East Asian Archaeology
JESHO	Journal of the Economic and Social History of the Orient
JOS	Journal of Oriental Studies
JOSA	Journal of the Oriental Society of Australia
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society. L.
JRGS	Journal of the Royal Geographic Society. L.
MDAFA	Memoires de la Delegation archéologique Française en Afghanistan. P.
MGGW	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. Wien
MRDTB	Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library). Tokyo
MS	Monumenta Serica
OA	Oriental Art. Oxford
OE	Oriens Extremus
OZ	Ostasiatische Zeitschrift. B.
PEW	Philosophy East and West
PFEH	Papers on Far Eastern History
PSC	Pacific Science Congress
RAA	Revue des Arts Asiatiques. P.; Bruxelles
RAS (NChB)	Royal Asiatic Society (North China Branch)
SMYA	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja.

	Helsinki
SPP	Sino-Platonic Papers
TkR	Tamkang Review
TOCS	Transactions of the Oriental Ceramic Society
TP	T'oung Pao. Leiden.
TR	Taoist Resources
WCS	World Congress of Sociology

БИБЛИОГРАФИЯ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Adams D.Q. Position of Tocharian among the other Indo-European Languages // JAOS. 1984. Vol. 104. P. 395–402.

Adler J.A. Chinese Religious Traditions. Religions of the World. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2002.

Adler J.A. Introduction to the Study of the Classic of Change (I-hsüeh ch'i-meng). Bilingual Texts in Chinese History, Philosophy and Religion. Provo, Ut.: Global Scholarly Publications, Brigham Young University, 2002.

Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.V., Cook G., Dergachev V.A., Kovaliukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures of Eurasia (9th–3rd centuries BC) // Geochronometria. 2002. № 21. P. 143–150.

Alexandrakis A. The Role of Music and Dance in Ancient Greek and Chinese Rituals: Form versus Content // JCP. 2006. Vol. 33. № 2. P. 267–278.

Allan S. Erlitou and the Formation of Chinese Civilization: Toward a New Paradigm // JAOS. 2007. Vol. 66. № 2. P. 461–496.

Allan S. He Flies like a Bird; He Dives like a Dragon; Who is That Man in the Tiger Mouth? Shamanic Images in Shang and Early Western Zhou Art // Orientations. 2010. Vol. 41. № 3. P. 45–51.

Allan S. Not the Lun yu: The Chu Script Bamboo Slip Manuscript, Zigao, and the Nature of Early Confucianism // BSOAS. 2009. Vol. 72. № 1. P. 115–151.

Allard F. A Xiongnu Cemetery Found in Mongolia // Antiquity. 2002. Vol. 76. P. 637–638.

Allen A. Allen's Authentication of Ancient Chinese Ceramics. Auckland: Allen's Enterprises, 2006.

Allen B. The Cloud of Knowing: Blurring the Difference with China // Common Knowledge. 2011. Vol. 17. № 3. P. 450–532.

Alleton V. Traduction et conceptions chinoises du texte écrit // EtC. 2004. № 23. P. 9–44.

Allinson R.E. On Chuang Tzu as a Deconstructionist with a Difference // JCP. 2003. Vol. 30. № 3–4. P. 487–500.

Andersson J. The Site of Chu Chia Chai, Hsi Ning sien, Kansu // BMFEA. XVII. 1945. P. 1–66.

- Andersson J.G.* An Early Chinese Culture // Bulletin of the Geological Survey of China. 1923. Vol. 5. № 1. P. 1–68.
- Andersson J.G.* Children of the Yellow Earth // Studies in prehistoric China / Transl. from the Swedish by E. Classen. N.Y.: Macmillan, 1934.
- Andersson J.G.* Der Weg über die Steppen // BMFEA. 1929. № 1. P. 143–165.
- Andersson J.G.* Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. 1932. № 4. P. 221–317.
- Andersson J.G.* On Symbolism in the Prehistoric Painted Ceramics of China // BMFEA. 1929. № 1. P. 65–69.
- Andersson J.G.* Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. № 51. P. 35–45.
- Andersson J.G.* Researches into the Prehistory of the Chinese // BMFEA. 1943. № 15. P. 286–287.
- Andersson J.G.* Selected Ordos Bronzes // BMFEA. 1933. № 5. P. 142–154.
- Anthony D.W.* A new approach to language and archaeology: The Usatovo culture and the separation of Pre-Germanic // Journal of Indo-European Studies. Vol. 36. 2008. P. 1–51.
- Arden-Wong L.A.* The socio-political impact of manichaeism on the Orkhon Uighur khaganate // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2010. С. 296–299.
- Arne T.J.* Die funde von Luan P'ing und Hsuan Hua // BMFA. 1993. V. S. 155–175.
- Arne T.J.* Painted Stone Age Pottery from the Province of Honan, China // Palaeontologia Sinica. Ser. D. Peking, 1925. Vol. 1. 40 p.
- Ashton L.* An Introduction to the Study of Chinese Sculpture. L.: Ernest Benn, Ltd, 1924.
- Ashton L., Gray B.* Chinese Art. L., 1936. 397 p.
- Bagchi P.Ch.* India and China. A Thousand Years of Cultural Relations / 2nd ed., revised and enlarged. Bombay: Hindu Kitab Ltd., 1950. 220 p.
- Bagley R.W.* Ancient Sichuan: Treasures from a Lost Civilization. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Bagley R.W.* Anyang Mold-Making and the Decorated Model // AA. 2009. № 69. P. 39–90.

Bagley R.W. Max Loehr and the Study of Chinese Bronzes: Style and Classification in the History of Art // Cornell East Asia Series. 141. Ithaca, N.Y., 2008.

Bagley R.W. Shang Ritual Bronzes in the Arthur M. Sackler Collections // Ancient Chinese Bronzes in the Arthur M. Sackler Collections. 1. Wash., D.C.: Arthur M. Sackler Foundation, 1987.

Bailey B.W. The Seven Princes // BSOAS. Vol. XII. Pt. 3–4. 1948. P. 616–624.

Baldick J. Animal and Shaman. Ancient Religions of Central Asia. N.Y.: New York University Press, 2000.

Barber E.W. The Mummies of Ürümchi. N.Y.: Norton, 1999.

Barbieri-Low A. Roman Themes in a Group of Eastern Han Lacquer Vessels // Orientations. 2001. № 32. P. 52–58.

Barbieri-Low A. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000–741 BC) // SPP. 2000. № 99.

Barbieri-Low A.J. Artisans in early imperial China. Seattle; Wash.: University of Washington Press, 2007.

Barbieri-Low A.J. The organization of imperial workshops during the Han dynasty. Thesis (Ph. D.) Princeton University, 2001. Ann Arbor: University Microfilms International, 2001.

Barbour G.B. Pleistocene History of the Huangho [China] // Society of America Bulletin. December 1. 1933. Vol. 44, № 6. P. 1143–1160.

Barfield T.J. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier // Empires: Perspectives from Archaeology and History / ed. S.E. Alcock [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 10–41.

Barham L., Robson-Brown K. Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene. Bristol, U.K.: Western Academic & Specialist Press, 2001.

Barnard N. Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China. Tokyo: Monumenta Serica and National University of Canberra, 1961. 115 p.

Barnard N., Cheung Kwong-yue. The Shan-fu Liang Ch'i Kuei and Associated Inscribed Vessels. Taipei: SMC, 2000.

Barret N.F. Wuwei and Flow: Comparative Reflections on Spirituality, Transcendence, and Skill in the Zhuangzi // PEW. 2011. Vol. 64. № 4. P. 679–706.

Barret T.H. Human Sacrifice and Self-Sacrifice in China: A Century of Revelations. The Strange World of Human Sacrifice / ed. J.N. Bremmer //

Studies in the History and Anthropology of Religion. Leuven: Peeters, 2007. P. 237–257.

Barrett T.H. On the Reconstruction of the Shenxian zhuan // BSOAS. 2003. Vol. 66. № 2. P. 229–235.

Bates R. Chinese Dragons. Images of Asia. Oxf.: Oxford University Press, 2002.

Beck B.J.M. The Treatises of Later Han: Their Author, Sources, Contents and Place in Chinese Historiography / Sinica Leidensia Series. 21. Leiden: Brill Academic Publishers, 1990.

Beckwith C.I. The Impact of Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // JESHO. 1991. № 34. Vol. 3. P. 183–198.

Behr W. Morphological Notes on the Old Chinese Counterfactual // BJOAF. 2006. Vol. 30. P. 55–88.

Behr W. Role of Language in Early Chinese Constructions of Ethnic Identity // JCP. 2010. Vol. 37. № 4. P. 567–587.

Behr W. Three Sound-Related Text Structuring Devices in Pre-Qin Philosophical Prose // BJOAF. 2005. Vol. 29. P. 15–33.

Behuniak J. Embracing the One' in the Daodejing // PEW. 2009. Vol. 59. № 3. P. 364–381.

Bemmann J. Was the Center of the Xiongnu Empire in the Orkhon Valley? // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 441–462.

Bemmann J., Ahrens B., Grutzner C. Geoarchaeology in the Steppe. First Results of the Multidisciplinary Mongolian-German Survey Project in the Orkhon Valley, Central Mongolia // Археологийн судлал. 2011. № 30. P. 69–97.

Bemmann J., Linzen S., Munkhbayar L., Oczipka M. An interdisciplinary expedition surveying the Middle Orkhon Valley, Mongolia – preliminary results // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 351–356.

Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop-Nor region. Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin // The Sino-

Swedish Expedition. Publication. VII. Archaeology, 1. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1939.

Berkowitz A. Literary Studies of the Southern and Northern Dynasties: A Note on a Few Helmsmen and on Navigating the Who, What, and When // EMC. 2002. № 8. P. 137–149.

Bichir Ch. Autour du Probleme des plus Anciens Modeles de Chariots Decouverts en Roumanie // Dacia. Nouvelle serie. 1964. V. P. 67–86.

Bielenstein H. Diplomacy and Trade in the Chinese World 589–1276 // Handbook of Oriental Studies (Handbuch der Orientalistik). Leiden: E.J. Brill, 2005.

Bielenstein H. Later Han Inscriptions and Dynastic Biographies: A Historiographical Comparison. // Proceedings of the International Conference on Sinology. Section on History and Archaeology. Taipei: Academic Sinica, 1981. P. 571–586.

Bielenstein H. Lo-yang in Later Han Times // BMFEA. 1976. № 48. P. 3–142.

Bielenstein H. Notes on the Shui ching // BMFEA. 1993. № 65. P. 257–283.

Bielenstein H. The Six Dynasties // BMFEA. 1996. № 68. P. 5–324.

Bielenstein H. The Six Dynasties // BMFEA. 1997. № 69. P. 5–246.

Birrell A.M. Chinese Myth and Culture. Cambridge: McGuiness China Monographs, 2006.

Birrell A.M. Chinese Myths. The Legendary Past. Austin: University of Texas Press, 2000.

Black D., Teilhard de Chardin P., Yang Z., Pei W. Fossil man in China // Memoirs of Geological Survey of China. Ser. A. 1933. P. 1–158.

Bloom I. Mencius. Translations from the Asian Classics / ed. P.J. Ivanhoe. N.Y.: Columbia University Press, 2009.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2004. № 209. P. 259–279.

Boileau G. Wu and Shaman // BSOAS. 2002. Vol. 65. № 2. P. 350–378.

Bokovenko N.A. Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis // Journal of Archaeological Science. XXXI/12. 2004. P. 1735–1742 (в соавт. с B. van Geel, N.D. Burova, K.V. Chugunov и др.).

Bokovenko N.A. The emergency of the Scythians: Bronze Age to Iron Age in South Siberia. The emergency of the Tagar Culture // *Antiquity*. 2006. 80. P. 18–36.

Bokovenko N.A., Legrand S. Das karasukzeitliche Gräberfeld Ancil Con in Chakassien // *Eurasia Antiqua*. B., 2000. Band 6. P. 210–248.

Boltz W.G. Early Chinese Writing // *The World's Writing Systems* / eds. P.T. Daniels and W. Bright. Oxf.: Oxford University Press, 1996. P. 191–199.

Boltz W.G. Is the Chuu Silk Manuscript a Chuu Manuscript? // *AS*. 2009. Vol. 63. № 4. P. 789–807.

Boltz W.G. Pictographic Myths // *BJOAF*. 2006. Vol. 30. P. 39–54.

Bona I. Clay models on Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin // *Acta Archaeologica Hungaricae*. 12. 1960. P. 83–111.

Borisenko A., Khudyakov Yu. The Study of Medieval Bronze Plates with the Image of Horsemen in South Siberia // *Information Bulletin*. M., 2004. Issue 24. P. 327–342.

Borisenko A.Y., Hudiakov Y.S. A bridle from the site of Choba-Bash in Gorny Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2005. № 2. P. 86–94.

Born G.M. Chinese Jade: An Annotated Bibliography. Chicago: Celadon, 1982.

Bower V.J. From Court to Caravan: Chinese Tomb Sculptures from the Collection of Anthony M. Solomon / ed. Robert D. Mowry. New Haven; L.: Yale University Press, 2002.

Braghin C. An Archaeological Investigation into Ancient Chinese Beads // *Beads and Bead Makers: Gender, Material Culture and Meaning* / Ed. L.D. Sciamia and J.B. Eichler. Cross-Cultural Perspectives on Women 19. Oxf.; N.Y.: Berg, 1998. P. 273–293.

Braghin C. Chinese Glass: Archaeological Studies on the Uses and Social Context of Glass Artefacts from the Warring States to the Northern Song Period (Fifth Century B.C. to Twelfth Century A.D.). *Orientalia Venetiana*. 14. Florence: Leo S. Olschki, 2002.

Brandauer F.P., Chun-chieh Huang. Imperial Rulership and Cultural Change in Traditional China. Seattle; L.: University of Washington Press. 1994.

Brashier K.E. Longevity like Metal and Stone: The Role of the Mirror in Han Burials // *TP*. 1995. Vol. 81. № 4–5. P. 201–229.

Brashier K.E. Symbolic Discourse in Eastern Han Memorial Art: The Case of the Birchleaf Pear // *HJAS*. 2005. Vol. 65. № 2. P. 281–310.

Brentjes B. Three Vessels of Metal and Three Mirrors in the Curiosa Sibiriae by Daniel Gottlieb Messerschmidt // *Journal of Central Asia*. 1986. Vol. IX. T. 2. P. 5–9.

Bretzke J.T. Bibliography on East Asian Religion and Philosophy // *Studies in Asian Thought and Religion*. Vol. 23. Lewiston, N.Y.: Mellen, 2001. P. 263–280.

Brill R.H. Chemical Analyses of Some Early Chinese Glasses // *Scientific Research in Early Chinese Glass / Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass, Beijing, September 7, 1984, with Supplementary Papers / eds. R.H. Brill, J.H. Martin. Corning; N.Y.: Corning Museum of Glass, 1991. P. 31–64. [With an addendum by Philip M. Fenn et al.]*

Brill R.H., Chen M. A Compilation of Lead Isotope Ratios of Some Ores from China Published by Chen Yuwei, Mao Cunxiao, and Zhu Bingquan // *Scientific Research in Early Chinese Glass / Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass, Beijing, September 7, 1984, with Supplementary Papers / eds. R.H. Brill, J.H. Martin. Corning; N.Y.: Corning Museum of Glass, 1991. P. 167–180.*

Brindley E. Human Agency and the Ideal of shang tong (Upward Conformity) in Early Mohist Writings // *JCP*. 2007. Vol. 34. № 3. P. 409–425.

Bromley Yu.V. Soviet Ethnography: Main Trends. M.: Academy of Sciences, 1976. 455 p.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 349–424.*

Brosseder U. Fremde Frauen in Ivolga? // *Scripta Praehistorica in Honorem Biba Terzan / ed. M. Blecec [et al.]. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. P. 883–893.*

Brosseder U. Miller B.K. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / *Bonn Contributions to Asian Archaeology. 5. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011.*

Brosseder U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on «Archaeological Resesarch in Mongolia» (Ulaanbaatar, August 19–23. 2007) / ed. J. Bemmman [et al.]. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology. 4, 2009. P. 247–280.

Brosseder U., Miller B.K. State of Research and Future Directions of Xiongnu Studies // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / ed. U. Brosseder and B.K. Miller. Vol. 5. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology. 5, 2011. P. 19–33.

Brosseder U., Yeruul-Erdene Ch., Tseveendorj D. [et al.]. Twelve ams-radiocarbon dates from Xiongnu period sites in Mongolia and the problem of chronology // Археологийн судлал, 2011. XXXI. P. 53–70.

Brough D. Comment on Third Century Shan-shan and the History of Buddhism // BSOAS. 1965. Vol. XXVIII. P. 582–612.

Brown M. The Politics of Mourning in Early China. Albany; N.Y.: State University of New York Press, 2008.

Bulling A. The Decoration of Mirrors of the Han Period. A chronology // AA. Supplementum XX. 1960. 116 p.

Bulling A. The decoration of some mirrors of the Chou and Han periods // AA. Vol. XVIII. 1955. P. 20–43.

Bulling A. The Meaning of China's Most Ancient Art: An Interpretation of Pottery Patterns from Kansu (Ma Ch'ang and Pan-shan) and Their Development in the Shang, Chou, and Han Periods. Leiden: E.J. Brill, 1952.

Bulygina E, Mitteroecker P., Aiello L. Ontogeny of Facial Dimorphism and Patterns of Individual Development within One Human Population // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 131. P. 432–443.

Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. N.Y.: Arthur M. Sackler Fondation, 1997. 401 p.

Bunker E.C. Ancient Art of Central Asia and Siberia // Ancient Bronzes, Ceramics and Seals. The Nasli M. Heeramanek Collection of Ancient Near Eastern, Central Asiatic and European Art. Los Angeles, 1981. P. 139–176.

Bunker E.C. Dangerous Scholarship: On Citing Unexcavated Artefacts from Inner Mongolia and North China // Orientations. 1989. № 6. P. 52–59.

Bunker E.C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century BC // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1992. Vol. 6. P. 99–115.

Bunker E.C. Sources of Foreign Elements in the Culture of Eastern Zhou // *The Great Bronze Age of China: A Symposium* / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 84–93.

Bunker E.C. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds // *Notes in the History of Art*. 1991. Vol. 10. № 4. P. 20–24.

Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton; Oxf.: Princeton University Press, 2010. [Contains a chapter entitled "Imperial Rule in Rome and China". P. 23–59.]

Buxton L.H.D. *China. The Land and the People*. Oxf., 1929.

Bylin-Althin M. The Sites of Ch'i Chia P'ing and Lo Han T'ang in Kansu // *BMFEA*. 1946. № 18. P. 423–425.

Cammann S. Chinese mirrors and Chinese civilization // *Archaeology*. 1973. Vol. II. № 3 (7). P. 114–117.

Cammann S. The Lion and Grape Patterns on Chinese Bronze Mirrors // *AA*. 1953. XVI. 4. P. 265–291.

Cammann S. The symbolism in Chinese mirror patterns // *Journal of the Indian Society of Oriental Art*. Calcutta, 1952–1953. Vol. XIX. P. 45–63.

Campany R.F. *Making transcendents: ascetics and social memory in early medieval China*. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii, 2009.

Campany R.F. On the Very Idea of Religions (in the Modern West and in Early Medieval China // *HR*. 2003. Vol. 42. № 4. P. 287–319.

Cary M. Maes qui et Titianus // *The Classical Quarterly*. N.S. 1956. Vol. VI. № 3–4.

Cespigny R. de. The Ch'iang Barbarians and the Empire of Later Han: A Study in Frontier Policy // *PFEH*. 1977. № 16. P. 1–25.

Cespigny R. de. The Ch'iang Barbarians and the Empire of Later Han: A Study in Frontier Policy // *PFEH*. 1978. № 18. P. 193–245.

Chang Chi-yun. China's Cultural Achievements during the Warring States Period // *CC*. 1989. Vol. 30. № 1. P. 1–22.

Chang Chi-yun. China's Cultural Achievements during the Warring States Period // *CC*. 1991. Vol. 32. № 3. P. 1–18.

Chang Kwan-chih. Chinese prehistory in pacific perspective // *Harvard journal of Asiatic studies*. 1959. Vol. 22. P. 107–116.

Chang Kwan-chih. *The Archaeology of Ancient China*. 4th ed. New Haven; L.: Yale University Press, 1986. 450 p.

Chang Kwang-chih. A Brief Description of the Fu Hao Oracle Bone Inscriptions // *Early Chinese Civilisation* / ed. K.C. Chang. Cambridge; L.: Cambridge University Press, 1976. P. 121–140.

Chang Kwang-chih. Neolithic Antecedents of the Man-and-Beast Motif in Bronze Age Art of China // Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures / eds. F. Bulbeck, N. Barnard. Vol. 2. Taipei: SMC, 1997. P. 653–662.

Chang Kwang-chih. On the Function of the ho and yi Bronze Vessel Types as Ceremonial Water Vessels / Transl. David M. Kamen // Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures. Vol. 1. Taipei: SMC, 1996. P. 391–420.

Chang Kwang-Chih. Reflections on Chinese Archaeology in the Second Half of the Twentieth Century // JEAA. 2001. Vol. 3. № 1–2. P. 5–13.

Chang Kwang-Chih. The “Meaning” of Shang Bronze Art // Asian Art. 1990. Vol. 3. № 2. P. 9–17.

Chang Kwang-Chih. The Animal in Shang and Chou Bronze Art // HJAS. 1981. Vol. 2. № 41. P. 527–554.

Chang Kwang-Chih. The Archaeology of Ancient China. Revised edition. New Haven: Yale University Press, 1986.

Chase W.T. Bronze Casting in China: A Short Technical History // The Great Bronze Age of China: A Symposium / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 100–123.

Chau-Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Entitled *Chu-fan-chi* / Tr. and ann. by F. Hirth and W. Rockhill. S-Petersburg: Imperial Academy of Science, 1911. 298 p.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903. 378 с.

Chavannes E. Les mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien / Traduits et annotés par E. Chavannes. Vol. II. P., 1895. 621 p.

Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei-lïo // TP. Sér. 2. Vol. VII. 1905. P. 522–526.

Chavannes E. Mission archéologique dans la Chine septentrionale. 2 vols. P.: Ernest Leroux, 1913–1915.

Chavannes E. Notes additionnelles sur les Toukiues occidentaux // TP. Sér. 2. 1904. Vol. 3. № 1. P. 1–110.

Chavannes E. Six monuments de la sculpture chinoise // AAs. 1914. T. II. 42 p.

Cheboksarov N.N. Human Races and Populations // Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems. M., 1974. P. 45–62.

Cheboksarov N.N. The Ethnic Anthropology of the Eastern Asia. M.: Nauka, 1966. 762 p.

Chen Ching-lung. Chinese Symbolism among the Huns // Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers: Proceedings of the 27th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Walberberg, Federal Republic of Germany, June 12th to 17th, 1984 / eds. K. Sagaster, H. Eimer. Asiatische Forschungen. 105. Wiesbaden: Harrassowitz, 1989. P. 62–70.

Chen Fang-mei. Some Thoughts on the Dating of Late Shang Bronze Weaponry // JEAA. 2002. № 1–2. P. 227–250.

Chen Huaiyu. A Buddhist Classification of Animals and Plants in Early Tang China // JAH. 2009. Vol. 43. № 1. P. 31–51.

Ch'en K.S. Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton: Princeton University Press, 1964. 576 p.

Chen Kwang-tzuu, Hiebert F.T. The Late Prehistory of Xinjiang in Relation to its Neighbors // Journal of World Prehistory. 1995. Vol. 9. № 2. P. 243–300.

Chen Mengjia. An Introduction to Chinese Palaeography // Zhongguo wenzhi xue Chen Mengjia zhuzuo ji. Beijing: Zhonghua, 2006. P. 259–395.

Chen Sanping. Son of Heaven and Son of God: Interactions among Ancient Asiatic Cultures Regarding Sacral Kingship and Theophoric Names // JRAS. 2002. Vol. 12. № 3. P. 289–325.

Chen Yongqing. The Dadunzi Neolithic Site // Orientations. October 1990. P. 50–53.

Cheng Te-k'un Yin Yang Wu-Hsing and Han Art // HJAS. 1957. № 20. P. 162–186.

Cheng Te-k'un. Archaeological Studies in Szechwan. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. I: Prehistoric China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1959. 250 p.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. II: Shang China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1960.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. III: Chou China. Cambridge: W. Heffner & Sons Ltd., 1963. 430 p.

Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographisch – archacologische Forschungen. B., 1954. Bd. 2. S. 1–17.

Childe V.G. The socketed celt in upper Eurasia // Annual Report of the Institute of Archaeology of the University of London. L., 1954. P. 11–25.

Childs-Jonson E. Enduring Art of Jade Age China: Chinese Jades of the Late Neolithic through Han Periods. 2 vols. N.Y.: Throckmorton Fine Art, 2001–2002.

Chin C. Climate Change and Migrations of People during the Jin Dynasty // EMC. 2008. Vol. 13–14. № 2. P. 49–78.

Chin T. Defamiliarizing the Foreigner: Sima Qian's Ethnography and Han-Xiongnu Marriage Diplomacy // HJAS. 2010. Vol. 70. № 2. P. 311–354.

Chinese Archaic Jades and Bronzes from the Estate of Professor Max Loehr and Others. N.Y.: Lally, 1993.

Ching J. Confucianism and Christianity: A Comparative Study. Tokyo: Kodansha, 1977.

Chirshman R. Iran. Parthians and Sassanians. L.: Thames & Hudson, 1962.

Chou Hung-hsiang. Chinese Oracle Bones // Scientific American. 1979. Vol. 240. P. 134–349.

Chou Wei-chien et al. Radiocarbon Dating of Charred Wood from the Ch'in Terracotta Army Site, Shen-his // Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures / eds. F.D. Bulbeck, N. Barnard. Vol. II. Taipei: SMC, 1997. P. 687–696.

Chow Sik Fuk. A Re-Examination of the Early Zhou Vessel Tianwanggui // JOS. 2005. Vol. 38. № 1–2. P. 38–51.

Clark K.J. The Gods of Abraham, Isaiah, and Confucius // Dao. 2005. Vol. 5. № 1. P. 109–136.

Cline E.M. Mirrors, Minds, and Metaphors // PEW. 2008. Vol. 58. № 3. P. 337–357.

Conservation of ancient sites on the Silk Road: proceedings of an international conference on the conservation of grotto sites / ed. N. Agnew. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 1997.

Cook B. Imperial China. The Art of the Horse in Chinese History. Lexington: Kentucky Horse Park, 2000.

Cook C.A. From Bone to Bamboo: Number Sets and Mortuary Ritual // JOS. 2006. Vol. 41. № 1. P. 1–40.

Cooke B. Imperial China: The Art of the Horse in Chinese History. Lexington: Kentucky Horse Park, 2000. [An exhibition catalogue.]

Coole A.B., Hitoshi Kozono, Bowker H.F. A Bibliography on Far Eastern Numismatology and a Coin Index / Encyclopedia of Chinese Coins. Vol. 1. Mission, Kans.: Inter-Collegiate, 1967.

Craig A.M. The Heritage of Chinese Civilization. 3rd ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2011.

Crawford G.W. Late Neolithic Plant Remains from Northern China: Preliminary Results from Liangchengzhen, Shandong // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. № 2. P. 309–317.

Creel H.G. The Role of the Horse in Chinese History // *American Historical Review*. 1965. Vol. 70. P. 647–672.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. München: Schirmer/Mosel, 2006. 144 S.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengraban Arzan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S.

De Reu W. How to Throw a Pot: The Centrality of the Potter's Wheel in the Golden Age of Ancient Chinese Civilization // *AP*. 2010. Vol. 20. № 1. P. 43–66.

Debaine-Francfort C. Du Néolithique à l'Âge du Bronze en Chine du Nord-Ouest: La Culture de Qijia et ses connexions. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. 6. P.: Recherches sur les Civilisations, 1995.

Debaine-Francfort C. La redécouverte de la Chine ancienne // *Découvertes Gallimard Archéologie*. № 360. P., 1998.

Debaine-Francfort C. The Search for Ancient China. L.: Thames & Hudson, 1999.

Delacour C. De bronze, d'or et d'argent: Arts somptueux de la Chine. Trésors du Musée Guimet. P.: Réunion des Musées Nationaux, 2001.

Demattè P. The Chinese Jade Age: Between Antiquarianism and Archaeology // *Journal of Social Archaeology*. 2006. Vol. 6. № 2. P. 202–226.

Demiéville P. Choix des études sinologiques (1921–1970). Leiden: E.J. Brill, 1973. 633 p.

Deniker J. Les races et les peuples de la terre. 2-me éd. P.: Masson, 1926. 750 p.

Dennell R. Hominid Dispersals and Asian Biogeography during the Lower and Early Middle Pleistocene // *AsP*. 2004. Vol. 43. № 2. P. 206–226.

Deydier C. Chinese Bronzes / tr. J. Seligman. N.Y.: Rizzoli, 1980.

Deydier C. Les bronzes archaïques chinois. P.: Éditions d'Art et d'Histoire, 1995.

Di Cosmo N. Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Di Cosmo N. Ethnogenesis, Coevolution and Political Morphology of the Earliest Steppe Empire: the Xiongnu Question Revisited // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 35–48.

Di Cosmo N. Ethnography of the Nomads and 'Barbarian' History in Han China // Intentional History: Spinning Time in Ancient Greece / eds. Lin Foxhall et al. Alte Geschichte. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. P. 299–325.

Di Cosmo N. Han Frontiers: Toward an Integrated View // JAOS. 2009. Vol. 129. № 2. P. 199–214.

Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. 1999. № 10 (1). P. 1–40.

Di Cosmo N. The Economic Basis of the Ancient Inner Asian Nomads and its Relationship to China // JAS. 1994. Vol. 53. №. 4. P. 1092–1126.

Di Cosmo N. The Northern Frontier in Pre-Imperial China // The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 BC / eds. M. Loewe, L. Edward. Cambridge, 1999. P. 885–966.

Di Cosmo N., Wyatt D.J. Political Frontiers, Ethnic Boundaries, and Human Geographies in Chinese History. L.; N.Y.: Routledge Curzon, 2003.

Dien A.E. A Brief Survey of Defensive Armor across Asia // JEAA. 2000. Vol. 2. № 3–4. P. 1–22.

Dien A.E. A New Look at the Xianbei and Their Impact on Chinese Culture // Ancient Mortuary Traditions of China: Papers on Chinese Ceramic Funerary Sculptures / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1991. P. 40–59.

Dien A.E. Early Armor in China before the Tang Dynasty // JEAA. 2000. Vol. 2. № 3–4. P. 23–59.

Dmitriev S., Holotová-Szinek J. La vallée de Ganshigou: note sur enquête archéologique et ethnographique // AAs. 2007. Vol. 62. P. 146–151.

Drews R. Early Riders: The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe. N.Y.: Routledge, 2004.

Drompp M. Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // *Acta Orientalia Hungaricae*. 2005. № 58 (1). P. 101–111.

Dudbridge G. Religious Experience and Lay Society in Tang China // *A Reading of Tai Fu's Kuang-i chi*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Duman L.I. Chinese Relations with the Xiongnu in the First to Third Centuries A.D. // *China and Her Neighbours from Ancient Times to the Middle Ages: A Collection of Essays* / eds. S.L. Tikhvinsky, L.S. Perelomov. M.: Progress, 1981. P. 43–58.

Early Chinese Art: A Catalogue of Early Bronzes, Jades and Allied Decorative Works of Art from the Cunciffe Collection. L.: Bluett & Sons, 1973.

Eberhard W. Conquers and Rules. Social forces in medieval China. Leiden: E.J. Brill, 1965. 191 p.

Edwards R. Li Gonglin's Copy of Wei Yan's «Pasturing Horses» // *AA*. 1993. № 53. Vol. 1. P. 168–181.

Edwards R. Li Gonglin's Copy of Wei Yan's «Pasturing Horses» // *AA*. 1993. № 53. Vol. 2. P. 184–194.

Edwards R. The Cave Relieves at Ma Hao // *AA*. 1954. Vol. 17. № 1. P. 17–25.

Egami N., Mizino S. Inner Mongolia and the region of the great Wall. Tokio: Toa koko Gakkai, 1935. 358 p.

Eichhorn W. Die Religionen Chinas. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1973. 420 p.

Enoki Katsuo. On the so-called Sino-Kharoshti Coins // *East and West*. 1965. Vol. 15. № 3–4.

Erdelyi I. The Settlements of the Xiongnu [sic] // *The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies*. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici: Series Minor 44. Naples, 1994. P. 553–563.

Erdene M. Comparative cranial nonmetric study of Archeological populations from Inner Asia // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 325–331.

Erdenebaatar D., Iderkhantai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaier S. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the*

First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 303–314.

Erdy M. An Overview of the Xiongnu Type Cauldron Finds of Eurasia in Three Media, with Historical Observations // *The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies*. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici: Series Minor 44. Naples, 1994. P. 379–438.

Erdy M. Hun and Xiong-nu Type Cauldron Finds throughout Eurasia // *Eurasian Studies Yearbook*. 1995. Vol. 67. P. 5–94.

Erdy M. Xiongnu and Huns One and the Same: Analyzing Eight Archaeological Links and Data from Ancient Written Sources // *Eurasian Studies Yearbook*. 2009. № 81. P. 5–36.

Erkes E. China und Europe. Leipzig: Volk und Buch Verlag, 1947. 79 S.

Erkes E. Chinesisch-amerikanische Mythenparallelen // TP. 1926. Vol. 24. S. 32–54.

Exhibition of Chinese Art: the Art gallery. California: Mills College Art Gallery. 1934. 72 p.

Fairbank J.K., Teng S.Y. On the Ch'ing Tributary System // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1941. Vol. 6, № 2. P. 135–246.

Fairservis W. The origins of oriental civilization. N.Y.: The New American Library, 1959. 192 p.

Falkenhausen L. von. Notes on the History of the Silk Routes // *Secrets of the Silk Road: An Exhibition of Discoveries from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China* / ed. V. Mair. Santa Ana, Calif.: Bowers Museum, 2010. P. 58–68.

Falkenhausen L. von. On the Historiographical Orientation of Chinese Archaeology // *Antiquity*. 1993. Vol. 67. № 257. P. 839–849.

Fan Shimin, Zhou Baozhong. Some Glass in the Museum of Chinese History // *Scientific Research in Early Chinese Glass: Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass* / eds. R.H. Brill, J.H. Martin. Beijing, September 7, 1984, with Supplementary Papers. Corning, N.Y.: Corning Museum of Glass, 1991. P. 193–200.

Farmer H.G. Studies in oriental musical Instruments. Ser. 2. Glasgow, 1939.

Farmer J.M. Art, Education, & Power: Illustrations in the Stone Chamber of Wen Weng // TP. 2000. Vol. 86. № 1–3. P. 100–35.

Ferguson J.G. Survey of Chinese art. Shanghai: Commercial Press, 1939. 153 p.

Fichtner Pr. Chinesische Sung Seladone in Ägypten und ihre Nachbildungen in Fostat // OZ. 1930.

Fiskesjö M. On the «Raw» and the «Cooked» Barbarians of Imperial China // Inner Asia. 1999. Vol. 1. № 2. P. 139–68.

Fiskesjö M. Rising from Blood-Stained Fields: Royal Hunting and State Formation in Shang China // BMFEA. 2001. № 73. P. 48–191.

Fiskesjö M., Chen Xingcan. China before China: Johan Gunnar Andersson, Ding Wenjiang, and the Discovery of China's Prehistory // Museum of Far Eastern Antiquities Monograph Series 15. Stockholm, 2004.

Fitzgerald-Huber L.G. Some Anyang Royal Bronzes: Remarks on Shang Bronze Décor // The Great Bronze Age of China: A Symposium / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 16–43.

Fitzgerald-Huber L.G. The Relationship of the Painted Pottery and Lungshan Cultures // Origins of Chinese Civilization / ed. D.N. Keightley. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 177–216.

Flag R.K. Divination and Power: A Multiregional View of the Development of Oracle Bone Divination in Early China // Current Anthropology. 2008. Vol. 49. № 3. P. 403–437.

Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South-Eastern Europe // AJA. 1959. Vol. 63. № 1. P. 53–58.

Fong W.C. The Study of Chinese Bronze Age Arts: Methods and Approaches // The Great Bronze Age of China: An Exhibition from the People's Republic of China. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1980. P. 20–34.

Ford C.A. The Mind of Empire: China's History and Modern Foreign Relations. Asia in the New Millennium. Lexington: University Press of Kentucky, 2010.

Frachetti M. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology // Annual Review of Anthropology. 2011. № 40. P. 195–212.

Francasso R. Holy Mothers of Ancient China: A New Approach to the Hsi-Wang-Mu Problem // TP. 1988. Vol. 74. № 1–3. P. 1–46.

Francasso R. Manifestazioni del simbolismo assiale nelle tradizioni cinesi antiche // Numen. 1981. Vol. 28. P. 194–215.

Franke H. Treaties between Sung and Chin // Sung Studies. 1970. № 1.

Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. B.; Leipzig, 1930. Bd. I.

Franklin U.M. On Bronze and Other Metals in Early China // Origins of Chinese Civilization / ed. D.N. Keightley. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 279–296.

Franklin U.M. The Beginnings of Metallurgy in China: A Comparative Approach // The Great Bronze Age of China: A Symposium / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 94–99.

Fried M.H. Tribe to State or State to Tribe in Ancient China? // Origins of Chinese Civilization / ed. D.N. Keightley. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 467–493.

Frisch T.G. Scythian art and some Chinese parallels // OA. 1949. Vol. II. № 1. P. 16–24.

Frisch T.G. Scythian art and some Chinese parallels // OA. 1949. Vol. II. № 2. P. 57–67.

Fry R., Backham B. Chinese Art. L., 1925.

Funayama Tōru. The Acceptance of Buddhist Precepts by Chinese in the Fifth Century // JAH. 2004. Vol. 38. P. 97–120.

Gan Fuxi. Origin and Evolution of Ancient Chinese Glass // Ancient Glass Research along the Silk Road / ed. Gan Fuxi et al. Hackensack, N.J.: World Scientific, 2009. P. 1–40.

Gao D. Bronze Ritual Artifacts of the Shu Culture: A Preliminary Survey // Orientations. 2001. Vol. 32. № 5. P. 45–51.

Gao Xing, Norton Ch. A Critique of the Chinese Middle Palaeolithic // Antiquity. 2002. Vol. 76. P. 397–412.

Gao Xing. New Light on the Earliest Hominid Occupation in East Asia // Current Anthropology. 2005. Vol. 45. P. 115–120.

Gao Zhixi. A Glass bi and a Decorated Sword from Hunan Province // Scientific Research in Early Chinese Glass: Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass, Beijing, September 7, 1984, with Supplementary Papers / eds. R.H. Brill, J.H. Martin. Corning; N.Y.: Corning Museum of Glass, 1991. P. 119–123.

Gassmann R.H. Through the Han-Glass Darkly: On Han-Dynasty Knowledge of the Ancient Chinese Term shi «Gentleman» // MS. 2003. Vol. 51. P. 527–542.

Genito B. The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici: Series Minor 44. Naples, 1994.

Giele E. Evidence for the Xiongnu in Chinese Wooden Documents from the Han Period // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia.* / eds. U. Brossender, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. S. 114–134.

Giele E. Imperial decision-making and communication in early China: a study of Cai Yong's Duduan. *Opera sinologica.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2006.

Giele E. Using Early Chinese Manuscripts as Historical Source Materials // *MS.* 2003. Vol. 51. P. 409–438.

Giles L. A Chinese Geographical Text of the Ninth Century // *BSOS.* 1930. Vol. VI. P. 825–846.

Giuffrida-Ruggeri V. L'uomo attuale. Una specie collettiva. Milano, Roma, Napoli: Albrighi, Segati e C, 1913. 191 p.

Giuffrida-Ruggeri V. Schema di Classificazione degli hominidae attuali // *AAE.* 1912. XLII.

Godrich L.C. China earliest contacts with other parts of Asia. Canberra: The Australian National University. 1962. 14 p.

Goeje M.J. de. De Muur van Gog en Magog. Amsterdam, 1888. 38 s.

Golin P.R. Steppe Nomads as a Philosophical Problem in Classical China // *Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the World from Geologic Time to the Present* / ed. P.L.W. Sabloff. Penn Museum International Research Conferences 2. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2011. P. 220–246.

Goloubew V. L'âge du bronze au Tonkinet dans le Nord-Annam // *BEFEO.* XXIX. № 2. Khanoy. 1930. P. 1–46.

Goloubew V. La province du Thanh-hoa et sa ceramique // *RAA.* Vol 2. Juin 1931. P. 112–116.

Gomes L.G. Chinese Horses // *Review of Culture* (Istituto Cultural de Macau). 1990. № 9. P. 20–23.

Good I. On the Question of Silk in Pre-Han Eurasia // *Antiquity.* 1995. Vol. 69. № 266. P. 958–967.

Goodman H.L. Xun Xu and the Politics of Precision in Third-Century AD China // *Sinica Leidensia* 95. Leiden: E.J. Brill, 2010.

Goodrich Ch.S. The Saddles of the Bronze Horses of Lei-T'ai // JAOS. 1986. № 106. P. 41–48.

Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana (VI c. BC – VI c. AD) / transl. A.P. Andryushkin // BAR. International Series 281. British Archaeological Reports, 1986. 365 p.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia / ed. M. Scott, A. Alekseev and G. Zaitseva. Science Series. IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 83–89.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N. New radiocarbon dates from the Siberian Steppe Zone and consequences for the regional Bronze Age chronology // Actes du colloque «C14 Archeologie». 1998. Revue d'Archeometrie (Supplement 1999). P. 305–309.

Greel H.G. La naissance de la Chine: La période formative de la civilization chinoise environ 1400–600 avant J.C. P. Payot, 1937. 368 p.

Greel H.G. The Birth of China. L., 1939.

Griaznov M.P. The Pazirek Burial of Altai // AJA. 1933. Vol. XXVII. № 1. P. 30–44.

Grünwedel A. Alt-Kutscha. B.: Otto Elsner, 1920. 118 S.

Guignes J. de. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, etc. avant et depuis Jesus Christ jusqu'a present. 4 t. en 5 vol. P.: Chez Desaint et Saillant, 1756–1758.

Guiver T. A Technical Study of Chinese Bronze Mirrors // Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures. Vol. I / eds. F.D. Bulbeck, N. Barnard. Taipei: SMC, 1996. P. 95–102.

Guo Da-shum. «Northern-Type» Bronze Artifacts Unearthed in the Liaoning Region, and Related Issues // The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall / ed. S.M. Nelson. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 182–205.

Guo Da-shum. Hongshan and Related Cultures // The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall / ed. S.M. Nelson. L.; N.Y.: Routledge, 1995, 1995. P. 21–64.

Guo Da-shum. Lower Xiajiadian Culture // The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall / ed. S.M. Nelson. L.; N.Y.: Routledge, 1995, 1995. P. 147–181.

Guo Dashun. The Hongshan Culture Complex at Niuheiliang and the Origins of Ritual in China // New Perspectives on China's Past /

ed. Xiaoneng Yang. Vol. I. Ch. 4. New Haven: Yale University, 2004. P. 145–159.

Guo Qinghua. The mingqi pottery buildings of Han Dynasty China, 206 BC–AD 220: architectural representations and represented architecture. England; Brighton; Portland, Or.: Sussex Academic Press, 2010.

Gyllensvärd B. T'ang Gold and Silver. Göteborg: Elanders Boktr., 1958. 370 p.

Gyllensvärd B. T'ang gold and silver // BMFEA. 1957. № 29. 371 p.

Hackins J.F. Nouvelles recherches archæologique a Begram. Vol. I–II. P., 1954.

Haddon A.C. The Races of Man and Their Distribution. Cambridge: Harvard University Press, 1924. 201 p.

Hajdas I. Radiocarbon dating and its applications in Quaternary studies // Recent progress in Quaternary dating methods / eds. F. Preusser, I. Hajdas, S. Ivy-Ochs. Quaternary Science Journal. Vol. 57, № 1/2. Stuttgart, 2008. P. 2–24.

Hančar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Vienna; Munich: Verlag Herold, 1955. 650 S.

Hansen V. Negotiating daily life in traditional China: how ordinary people used contracts, 600–1400. New Haven, Conn; L.: Yale University Press. 1995. 285 p.

Hansen V. The Open Empire: A History of China to 1600. N.Y.; L.: W.W. Norton, 2000.

Haquet J. Typologie des tombes // Mongolie: Le premier empire des steppes. Arles: Actes Sud, 2003. P. 104–107.

Harada Y., Komai K. Mu-Yang-Ch'eng: Han and pre-Han sites at the foot of Mount Lao-T'ieh in South Manchuria // AO. 1931. Vol. 2.

Hardy G. Worlds of Bronze and Bamboo: Sima Qian's Conquest of History. N.Y.: Columbia University Press, 1999.

Harper D. Contracts with the Spirit World in Han Common Religion: The Xuning Prayer and Sacrifice Documents of A.D. 79 // CEA. 2004. Vol. 14. P. 227–267.

Haskins J.F. China and the Altai // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 6. 1992. P. 1–9.

Haskins J.F. Pan-po, a Chinese Neolithic Village // AA. 1957. Vol. 20. № 1. P. 151–157.

Haskins J.F. The Chinese Mirror from Pazyryk // Archives of the Chinese Art Society of America. 1964. Vol. XVIII.

Hayashi Minao. On the Chinese Neolithic Jade Tsung/Cong. Abridged and adapted by A.C. Soper // AA. 1990. Vol. 50. № 1–2. P. 5–22.

Hayashi Minao. The Twelve Gods of the Chan-kuo Period Silk Manuscript Excavated at Ch'ang-sha // Ancient Chinese Bronzes and Southeast Asian Metal and Other Archaeological Artifacts / ed. and transl. N. Barnard. Melbourne: National Gallery of Victoria, 1976. P. 123–286.

Hayes K. On the Presence of Non-Chinese at Anyang // SPP. 2004. Vol. 132. P. 1–11.

Henning B. The Date of Sogdian Ancient Letters // BSOAS. 1948. Vol. XII. P. 601–615.

Henning R. Die Einführung der Seidenraupenzucht im Byzantinerreich // BZ. 1933. Bd. 33. S. 295–312.

Hentze C. Bronzegerat, Kultbauten, Religion im ältesten China der Shang-Zeit. Antwerpen, 1951. 273 S.

Hentze C. Die Wanderung der Tiere um die heiligen Berge // Symbolon. Jahrbuch für Symbolforschung. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co. Verlag, 1964. Bd. 4. 304 S.

Hentze C. Gods and Drinking Serpents // History of Religions. An Intern. J. for Comparative Historical Studies. 1965. Vol. 4. № 2. P. 179–208.

Herrmann A. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig: K.F. Koehlers antiquarium, 1938. 178 S.

Herrmann A. Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. B.: Weidmannsche Buchhandlung, 1910. 130 S.

Herrmann A. Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Römischen Reich // MGGW. Bd. 58. 1915. S. 472–500.

Hill J.E. Through the Jade Gate to Rome: A Study of the Silk Routes during the Later Han Dynasty, 1st to 2nd Centuries CE: An Annotated Translation of the Chronicle on the "Western Regions" in the Hou Hanshu. Charleston: BookSurge, 2009. 689 p.

Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into Their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Record. Whitefish, Mont.: Kessinger, 2010. [Reprint. Originally published: Leipsic & Munich: Georg Hirth; Shanghai & Hongkong: Kelly & Walsh, 1885.] 329 p.

Hirth F. Chinese metallic mirrors. With notes on some ancient specimens of the Musee Guimet. P.; N.Y.: G.E. Stechert & Co, 1907.

Ho Ping-ti. The Cradle of the East. An Inquiry into the Indigenous Origins of Techniques and Ideas of Neolithic and Early Historic China, 5.000–1.000 B.C. Hong Kong, 1975.

Hobson R.L. The George Eurnorfopoulns collection. Catalogue of Chinese, Korean and Persian pottery and porcelain. V. 1–6. L.: E. Benn, 1925–1928.

Hobson R.L., Hetherington A.L. The Art of Chinese Pottery. L., 1923.

Hochstadter W. Pottery and stonewares of Shang, Chow and Han // BMFEA. 1952. № 24. P. 81–108.

Holloway K.W. Guodian: The Newly Discovered Seeds of Chinese Religious and Political Philosophy. Oxf.: Oxford University Press, 2009.

Holotova-Szinek J. Les Xiongnu de Mongolie: Organisation territoriale et économie selon les découvertes archéologiques récentes et les sources historiques. P.: Universitaires Europeennes, 2011.

Holotova-Szinek J. Preliminary Research on the Spatial Organization of the Xiongnu Territories in Mongolia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 425–440.

Honeychurch W., Amartuvshin Ch. An examination of Khunnu period settlement in the Egiin Gol Valley, Mongolia // Археологийн судлал. XXI. 2011. P. 59–65.

Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Death and Social Process Among the Ancient Xiongnu of Mongolia // Xiongnu, the First Empire of the Steppes; Archaeological Research of its Tombs. Seoul: National museum of Korea, 2007. P. 134–153.

Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Landscape and politics: A comparative analysis of Xiongnu and Uighur period organization in the Egiin Gol Valley of Mongolia // Археологийн судлал. XXIII. 2005. P. 54–87.

Honeychurch W., Wright J., Amartuvshin C. Nested Approach to Survey in the Egiin Gol Valley, Mongolia // Journal of Field Archaeology. 2007. 32. P. 369–383.

Houei-kiao. Biographies des Moines éminents. Louvian: Institut orientaliste, Bibliothèque de l'Université, 1968. 210 p.

Houle J.-L. Socially integrative facilities' and the emergence of societal complexity on the Mongolian Steppe // Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility / eds. B. Hanks and K. Linduff. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 358–377.

Houle J.-L., Broderick L.G. Settlement Patterns and Domestic Economy of the Xiongnu in Khanui Valley, Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 137–152.

Hoyonagi M. Natural Changes of the Region along the Old Silk Road in the Tarim Basin in Historical Times // *MRDTB*. 1975. № 33.

Hsu Cho-yun. The Quest for Our Past: Journey of a Chinese Historian / transl. Sylvia Chia. Hong Kong: Chinese University Press, 2007.

Huang Shijian. The Persian language in China during the Yuan Dynasty // *Paper on Far Eastern History*. 34. September. Canberra, 1986. P. 86–88.

Huang Weiwen. A Conversation with Huang Weiwen: Reflections on Asian Paleolithic Research // *AsP*. 2004. Vol. 43. № 2. P. 197–204.

Hudiakov Yu.S., Borisenko A.Y. Images of Leopard and Saiga from the Kok-Edigan and Tiangys-Tyt sites in Gorni Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2002. № 2. P. 105–109.

Hudiakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. An Archaeological complex with Runic Inscriptions in Kok-Say, the Kochkor valley, Tien Shan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2002. № 3. P. 124–131.

Hudjakov U.S., Plotnikov U.A. Ancient Turkic stone Statues in the South Part of the Ubsunurskaja Hollow // *Sosyal Bilimler Dergisi*. Biskek, 2002. Sayı. 3. P. 120–141.

Hudud al-Alam. The Regions of the World / transl. and Explained by V. Minorsky. L.: Luzac & Company, 1937. 447 p.

Hulsewe A.F.P., Loewe M.A.N. China in Central Asia. The Early Stage 125 BC – 23 AD / transl. by A.F.P. Hulsewe. Introd. by M.A.N. Loewe. Leiden: E.J. Brill., 1979. 273 p.

Humboldt A. L'Asie Centrale. P., 1847.

Ikeda Tomohisa. Bibliography of Books and Articles on the Ch'u Bamboo Strips from Kuo-tien // *AcA*. 2001. Vol. 80. P. 72–88.

Illustrated Catalogue of Chinese government exhibits for the International exhibition of Chinese art in London. IV: Miscellaneous. Shanghai: Commercial Press. 1936. 191 p.

India Perspectives. Oct. 6. New Delhi: URL:
<http://indiadiplomacy.in/IndiaPerspectives.aspx>

Itō Michiharu. Japanese Studies on Chinese History (Yin to Warring States), 1973–1983. Asian Studies in Japan, 1973–1983. Tokyo: Center for East Asian Cultural Studies, 1986.

Jackson C.E. Great Bird Paintings of the World – the Old Masters. Woodbridge: Antique Collector's Group, 1993.

Jacobson E. Mountains and Nomads: A Reconsideration of the Origins of Chinese Landscape Representation // BMFEA. 1985. Vol. 57. P. 133–178.

Jacobson E., Kubarev V., Tsevendorj P. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. T. V. P.: De Boccard, 2001. 481 p.

Jagchid S., Bauden C.R. Some Notes on the Horse-Policy of the Yüan Dynasty // CAJ. 1965. № 10. P. 246–268.

Jagchid S. The Historical Interaction between the Nomadic People in Mongolia and the Sedentary Chinese // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions Nomads: Masters of the Eurasian Steppe. 2 / eds. G. Seaman, D. Marks. Los Angeles: Ethnographics Press, 1991. P. 63–91.

Jagchid S., Symons V.J. Peace, War, and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1989.

Jäger F. Leben und Werk des P'ei Kü // OZ. 1922–1923. P. 81–115, 216–231.

James J.M. A Guide to the Tomb and Shrine Art of the Han Dynasty 206 B.C.–A.D. 220 // Chinese Studies. 2. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen, 1996.

James J.M. The Late Han Stone-Built Tomb at Yinan: Home is Where the Body Is // OA. 2001. Vol. 47. № 1. P. 21–25.

Janse O.R. Archaeological research in Indo-China. Vol. II. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1951. P. 231–246.

Jansen T. The Art of Severing Relationships (juejiao) in Early Medieval China // JAOS. 2006. Vol. 126. № 3. P. 347–365.

Jao Tsung-fyji, Vandermeersch L. Les relations entre la Chine et le monde iranien dans l'Antiquité historiquement revisitée à la lumière des découvertes archéologiques du dernier quart de siècle // BEFEO. 2006. Vol. 93. P. 208–245.

Jenny W.A. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Grabern // BZ. Bd. XIX. H. 3/4. B., 1928. S. 351–362.

Jettmar K. Body-painting and the roots of the Scytho-Siberian Animal Style // The archaeology of the steppes: methods and strategies: papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992 / ed. B. Genito. Napoli, Italy: Istituto Universitario Orientale, 1994. P. 3–15.

Jettmar K. Cultural and Ethnic Groups West of China // Asian Perspectives (Honolulu). 1985 (1981). Vol. 24. № 2. P. 145–162.

Jettmar K. The art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // South Asian Studies. 1991. Vol. 7. P. 1–20.

Jettmar K. The Karasuk culture and its south-eastern affinities // BMFEA. 1950. № 22. P. 83–126.

Jianhua Yang. Gender Relationships among the «Xiongnu» as reflected in Burial Patterns // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 243–259.

Jiao Tianlong. China's Late Palaeolithic: Revolution' or Continuation? // Festschrift in Honour of Professor An Zhimin's 80th Birthday. Hong Kong: Chinese University of Hong Kong Press. 2003. P. 30–36.

Jing Yuan, Flad R. New Zooarchaeological Evidence for Changes in Shang Dynasty Animal Sacrifice // JAA. 2005. Vol. 24. № 3. P. 252–270.

Jing Yuan, Flad R. Pig Domestication in Ancient China // Antiquity. 2002. Vol. 76. № 293. P. 724–732.

Jing Yuan, Flad R. Research on Early Horse Domestication in China // Equids in Time and Space: Papers in Honour of Vera Eisenmann / ed. M. Mashkour. Oxf.: Oxbow, 2006. P. 124–131.

Jones D. Crossing Currents: The Over-Flowing/Flowing-Over Soul in Zarathustra and Zhuangzi // Dao. 2005. Vol. 4. № 2. P. 235–251.

Jones R.A. Late Bronze Age Seals of Szechwan // MS. 1986–1987. Vol. 37. P. 233–275.

Joyce T.A. Notes of the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs // Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1912. № 62. P. 450–484.

Juliano A. Horses in the Mortuary Arts of the Han Dynasty // Recarving China's Past / ed. C.Y. Liu. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 419–423.

Julien S. Documents historiques des Tou-kioués (Turcs). Trauits du Chinois // JA. 6-ème série: I-III. 1864. P. 200–242.

Kang Xiaofei. In the Name of the Buddha: the Cult of the Fox at a Sacred Site in Contemporary Northern Shaanxi // Minsu quyi. 2002. № 138. P. 67–110.

Karlgren B. Early Chinese Mirror Inscriptions // BMFEA. 1934. № 6. P. 9–79.

Karlgren B. Huai and Han // BMFEA. 1941. № 13. P. 1–125.

Karlgren B. Notes on the grammar of early bronze decor // BMFEA. 1951. № 23. P. 1–53.

Karlgren B. Some Bronzes in the Museum of Far Eastern Antiquities // BMFEA. 1949. Vol. 21. P. 1–25.

Karlgren B. Some Fecundity Symbols in Ancient China // BMFEA. 1930. № 2. P. 1–66.

Karlgren B. Some Pre-Han Mirrors // BMFEA. № 35. 1963. P. 1–128.

Karlgren B. Some Ritual Objects of Prehistoric China // BMFEA. 1942. № 14. P. 65–69.

Karlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA. 1945. № 17. P. 101–144.

Karlgren B. Yin and Chou in Chinese bronzes // BMFEA. 1936. № 8. P. 9–156.

Keates S.G. An Examination of Culture and Evolution of Middle Pleistocene Chinese Hominids // Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene / eds. L. Barham and K. Robson-Brown. Bristol, U.K.: Western Academic & Specialist Press, 2001. P. 159–185.

Keates S.G. Home Range Size in Middle Pleistocene China and Human Dispersal Patterns in Eastern and Central Asia // AsP. 2004. Vol. 43. № 2. P. 227–247.

Keenan D.J. Astro-Historiographic Chronologies of Early China Are Unfounded // EAH. 2002. Vol. 23. P. 61–68.

Keightley D.N. Clean Hands and Shining Helmets: Heroic Action in Early Chinese and Greek Culture // Religion and Authority / ed. T. Siebers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. P. 13–51.

Keightley D.N. Main Trends in American Studies of Chinese History: Neolithic to Imperial Times // History Teacher. 1986. Vol. 19. № 4. P. 527–543.

Keightley D.N. Oracle-Bone Collections in Great Britain: A Review Article // EC. 1989. Vol. 14. P. 173–182.

Keightley D.N. The Ancestral Landscape: Time, Space, and Community in Late Shang China (1200–1045 B.C.). Berkeley: Institute of East Asian Studies, 2000.

Kessler A.T. Empires beyond the Great Wall: The Heritage of Genghis Khan. Los Angeles: Natural History Museum of Los Angeles County, 1993.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2000-Year-Old Necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // *American Journal of Human Genetics*. 2003. № 73 (2). P. 247–260.

Khayutina M. Royal Hospitality and the Geopolitical Constitution of the Western Zhou Polity // *TP*. 2010. Vol. 96. № 1–3. P. 1–73.

Khazanov A.M., Crookenden J., Gellner E. Nomads and the Outside World. 2nd ed. Wisconsin: University of Wisconsin press, 1994. 442 p.

Khudjakov Ju.S. Armament of Nomads of the Altai Mountains (First Half of the 1st Millenium AD) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2005. № 2. P. 117–133.

Khudjakov Yu.S. The cult of arms among the medieval Ugrian and Turkic peoples in Northern Asia centuries // Northern archaeological congress. Abstracts. Ekaterinburg; Khanty-Mansijsk, 2002. P. 143–144.

Khudjakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltbayev O.A. Helmet Findings in Kyrgyzstan // *Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia*. 2001. № 1. P. 101–106.

Khudyakov Yu., Borisenko A. Ornaments from Silver in the Traditional Culture of the Peoples of South Siberia // *Information Bulletin*. M., 2004. Issue 24. P. 207–224.

Khudyakov Yu.S. Armory of Nomads from the Altai Mountains in the First Half of the First Millennium AD // *Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of Eurasian Steppe*. Szeged, 2004. P. 11–12.

Khudyakov Yu.S. The Central Asian Ancient Bronze Helmets // *Essays in Honour of An Zhimin*. Hong Kong, 2004. P. 205–209.

Kiang H. Aufstieg und Niedergang der Hunnen in China: Ein aus chinesischer Sicht vervollständigendes Bild über die Hunnen. Frankfurt: Peter Lang, 1995.

Kieschnick J. Buddhist Vegetarianism in China // *Of Tripod and Palate. Food, Politics, and Religion in Traditional China* / hg. R. Sterckx. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.

Killigrew J.W. The Reunification of China in AD 280: Jin's Conquest of Eastern Wu // EMC. 2003. Vol. P. 1–34.

Kim Hyun Jin. Ethnicity and Foreigners in Ancient Greece and China. L.: Gerald Duckworth, 2009.

Kim K., Brenner Ch.H., Mair V.H. [et al.]. A Western Eurasian Male is found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // American Journal of Physical Anthropology. 2010. № 142 (3). P. 429–440.

Kleeman T.F. Reconstructing China's Religious Past: Textual Criticism and Intellectual History // JCR. 2004. Vol. 32. P. 29–45.

Kon'kova L.V., Fefelov N.N., Zarudneva N.V. The isotope composition of the bronzes from archaeological sites in the south of the Soviet Far East // Bulletin of the metals museum. Aoba, 1990. Vol. 15.

Korobeinikov S.N., Hudiakov Y.S. The Analysis of the functional Properties of protective Armament used by Central Asian Nomads // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2001. № 4. P. 108–115.

Kortlandt F. Indo-European and Chinese: Comment on E.G. Pulleyblank's View // IRCL. 1996. Vol. 1. № 1. P. 30–31.

Kosaku Hamada, Sadahiko Shimada. Nan-Shan-li. Report upon the Excavation of the Brick Tomb of the Han Dynasty at the Foot of Mt. Lao-t'ieh, near Port Arthur South Manchuria // Archaeologia Orientalis. Ser. A. Tokyo, 1933. Vol. 3.

Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. München: Skythika, 1987. 489 S.

Kovalev A. A., Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O. An Unlooted Elite Xiongnu Barrow at Khokh Uzuuriin Dugui-II, Bulgan sum, Khovd aimag, Mongolia: Relative Chronological Dating and Its Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites: Preliminary Report // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 291–302.

Kovalev A.A. «Karasuk-dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Arcaologie. Bd. 50. 1992.

Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Matrenin S.S., Grebennikov I.Iu. The Shouxiangcheng Fortress of the Western Han Period – Excavations at Baian Bulag, Nomgon Sum, Omnogov' Aimag, Mongolia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in

Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 475–508.

Kradin N.N. North and South in the Dynamics of Inner Asia: the Movement of Peoples, Empires, and Technologies. III // Northern Archaeological Congress: papers / ed. A. V. Golovnev. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: Izdatnaukaservis, 2010. P. 237–266.

Kraushaar F. Eastwards: Western Views on East Asian Culture. Euro-Sinica 13. Bern: Peter Lang, 2010.

Kroll J.L. Shih chi, Han shu, and the Han Culture // ArOr. 2006. Vol. 74. № 3. P. 299–348.

Kuhn D. Silk Weaving in Ancient China: From Geometric Figures to Patterns of Pictorial Likeness // CS. 1995. Vol. 12. P. 77–114.

Kümmel O. Neun chinesische Spiegel // Ostasiatische Zeitschrift. N.F. 6. Jahrgang. 3. u. 4. Hert. B.; Leipzig, 1930.

Kurihera Tomonobu. Studies on the History of the Ch'in and Han Dynasties. Tokyo: Printed by Yoshikawa Kobunkan, 1960.

Kuwayama G. Chinese Jade from Southern California Collections. Los Angeles: Far East Council of the Los Angeles County Museum of Art, 1976.

Kuwayama G. Ancient Mortuary Traditions of China: Papers on Chinese Ceramic Funerary Sculptures. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1991.

Kuwayama G. The Great Bronze Age of China: A Symposium. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983.

Kuzmin Y.V. Chronology of the Earliest Pottery in East Asia: Progress and Pitfalls // Antiquity. 2006. Vol. 80. № 308. P. 362–371.

Kuzmin Y.V. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology // Journal of Archaeological Research. 2008. Vol. 16. № 2. P. 163–221.

Kyzlassow L. Das Grabmal am Jenissei // Ideen des exakten Wissen: Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1971. № 8. S. 517–522.

Lacouperie T. de. The Languages of China before the Chinese. L.: David Nutt, 1887. (Reprint, 1970). 148 p.

Lacouperie T. de. The Oldest Book of the Chinese. The Yi-king and its Autors. Vol. 1. History and Method. L.: D. Nutt, 1892. 121 p.

Lagerwey J. Du caractère rationnel de la religion locale en Chine // BEFEO. 2000. Vol. 87. P. 301–315.

Lagerwey J. Early Chinese religion: Shang Through Han (1250 BC–220 AD). Leiden, The Netherlands: Brill, 2009.

Lagerwey J. Religion and Chinese Society: A Centennial Conference of the École française d'Extrême-Orient. 2 vols. P.: École française d'Extrême-Orient, 2004.

Lagerwey J., Kalinowski M. Early Chinese Religion, Part One: Shang through Han (1250 BC–220 AD). 2 vols. Handbuch der Orientalistik IV. Leiden: Brill, 2009.

Lam P.Y.K. Jades from the Tomb of the King of Nan Yue. Hong Kong: Woods, 1991.

Laplante J.D. Ancient Chinese Ritual Vessels: Some Observations on Technology and Style // EC. 1988. Vol. 13. P. 247–273.

Laufer B. Chinese clay figures // Field Museum of Natural History. Art Series. Vol. 13/2. Chicago: Anthropological series, 1914. P. 73–315.

Laufer B. Sino-Iranica. Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago: Field Museum of Natural History Chicago, 1919. 458 p.

Lawergren B. Western Influences on the Early Chinese Qin-Zither // BMFEA. 2003. Vol. 75. P. 79–109.

Lawton T. A Group of Early Western Chou Period Bronze Vessels // AO. 1975. Vol. 10. P. 111–121.

Le Bas A. Chinese Bronze Vessels with Copper Inlaid Décor and Pseudo-Copper Inlay of Ch'un-ch'iu and Chan-kuo Times // Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures. 2 vols. / eds. F. Bulbeck, N. Barnard. Taipei: SMC, 1996–1997. P. 123–175.

Lee Ch., Linhu Z. Xiongnu Population History in Relation to China, Manchuria, and the Western Regions // Xiongnu Archaeology: Multi-disciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 193–200.

Lee S.Y. Further Analysis of Korean Blood Types // Hanzaijaku zasshi. (Acta criminalistica et medicina legalis Japonica). 1967. Vol. 33. № 3.

Lee S.Y. Further Analysis of Korean Blood Types // Yonsei Medical Journal. 1965. Vol. 6. Desember 3. Seul. P. 16–25.

Lefebvre d'Argencé R.-Y. Bronze Vessels of Ancient China in the Avery Brundage Collection. San Francisco: Asian Art Museum of San Francisco, 1977.

Lefebvre d'Argencé R.-Y. Chinese Jades in the Avery Brundage Collection. San Francisco: Asian Art Museum of San Francisco, 1977.

Legge J. The Chinese Classics. 2nd ed. 5 vols. Oxf.: Clarendon, 1893–1895; rpt., Taipei: SMC, 1991.

Legge J. The Chinese Classics. Vol. VII. Peiping, 1939.

Lehmkuhl F., Haselein F. Quaternary paleoenvironmental change on the Tibetan Plateau and adjacent areas (Western China and Western Mongolia) // *Quaternary International*. 2000. 65/66. P. 121–145.

Les mondes de Marco Polo. URL:

http://www.pum.umontreal.ca/livres/fishes/pdf_site_web/chine_chap1.pdf

Leslie D.D., Gardiner K.H. All Roads to Rome: Chinese Knowledge of the Roman Empire // *JAH*. 1995. Vol. 29. P. 61–81.

Leslie D.D., Gardiner K.H.J. Chinese Knowledge of Western Asia during the Han // *TP*. 1982. Vol. 68. № 4–5. P. 254–308.

Leslie D.D., Gardiner K.H.J. The Roman Empire in Chinese Sources. *Studi Orientali*. 15. Rome: Bardi, 1996.

Leus P.M. New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 515–536.

Levi S., Chavannes E. L'itinéraire d'Ou-k'ong (751–790) // *JA*. 9-e ser. 1895. T. VI. P. 341–371.

Levine M., Renfrew C., Boyle K. Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge: University of Cambridge, McDonald Institute for Archaeological Research, 2003.

Lewis C.J. Into the Afterlife: Han and Six Dynasties Chinese Tomb Sculpture from the Schloss Collection. Poughkeepsie, N.Y.: Vassar College Art Gallery, 1990.

Li Boqian. Early Chinese Bronzes: The Perfect Harmony of Thought and Art. Denver: Denver Art Museum, 2000.

Li Chi. The beginnings of Chinese civilization. Seattle: University of Washington Press, 1957.

Li Feng. Landscape and Power in Early China: The Crisis and Fall of the Western Zhou, 1045–771 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Li Feng. Literacy Crossing Cultural Borders: Evidence from the Bronze Inscriptions of the Western Zhou Period (1045–771 BC) // BMFEA. 2002. Vol. 74. P. 210–242.

Li Liu. Mortuary Ritual and Social Hierarchy in the Longshan Culture // Early China. 1996. № 21. P. 1–46.

Li Shuicheng. Ancient Interactions in Eurasia and Northwest China: Revisiting Johan Gunnar Andersson's Legacy // BMFEA. 2003. Vol. 75. P. 9–30.

Li Xiandeng. On the Origin of Bronze in Ancient China // The Beginnings of Metallurgy in China. Chinese Studies 11 / ed. K. Linduff. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen, 2000. P. 87–98.

Li Xiuhui, Rubin H. Metallographic Analysis of Bronzes at the Zhukaigou Site from the Early Shang Period // The Beginnings of Metallurgy in China. Chinese Studies 11 / ed. K. Linduff. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen, 2000. P. 255–267.

Li Xueqin. Liangzhu Culture and the Shang Dynasty Taotie Motif / transl. S. Allan // The Problem of Meaning in Early Chinese Ritual Bronzes. Colloquies on Art & Archaeology in Asia 15. L.: School of Oriental and African Studies, University of London, 1993. P. 56–66.

Li Xueqin. Some Problems Concerning Qin and Han Bronzes // EC. 1985–1987. Vol. 11–12. P. 296–300.

Li Xueqin. The Wonder of Chinese Bronzes. Beijing: Foreign Languages Press, 1980.

Li Xueqing. Eastern Zhou and Qin Civilizations // Early Chinese Civilization Series / transl. K.C. Chang. New Haven; L: Yale University Press, 1985.

Liang Ssu Yung. New Stone Age Pottery from the Prehistoric Site at Hsi-yin tsun, Shansi, China // Memoirs of the American Anthropological Association. Wisconsin, 1930. № 37. P. 61–72.

Lin J. Jade Suits and Iron Armour // EAJ. 2003. Vol. 1. № 2. P. 20–43.

Linduff K.M., Rubin H., Sun Shuyun. The Beginnings of Metallurgy in China. Chinese Studies 11. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen, 2000.

Linduff K.M. Zhukaigou, Steppe Culture and the Rise of Chinese Civilization // Antiquity. 1995. Vol. 69. № 262. P. 133–145.

Lippiello T. Auspicious Omens and Miracles in Ancient China: Han, Three Kingdoms and Six Dynasties // Monumenta Serica. Monograph Series 39. Sankt Augustin, Germany, 2001.

Littauer M.A., Crowell J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979. 185 p.

Litvinsky B.A. Outline history of Buddhism in Central Asia // International conference on the history, archaeology and culture of Central Asia in the Kushan period. M.: Nauka. 1968. 110 p.

Liu C.Y. et al. Recarving China's Past: Art, Archaeology, and Architecture of the "Wu Family Shrines" / ed. N.N. Richard. New Haven; L.: Yale University Press, 2005.

Liu Li. Ancestor Worship: An Archaeological Investigation of Ritual Activities in Neolithic North China // JEAA. 2000. Vol. 2. № 1–2. P. 129–164.

Liu Li. The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States // New Studies in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Liu Li. The Products of Minds as Well as of Hands: Production of Prestige Goods in the Neolithic and Early State Periods of China // AsP. 2003. Vol. 42. № 1. P. 1–40.

Liu Mau-Tsai. Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jh. v. bis zum 6. Jh. n. Chr. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. 209 S.

Liu Xinru. Ancient India and ancient China: trade and religious exchanges AD 1–600. N.Y.: Oxford University Press, 1995.

Liu Xinru. Silk and Religion. An Exploration of Material Life and the Thought of People, AD 600–1200. Delhi, etc: Oxford University Press, 1996.

Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956. XIII. 233 p.

Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. First Part: Daggers // AA. Vol. XII, № 1–2. 1949. P. 23–83.

Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. Second Part: Knives // AA. Vol. XIV. № 1–2. 1951. P. 77–162.

Loehr M. Weapons and Tools from Anyang and Siberian analogies // AJA. 1949. Vol. 53. P. 126–144.

Loewe M. Dated Inscriptions on Certain Mirrors (A.D. 6–105): Genuine or Fabricated? // EC. 2001–2002. Vol. 26–27. P. 233–256.

Loewe M. Records of Han Administration. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Loewe M. Shells, Bones and Stalks during the Han Period // TP. 1988. Vol. P. 83–88.

Loewe M. The Men Who Governed Han China: Companion to a Biographical Dictionary of the Qin, Former Han and Xin Periods // *Handbuch der Orientalistik IV.17.* Leiden and Boston: Brill, 2004.

Louis F. Written Ornament—Ornamental Writing: Birdscript of the Early Han Dynasty and the Art of Enchanting // *AO.* 2003. Vol. 33. P. 10–31.

Loveday H. Diversity in Eastern Zhou Bronze Casting: A Look at a Group of Openwork Vessels // *JEA.* 2002. Vol. 4. P. 101–142.

Lovel Hin-cheng. Some northern Chinese ceramic wares of the sixth and seventh centuries // *OA.* 1975. Vol. 21. № 4. P. 328–343.

Lovell J. The Great Wall: China against the World, 1000 BC–AD 2000. N.Y.: Grove, 2006.

Lu Liancheng. Chariot and Horse Burials in Ancient China // *Antiquity.* 1993. Vol. 67. № 257. P. 824–838.

Lu Yaw, Feng Xianming, Tregear M. Spirit of Han: Ceramics for the After-Life. Singapore: Southeast Asian Ceramic Society, 1991.

Machicek M.L. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 173–180.

Mackenzie C. Chu Bronze Work: A Unilinear Tradition, or a Synthesis of Diverse Sources? // *New Perspectives on Chu Culture during the Eastern Zhou Period* / ed. T. Lawton. Wash.: Smithsonian Institution, 1991. P. 107–157.

Mahler J. The westerners among the figures of the T'ang dynasty of China. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1959. 192 p.

Mair V.H. Contact and Exchange in the Ancient World. Perspectives on the Global Past. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.

Mair V.H. Secrets of the Silk Road: An Exhibition of Discoveries from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China. Santa Ana, Calif.: Bowers Museum, 2010.

Mair V.H. The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. 2 vols. *Journal of Indo-European Studies Monograph* 26. Wash.: Institute for the Study of Man, 1998.

Mair V.H. Prehistoric European and East Asian Flutes // *Studies in Chinese Language and Culture: Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of His 60th Birthday* / ed. C. Anderl, H. Eifring. Oslo: Hermes, 2006. P. 209–216.

Mair V.H. The Archaeology of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region // *Secrets of the Silk Road: An Exhibition of Discoveries from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China* / ed. V.H. Mair. Santa Ana, Calif.: Bowers Museum, 2010. P. 26–52.

Mair V.H. The North(west)ern Peoples and the Recurrent Origins of the 'Chinese' State // *The Teleology of the Modern Nation-State: Japan and China* / ed. J.A. Fogel. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. P. 46–84.

Mair V.H. West Eurasian and North African Influences on the Origins of Chinese Writing // *Contacts between Cultures*. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen, 1992. III. P. 335–338.

Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. N.Y.: Thames and Hudson, 2000.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840–940). Leipzig, 1903.

Marquart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran / Hrsg. von H.H. Schaeder. Leiden: E.J. Brill, 1938. 202 S.

Maspero H. La Chine antique. P.: de Boccard, 1927. 624 p.

Matsumaru M. A New Hypothesis Regarding the Casting Method of Inscriptions in Shang and Chou Bronzes / tr. N. Barnard. // *Ancient Chinese and Southeast Asian Bronze Age Cultures*. Vol. I. Taipei: SMC, 1996. P. 289–310.

Mattos G.L. Eastern Zhou Bronze Inscriptions // *New Sources of Early Chinese History: An Introduction to the Reading of Inscriptions and Manuscripts* / Early China Special Monograph Series 3 / ed. E.L. Shaughnessy. Berkeley, Calif., 1997. P. 85–123.

Mattos G.L. The Stone Drums of Ch'in / *Monumenta Serica Monograph Series 19*. Nettetal, Germany: Steyler, 1988.

McGovern P.E., Underhill A.P., Fang Hui, Fengshi L., Gretchen R, Haiguang Yu, Wang Chen-shan, Fengshu C., Zhao Zhijun, Feinman G.M. Chemical Identification and Cultural Implications of a Mixed Fermented Beverage from Late Prehistoric China // *AsP*. 2005. Vol. 44. № 2. P. 249–275.

Meisig K. Chinesische Religion und Philosophie: Konfuzianismus – Mohismus – Daoismus – Buddhismus // Interkulturelle Ostasienstudien 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.

Meserve R.I. The Inhospitable Land of the Barbarian // JAH. 1982. Vol. 16. P. 51–89.

Meshkeris V.A. The Ancient Roots of Music in the Artistic Legacy of Western China (Reliefs of Chang-te-fu and Middle Asian Parallels) // Studien zur Musicarcheologia II. Orient-Archäologie. Rahden/Westf, 2000. S. 97–103.

Meyer J.A.M. de, Engelfriet P.M. Linked Faiths: Essays on Chinese Religions and Traditional Culture in Honour of Kristofer Schipper / Sinica Leidensia 46. Leiden: E.J. Brill, 2000.

Meyers P., Holmes L.L. Technical Studies of Ancient Chinese Bronzes: Some Observations // The Great Bronze Age of China: A Symposium / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 124–136.

Miller B., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C. A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002–2005) // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2006. № 2 (2). P. 1–21.

Miller B.K. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire / Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 559–578.

Minns E.H. Small bronzes from Northern Asia // The Antiquaries Journal. Vol. 10. L., 1930. P. 1–23.

Minns E.H. The art of the northern nomads // Proceedings of the British Academy. Vol. XXVI. L., 1942. P. 47–99.

Minorsky V.F. Tamim ibn Bahr's Journey to the uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1948. Vol. 12. P. 275–305.

Mittag A., Mutschler F.-H. Empire and Humankind: Historical Universalism in Ancient China and Rome // JCP. 2010. Vol. 37. № 4. P. 527–555.

Mongolie: Le premier empire des steppes / ed. J.-P. Desroches. Monaco: Acted Sud/Mission de Archéologique Française en Mongolie, 2003.

Moreno E. The Problems in the Interpretation of the taotie Motif on Shang Bronzes // EAJ. 2003. № 1. P. 9–15.

Movius H.L. Early Man and pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology of Harvard University. 1944. Vol. 19. № 3. 125 p.

Müller S. Routes et lieux habitée à l'âge de la Pierre et à l'âge du bronze // Mémoires de la Société Royal des Antiquities du Nord. Copenhagen, 1903.

Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte. Esslingen: P. Neff (M. Schreiber), 1910. 868 S.

Murdoch R.E. The Political and Ritual Significance of Bronze Production and Use in Ancient Yunnan // JEA. 2001. Vol. 3. № 1–2. P. 133–192.

My-Jang-Cheng. Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh in South Manchuria // AO. 1931. T. IV.

Myrdal E. Kina före Kina. Museum of Far Eastern Antiquities. Exhibition Catalogue 57. Stockholm, 2004.

Naumann N. Zu einigen religiösen Vorstellungen der Jōmon-Zeit. In memoriam: Carl Henze // Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1977. Bd. 127. Hf. 2. S. 398–425.

Needham J. Science and civilization in China. Vol. 1: Introductory Orientation. Cambridge: University Press, 1954. 703 p.

Nelson A., Amartuvshin Ch., Honeychurch W. A Gobi mortuary site through time: bioarchaeology at Baga Mongol, Baga Gazaryn Chuluu // Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on «Archaeological Research in Mongolia» (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007) / eds. Bemann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology. 4. 2009. P. 565–578.

Nelson S.M. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. L.; N.Y.: Routledge, 1995.

Nickel L. Some Han Dynasty Paintings in the British Museum // AA. 2000. Vol. 60. № 1. P. 59–78.

Nikkilä P. Shamanistic Elements in Early Confucianism // Shamanism and Northern Ecology / Religion and Society 36. B.: Mouton de Gruyter, 1996. P. 259–266.

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E.A. Seemann Verlag, 1980. 280 S.

Nylan M., Loewe M. China's Early Empires: A Re-Appraisal / University of Cambridge Oriental Publications 67. Cambridge, 2010.

Nan-Schan-Li. Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of Mount Lao-T'ieh, South Manchuria // AO. 1933. T. III.

Obrusanszky B. Some questions on the state of Huns // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 228–229.

Olsen S.J. The Horse in Ancient China and Its Cultural Influence in Some Other Areas // Proceedings of the Academy of Natural Sciences of Philadelphia. 1988. Vol. 140. № 2. P. 151–189.

Oppenheimer S. Out of Eden. The peopling of the World. L.: Robinson. 2004.

Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Dementiev V.N. A review of the evidence for extinction chronologies for five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia // Radiocarbon. 2004. Vol. 46. № 1. P. 301–314.

Pan Ling. A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 463–474.

Pan Yihong. Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through Tang // AM. Ser. III. 1997. Vol. 10. P. 95–131.

Pankenier D.W. Locating True North in Ancient China // Cosmology across Cultures: Proceedings of a Workshop Held at Parque de las Ciencias, Granada, Spain, 8–12 September 2008 / ed. J.A. Rubino-Martin / Astronomical Society of the Pacific Conference. Series 409. San Francisco, 2009. P. 128–137.

Papillon S. Influences tokhariennes sur la mythologie chinoise // SPP. 2004. Vol. 136. P. 1–47.

Paquier J. Le Pamir: Étude de geographic phisque et historique sur l'Asie Centrale. P.: Maisonneuve et cie, 1876. 218 p.

Park H. Linguistic Approaches to Reading Excavated Manuscripts // AS. 2009. Vol. 63. № 4. P. 857–887.

Park H. Mapping the Chinese and Islamic Worlds: Cross-Cultural Exchange in Pre-Modern Asia. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2012. 304 p.

Parke E. Contributions to Topography // China Review. Hongkong, 1888. Vol. 16. № 5.

Pearson R. Chinese Neolithic Burial Patterns: Problems of Method and Interpretation // *EC*. 1988. Vol. 13. P. 1–45.

Pechenkina E.A., Ambrose S.H., Ma Xiaolin, Benfer Jr.R.A. Reconstructing Northern Chinese Neolithic Subsistence Practices by Isotopic Analysis // *Journal of Archaeological Science*. 2005. Vol. 32. P. 1176–1189.

Pelliot P. Bronzes Antiques de la Chine appartenant à C.T. Loo et cie. P.; Bruxelles: G. van Oest, 1924. 68 p.

Pelliot P. Note sur les anciens itinéraires chinois dans l'Orient Romain // *JA*. Vol. CCXII. 1921. P. 139–145.

Picken L. The Music of Far Eastern Asia. China // *The New Oxford History of Music*. Vol. 1: Ancient and Oriental Music / ed. E. Wellesz, L., 1957. 530 p.

Piggott T.S. The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L.: Thames & Hudson, 1983. 272 p.

Pimpaneau J. tr. Sima Qian: Mémoires historiques. Arles: Philippe Picquier, 2002.

Pines Y. Beasts or Humans: Pre-Imperial Origins of Sino-Barbarian Dichotomy // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World* / ed. R. Amitai, M. Biran / Brill's Inner Asian Library 11. Leiden; Boston, 2005. P. 59–102.

Pirazzoli-t'Serstevens M. Un miroir peint du début de l'époque des Han // *AA*. 2002. Vol. 57. P. 223–225.

Picken L. The Origin of the short Lute // *The Galpin Society Journal*. 1955. Vol. VIII. P. 32–42.

Plinii Secundi C. Naturalis Historiae. Libri XXXVII / ed. Carolus Wayhoff. Lipsiae, 1897–1902.

Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D., Erdere-Ochir N. The burial construction of Noin Ula mound 20, Mongolia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2008. № 2. P. 77–87.

Prowse T.L., Schwarcz H.P., Garnsey P. [et al.]. Isotopic evidence for age-related immigration to imperial Rome // *American Journal of Physical Anthropology*. 2007. № 132. P. 510–519.

Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400–300 B.C. Praha: Academia, 1971. 313 p.

Průšek J. The Steppe Zone in the Period of Early Nomads and China of the 9th–7th centuries BC // *Diogenes*. 1966. Vol. 54. P. 23–46.

Psarras S.-K. Exploring the North: Non-Chinese Cultures of the Late Warring States and Han // MS. 1994. Vol. 42. P. 1–125.

Psarras S.-K. Han and Xiongnu: A Reexamination of Cultural and Political Relations // MS. 2003. Vol. 51. P. 55–236.

Psarras S.-K. Han and Xiongnu: A Reexamination of Cultural and Political Relations // MS. 2004. Vol. 52. P. 37–93.

Psarras S.-K. Pieces of Xiongnu Art // CAJ. 1996. Vol. 40. № 2. P. 234–259.

Psarras S.-K. Xiongnu culture: Identification and dating // Central Asiatic Journal. 1995. № 39 (1). P. 102–136.

Puett M.J. China in Early Eurasian History: A Brief Review of Recent Scholarship on the Issue // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. 2 vols. / ed. V. Mair. Journal of Indo-European Studies. 26. Wash.: Institute for the Study of Man, 1998. P. 699–715.

Pulleyblank E. Prehistoric East-West Contacts Across Eurasia // Pacific Affairs. 1975. Vol. 47. No 4.

Pulleyblank E.G. Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China. Variorum Collected Studies Series. Aldershot, U.K., and Brookfield, Vt.: Ashgate, 2002.

Qawrighul culture. Indo-European languages // Encyclopedia of Indo-European Culture / eds. J.P. Mallory and D.Q. Adams. L., Chicago, 1997. Vol. 2. P. 300–303.

Qiu Lianghui. A Preliminary Study of the Characteristics of Metallurgical Technology in Ancient China // Chinese Studies in the History and Philosophy of Science and Technology / tr. K. Dugan and J. Mingshan / Boston Studies in the Philosophy of Science 179 / eds. D. Fan, R.S. Cohen. Dordrecht, Holland: Kluwer, 1996. P. 219–241.

Ramseyer D., Pousaz N., Turbat Ts. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia // Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on «Archeological Research in Mongolia» (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007) / eds. J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4, 2009. P. 231–240.

Raschke M.G. New Studies on Roman Commerce with East // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, II. Principat, 9, 2 / ed. H. Temporini. B.; N.Y.: De Gruyter, 1978. P. 604–1361.

Raulwing P. Horses, Chariot and Indo-Europeans // Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics. Budapest: Archaeolingua, 2000. 210 p.

Rawlinson H. Monograph on the Oxus // JRGS.1872. T. 42. P. 482–513.

Rawson J. Ancient China. Art and Archaeology. L.: British Museum Publications, 1980. 240 p.

Rawson J. Ancient Chinese Ritual Bronzes: The Evidence from Tombs and Hoards of the Shang (c. 1500–1050 B.C.) and Western Zhou (c. 1050–771 B.C.) Periods // Antiquity 1993. Vol. 67. № 257. P. 805–823.

Rawson J. Chu Influences on the Development of Han Bronze Vessels // ArA. 1989. № 44. P. 84–99.

Rawson J. Statesmen or Barbarians? The Western Zhou as Seen Through Their Bronzes // Proceedings of the British Academy. 1989. № 75. P. 71–95.

Rawson J., Bunker E. Ancient Chinese and Ordos Bronzes Catalogue exhibition. Hong Kong: The Royal Asiatic Ceramic Society, 1990. 362 p.

Rawson J., Michaelson C. Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. L.: British Museum Press, 1995; rpt., Chicago: Art Media Resources, 2002.

Reinaud M. Relations politiques et commerciales de l' Empire Romain avec l'Asie Orientate // JA. 1863. Serie 4. T. 1. № 3. 322 p.

Reinecke P. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skythish sibirischen Völkerkreises // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. XXXIX. B., 1897. S. 141–163.

Richthofen K. China. Bd. 1. B.: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien, 1877. 821 S.

Ritter K. Die Erdkunde von Asien. Bd. VII: West-Asien. Uebergang von Ost nach West-Asien. B.: G. Reimer, 1837. 825 S.

Rohr-Sauer A. von. Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, neu übersetzt und untersucht // Bonner Orientalische Studien. Stuttgart, 1939. Bd. 29. S. 5–72.

Rong Xinjiang. Land Route or Sea Route? Commentary on the Study of the Paths of Transmission and Areas in Which Buddhism Was Disseminated during the Han Period // SPP. 2004. Vol. 144. P. 26–27.

Ruitenbeek K. Chinese shadows: stone reliefs, rubbings and related works of art from the Han Dynasty (206 BC–AD 220) in the Royal Ontario Museum. Toronto: Royal Ontario Museum, 2003.

Rybin E.P. Variability of Early Upper Paleolithic industries of south Siberia: cultural convergence or direct migrations? // The current issues of Paleolithic studies in Asia. Novosibirsk: Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2008. P. 119–127.

Rydh H. On Symbolism in Mortuary Ceramics // BMFEA. 1929. № 1. P. 71–120.

Rydh H. Seasonal Fertility Rites and the Death Cult in Scandinavia and China // BMFEA. 1931. № 3. P. 69–98.

Sadahiko Shimada, Kosaku Hamada. Nan-shan-li: brick-tombs of the Han dynasty at the foot of Mt. Lao-t'ieh, South Manchuria // AO. Ser. A. 1933. Vol. III. 176 p.

Sagart L. Chinese and Austronesian: Evidence for a Genetic Relationship // JCL. 1993. Vol. 21. № 1. P. 1–63.

Sagart L. Chinese, Austronesian, Indo-European // IRCL. 1996. Vol. 1. № 1. P. 41–44.

Sagart L. Proto-Austronesian and Old Chinese Evidence for Sino-Austronesian // Oceanic Linguistics. 1994. Vol. 33. № 2. P. 271–308.

Sagart L. Questions of Method in Chinese-Tibeto-Burman Comparison // CLAO. 1995. Vol. 24. № 2. P. 245–255.

Sagart L. Reply to Ting's Review of The Roots of Old Chinese // JCL. 2002. Vol. 30. № 2. P. 392–403.

Sagart L. The Chinese Names of the Four Directions // JAOS. 2004. Vol. 24. № 1. P. 69–76.

Sagart L. The Roots of Old Chinese // Amsterdam Studies in Theory and History of Linguistic Science: Series 4, Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1999.

Saint Martin V. de. Étude sur la géographie grecque et latine de L'Inde. P.: Imprimerie impériale, 1860. 452 p.

Salmony A. Eine chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // ESA. 1934. IX. 410 p.

Salmony A. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. P.: C.T. Loo Pub., 1933. 162 p.

Sanft C. Law and Communication in Qin and Western Han China // JESHO. 2010. Vol. 53. № 5. P. 679–711.

Sanft C. Progress and Publicity in Early China: Qin Shihuang, Ritual, and Common Knowledge // Journal of Ritual Studies. 2008. Vol. 22. № 1. P. 21–37.

Sarianidi V. Bactrian gold: from the excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 258 p.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions. 2007. 339 p.

Sarianidi V. Bactrian gold: from the excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 258 p.

Sarkissian H. Zhuangzi: The Primitivist's Writings // EAF. 1999–2000. № 8–9. P. 143–177.

Sato Masayuki. The Confucian Quest for Order: The Origin and Formation of the Political Thought of Xun Zi / Sinica Leidensia 58. Leiden: Brill, 2003.

Saussy H. Great Walls of Discourse and Other Adventures in Cultural China / Harvard East Asian Monographs 212. Cambridge, Mass.; L., 2001.

Sawyer R.D. Ancient Chinese Warfare. N.Y.: Basic Books, 2011.

Scarpari M. Ancient China: Chinese Civilization from Its Origins to the Tang Dynasty. N.Y.: Barnes & Noble, 2000.

Schaberg D. Texts and Artifacts: A Review of The Cambridge History of Ancient China // MS. 2001. Vol. 49. P. 463–515.

Schaberg D. Travel, Geography, and the Imperial Imagination in Fifth-Century Athens and Han China // CL. 1999. Vol. 51. № 2. P. 152–191.

Schafer E.H. The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1963. 400 p.

Schaps D.M. The Invention of Coinage in Lydia, in India, and in China // Bulletin du Cercle d'Études Numismatiques. 2007. Vol. 44. № 1. P. 281–300.

Schaps D.M. The Invention of Coinage in Lydia, in India, and in China // Bulletin du Cercle d'Études Numismatiques. 2007. Vol. 44. № 2. P. 313–322.

Scheidel W. Rome and China: Comparative Perspectives on Ancient World Empires / Oxford Studies in Early Empires. Oxf., 2009.

Scheidel W. The Monetary Systems of the Han and Roman Empires // Rome and China: Comparative Perspectives on Ancient World Empires / Oxford Studies in Early Empires / ed. W. Scheidel. Oxf., 2009. P. 137–207.

Scheidel W. The Xiongnu and the Comparative Study of Empire // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 111–120.

Schmidt W. Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1926.

Seaman G., Marks D. Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions Nomads: Masters of the Eurasian Steppe 2. Los Angeles: Ethnographics, 1991.

Shaughnessy E.L. Ancient China: Life, Myth and Art. L.: Duncan Baird, 2005.

Shaughnessy E.L. New Sources of Early Chinese History: An Introduction to the Reading of Inscriptions and Manuscripts / Early China Special Monographs. Berkeley: University of California, Institute of East Asian Studies, 1997.

Shaughnessy E.L. The Writing of a Late Western Zhou Bronze Inscription // AS. 2007. Vol. 61. № 3. P. 845–877.

Shaughnessy E.L. Sources of Western Zhou History inscribed bronze Vessels. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1991. 312 p.

Shelach G. Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BC. L.; Oakville, Conn.: Equinox, 2009.

Shen Chen, Wei Qi. Lithic Technological Variability of the Middle Pleistocene in the Eastern Nihewan Basin, Northern China // AsP. 2004. Vol. 43. № 2. P. 281–301.

Sheng A. The Origin of Chinese Tapestry Weave: A New Hypothesis // Textile History. 1995. Vol. 26. № 1. P. 53–74.

Sherratt A. The Trans-Eurasian Exchange: The Prehistory of Chinese Relations with the West // Contact and Exchange in the Ancient World. Perspectives on the Global Past / ed. V.H. Mair. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. P. 30–61.

Shiratori Kurakichi. On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C. Ptolemaes // MRDTB. 1957. № 16. P. 1–34.

Shiratori Kurakichi. The Geography of Western Regions // MRDTB. 1956. № 15. P. 73–163.

Shirokogoroff S.M. Anthropology of Eastern China and Kwangtung province // RAS (NChB). Extra. vol. 4. Shanghai: The Commercial Press, 1925. 162 p.

Shirokogoroff S.M. Anthropology of Northern China // RAS (NChB). Extra. vol. 2. Shanghai, 1923. 127 p.

Siren O. Histoire des Arts anciens de la Chine. I: La période préhistorique l'époque Tch'ou et Tsin. P.; Bruxelles, 1929.

Siren O. Histoire des Arts anciens de la Chine. III: La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. P.; Brussel, 1930.

Siren O. Histoire de la peinture chinoise. Des origines à l'époque Song. T. I. P., 1934.

Siren O. La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. P.; Bruxelles, 1930.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal. Les Civilisations Préhistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire, 1997. 85 p.

Skaff J.K. Sasanian and Arab-Sasanian silver coins from Turfan: their relationship to international trade and the local economy // AM. 1998. Vol. 11. № 2. P. 67–115.

So J.F. A Hongshan Jade Pendant in the Freer Gallery of Art // Orientations. May 1993. P. 87–92.

So J.F. Antiques in Antiquity: Early Chinese Looks at the Past // Journal of Chinese Studies. 2008. № 48. P. 373–406.

So J.F., Bunker E.C. Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle; L.: Arthur M. Sackler Gallery, 1995. 203 p.

Soper A.C. A Problematical Chinese Bronze Vessel: The ku That Was 'Too Good to Be True // AA. 1970. № 32. P. 200–206.

Stark M.T. Archaeology of Asia. Blackwell Studies in Global Archaeology. Malden, Mass.: Blackwell, 2006.

Stein A. Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II. Oxf.: The Clarendon Press, 1907. 682 p.

Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I–III. Oxf.: The Clarendon Press, 1928.

Stein A. On ancient Central Asian Tracks. Chicago; L.: University Chicago Press, 1964.

Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I–IV. Oxf.: The Clarendon Press, 1921.

Sterckx R. Attitudes towards Wildlife and the Hunt in Pre-Buddhist China // Wildlife in Asia: Cultural Perspectives / ed. J. Knight / Man and Nature in Asia 5. L.: Routledge Curzon, 2004. P. 15–35.

Sterckx R. Of Tripod and Palate: Food, Politics, and Religion in Traditional China. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.

Sterckx R. Transcending Habitats: Authority, Territory and the Animal Realm in Warring States and Early Imperial China // Bulletin of the British Association for Chinese Studies. 1996. P. 9–19.

Sterckx R. Transforming the Beasts: Animals and Music in Early China // TP. 2000. № 86. Vol. 1–3. P. 1–46.

Stoltman J.B., Zhichun Jing, Jigen Tang, Rapp G. Ceramic Production in Shang Societies of Anyang // AsP. 2009. Vol. 48. № 1. P. 182–203.

Sun Yan. Bronzes, Mortuary Practice and Political Strategies of the Yan during the Early Western Zhou Period // Antiquity. 2003. Vol. 77. № 298. P. 761–779.

Swallow R.W. Ancient Chinese bronze Mirrors. Peiping: H. Vetch, 1937. 78 p.

Takahama Shu, Hatakeyama Tei. Mounted Nomads of Asia Steppe // Chinese Northern Bronzes. Tokyo, 1997. 189 p. (на яп. и англ. яз.).

Takahama Shu. Research of Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 126–131.

Takashima Ken-ichi, Yue A.O. Evidence of Possible Dialect Mixture in Oracle-Bone Inscriptions // In Memory of Professor Li Fang-kuei: Essays of Linguistic Change and the Chinese Dialects. Seattle: University of Washington, 2000. P. 1–52.

Tallgren A.M. The South Siberian Cemetery of Oglakty from Han Period // ESA. 1937. Vol. XI. P. 69–90.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p.

Tan Sor-hoon. Cultural Crossings Against Ethnocentric Currents: Toward a Confucian Ethics of Communicative Virtues // IPQ. 2005. Vol. 45. № 4. P. 433–445.

Tang Yi-jie. Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity, and Chinese Culture. Cultural Heritage and Contemporary Change, Series III: Asia 3. Wash., D.C.: Council for Research in Values and Philosophy, 1991.

Taniguchi Mitsuru. Ch'u Bamboo Slips from the Warring States Period and the Historical Geography of the Ch'u State // AcA. 2001. Vol. 80. P. 27–40.

Tao A. Chamanisme et civilisation chinoise antique. P.: L'Harmattan, 2003.

Tardy M. ed. This-Life and the After-Life: From Archaic Ritual Bronzes to Tang Mural Paintings. Brussels: Gisèle Croës, 1996.

Tcheboksarov N.N. Problèmes essentiels d'anthropologie ethnique de l'Asie du Sud-Est // XXIX ICO. P., 1973.

Tch'ou Tö-yi. Bronzes antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo et Cie / Preface and notes by Paul Pelliot. P.; Brussels: G. van Oest. 1924. 68 p.

Teilhard de Chardin P. Early Man in China. Peking: Institute de Geo-Biologic, 1941. 112 p.

Teilhard de Chardin P. Fossil Man in China and Mongolia // Natural History. N.Y.: American Museum of Natural History, 1926. Vol. 26. № 3. P. 238–245.

Teilhard de Chardin P., Boule M., Breuil H., Licent E. Le Paléolithique de la Chine. P.: Masson, 1928. 138 p.

Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China // Bulletin of Geological Society of China. 1924. Vol. 3. P. 45–50.

Teng Shu-p'ing. The Original Significance of the Bi Disks: Insights Based on Liangzhu Jade Bi with Incised Symbolic Motifs // JEEA. 2000. Vol. 2. № 1–2. P. 165–194.

Terra H. de. Pleistocene Formations and Stone Age Man in China // Institut de Geo-Biologie Publication. Peking: Institut de Geo-Biologie, 1941. № 6. P. 1–54.

The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations // Harvard East Asian. Ser. 32 / ed. J.K. Fairbank. Cambridge: Harvard University Press, 1968. 416 p.

The Silk Road: Fabrics from the Han to the T'ang dynasty. San Francisco, CA: China Books & Periodicals, Incorporated, 1972.

Thomas F.W. An ancient language of the Sino-Tibetan borderland. L.: Oxford Univ. Press. 1948. 469 p.

Thomson N. The evolution of the T'and Lion and Grape Vine mirrors // AA. Vol. XXIX. 1. 1967. P. 25–54.

Thopp R.L. An Archaeological Reconstruction of the Lishan Necropolis // The Great Bronze Age of China: A Symposium / ed. G. Kuwayama. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1983. P. 72–83.

Thopp R.L. China in the Early Bronze Age: Shang Civilization. Encounters with Asia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

Thopp R.L. Erlitou and the Search for the Xia // EC. 1991. Vol. 16. P. 1–38.

Thote A. Du message à l'image: Le décor des bronzes Shang et Zhou (Xve–IIIe S. av. J.-C.) // ArA. 2003. Vol. 58. P. 73–85.

Thote A. Intercultural Relations as Seen from Chinese Pictorial Bronzes of the Fifth Century B.C.E. // Res [Harvard University]. 1999. Vol. 35. P. 10–41.

Tikhvinsky S.L., Perelomov L.S. China and Her Neighbours from Ancient Times to the Middle Ages: A Collection of Essays / transl. L. Tudge. M.: Progress, 1981.

Till B. Ornaments of Wealth and Power: Bronze, Silver and Gold Artefacts of Ancient China and Neighbouring Regions // Arts of Asia. 2009. Vol. 39. № 2. P. 52–72.

Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 539–558.

Tocharian Languages // Encyclopedia of Indo-European Culture / eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.; Chicago, 1997. Vol. 3. P. 591–594.

Tong E. Magicians, Magic, and Shamanism in Ancient China // JEAA. 2002. № 4. P. 27–73.

Treasures of the Shosoin. Vol. I: The North Section. Tokyo: Asahi Shimbun, 1962. 56 p. Jap., 26 p. Eng.

Treasures of the Shosoin. Vol. II: The Middle Section. Tokyo: Asahi Shimbun, 1962. 39 p. Jap., 12 p. Eng.

Treasures of the Shosoin. Vol. III: The South Section. Tokyo: Asahi Shimbun, 1962. 41 p. Jap., 16 p. Eng.

Treistman J.M. The Prehistory of China. An Archaeological Exploration. N.Y.: Natural History Press., 1972. 175 p.

Tresors d'art Chinois: recentes decouvertes archeologiques de la Republique Populaire de Chine. P.: Petit Palais, 1973. 136 p.

Trever C. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad: J. Fedorov Printing House, 1932. 73 p.

Tseng Lillian Lan-ying. Representation and Appropriation: Rethinking the TLV Mirror in Han China // EC. 2004. Vol. 18. P. 163–215.

Tumen D. Linguistic, Cultural, and Morphological Characteristics of Mongolian Populations // Circumpolar Ethnicity and Identity / eds. T. Irimoto,

T. Yamada. (Senri Ethnological Studies. № 66). Osaka: National Museum of Ethnology, 2004. P. 309–324.

Turbat T. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / ed. U. Brosseder and B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2006. P. 315–325.

Turnbull S. The Great Wall of China: 221 BC–AD 1644. Fortress 57. Oxf.: Osprey, 2007.

Ulenbrook J. Einige Übereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und dem Indogermanischen (Vorläufiger Bericht) // *Anthropos*. 1967. Vol. 62, № 3–4. S. 535–551.

Ulenbrook J. Zum Chinesischen Wort hū für «Blut» // *Anthropos*. 1968–1969. Vol. 65, № 1–2.

Ulenbrook J. Zum Chinesischen Wort ti // *Anthropos*. 1970. Vol. 65. № 3–4.

Ulving T. Indo-European Elements in Chinese? // *Anthropos*. 1968–1969. Vol. 63–64. № 5–6. P. 945–961.

Umehara S. The late Mr. Moriva's collection of ancient Chinese mirrors // *AA*. 1955. Vol. XVIII. 3–4.

Underhill A.P. An Analysis of Mortuary Ritual at the Dawenkou Site, Shandong, China // *JEA*. 2000. Vol. 2. № 1–2. P. 93–127.

Underhill A.P. Craft Production and Social Change in Northern China. Fundamental Issues in Archaeology. N.Y.: Kluwer/Plenum, 2002.

Underhill A.P. Warfare and the Development of States in China // *The Archaeology of Warfare: Prehistories of Raiding and Conquest* / eds. E.N. Arkush, M.W. Allen. Gainesville: University Press of Florida, 2006. P. 253–285.

UNESCO History of Civilizations of Central Asia / eds. A.H. Dani, V.M. Masson Paris: UNESCO, 1992. URL: http://www.unesco.org/culture/asia/html_eng/ouvrages.htm

Vainker S. Chinese Silk: A Cultural History. New Brunswick; N.J.: Rutgers University Press, 2004.

Vaissiere E. de la. Huns et Xiongnu // *CAJ*. 2005. Vol. 49. № 1. P. 3–26.

Vajda Ed. J. A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. Vol. 5. New Series, 1–2, 2010. P. 33–99.

Vajda Ed. J. Yeniseian, Na-Dene and Historical Linguistics. The Dene-Yeniseian Connection // Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 5. New Series, 1–2, 2010. P. 100–118.

Van der Merwe N.J., Vogel J.C. 13C content of human collagen as a measure of prehistoric diet in Woodland North America. *Nature*. 1978. № 276.

Vandermeersch L. Les miroirs de bronze du Musee de Hanoi // Publications de l'Ecole Française d'Extreme-Orient. Vol. XLVI. P., 1960. 71 p.

Vasil'ev S. The Siberian Mosaic: Upper Paleolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // eds. W. Roebroeks, M. Mussi. Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000 – 20,000 BP. Leiden: Leiden University Press. 2000. P. 173–196.

Vasil'ev, S.A., Kuzmin, Y.V., Orlova, L.A., Dementiev V.N. Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*. 2002. Vol. 44. № 2. P. 503–530.

Vedernikov Yu.A., Levin V.A., Khudyakov Yu.S. Evolution and comparative analysis of group armor- and aeroballistics of the ancient and modern ruled and polywege arrows // *Bulletin of the Novosibirsk computing center. Series: Mathematical Modeling in geophysics*. 2005. Vol. 10. P. 93–116.

Venture O. Le Shan ding: Un vase en bronze inscrit de l'époque des Zhou occidentaux (1050–771 av. notre ère) // *ArA*. 2004. Vol. 59. P. 166–172.

Vidarsdottir U.S., O'Higgins P., Stringer C. A geometric morphometric study of regional differences in the ontogeny of the modern human facial skeleton // *Journal of Anatomy*. 2002. Vol. 201. P. 211–229.

Visdelou C. Histoire abrégée de la Tartarie // *Bibliothèque Orientale*. MDCCLXXIX. P.: A La Haye aux dépens de J. Neaulme & N. van Daalen. 1779. P. 296–366.

Voitov V.E., Hudiakov Yu.S. A Mongolian Helmet from the State Museum of oriental Art // *Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia*. 2004. № 4. P. 100–106.

Vovin A. Did the Xiongnu Speak a Yeniseian Language? // *CAJ*. 2000. Vol. 44. № 1. P. 87–104.

Wada Hiroshi. Prokops Rätselwort Serindia und die verplanzung des Seindenbaus von China nach dem oströmischen Reich. Köln: Inaugural-Dissertation. Philosophische Fakultat., 1970. 102 S.

Wagner D.B. Iron and Steel in Ancient China. Handbuch der Orientalistik IV. 9. Leiden: E.J. Brill, 1993.

Wagner D.B. The Dating of the Chu Graves of Changsha: The Earliest Iron Artifacts in China? // *AcO(C)*. 1987. Vol. 48. P. 111–156.

Wagner D.B. The Earliest Use of Iron in China // *BMFEA*. 2003. Vol. 75. P. 127–169.

Wagner D.B. The State and the Iron Industry in Han China. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2000.

Wagner M. Neolithikum und frühe Bronzezeit in Nordchina: Die Nordöstliche Tiefebene (Südteil) / *Archäologie in Eurasien* 21. Mainz: Philipp von Zabern, 2006.

Waley A. A Catalogue of Paintings Recovered from Tun-Huang by Sir Aurel Stein, K.C.I.E., Preserved in the Sub-department of Oriental Prints and Drawings in the British Museum and in the Museum of Central Asian Antiquities. Delhi, L.: The Trustees of the British Museum and of the Government of India, 1931.

Waley A. The Heavenly Horses of Ferghana. A New View // *History today*. L., 1955. Vol. 5. № 2. P. 97–103.

Wang Binghua. A Preliminary Analysis of the Archaeological Cultures of the Bronze Age in the Region of Xinjiang / transl. D. Cohen // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 1996. Vol. 34. № 4. 67–86.

Wang Gungwu. Early Ming Relations with Southeast Asia: A Background Essay // *The Chinese World Order* / ed. J.K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 34–62.

Wang Tao. Chinese Bronzes from the Meiyintang Collection. L.: Paradox Writing, 2009.

Watson W. *Archaeology in China*. L.: Max Parrish, 1960. 32 p.

Watson W. *Cultural Frontiers in Ancient East Asia*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. 187 p.

Wen-Chung Pei. The Recent Progress of a Quaternary Study in China // *Quartur*. 1939. Vol. 2. P. 120–132.

Wen-Chung Pei. The Zoographical Divisions of Quaternary Mammalian Fauna in China // *Vertebrata palasiatica*. 1957. Vol. 1. № 1. P. 9–24.

Whaley M.A. A Middle Indo-Aryan Inscription from China // *AcO(B)*. 2009. Vol. 62. № 4. P. 413–460.

Whitfield S. *Life along the Silk Road*. L.: John Murray Publishers, Ltd., 1999. 242 p.

Whyte B. Unfinished Encounte: China and Christianity. L.: Collins Fount Paperbacks, 1988. 537 p.

Willetts W.Y. Foundation of Chinese Art from Neolithic pottery to modern Architecture. L.: McGraw-Hill (for Thames and Hudson), 1965. 456 p.

Wittfogel K., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

Wright D. Wealth and War in Sino-Nomadic Relations // *The Tsing Hua Journal of Chinese Studies.* 1995. Vol. 25. № 3. N. s. P. 295–308.

Wright J. Xiongnu Ceramic Chronology and Typology in the Egiin Gol Valley, Mongolia // *Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C.* The Xiongnu Settlements of Egiin Gol, Mongolia // *Antiquity.* 2009. № 83. P. 372–387.

Wu Hung. Buddhist elements in early Chinese art (2nd and 3rd centuries A.D.) // *AA.* 1986. Vol. 47. № 3–4. P. 263–352.

Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 161–168.

Xu Pingfang. The Archaeology of the Great Wall of the Qin and Han Dynasties / transl. Taotao Huang, J. Moffett // *JEA.* 2001. Vol. 3. № 1–2. P. 259–281.

Yang Lien-sheng. Historical notes on the Chinese World Order // *The Chinese World Order / ed. J.K. Fairbank.* Cambridge: Harvard University Press, 1968. P. 20–34.

Yao Xinzhong. Confucianism and Christianity: A Comparative Study of Jen and Agape. Brighton: Sussex Academic Press, 1996.

Yao Zhihua. Typology of Nothing: Heidegger, Daoism and Buddhism // *CP.* 2010. Vol. 1. № 1. P. 78–89.

Yettmar K. Neuen Felsbilder und Inschriften in der Nordbilder Pakistan // *Archaeologie-Beitrage.* 1980. Bd. 2. P. 151–159.

Ying-Cheng-Tsu. The Han Brick-Tomb with Fresco-paintings near Chien-dur Ch'engin South Manchuria // *AO.* 1934. T. IV.

Yü Ying-shih. Trade and Expansion in Han China. A Study of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. 252 p.

Yuan Jing, Flad R. Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China // *BMFEA.* 2003. Vol. 75. P. 110–126.

Yule H. Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China / 2 vol. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1866. 694 p.

Yun Hyeung-Won, Chang Eun-Jeong. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 261–274.

Yung P. Xinjiang: the Silk Road: Islam's overland route to China. N.Y.: Oxford University Press, 1987.

Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Vol. 1–2. Vol. 1: text. Vol. 2: notes, bibliography, indexes. Leiden: E.J. Brill, 1959.

Zheng Yan. Barbarian Images in Han Period Art // Orientations. 1998. Vol. 29. № 6. P. 50–59.

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.

Абу Дулаф. Вторая записка Абу Дулафа / изд. текста, пер. и коммент. П.Г. Булгакова и А.Б. Хадидова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. V). 198 с.

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности // ИВСОРГО. Т. XII. № 4–5. 1881. С. 1–23.

Азбелев П.П. Ак-Бешимская находка // Евразия сквозь века. Сборник к 60-летию Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 211–212.

Азбелев П.П. К атрибуции изваяний с кургана Хо Цюйбина // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск, 2011. С. 306–309.

Азбелев П.П. Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Матер. VIII междунар. конф., г. Горно-Алтайск, 19–23 сент. 2007 г.). Т. I. Горно-Алтайск, 2007. С. 7–10.

Азбелев П.П. Оглахтинская культура // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 4. 2007. С. 381–388.

Азбелев П.П. Пятый Пазырыкский курган в экспозиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 32 с.

Аксанова Г.А., Дубова Н.А., Евтеев А.А., Рыкушина Г.В. Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным

краниологии, соматологии и одонтологии) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 186–195.

Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии / отв. ред. В.В. Вертоградова. М.: Вост. лит., 2008. 366 с.

Алексеев В.М. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении Эрмитажа. СПб., 1907. 74 с.

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 377–385.

Алексеев В.П. Генетические аспекты антропологии // РН. Вып. I. 1971. С. 52–76.

Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1963. С. 135–164.

Алексеев В.П., Беневоленская Ю.Д., Гохман И.И., Давыдова Г.М., Жомова В.К. Антропологические исследования на Лене // СЭ. 1968. № 5. С. 40–52.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии: каменный век – эпоха раннего железа // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208–241.

Алкин С.В. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите северо-восточной Азии // Древние культуры северо-восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 134–143.

Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск, 1995. С. 14–16.

Алкин С.В. Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // XXX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2000. С. 6–14.

Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: СО РАН, 2007. 165 с.

Алкин С.В. Небесные змеи на зеркале из Ганьсу // Гуманитарные науки в Сибири. 1999, № 3. С. 79–83.

Алкин С.В. Ранненеолитическая культура синлунва в Северо-Восточном Китае и ее погребальный обряд // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3.

Алкин С.В. Ранний неолит Северо-Восточного Китая // Обзорение полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 270–272.

Алкин С.В., Гребенщиков А.В. Об одном уникальном сосуде из коллекции мохэской керамики Приамурья // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 62–66.

Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 288 с.

Альбаум Л.И. Буддийский храм в долине Саназара // ДАН УзССР. 1955. № 8. С. 57–60.

Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасиаба // СНВ. Вып. X. М., 1971. С. 83–89.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Амоголонов А.А., Филиппова И.В. Лаковые и лакированные изделия в памятниках хунну // 275 лет сибирской археологии. Материалы XXXVII РАСК. Красноярск: Изд-во КГУ, 1997. С. 89–90.

Анке Б.Х., Гукиш Х., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., Худяков Ю.С. Археологические исследования на Тянь-Шане // Обзорение (1994–1996 гг.) результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск: Наука СО, 2000. С. 189–190.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 262 с.

Антропозкология Центральной Азии / отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 2005. 328 с.

Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1963. Вып. 4. С. 68–84.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 278 с.

Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм., 1993. 204 с.

Асеев И.В., Худяков Ю.С., Цзвендорж Д. Погребение хуннского воина на горе Сулл-Тогой // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 126–136.

Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и южного Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 2001. 238 с.

Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Метод антропологической реконструкции для науки и практики // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 200–207.

Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П. Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 182–186.

Балуева Т.С., Дерябин В.Е. Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // Вестник антропологии. Вып. 5. М., 1998. С. 59–69.

Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М.: Восточная литература, 2005. 311 с.

Баринаева Е.Б. Взаимодействие Китая с западными территориями в древности и средневековье // Диалог со временем. М., 2012. С. 94–117.

Баринаева Е.Б. Влияние китайской материальной культуры на развитие кочевых народов Средней Азии в домонгольский период // РА. М., 2012. № 3. С. 63–71.

Баринаева Е.Б. Влияние Китая на культуру народов Южной Сибири в домонгольское время // Вестник РУДН. Серия история России. М.: Изд-во РУДН. 2012. № 3. С. 99–113.

Баринаева Е.Б. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. 451 с.

Баринаова Е.Б. Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в домонгольский период // Вестник РУДН. Серия всеобщая история. № 4. М.: Изд-во РУДН. 2012. С. 57–93.

Баринаова Е.Б. Китайский импорт и пути его проникновения в Центральную Азию в период средневековья // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Вып. 2. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 25–35.

Баринаова Е.Б. Китайский импорт и пути его проникновения в Центральную Азию в период средневековья. URL:
<http://humanities.edu.ru/db/msg/44480>

Баринаова Е.Б. Китайское влияние на материальную культуру земледельческих государств Средней Азии (II в. до н.э. – начало XIII в. н.э.) // Общество, история и культура. Вып. 4. М., 2002. С. 8–14.

Баринаова Е.Б. Китайско-центральноазиатские контакты в домонгольское время. Формирование и развитие. Saarbrücken: AV Akademikerverlag GmbH & Co, 2012. 87 с.

Баринаова Е.Б. Контакты Китая с Центральной Азией в домонгольский период (на примере производства и орнаментации шелковых тканей) // Цивилизация и государство на Востоке. Вып 3. М., 2004. С. 17–23.

Баринаова Е.Б. Некоторые аспекты китайского влияния на развитие народов Южной Сибири в домонгольский период // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Вып. 5. М., 2004. С. 8–11.

Баринаова Е.Б. Некоторые аспекты отношения Китая к кочевникам с точки зрения коррелятивного мышления // Цивилизация и государство на Востоке. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 22–25.

Баринаова Е.Б. Отношения Китая с народами Центральной Азии в домонгольский период (по данным материальной культуры) // ВИ. 2012. № 7. С. 110–118.

Баринаова Е.Б. Проблема контактов Китая с народами Центральной Азии в домонгольский период в отечественных и зарубежных исследованиях XIX–XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 76–83.

Баринаова Е.Б. Проникновение китайской материальной культуры в Южную Сибирь в домонгольское время // Вестник Томского Государственного университета. Томск, 2012. № 362. С. 73–80.

Баринова Е.Б. Проникновение материальной культуры Китая в Восточное Приаралье в домонгольский период // Вестник РУДН. Серия всеобщая история. № 4. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 65–75.

Барникот Н. Биологическая изменчивость в современных популяциях // Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н. Биология человека / пер. с англ. М.: Мир, 1968. С. 366–471.

Бартольд В.В. Извлечение из «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 41–62.

Бартольд В.В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 461–470.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1964. С. 265–303.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 21–91.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 21–106.

Бартольд В.В. Таджики // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 451–468.

Баруздин Ю.Д. Беленицкий А.М. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника // КСИА. Вып. 86. 1961. С. 21–27.

Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1955 г.) // Труды Института истории АН КиргССР. Вып. III. Фрунзе, 1957. С. 17–31.

Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. СОН. Т. 3. Вып. 3. Фрунзе, 1961. С. 43–81.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе: Изд-во Академии наук Киргизской ССР, 1962. 128 с.

Бахман В. Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов // Музыка народов Азии и Африки. М., 1973. Вып. 2. С. 349–373.

Баяр Д., Худяков Ю.С. Коллекция уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 107–117.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Лившиц В.А. Камчатые ткани с горы Муг // СЭ. 1963. № 4. С. 108–119.

Беленицкий А.М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. // Труды Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. XXVII. Сталинабад, 1961. С. 81–93.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи») // СА. 1961. № 2. С. 66–78.

Бентович И.Б. Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа) // МИА. № 66. 1958. С. 358–383.

Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и Катандинская камчатые ткани // КСИА. Вып. 132. 1972. С. 31–36.

Березкин Ю.Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л.: Наука, 1983. 165 с.

Бернштам А.Н. Буддийская терракота из Сукулук // КСИИМК. Вып. XIV. 1947. С. 49–52.

Бернштам А.Н. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1937. № 4. С. 947–968.

Бернштам А.Н. Древний Тянь-Шань // КСИИМК. Вып. XXXVIII. 1951. С. 140–144.

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. Вып. V. 1940. С. 23–31.

Бернштам А.Н. Из истории гуннов 1 в. до н.э. // СВ. 1940. № 1. С. 51–77.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. 1952. 346 с.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л.: Изд-во Ленингр. Эрмитажа, 1940. 34 с.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.Л. Жданова, 1951. 256 с.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. 1950. 158 с.

Бернштам А.Н. Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью // КСИИМК. Вып. XVII. 1947. С. 12–13.

Бертагаев Т.А. Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 6. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. С. 24–39.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 ч. СПб., 1851.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.; Л.: ИЭ АН СССР, 1950–1953.

Бобринский А.А. Перещепинский клад // МАР. № 34. 1914. 188 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. 224 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV –VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 80–199.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Historia Militaris, 2008. 784 с.

Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Изв. ГАИМК. Л., 1931. Т. 6. Вып. 8–9. 102 с.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии Скифо-сибирская художественная традиция. Дис. ... к.и.н. Новосибирск. 2003. 431 с.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

Богданов Е.С. Поясные пластины из Шицзышаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой сессии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 269–275.

Богданов Е.С. Уникальная находка раннескифского времени из Ордоса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы годовой сессии. Новосибирск, 2002. С. 243–248.

Богданов Е.С., Кузнецов Д.В. Ордосские художественные бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2. С. 104–111.

Боковенко Н.А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб.: Наука, 1995. С. 85–90.

Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2–1 тыс. до н.э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. 3. Алматы, 2011. С. 308–314.

Боковенко Н.А. Наскальное искусство скифской эпохи // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1998. С. 86–87.

Боковенко Н.А. Транссибирские трассы номадов в системе культурной интеграции народов Евразии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: 1993. С. 172–176.

Боковенко Н.А. Хронология памятников номадов раннескифского времени Южной Сибири // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci.* Kraków, 2004. С. 53–69.

Боковенко Н.А., Данченко Е.М., Лубо-Лесниченко Е.И., Матвеев А.В. Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК музея. URL: http://museum.omsktelecom.ru/ogik/scien_life/lzvestiya7/Danchenko.html

Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Кулькова М.А., Лазаретов И.П., Семенов Вл.А. Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 114–122.

Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV в. М.: Наука, 1976. 323 с.

Бокщанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 129–142.

Большаков О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА. № 124. 1964. С. 182–243.

Большаков О.Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти А.П. Новосельцева / отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 54–63.

Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С. Исследования в Убсу-Нурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы

годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000. С. 245–250.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 56–69.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Манихейство в Восточном Туркестане в эпоху раннего средневековья (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Сибирь на перекрестке мировых религий: Матер. межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 120–124.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I: Матер. Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. С. 194–199.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя у кочевников долины р. Эдиган в сяньбийско-жужаньское время (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух в 2002 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул: Изд АГУ, 2005. С. 23–26.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Влияние военного дела сяньби на развитие защитного вооружения кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н.э. // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Матер. всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 256–259.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Воинские пояса как индикатор этнокультурных связей между кочевниками Центральной Азии в сяньбийскую эпоху // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 86–91.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Образы и сюжеты сяньбийской торевтики // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. С. 237–242.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. Л.: Изд. АН СССР, 1927. С. 43–88.

Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 22–40.

Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 3–9.

Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989. 181 с.

Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005. 315 с.

Боровкова Л.А. О местонахождении гор Цилянъшань (к вопросу о родине юэчжей) // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1998. С. 102–114.

Боровкова Л.А. Установление политических связей Ханьского Китая с государствами Центральной Азии (II в. до н.э.) // XIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983. С. 56–65.

Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II–I веках до н.э.: Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: Изд-во ИВ РАН, Крафт+, 2001. 368 с.

Боталов С.Г. Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. С. 61–83.

Бродянский Д.Л. Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: Кемеров. ун-т, 1979. С. 80–83.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я. Бромлей. Изд. 2-е доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 440 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6. С. 84–91.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм // Вестник Академии наук. 1970. № 8. С. 48–54.

Бросседер У., Марсадоллов Л.С. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье

(предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар. науч. конф. 20–24 сент. 2010 г. / отв. ред. А.Д. Цыбиктаров и др. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 183–186.

Брыкина Г.А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСИА. Вып. 170. 1982. С. 118–125.

Бунак В.В., Беневоленская Ю.Д., Давыдова Т.Д., Жомова В.К. Корреляция частот наследственных факторов крови в популяциях Сибири // Тез. докл. XIII Междунар. конгр. по переливанию крови. М., 1969.

Бунаков Ю.В. Китайская письменность // Китай. М.; Л., 1940. С. 351–384.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б. К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 116–118.

Вадецкая Э.Б. Сибирские погребальные маски: (предварительные итоги и задачи исследования) // АВ. 2004. № 11. С. 298–324.

Вадецкая Э.Б. Стратиграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 8–11.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (7 в. до н.э. – 8 в. н.э.). М.: Восточная литература, 1999. 359 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. 1966. № 3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И., Денисова Н.П. Новые материалы по этнографии и археологии Тувы // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М.: Наука, 1975. С. 196–205.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Вып. VIII. Кызыл, 1960. С. 192–203.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина» и конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.

Ван Дон Мэй. Великий Шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры. Дис. ... канд. искусств. СПб., 2004.

Ван Жэньсян. Обзор коллекции поясных крюков // КГСБ. 1985. Вып. 3.

Варенов А.В. Древние художественные бронзы из восточной части Синьцзяна и истоки тибетского звериного стиля // Рериховские чтения. Матер. конф. 3–6 ноября 1997 г. Новосибирск, 2000. С. 445–452.

Варенов А.В. Карасукские ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 170–175.

Варенов А.В. Некоторые проблемы звериного стиля в китайской историографии // Древний и средневековый Восток: история и филология. М., 1984. С. 3–9.

Варенов А.В. Чаодаогуо и янхэ – памятники эпохи Шан-инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. VII Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. 5. Новосибирск, 1999. С. 306–311.

Варенов А.В. Чжукагоу памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасуктагарским» кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 97–102.

Варенов А.В., Полосьмак Н.В. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. Кемерово, 1989. С. 110–114.

Варенов А.В. Бронзовые шлемы на границах чжоуского Китая и их «кубанские» аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 86–105.

Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1985. С. 163–172.

Варенов А.В. Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1980. № 1. Вып. 1. С. 164–169.

Варенов А.В. Иньские копья // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1983. № 1. Вып. 1. С. 112–123.

Варенов А.В. К датировке северокитайских памятников Цинлунского типа с «карасукскими» ножами // Западная и Южная Сибирь в древ-

ности. Сборник, посвящ. 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 162–165.

Варенов А.В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии. Новосибирск, 1983. 5 с. (Препринт).

Варенов А.В. К уточнению датировки Чаодаогуо и Янхэ, памятников с «ордосскими» бронзами // XXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1999. С. 7–12.

Варенов А.В. К уточнению хронологии V этапа стоянки Чжукагоу // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1998. С. 61–67.

Варенов А.В. Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989.

Варенов А.В. Могильник Кээрмуци из Северного Синьцзяна // XXX науч. конф. «Общество и государства в Китае». М.: Наука, 2000. С. 15–19.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. С. 26–31.

Варенов А.В. Южно-сибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд СО РАН, 1998. № 3. С. 60–72.

Василев К.В. «Планы Сражающихся царств»: исследование и переводы / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: Наука, 1968. 254 с.

Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб.: Императ. Академия наук, 1857.

Васильев В.П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Вып. III. С. 1–36.

Васильев В.П. Магометанство в Китае // Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. Вестник всемирной истории. СПб.: 1900. С. 106–138.

Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. VIII. 164 с.

Васильев Д.Д. *Столяров А.А.* Электронные библиотеки и базы данных по истории средневековой Евразии (к 15-летию востоковедче-

ского научного проекта) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Уфа, 2006. Т. 11. № 3. С. 56–63.

Васильев Д.Д. Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Матер. конф. к 70-летию А.Д. Грача.). СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 225–231.

Васильев Л.С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь / VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. С. 2–4.

Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 35–53.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М.: Наука, 1983. 327 с.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976. 368 с.

Васильев Л.С. Происхождение древней китайской цивилизации // ВИ. 1974. № 12. С. 86–102.

Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб.: Гос. Университет, 2000. 80 с.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Васютин С.А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. № 10 (1). С. 34–39.

Васютин С.А. Киданьские города в Монголии и специфика социально-политического развития империи Ляо // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 266–268.

Веселовский Н.И. Китайские символы в предметах украшения // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 1–12.

Веселовский Н.И. Перечень предметов, привезенных Н.И. Веселовским из Туркестана // Архив ЛОИА. Д. 20. 1883 (фактическая дата – 1886). Л. 39–50, 155.

Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 6. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2008. С. 23–43.

Византийские историки Дексип, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. Г. Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. 507 с.

Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг // ИООН АН ТаджССР. № 14. Сталинабад, 1957. С. 21–27.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 250 с.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Волков В.В. Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 330–354.

Волоцкой М.В. Географическая изменчивость пальцевых узоров // Краткие сообщения о науч. работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941. С. 18–22.

Воробьев М.В. Манчжурия и Восточная внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в включительно). Владивосток: Рос. АН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1994. 408 с.

Воробьев М.В. Теория и практика китайско-чжурчжэньских дипломатических отношений // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 63–72.

Воробьева-Десятковская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // СНВ. Вып. XXII. 1980. С. 124–131.

Воронец М.Э. Археологические исследования 1937–1939 гг. в УзССР // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 324–339.

Воронец М.Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 52–55.

Воскресенский А.А., Тихонов И.П. Технологическое изучение тканей из курганных погребений Ноин-Улы // Изв. ГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. 1932.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Колл. монография / отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: ИФВЛ, 1992. 687 с.

Восточный Туркестан в древности и средневековье: очерки истории / отв. ред. С.Л. Тихвинский, Б.А. Литвинский. М.: ИВЛ, 1988. 456 с.

Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980. 191 с.

Вэй Чжэн, Ли Хужэнь, Цзоу Хоубэнь. Результаты раскопок западно-ханьской могилы Шицзышань, г. Сюйчжоу, провинции Цзянсу // КГ. № 8. 1998. С. 1–20.

Вэнь Гуан, Цзин Чжичунь. Гео-археологическое изучение древних китайских нефритов // КГСБ. 1993. № 2. Цвет. вклейка.

Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане // СА. Вып. XVI. 1952. С. 331–359.

Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // КСИИМК. Вып. XIV. 1947. С. 92–109.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2-х кн. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 889 с.

Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. Т. 1. М.: Наука, 1972. 664 с.

Георгиевский С.М. Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. 127 с.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Дживовани дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. С. 88–192.

Гинзбург В.В. Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза // СЭ. 1968. № 4. С. 43–51.

Гинзбург В.В., Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. Вып. 16. 1954. С. 42–68.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Гладкова Т.Д. Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР // Советская антропология. 1957. № 1. С. 83–90.

Гладкова Т.Д., Хить Г.Л. Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 127–147.

Гладкова Т.Д., Левин М.Г. Дерматоглифика чукчей // ВА. Вып. 3. 1960.

Гладышев С.А., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Эрдэнэ-Очир Н. Разведочные работы в бассейне реки Хануй-гол (Монголия. Булганский аймак) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Матер. годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 49–53.

Глухарева О.Н., Деннике Б.П. Краткая теория искусства Китая. М.; Л.: Искусство, 1948. 211 с.

Го Мо-жо. Бронзовый век / пер. с кит. Г.А. Богданова, Ф.С. Быкова, Д-У. Исина, Лин-Кюн-И, Н.Ц. Мункуева. Под ред. проф. Ян Хин-Шуна. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 457 с.

Головачев В.Ц. Этнические процессы и этническая политика в государстве Северное Вэй (IV–VI вв.н.э.). Дис. ...к.и.н. М.: ИСАА, 1992. 317 с.

Гольгина К.И. Символический орнамент на керамике Древнего Китая: (образы и символы рисованного календаря). М., ИВ РАН, 2007. 127 с.

Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг. М.: Наука, 1986. 291 с.

Горбачев Б.Н. Иностранное влияние на военное дело цинского Китая // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1998. Ч. 1. С. 148–152.

Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала Кугайско-Карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи Средней Азии и Казахстана (древность и средневековье). М.: Наука, 1990. С. 45–50.

Горбунова Н.Г. Кугайско-Карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3. С. 23–46.

Горбунова Н.Г. Раскопки курганов в Ферганской области // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975. С. 9–33.

Горбунова Т.Г. Роль погребальной скульптуры эпохи Тан в изучении средневековой торевтики // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии // Тр. САИПИ. Вып. VI. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–110.

Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. С. 144–151.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. 144 с.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды НИИ археологии и искусствоведения. Т. II. М., 1928. С. 46–60.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ. Вып. 1. 1960. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ. 1966. С. 81–107.

Григорьев В.В. Об арабском путешественнике Абу Долефе // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Т. 163. № 9. С. 1–45.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков) // Изв. АН КазССР. № 46. Серия археологическая. Вып. 1. Алма-Ата, 1948. С. 47–78.

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 135 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука. 1981. 203 с.

Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 130–150.

Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2005. С. 134–137.

Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане // ЗВОРАО. Т. XVIII. СПб., 1907–1908. С. 68–78.

Грязнов М.П., Маннай-оол И.Х. Окончание раскопок кургана Аржан // Археологические открытия, 1974. М., 1975. С. 196–198.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л.: Государственный Эрмитаж, 1940. С. 245–270.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка // МИА. № 48. 1956. 161 с.

Грязнов М.П. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. Кемерово: КемГУ, 1979. С. 4–7.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып. 1. 1940. С. 17–21.

Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Курган Аржан – могила «царя» раннескифского времени // Уч. зап. Тув. НИИ яз., лит. и ист. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 191–206.

Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М.: Наука, 1974. 236 с.

Гусаков В.В. Центральноазиатская политика Китая в эпоху династии Хань // Вопросы истории Кыргызстана. 2008. № 2. С. 44–50.

Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфариноского района // Труды АН ТаджССР. Т. XXXV. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1955. 231 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник // Археологические памятники сунну. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1965. 19 с.

Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА. XXV. 1956. С. 261–300.

Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 93–105.

Давыдова А.В. Новые данные об Иволгинском городище // Тр. БКНИИ. Вып. 3. 1960. С. 143–165.

Дальний Восток и соседние территории в средние века / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1980. 152 с.

Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин (Центральный аймак Монголии) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 30–51.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005.

Дашибалов Б.Б. Хунну и сяньби в сложении культуры хори-монголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Цен-

тральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 191–194.

Дашибалов Б.Б., Миягашев Д.А., Дашибалов ЭБ. Новые исследования на Иволгинском городище // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 51–60.

Дебен-Франкфор К. Древний Китай / пер. с фр. Е. Барсуковой. М.: АСТ., 2002. 160 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. серия. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2. С. 26–48.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22–35.

Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье / ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1979. С. 62–67.

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Вещественный состав отложений пещер // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 316–325.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 22–36.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнографии и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 70–103.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1973. Ч. 2. 354 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск: НГУ, 1970. Ч. 1. 198 с.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на горном Алтае //

Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 217–231.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 343 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Маркин С.В., Гладышев С.А., Рыбин Е.П. Изучение памятников открытого типа эпохи камня на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 76.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Тууженова В.Н., Гладышев С.А., Кривошапкин А.И., Рыбин Е.П., Милютин К.И. Исследования по каменному веку в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 79–83.

Деревянко А.П., Пряхин А.Д. Выдающийся археолог первой половины уходящего века // Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки. 2000. № 1. С. 114–128.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Зенин А.Н. Исследование памятников каменного века с поверхностным залеганием артефактов на территории Южного Казахстана в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 75–77.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 80–81.

Деревянко А.П., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Цэрэндагва Я., Эрдэни-Очир Н. Геоморфологические и стратиграфические исследования в пади Салхит (Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Матер. годовой сессии ИАЭТ СО

РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 89–93.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карамы на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3. С. 52–69.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 50–56.

Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина, ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.

Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-гол (1954–1957) // Монгольский археологический сборник / отв. ред. С.В. Киселев. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1962. С. 36–44.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 496 с.

Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Сб. ст. / Серия: История и культура востока Азии / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 120 с.

Древние культуры Монголии. Сб. ст. / отв.ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 234 с.

Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Сб. ст. / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1994. 110 с.

Дреж Ж.-П. Марко Поло и Шелковый путь. М.: Аст-Астрель, 2006. 192 с.

Дубровская Д.Б. Архивы иезуитской миссии в Китае как исторический источник // Анналы: Бюллетень. № 3. М., 1996.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Крафт+; Институт Востоковедения РАН, 2001. 256 с.

Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье / отв. ред. С.Л. Тихвинской, Л.С. Переломов. М.: Наука, 1970. С. 13–36.

Думан Л.И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 199–213.

Думан Л.И. Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература РАН, 2007. 222 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы скифо-сибирского звериного стиля в Саянском каньоне Енисея // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 23–24.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Памятники письменности Востока. XXXV. М.: 1979. 608 с.

Евсюков В.В. Космогония китайского неолита по изображениям на керамике культуры яншао // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1985. С. 56–85.

Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 128 с.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Сибирь, Центральная Азия и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука. 1978. С. 52–66.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 109 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов. (Тез. дис.) // КСИИМК. Вып. XVII. 1947. С. 158–161.

Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание на древнем Енисее // ВДИ. 1946. № 1. С. 107–111.

Евтюхова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // ТГИМ. Вып. VIII. 1938. С. 111–122.

Евтюхова Л.А. Кыргызское поселение у с. Малые Колёны // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 158–164.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2. С. 205–227.

Евтюхова Л.А. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса // КСИИМК. Вып. XXIII. 1948. С. 40–44.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. // ВДИ. 1939. № 4. С. 159–168.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // ТГИМ. Вып. XVI. С. 75–117.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у села Копёны // ТГИМ. 1940. Вып. XI. С. 21–54.

Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12. 1946. С. 72–84.

Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетыасарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–104.

Ермаков М.Е. Мир китайского буддизма. М.: Андреев и сыновья, 1994. 240 с.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана: Күлтегін, 2006. 360 с.

Жуков В.Д. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала // Известия УзФАН СССР. Т. 10. 1940. С. 21–27.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 190 с.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина 1 тысячелетия до н.э. – середина 1 тысячелетия н.э.). Фрунзе: Изд-во АН Киргиз.ССР, 1960. 172 с.

Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. М., 1992. № 3. С. 115–127.

Заднепровский Ю.А. Могильник номадов Синьцзяна эпохи Хань // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб.: Наука, 1995. С. 97–103.

Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М.: Наука, 1966. С. 194–201.

Зайцева Г.И., Семенов А.А., Бузова Н.Д., Лебедева Л.М., Дергачев В.А., Дирксен В.Г., Лохов К.И., Капитонов И.Н. Заселение степной зоны северной Евразии в эпохи бронзового – железного веков (2-е тысячелетие до н.э. – 1-е тысячелетие н.э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 73–83.

Залеская В.Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб.: Славия. 1998. С. 12–21.

Замятин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества / ТИЭ. Нов. Сер. М.: Изд. АН СССР, 1951. Т. 16. С. 89–152.

Захаров А.А. Материалы по истории Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // ТГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. 1926. С. 71–106.

Зеймаль Е.В. Сино-кхароштийские монеты (к датировке Хотанского двуязычного чекана) // СНВ. Вып. X. 1971. С. 109–120.

Зелинский А.М. Древние пути Памира // СНВ. Вып. III. 1964. С. 120–141.

Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г.Ф. Дебеца) // СЭ. 1971. № 1. С. 36–45.

Золотарева И.М. Распределение групп крови у народов Северной Сибири / VII МКАЭН. М., 1964.

Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии // СЭ. 1968. № 1. С. 46–55.

Зотов О.В. Государства Восточного Туркестана и генезис Синьцзяна // Восток. 1991. № 6. С. 22–32.

Зотов О.В. Китай как «универсальная» монархия и псевдоданничество «варваров» // Восток. 1994. № 2. С. 16–25.

Зотов О.В. О политических и культурных контактах между Кашгарией и Китаем во II в. до н.э. – VIII в. н.э. // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Материалы конференции. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 66–78.

Зотов О.В. Чем объяснялось «слабое управление варварами» // XIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1988. Ч. 2. С. 112–120.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 204 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропогенетике. М.: Наука, 1993.

Иванов В.В. Функции «тохарских» языков и «тохарской» литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-«тохарских» контактов // Центральная Азия и Тибет. Материалы конференции. Новосибирск: Наука, 1973. С. 168–171.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в Степном Алтае // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 95–106.

Иванов С.С. Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука. 2008. С. 37–42.

Иерусалимская А.А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972.

Иерусалимская А.А. Западные ткани на Дальнем Востоке // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 39–52.

Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972. С. 5–55.

Иерусалимская А.А. О северокавказском «Шелковой пути» в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–78.

Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. Автореф. дисс. ... к.и.н. СПб.: ИИМК, 1993.

Измайлов И.Л. Проповедник на краю ойкумены. Ахмед Ибн-Фадлан и его путешествие на Волгу // Мусульмане. 1999. №1(2). Январь-февраль. С. 28–32.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. В 3-х т. / под ред. В.А. Дыбо. М.: Наука. Т. 1. 1971. Т. 2. 1976. Т. 3. 1984.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 408 с.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 157–169.

Исаева М.В. Представление о мире и государстве в Китае в III–VI вв. (по данным «нормативных историописаний»). СПб.: Изд-во СПбГУ. 2000. 264 с.

Искусство Китая. Каталог выставки. Москва, 1939 / сост. О. Глухарева, Б. Денике. М.; Л., 1940. 24 с.

Исмагилов Р.Б., Худяков Ю.С. Находки монгольского времени из Северного Казахстана // Восток–Запад: диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Казань, 2001. Вып. 2. С. 183–192.

Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В.И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002. 303 с.

История и культура востока Азии: Матер. междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С.В. Алкин. Т. 1. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002. 233 с. Т. 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002. 201 с.

Итс Р.Ф. Золотые мечи и колодки невольников. М.: Наука, 1976. 201 с.

Итс Р.Ф. Царство Дянь и его место в социальной и культурной истории // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1974. С. 344–357.

Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972. 306 с.

Кабанов С.К. Археологические находки на Фархадстрое // Известия АН УзССР. 1948. № 5.

Кадырбаев А.Ш. «Мусульманские» языки и мусульмане в культуре и науке Китая XIII–XIV вв. (по материалам китайских династийных историй) // Восточный Архив. М., 2002. № 8–9. С. 30–41.

Кадырбаев А.Ш. «Таджики» Китая: история и современность // XL науч. конф. «Общество и государство в Китае». № 2. Ученые записки отдела Китая. М.: ИВ РАН, 2010. С. 175–188.

Кадырбаев А.Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юэджи, сюнну, канцзюи, усунь и их государства. III век до н.э. – V век н.э. (по материалам китайский династийных историй) // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. 2009. № 1 (9). С. 35–56.

Кадырбаев А.Ш. Путешественники Запада и Востока в Центральной Азии XIII–XIV вв. // Altaica VII. Сборник статей и материалов / под ред. В.М. Алпатов и др. Сост. Е.В. Бойкова. М.: ИВ РАН, 2002.

Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. 160 с.

Кадырбаев А.Ш. Христиане в Китае в эпоху монгольского владычества (XIII–XIV вв.) // XLI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: Наука, 2011. С. 368–378.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.

Кайлачакова Ю.С. Китайский шелк как компонент традиционной культуры тюрков Саяно-Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука. 2008. С. 45–47.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: годовой цикл. М.: Наука, 1989. 360 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.

Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии / Сер. История и культура востока Азии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1985. 128 с.

Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. № 4. С. 57–66.

Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1999. С. 159–163.

Кашина Т.И. Керамика культуры Яншао. История культуры востока Азии. Новосибирск: Наука СО, 1977. 168 с.

Кашина Т.И. Некоторые проблемы, связанные с керамикой культуры яншао // Изв. СО АН СССР. Сер. Обществ. наук. 1970. № 11. Вып. 3. С. 29–38.

Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск: Наука СО, 1978. С. 183–202.

Кибирова С. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров // *Mongolica-III*. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX в. СПб., 1994. С. 80–85.

Киреев С.М. Китайское зеркало из могильника булан-кобинской культуры Чендек (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 50–53.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1981. 38 с.

Кириллов И.И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. С. 136–139.

Кириллов И.И., Кириллов О.И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 22–33.

Киселев С.В. Археологический очерк (в статье «Китай») // БСЭ. 2-е изд. 1953. Т. 21. С. 197–198.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 17–60.

Киселев С.В. Древние города Монголии // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 г. М.: Наука, 1957.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1949. 364 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. 1959. № 3. С. 159–178.

Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // КСИИМК. Вып. XVI. 1947. С. 94–106.

Киселев С.В. Из работ Алтайской экспедиции // СЭ. 1935. № 1. С. 97–106.

Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. истории и филос. 1947. Т. 4. С. 355–372.

Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 224–266.

Киселев С.В. Рец. на кн.: М.П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби и раскопки близ с. Большая речка (Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956) // СА. 1958. № 1. С. 275–278.

Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. № 1. С. 228–243.

Китай в эпоху древности / Сер. История и культура востока Азии / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1990. 109 с.

Китай и соседи в древности и средневековье / отв. ред. С.Л. Тихвинский, Л.С. Переломов. М.: Наука, 1970. 275 с.

Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин) // Памятники письменности Востока. IV / пред., слов., указ. В.С. Колоколов, Е.И. Кычанов, М.: Наука, 1966. 211 с.

Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1 // изд. текстов, пер. с кит., исслед. и прилож. Л.И. Чугуевского. М.: Наука. 1983. 560 с.

Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 350 с.

Клейн Л.С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum. Кишинев, 2000. № 2. С. 78–87.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох: Атлас. Томск: Изд-во Кузнецова, 1886. 185 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Труды Ин-та истории мировой культуры. Вып. 3. Бишкек; Лейпциг: Илим, 2003. С. 18–21.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии (Серия «Восток: Общество, культура, религия»). СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кляшторный С.Г. Религиозно-мифологические представления древнего населения Монголии (по памятникам древнетюркской рунической письменности) // Россия – Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 188–195.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей (Серия «Orientalia»). СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии: [Респ. Монголия] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 88–97.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И.П. Минаева. Ред., вст. ст. И.П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955. 376 с.

Ковалев А.А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 97–100.

Ковалев А.А. Древние кочевники на границах китайских государств (история и археология) // Miras. Ашхабад, 2001. № 2. С. 124–130.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / отв. ред. Ю.В. Кирюшин и А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 75–82.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной Центральноазиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 118–125.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 104–117.

Ковалев А.А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 249–292.

Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Матер. конф. к 70-летию А.Д. Грача.). СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122–128.

Ковалев А.А. Китайский император на Енисее? Еще раз о хозяине ташебинского «дворца» // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 145–148.

Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 138–181.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Булова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения

памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 172–186.

Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. 160 с.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. Вып. Е 1–2. М.: Наука, 1979. 112 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы, комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1956. 345 с.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006. С. 242–258.

Кожанов С.Т. Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс. до н.э. // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 76–87.

Кожанов С.Т. Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняной скульптуры Янцзявань // Древние культуры Китая: палеолит, неолит, эпоха металла. История и культура востока Азии. Новосибирск: Наука СО, 1985. С. 112–118.

Кожин П.М. Шелковый путь и кочевники: некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 31–43.

Кожин П.М. Арабский путешественник Абу Дулаф об этнокультурных контактах в Центральной Азии в середине X в. // 6-й конгресс этнографов и антропологов в России: тез. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 214.

Кожин П.М. Гобийская квадрига // СА. 1968. № 3. С. 35–42.

Кожин П.М. Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследования этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 131–161.

Кожин П.М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании: Сб. МАЭ. Л., 1969. Т. 25. С. 30–32.

Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169–183.

Кожин П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. 368 с.

Кожин П.М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 76–81.

Кожин П.М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука СО, 1987. С. 109–126.

Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 129–151.

Кожин П.М. О фазах и специфике формировании этнокультурной общности в бассейне Хуанхэ // XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1986.

Кожин П.М. Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // IX науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, 1978. С. 40–49.

Кожин П.М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 278–287.

Кожин П.М. Первые повозки // ВИ. 1986. № 7. С. 185–189.

Кожин П.М. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.: (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. 273 с. Депонировано ИНИОН АН СССР. № 13481 от 30.06.1983.

Кожин П.М. Становление древнекитайской государственности // XXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1999. С. 29–35.

Кожин П.М. Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи неолита – раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт). Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1990.

Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.

Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 33–77.

Кожомбердиев И.К. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. Вып. 80. М., 1960. С. 70–75.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / пер. и коммент. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 611 с.

Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.

Козлов П.К. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией. Л.: АН СССР, 1925. 58 с.

Комарович Н.И., Рычков Ю.Г. Система ABO (B) групп крови и иммунитет к оспе (к проблеме факторов пространственного распределения групп крови человека) // ВА. Вып. 23. 1966. С. 39–48.

Комиссаров С.А. Археология Западного Чжоу – 1027–770 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.) // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86–111.

Комиссаров С.А. Бронзовое зеркало с узором из Восточного Туркестана: (Синьцзян) // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл. Кемерово: Изд-во КемГУ. 1998. С. 101–102.

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзян): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / ред. и сост. О. А. Митько. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 7–10.

Комиссаров С.А. К вопросу о происхождении стремян // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 127–129.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск: Наука СО, 1988. 120 с.

Комиссаров С.А. Новая датировка начала железного века в Китае // III итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г.: Тез. докл. Новосибирск, 1995. С. 67–68.

Комиссаров С.А. Новые материалы по культуре Сюнну в Китае // Цыбиковские чтения: Тез. докл. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1989. С. 67–70.

Комиссаров С.А. Новые находки гуннских памятников в Китае // XIV науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. Ч. 2. М.: Наука, 1983. С. 25–28.

Комиссаров С.А. О выделении культуры Сыба (Западная Ганьсу, КНР) // Западная и Южная Сибирь в древности: Сборник, посвящ. 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 185–186.

Комиссаров С.А. Северные параллели юньнаньских бронз // XXV науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М.: Наука, 1994. С. 38–41.

Комиссаров С.А. Северокитайские бронзовые кинжалы чжоуского времени и проблема «смешанных» культур // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М.: Наука, 1982. Ч. 2. С. 34–38.

Комиссаров С.А. Сяньбийский могильник Лаохэшэн // XXVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. М.: Наука, 1996. С. 24–28.

Комиссаров С.А. Чжоуские колесницы (по материалам могильника Шан-цуньлин) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1980. № 1. С. 156–163.

Комиссаров С.А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М.: Наука, 1985. С. 3–12.

Комиссаров С.А., Прокофьева И.В. Каменные изваяния Синьцзяна (перспективы изучения) // XXXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 2008. С. 38–42.

Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стреляющих: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.

Коновалов П.Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 41–50.

Коновалов П.Б. Погребальные памятники хунну. Дис. ... к.и.н. Улан-Удэ, 1975.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. книжное изд-во, 1976. 220 с.

Коновалов П.Б. Центрально-азиатский очаг скифо-сибирского культурно-исторического единства // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 29–35.

Коновалов П.Б. Элитный погребальный комплекс на Суджинском некрополе хунну в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 199–211.

Коновалов П.Б., Миллер Б.К., Баятсайхан Ж., Эгиймаа Ц., Ли К., Логан Д.А. Полевые исследования на хуннском некрополе Тахилтын хотгор (Монгольский Алтай, Ховд аймаг, 2007 г.) // Древние культуры

Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 212–219.

Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / пер. и исслед. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 404 с.

Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве / пер. и коммент. М.: ИВЛ, 1958. 131 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, Изд-во ЧГПИ, 1994. С. 158.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в Степной Евразии эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (5). 2001. С. 94–101.

Копылов И.И., Керекеш Л.И. Талкуф (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы: АГУ им. Абая, 1993. С. 122–136.

Король Г.Г. «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. I. Барнаул: Азбука, 2007. С. 81–99.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение средневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25–32.

Кочевые культуры Центральной Азии: Каталог выставки Музея Бурятского научного центра СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

Кошевар В.Г. Новые нумизматические свидетельства о торговых отношениях в Семиречье VII–XII вв. // Диалог цивилизаций. 2004. № 2. С. 34–39.

Кравцова М.Е. О генерале Хо Цюйбине и истории возникновения в Китае традиции каменной монументальной скульптуры // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 95–100.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.

Крадин Н.Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. 2006. № 3. С. 5–16.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 146–152.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрденеболд Л. Киданьский город Чонтолгой-багас / ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2011. 174 с.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. в 6-ти томах. Т. 4. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1957. 919 с.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: Евразия, 2001. 480 с.

Кроль Ю.Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной (II в. до н.э. – II в. н.э.) // НАА. 1978. № 6. С. 45–58.

Кроль Ю.Л. О концепции «Китай и варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 13–29.

Кроль Ю.Л. Пространственные представления в полемике ханьских мыслителей (по материалам трактата «Янь те лунь») // VI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука, 1975. С. 117–129.

Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М.: ИВ РАН, 1997. 198 с.

Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.

Крюков М.В. История Восточного Туркестана во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. С. 265–273.

Крюков М.В. Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // XI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. М.: Наука, 1980. № 2. С. 15–38.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века. М.: Наука, 1984. 335 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 415 с.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 342 с.

Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 65–81.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 63–77.

Кубарев В.Д. Змеи-рыбы-драконы в петроглифах Алтая // ДА. 2002. № 9. С. 62–67.

Кубарев В.Д. Изваяния, оградки, балбалы: (о проблеме типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 24–54.

Кубарев В.Д. Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // ДА. 2004. № 12. С. 12–27.

Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 88–97.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1992. 123 с.

Кубарев В.Д., Цзвэндорж Д., Якобсон Е. Новые петроглифы монгольского Алтая // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 20–23.

Кузнецов В.С. Императорский Китай, Иран и исламский мир // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 99–106.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Дементьев В.Н. Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и горный Алай) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–50.

Кузьмина Е.Е. Культурные и торговые связи г. Ош и Ферганы с Северо-Западным Китаем во II тыс. до н.э.: (Предыстория Великого Шелкового пути) // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 3. Бишкек: Мурас, 2000. С. 3–5.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия как источник изучения культурных связей Семиречья, Южной Сибири и Синьцзяна в эпоху бронзы // Ист. ежегодник: Спец. вып. Омск, 2000. С. 113–119.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Куликов Д.Е. К вопросу об истории древних цянгов // XXXI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 2001. С. 38–41.

Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990. 245 с.

Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. Вып. 207. 1993. С. 59–67.

Курочкин Г.Н., Павлов П.Г. Посттагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 143–150.

Кучера С.Р. Душицзы: проблема неолитической революции в Китае // XXVI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1995. С. 3–12.

Кучера С.Р. Еще раз о проблеме неолитической революции в Китае // XXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1996. С. 3–21.

Кучера С.Р. Китайская археология, 1965–1974: палеолит – эпоха Инь: находки и проблемы. М.: Наука, 1977. 268 с.

Кучера С.Р. Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао) // X науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М.: Наука, 1979. Ч. 1. С. 207–218.

Кучера С.Р. Некоторые проблемы истории Турфана в ханьскую эпоху (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Н.Я. Бичурин в его вклад в русское востоковедение: матер. конф. / сост. А.Н. Хохлов. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 42–65.

Кучера С.Р. Проблемы древней истории Китая в археологической науке КНР // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 15–70.

Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. М., 2004. С. 111–129.

Кызласов И.Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // СА. 1985. № 1. С. 107–122.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ДА. № 5. 2000. С. 66–81.

Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // УЗ ХНИИЯЛИ. Вып. 21. 2000. С. 12–37.

Кызласов Л.Р. Сырский чаатас // СА. XXIV. 1955. С. 197–256.

Кычанов Е.И. Государство Си Ся (982–1227). Дис. ... к.и.н. Л.: ЛГУ, 1960. 374 с.

Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Сися, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // СНВ. Вып. I. 1959. С. 204–212.

Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Филология и история. Л.: Наука, 1978. С. 76–85.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 391 с.

Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. // УЗ ХНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хаггосиздат, 1951. С. 3–16.

Лаэрова М.П. Китайские зеркала ханьского времени (Из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 1. Л., 1927. С. 1–14.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2006.

Лазаретов И.П. Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. № 15. СПб., 2008. С. 37–54.

Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск: Наука, 1968. 292 с.

Ларичев В.Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая // СА. 1961. № 1. С. 3–25.

Ларичев В.Е. Древние культуры Северного Китая // Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Сер. ист. Т. 1. 1959. С. 75–95.

Ларичев В.Е. Древние культуры Северо-Восточного Китая. Автореф. дис. ... к.и.н. Л.: ИА, 1960. 23 с.

Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8–39.

Ларичев В.Е. Новые материалы по нижнему палеолиту Китая // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1985. С. 10–40.

Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 63–73.

Ларичев В.Е. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии, в Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения – 1984. Материалы конференции. Новосибирск: изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 149–167.

Ларичев В.Е. Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 4–46.

Ларичев В.Е. Предисловие // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 4–10.

Ларичев В.Е., Бородовский А.Л. Божество из Карахана (опыт астральной интерпретации канонического образа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы Годовой сессии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 366–372.

Латынин Б.А., Оболдуева Т.Г. Исфаринские курганы (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы) // КСИИМК. Вып. 76. 1959. С. 17–27.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 238 с.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. 1952. С. 121–136.

Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. М., 1939.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. Т. XXXVI. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 359 с.

Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыясарская культура. Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 1993.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Левина Л.М., Галиева З.С. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов в урочище Джеты-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыасарская культура. Ч. 1. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 6–32.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетыасарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 202–228.

Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 122–184.

Ли Вэй. Культура Китая эпох Тан и Сун: синтез форм духовной культуры. Дис. ... канд. культурологии. М., 2002.

Ли Цзян. Предварительное изучение керамики с резным орнаментом из восточной части Дунбэя // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 77–81.

Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. (Серия «Азиатика»). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. 414 с.

Лившиц В.А. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и коммент. В.А. Лившица // Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М.: Наука: Издательство восточной литературы, 1962. 222 с.

Линь Юнь. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 29–45.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 232 с.

Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // Тр. АН Тадж. ССР. Т. XXVI. Сталинабад, 1954. 80 с.

Литвинский Б.А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3. С. 97–104.

Литвинский Б.А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Т. СIII // Тр. АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1959. С. 109–129.

Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии) // Могильники Западной Ферганы. Вып. I. М.: Наука, 1972. 258 с.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. 216 с.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1971. 260 с.

Литвинский Б.А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. // АРТ. VI. Сталинабад, 1961. С. 74–86.

Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И. Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 91–93.

Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время // СНВ. Вып. VIII. 1969. С. 70–78.

Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 156–169.

Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. – III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа: Каталог. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. 66 с. + 54 с. ил.

Лубо-Лесниченко Е.И. Западные божества в декоре китайских тканей раннего средневековья // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М.: Восточная литература, 1998. С. 60–61.

Лубо-Лесниченко Е.И. Императорские зеркала танского Сюаньцзуна (712–755) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1996: Тез. докл. СПб., 1996. С. 49–50.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). Дис. ... д.и.н. Л.: ИВ, 1989. 366 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М., Наука: Вост. лит., 1994. 325 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайская надпись на гуннских «штанах без мотни» из Ноин-улы // 75 лет Отделу Востока. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. С. 55–56.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайская подорожная сасанидского правителя. // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина. 1986–1994. СПб., 1995. С. 50–51.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские бронзовые зеркала с изображением животных и винограда в собрании Эрмитажа // СГЭ. Вып. 32. 1971. С. 47–51.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-улы // ТГЭ. Т. X. 1969. С. 266–277.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайское бронзовое зеркало с надписью периода Восточной Хань // СГЭ. XIX. 1960. С. 37–38.

Лубо-Лесниченко Е.И., Кычанов Е.И. Монетное обращение в Хара-Хото (по материалам находок) // СНВ. Вып. XI. 1971. С. 49–54.

Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 108–120.

Лубо-Лесниченко Е.И. Нефритовый путь в древнем Китае // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1994: Тез. докл. СПб.: 1994. С. 46–47.

Лубо-Лесниченко Е.И. Новые данные о китайских шелковых тканях периода Хань (II в.до н.э. – II в.н.э.) // Из истории науки и техники в странах Востока. М.: 1960. Вып. 1. С. 75–81.

Лубо-Лесниченко Е.И. Пазырык и западный меридиональный путь // СНВ. Вып. XXV. 1987. С. 233–248.

Лубо-Лесниченко Е.И. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. 2. СПб., 1998. 229 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 165 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Сведения китайских письменных источников о Суюбе (городище Ак-Бешим) // Суюб. Ак-Бешим. Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб., 2002. С. 115–127.

Лубо-Лесниченко Е.И. Тканые узоры // По следам памятников истории и культуры народов Киргизстана // ред. В.М. Масон, В.М. Плоских. Фрунзе: Илим, 1982.

Лубо-Лесниченко Е.И. Фениксы, танцующие на дереве *утун* // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В.Г. Луконина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 36–38.

Лубо-Лесниченко Е.И. Цветные ткани могильника Кара-Булак // По следам памятников культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. С. 78–86.

Лубо-Лесниченко Е.И. Чжичэн и кэсы // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л.: Наука, 1975. С. 53–60.

Лубо-Лесниченко Е.И. Шелковый путь в период шести династий (III–VI вв.) // ТГЭ. Т. 19. Л., 1978. С. 12–25.

Лубо-Лесниченко Е.И., Семёнов Г.Л. Новая китайская надпись VII в. из Киргизии (городище Ак-Бешим) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1998: Тез. докл. СПб., 1998. С. 48–51.

Лубо-Лесниченко Е.И., Трифонов Ю.И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 406–416.

Луконин В.Г. Завоевание Сасанидов на Востоке и проблема кушанской хронологии // ВДИ. 1969. № 2. С. 20–44.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана М.: Наука. 1969. 240 с.

Лю Цзинвэнь. Поселение Яоцзинцзы и некоторые проблемы неолита провинции Цзилинь // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 67–76.

Лю Чиньянь. Наскальное искусство Китайского Алтая как материализованный элемент древней духовной культуры. Дис. ... канд. искусствоведения. Кемерово, 2002. 157 с.

Лянцичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет / предисл.: Чжанчинтун, Пер. с кит.: А.Н. Вознесенский, Чжанчинтун. СПб., 1905. 372 с.

Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1968. 264 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Өнер, 1985. 143 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1959. 112 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малявин В.В. Книга путешествий / пер. В.В. Малявин. М.: Наталис, 2000. 399 с.

Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, 1992. 287 с.

Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. 336 с.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974. 210 с.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.

Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. // ТИИМЭ. Т. III. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957.

Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Труды Томского Гос. Университета им. В.В. Куйбышева. Т. 98. Томск: ТГПИ, 1947. С. 167–174.

Маракуев А.В. Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета // Ученые записки Томского гос. пединститута. Т. III. Серия гуманитарных наук. Томск, 1946.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира / предисл. Х.Л. Борхеса, пер. со старофранц. И. Минаева. СПб.: Амфора, 1999. 381 с.

Мартынов А.И. Скифо-сибирское единство как культурно-историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I всесоюзной археологической конференции. Кемерово: Изд-во КГУ, 1980. С. 11–20.

Мартынов А.С. О двух типах взаимодействия в традиционных китайских представлениях о государстве и государственной деятельности // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. VI. М.: Наука, 1970 С. 90–92.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. М.: Наука, 1971. 191 с.

Маршак Б.И. Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства) // Отделу Востока 80 лет. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 43–48.

Массон М.Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда *Vombox mori* // Белек. Сб. в честь С.Е. Малова. Фрунзе: Изд-во КиргФАН СССР, 1946. С. 47–51.

Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.

Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа / ред. и предисл. гр. П.С. Уваровой. М: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1900. 381 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М.: Наука, 1973. 280 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1: Сюнну / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1989. 297 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1990. 255 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3: Мужуны / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1992. 432 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае группы данху / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников II в. до н. э. – XVIII в.). Т. 2 / отв. ред. К. Джусаев. Сост.: К. Джусаев, А. Мокеев, Д. Сапаралиев. Бишкек: Илим, 2003. 260 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 1. М.: Наука, 1968. 177 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 2. М.: Наука, 1973. 171 с.

Материалы портала «Научная Россия». URL:
<http://scientificrussia.ru/articles/bronze-age-settlement>

Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / отв. ред. И.А. Стучевский. М.: Наука, 1987. 311 с.

Мейтарчиан М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Ин-т востоковедения РАН; Летний сад, 2001. 248 с.

Мешкерис В.А. Струнный инструментарий и традиции Средней и Центральной Азии в музыкальном наследии Китая // Гусли. Альманах для концертных исполнителей и педагогов. Вып. IV. Псков, 2003. С. 7–12.

Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э. М.: Наука, 1984. С. 34–43.

Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. Вып. 30. 1990. С. 61–76.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.: Наука: Вост. лит., 1963. 264 с.

Миняев С.С. Бактрийские латуни в сюннских памятниках // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 109–110.

Миняев С.С. Бронзовая пластина пряжка из дерестуйского могильника // АВ. 1998. № 5. С. 155–158.

Миняев С.С. Бронзовые изделия из Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 39–43.

Миняев С.С. Бронзовые изделия сюнну: типология, производство, распространение. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1982. 19 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 233 с.

Миняев С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.

Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюл. / Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985. С. 70–78.

Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // АВ. 1995. № 4. С. 121–135.

Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120.

Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири: межвуз. сб. Барнаул, 1983. С. 47–84.

Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями: по данным спектрального анализа // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ. Вып. Д 4–7. М.: Наука, 1980. С. 29–34.

Миняев С.С. Художественная бронза сюнну: проблема формирования сюжетов и образов // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Матер. конф. Ч. II. СПб, 1993. С. 88–92.

Миняев С.С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 101–103.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.

Митько О.А. Древнетюркский могильник на реке Таштык // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 143–157.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.: Академкнига, 2002. 285 с.

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 152 с.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и западно-сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–85.

Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск, 1997. С. 35–38.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.

Моложатова М.И. Древние китайские архитектурные фрагменты из Кульджи в Музее искусств Узбекистана // Труды ТашГУ. Вып. 200: Археология Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 99–107.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М.: Наука, 1974. 355 с.

Монгайт А.Л. Археология СССР. М.: АН СССР, 1955. 436 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.

Народы Восточной Азии. Сер. Народы мира: Этнографические очерки / ред. Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Р.Ф. Итс, Г.Г. Стратанович. М.; Л.: Наука, 1965. 1028 с.

Невский Н.А. Тангутская письменность и ее фонды // Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 64–65.

Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (сер. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1968.

Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 528 с.

Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э. М.: Наука, 1984. С. 26–34.

Нимаев Д.Д. Этнический состав древнего населения Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – 1-я половина I тыс. н. э.) // Исследования

по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 56–70.

Новгородова А.Э. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.

Новгородова Э.А. О датировке и значении петроглифов, открытых в Северном Китае // XII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. II. М.: Наука, 1981. С. 28–29.

Новгородова Э.А. О сопоставлении древних петроглифов Монголии с некоторыми китайскими графическими формами // XI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. II. М.: Наука, 1980. С. 14–19.

Новгородова Э.А. Периодизация памятников эпохи бронзы Западной Сибири в сравнении с памятниками Монголии и Китая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. С. 80–83.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 191 с.

Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.

Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / ред., предис. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. 76 с.

Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: АиФ Казахстан, 1994. 267 с.

Нурмухамбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА. № 154. 1978.

Оболдуева Т.Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Т. IV. Ташкент, 1951. С. 7–40.

Овчинникова Б.В. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 60–68.

Ожередов Ю.И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 257–265.

Ожередов Ю.И. Китайский фарфор на памятниках Барунхурая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2011. С. 540–545.

Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масомото Т. Металлические зеркала в Музее археологии этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.

Ожередова А.Ю., Ожередов Ю.И. Фарфор китайской крепости Хобдо // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2011. С. 546–554.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 355 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.

Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск: Наука, 1980. 160 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья: Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 263 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1980. 140 с.

Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. 1960. № 3. С. 282–288.

Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. 164 с.

Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Из исследования киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии // Movement in Medieval North East Asia: people, material goods, technology. Movement in Medieval North-East Asia: people, material goods, technology. Vol. 1. Vladivostok, 2005. P. 101–110.

Панкова С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова / Тр. САИПИ. Вып. VII. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141.

Панкова С.В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 год. Сб. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 74–84.

Панкова С.В. Китайские прототипы сибирских изображений ранне-таштыкского времени // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 121–125.

Панкова С.В. Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Тр. САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 76–96.

Панкова С.В., Архипов В.Н. Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 год. Сборник докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 36–47.

Пастухов А.М. О появлении кольчуги в Центральной Азии и на Дальнем Востоке / Военно-исторический портал античности и средневековья: URL: <http://www.xlegio.ru>

Пейрос И.И. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 319–332.

Пейрос И.И. О языковых сближениях между сино-тибетскими и дравидийскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М.: Наука, 1984. С. 80–82.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.

Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / ред. О.П. Дешпанде. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 480 с.

Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.: Наука, 1951. 410 с.

Пиков Г.Г. «Киданьский ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 269–280.

Пиков Г.Г. К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 84–92.

Питулько В.В. Искусство палеолита Сибири: письмо из каменного века. СПб., 2008.

Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным

трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток (к истории становления скифской культуры). М.: Наука, 1992. 260 с.

Погребова М.Н., Членова Н.Л. Кавказский кинжал, найденный в Китае // Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3. Материалы по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1970. С. 290–295.

Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // Тр. Центрального музея Казахстана / Музейное дело, археология, история, источниковедение, антропология, этнология, фольклористика. 2009. № 2. С. 173–183.

Позднеев А.М. Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского университета 8-го февраля 1887 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / Главный штаб; Военно-ученый комитет. СПб., 1887. С. 228–263.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 337–343.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цзвэндорж Д. Двадцатый ноинулинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.

Поляков А.В. Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник, посвящ. 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 102–110.

Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: по материалам погребальных памятников: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2006.

Поляков А.С. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане // Согдийский сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 91–117.

Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений: В 3 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. Т. 1. 288 с.

Полова И.Ф. Танский Китай и Центральная Азия / Источники и исследования по истории и культуре Центральной Азии: URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>

Простонародные рассказы, изданные в столице (изин бэнь тунсу сяшо) / Сер. Памятники культуры Востока. Вып. VI / пер. с кит., предисл., примеч. И.Т. Зограф. Стихи в пер. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. 296 с.

Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря / пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 2. С. 264–281.

Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979. 247 с.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / ред. ак. И.Ю. Крачковский. Пер. и коммент. А.П. Ковалевского. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1939.

Пьянков И.В. «Шелковый путь» от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) // Памироведение. Вып. II. Душанбе: Дониш, 1985. С. 125–140.

Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 6–23.

Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе: Дониш, 1975. 191 с.

Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КГУ, 1995. С. 86–108.

Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы / пер. И.Т. Зограф. М.: Восточная литература, 1962. 152 с.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен // Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухина, М.Н. Погребовой. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления). М., 1999. 109 с.

Рашид ад-Дин. Переписка / пер. с перс., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М.: Наука. 1971. 498 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I–III. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1952–1960.

Решетов А.М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. М.: Наука, 1972. С. 137–149.

Решетов А.М., Чебоксаров Н.Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев // РИ. 1973. № 3. С. 89–114.

Рибу К., Лубо-Лесниченко Е.И. Оглахты и Лоулань (Две группы древних художественных тканей) // СНВ. Вып. XV. 1973. С. 272–281.

Риттер К. Землеведение: Восточный, или Китайский, Туркестан / пер. и доп. В.В. Григорьев. Вып. 2. Отд. 1. СПб.: Печатня Головина, 1873.

Рифтин Б. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5. С. 119–132.

Рогинский Я.Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (к проблеме антропологии «окраинных народов») // ТИЭ. Н. сер. Т. 1. 1947. С. 216–234.

Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. С. 7–44.

Рогожинский А.Е. Олений камень из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. С. 124–130.

Розен В.Р. Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана // ЗВОРАО. 1903. Т. 15. С. 39–73.

Романчук А.А. Юев народ и его прародина // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7–10 февраля 2007 г. / сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 465–472.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Вып. 37. 1918. 104 с.

Ростовцев М.И. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Миф. № 7. София: Нов. български университет, 2001. С. 268–308.

Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. 136 с.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Руденко С.И. Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951. С. 106–116.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. Т. III. Вып. 2. 1927. С. 37–52.

Рыгдылон Э.Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // ЭВ. Вып. 5. 1951. С. 113–120.

Рыгдылон Э.Р. Новые рунические надписи Минусинского края // ЭВ. Вып. 4. 1951. С. 87–93.

Рыгдылон Э.Р., Хороших П.П. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея // СА. 1959. № 1. С. 253–258.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры / отв. ред. В.П. Алексеев, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2007. 200 с.

Рычков Ю.Г. Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии // ВА. Вып. 19, 1965. С. 95–105.

Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (материалы Сибирской антропологической экспедиции) // ВА. Вып. 31, 1969. С. 3–32.

Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени X–XII вв. Дис. ... к.и.н. Л., 1974.

Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника, окуневская традиция и звериный стиль // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. Конф. памяти М.И. Артамонова: Тез. докл. СПб., 1998. С. 70–73.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. СПб.: СПбГУ, 2002. 202 с.

Савинов Д.Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. IV (доп.). М., 2011. С. 13–18.

Сакамото К., Лубо-Лесниченко Е.И. Группа камчатных тканей VII–VIII вв. из Центральной Азии и Японии // ТГЭ. Т. XXVII. 1989. С. 61–70.

Салтовская Е.Д. Вал и могильник у кишлака Ниязбек // ИООН АН ТаджССР. №1 /22/. 1960.

Салтовская Е.Д. О раскопках античных поселений в районе Ашта // АРТ. Вып. VII. 1959. С. 163–166.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Свентославский В. Сведения о Центральной Азии в отчетах посланников папы римского Иннокентия IV к хану монголов в 1245–1247 гг. // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 298–303.

Сверчков Л. «Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара. Самарканд: Заравшан, 2012. С. 176–197.

Северная Азия и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1992. 108 с.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 115–121.

Серова С.А. Зеркало просветленного духа Хуань Фань-чо и эстетика китайского классического театра. М.: Наука, 1979. 224 с.

Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1978. 136 с.

Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука СО, 1975. 236 с.

Синицын Е.П. Бань Гу – историк древнего Китая. М.: Наука, 1975. 111 с.

Синицын И.В. К материалам по сарматской культуре Нижнего Поволжья // СА. 1946. VIII. С. 73–95.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М.: Восточная литература, 1963. 201 с.

Смирнова О.И. Монеты древнего Пенджикента // МИА. № 66. 1958. С. 216–280.

Смирнова О.И. О трех согдийских монетах // ВДИ. 1939. № 1. С. 116–120.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970. 292 с.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.

Смолин Г.Я. Антифеодалные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в., М.: Наука, 1974. 556 с.

Советова О.С. Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века: Автореф. дис. ... д.и.н. Кемерово, 2007.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.

Сокровища Музея Императорского дворца Гугун: Альбом (Восточная коллекция) / ред. А.Р. Вяткин; Пер. с англ. Н.П. Космарской и Е.В. Минухиной. М.: Наталис, 2007. 176 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Сорокин С.С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) // ТГЭ. Т. V. 1961. С. 117–161.

Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // ПИДО. 1935. 1–2. С. 168–176.

Сосновский Г.П. О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. Л.: Наука, 1933. № 7–8. С. 34–41.

Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине реки Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. Вып. XIV. 1947. С. 35–39.

Сосновский Г.П. Раскопки Ильмовой пади // СА. VIII. 1946. С. 51–68.

Спицын В.А. Эффективность применения анализа некоторых биохимических маркёров для дифференциации популяций Восточной Азии (Китай и сопредельные территории) // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 202–207.

Староский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124. 1964. С. 121–181.

Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии) / Сер. Культура народов Востока. М.: Наука, 1998. 214 с.

Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4: Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М.: Наука, 1984. С. 19–38.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982. С. 144–237.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // ТИЭ. Нов. сер. Т. LXXIII. М., 1961. С. 47–80.

Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипиль цзи» // Изв. АН Кирг. ССР. Серия общественных наук. Т. 1. Вып. 1. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. С. 67–81.

Супруненко Г.П. Из истории взаимоотношений танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 59–64.

Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. 305 с.

Сьма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. II / пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Под общ. ред. Р.В. Вяткина. М.: Наука, 1975. 579 с.

Сьма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. VI. / пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1992. 486 с.

Сьма Цянь. Исторические записки: В 9 т. / пер. с кит. Р.В. Вяткина и Н.С. Таскина. М.: Наука, 1972–2010.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 65–85.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы по палеэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. III. 2 и 3. 1902. С. 9–37.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // ТКОПОРГО. Т. I. Вып. 2. Иркутск, 1899.

Тенишев Э.Р. Еще раз о происхождении лобнорцев / VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. С. 7–8.

Теплоухов С.А. Металлический период // Сиб. Сов. Энциклопедия. 1932. Т. 3. С. 400–415.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.

Тереножкин А.И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 204–215.

Тереножкин А.И. Согд и Чач. Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 28 апреля 1948 г. // КСИИМК. Вып. 33. 1950. С. 152–169.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. Мифологические животные древнего Китая. СПб.: Формат, 2004. 224 с.

Терентьев-Катанский А.П. Материальная культура Си Ся: По данным тангутской лексики и иконографическому материалу (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). М.: Наука, 1993. 231 с.

Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА. 1959. № 3. С. 28–47.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Наука, 1994. 150 с.

Тимолянова Н.А. Изображения пещерного храма Чалалуфу (Тибет) // Западная и Южная Сибирь в древности: Сборник, посвящ. 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 204–107.

Тихонов И.П. Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // Сообщения ГАИМК. Т. 1. 1931. С. 17–19.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлуоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 111–115.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Металлические зеркала в коллекциях Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 100–103.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как показатели археологических культур Алтая поздней древности и средневековья (хронология и этнокультурные контакты) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2009. С. 224–231.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., Тишкина Т.В. Раннесредневековые металлические украшения конского снаряжения из коллекции Н.С. Гуляева // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 333–335.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука. 2011. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала раннего средневековья как источник для реконструкции этнокультурного взаимодействия на Алтае // Форум «Идель–Алтай». Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 71–73.

Толмачев В.Я. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1929. № 6. С. 43–48.

Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 78 с.

Трифонов Ю.И. Работы на могильнике Аргалыкты // Археологические открытия 1965 г. М., 1966. С. 25–27.

Труды XII Археологического съезда / Под ред. графини П.С. Уваровой. М., 1905.

Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-изана. М.: Наука, 1991. 592 с.

Турбат Ц., Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Предметы воинского и конского снаряжения хуннов Северной Монголии // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. № 12. С. 84–92.

Турбат Ц., Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Этнокультурная специфика оружия и воинского снаряжения северных хуннов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 282–283.

У Энь. Древние украшения в зверином стиле северного Китая // КГСБ. 1981. № 1. С. 45–61.

У Энь, Чжун Кань, Ли Йзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 88–101.

Усманов И.С. О писателях и поэтах Китая – выходцах из стран Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии // XX науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 2. М.: Наука, 1989. С. 246.

Усманова З.И. Эрк-кала // ТЮТАКЭ. Т. XII. 1968. С. 20–94.

Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань: Мастер Лайн, 2000. 188 с.

Федорович Е.Ф. Исследования древних тканей из раскопок ЮТАКЭ в старом Мерве // ТЮТАКЭ. Т. XIV. 1969. С. 56–62.

Федосеева С.А. Неолит Северо-Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 47–52.

Филппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 100–108.

Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. 543 с.

Фишман О.Л. Китай и Европа XVII–XVIII вв. // История, культура, языки народов Востока. М.: Наука, 1970.

Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана / Транскр., пер., примеч. и указ. Л.Ю. Тугушевой. М.: Наука, 1980. 179 с.

Фридман М.А. Путешествие Марко Поло: между вымыслом и реальностью // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. М., 2006. С. 168–173.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–70.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Халдеева Н.И. Буряты, хакасы, Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 187–211.

Хао Сьдэ, Лю Сяодун. Палеолитические памятники района Большого Хингана в провинции Хэйлунцзян // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 56–61.

Харнский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 173–202.

Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск; Владивосток: типография акционерного общества «Книжное дело», 1927. 498 с.

Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Наука СО, 2000. С. 189–195.

Хаятина М.С. Природа и этика «дружбы» в Древнем Китае эпохи Западного Чжоу (XI – VIII вв. до н. э.). URL:

http://www.members.tripod.com/~etor_best/patheast.html

Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 512 с.

Хитъ Г.Л. Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматоглифический аспекты) // РН. Вып. 5. 1975. С. 70–94.

Хлобыстина М.Д. К изучению минусинских культовых древностей // СА. 1970. № 3. С. 186–193.

Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 336 с.

Холушкин Ю.П. Палеолит Енисейской долины (предварительные результаты информационного анализа) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 52–55.

Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2007. 480 с.

Худяков Ю.С. Актуальные проблемы изучения взаимодействия этносов и культур Евразии в древности и средневековье // Восток. 2005. № 3. С. 139–141.

Худяков Ю.С. Археологические коллекции в музеях северного Китая (по материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь») // ЗВОРАО. Новая серия. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 401–421.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006. 130 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1985. 31 с.

Худяков Ю.С. Боевые колесницы в южной Сибири и Центральной Азии // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 139–141.

Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала из курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 94–102.

Худяков Ю.С. Взаимодействие городов и кочевого населения Тянь-Шаня в эпоху раннего средневековья // Ош и древности Южного Кыргызстана. Бишкек: Мурас, 2000. Вып. 5. С. 59–60.

Худяков Ю.С. Влияние сяньби на культуры номадов Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 99–101.

Худяков Ю.С. Влияние хуннов и сяньби на этнокультурогенез кочевых народов Саяно-Алтая // Алтай – Россия: через века в будущее. Т. I. Материалы научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 68–73.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов во II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в период господства сяньбийской державы // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 216–225.

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Матер. конф. к 70-летию А.Д. Грача.). СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 215–219.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. 202 с.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Вып. 3. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. С. 135–143.

Худяков Ю.С. Изображения воинов на петроглифах Синьцзяна // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КГУ, 1995. С. 109–113.

Худяков Ю.С. Изображения оружия на петроглифах скифского и хуннского времени в Минусинской котловине как хронологический индикатор // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. С. 263–266.

Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Документы. Исследования. Материалы. Бишкек: ГПТ КГУ им. И. Арабаева, 2003. С. 134–139.

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. 119 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Каменные изваяния и оленные камни Восточного Туркестана: (по новым материалам) // История и культура Востока Азии. Т. 2. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 171–178.

Худяков Ю.С. Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 156 с.

Худяков Ю.С. О проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху раннего средневековья // Сибирь на перекрестке мировых религий: Матер. межрегион. науч.-практ. Конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 178–180.

Худяков Ю.С. Оружие и военная техника древних и средневековых народов Евразии // Восток. 2006. № 2. С. 160–166.

Худяков Ю.С. Оружие из «железа небесного дождя» // Восточная коллекция. 2003. № 4. С. 34–39.

Худяков Ю.С. Роль Великого Шелкового пути в развитии торговых и культурных связей енисейских кыргызов со странами Среднего и Дальнего Востока // Диалог цивилизаций. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути. Бишкек: Илим, 2003. Вып. II. С. 100–101.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 156 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Особенности этнокультурогенеза кочевников Восточного Туркестана в древности и средневековье // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул: Азбука, 2003. С. 314–321.

Худяков Ю.С., Сальникова И.В. Электронный каталог предметов искусства средневековых тюрков Северной Евразии // Исторические источники евроазиатских и североафриканских цивилизаций. Компьютерные подходы. М.: Изд-во ИВ РАН, 2001. С. 37.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Керамическая посуда культуры сяньби // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. С. 138–142.

Худяков Ю.С. Изображения воинов на петроглифах Синьцзяна // Древнее искусство Азии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 109–114.

Центральная Азия и соседние территории в средние века / ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. 116 с.

Центральная Азия и Тибет. История и культура Востока Азии: Матер. конф. Новосибирск: Наука СО, 1972. 176 с.

Цыбиктаров А.Д. Гобийская культура Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 89–103.

Цянь Вэй-Чжан. Китайские научные изобретения. Пекин, 1953 / Аннотация на русском языке // СВ. 1955. № 6. С. 161.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 382 с.

Чебоксаров Н.Н. Антропологический состав населения современного Китая в палеолите, мезолите и неолите // Ранняя история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 74–97.

Чебоксаров Н.Н. Данные антропологии в разработке проблем происхождения и этнической истории тюркских народов // Тезисы докладов Всесоюз. тюркологич. конф.). Алма-Ата, 1976. С. 4–39.

Чебоксаров Н.Н. Дунганская экспедиция // КСИЭ. Вып. III. 1947. 24–34.

Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного Улуса // АЖ. 1935. № 1. С. 21–62.

Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ. Новая серия. 1947. Т. II. С. 24–83.

Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. Нов. сер. М., 1951. Т. XVI. С. 291–322.

Чебоксаров Н.Н. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии / VII МКАЭН. М., 1964. 4 с.

Чебоксаров Н.Н. Северные китайцы и их соседи // КСИЭ. Вып. 5. 1949. С. 23–40.

Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982. 301 с.

Чебоксаров Н.Н. Южноазиатская историко-этнографическая провинция // Этнические процессы в Южной Азии. М., 1976. С. 109–111.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971. 272 с.

Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. Вып. 2. М.: Наука, 1981. С. 162–201.

Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. Т. VII. С. 480–484.

Черемисин Л.В., Борисова О.В. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 129–134.

Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976. 298 с.

Чжан Яцин. Керамика завершающих этапов неолита провинции Шаньдун // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 17–29.

Чжан Яцин. Керамика неолитических культур Восточного Китая. (История и культура востока Азии). Новосибирск: Наука СО, 1984. 108 с.

Чжан Яцин. Неолитическая керамика бассейна среднего течения Янцзы // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука СО, 1985. С. 41–55.

Чжао Хун Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») // Памятники письменности Востока / Пер. с кит., пред., введ., коммент., прил. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 282 с.

Чжун Сук-Бэ. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Краснодар, 1998. С. 23–27.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 110–137.

Чжун Сук-Бэ. Проблема взаимоотношений племен Северного Китая с племенами Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (на основе сравнительного изучения кинжалов и ножей): Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1998. 21 с.

Чжэн Шаоцзун. Сообщение об открытии бронз северного стиля в Сяохэнань уезда Синлун провинции Хэбэй // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 106–108.

Чигринский М.Ф. Китайские источники о первых контактах Китая с европейцами в XVI–XVII вв. // XI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Вып. II. М., 1980.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.

Членова Н.Л. Значение находок бронзовых шлемов и медалевидного зеркала из Монголии // РА. 2000. № 2. С. 149–155.

Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб., 1993. С. 49–75.

Членова Н.Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири // Вопросы истории Сибири и дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 279–283.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 247 с.

Чугуевский Л.Н. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ. Вып. X. 1971. С. 147–156.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–37.

Чугунов К.В. Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий. Ч. 1. Кызыл: Аныяк, 2009. С. 48–52.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60.

Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 142–149.

Чуланов Ю.Г. Некоторые новые памятники Северной Ферганы // СА. 1967. № 2. С. 245–259.

Шавкунов Э.В. Кононенко Н.А. Бронзовые зеркала у чжурчжэней: к технологии обработки // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 5–9.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Шелковый Путь, 2007.

Шараф Чимиддуламын. Групповые свойства крови у монголов. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1970. 23 с.

Шафрановская Т.К. Сокровища Кунсткамеры (по рисункам художников XVIII в.) // СЭ. 1965. № 2. С. 147–156.

Шелковый Путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2007. 199 с.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 218–229.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диких животных в империи Тан / пер. с англ. Е.В. Зеймаля и Е.И. Лубо-Лесниченко / Сер. Культура народов Востока. М.: Наука, 1981. 608 с.

Шибин В-Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири // ИВСОРГО. Т. 51. 1926.

Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М.: Наука, 1980. 405 с.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 135–139.

Шульга П.И. Особенности этнокультурных процессов на территории Синьцзяна (Китай) в VIII–III вв. до н.э. // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. С. 407–408.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // ВДИ. 1960. № 2. С. 139–141.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. С. 175–181.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3. Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 43–63.

Этнографические экспедиции Гос. Русского музея 1924 и 1925 гг. Л.: Изд-во Русского музея, 1926. 101 с.

Юзефович А.Н. Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор // Сб. МАЭ. Т. X. Л., 1949.

Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / перев. с англ. О.А. Федченко и Н.В. Ханькова // ИРГО. СПб.: Изд. ИРГО, 1873. Т. VI.

Ядринцев Н.М. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях // Труды археологического съезда. VIII. Т. IV. М.: Товарищество: типография А.И. Мамонтова, 1897.

Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX–X веках // Тр. Отдела Востока [Государственного Эрмитажа]. Т. IV. Л.: Изд-во ГЭ, 1947. С. 423–443.

Яценко С.А. Мужской костюм ранних тюрков в китайском искусстве 6–7 вв.: образы «Иных» // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. С. 315–342.

Научное издание

Баринаова Елена Борисовна

**Этнокультурные контакты Китая
с народами Центральной Азии
в древности и средневековье**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: *Е.Б. Баринаова*
Редактор: *Л.Т. Соловьева*
Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 2.04.2013
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. л. 24,9
Тираж 150 экз. Заказ № 6

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а